ВЛ. БУРЦЕВЪ.

БОРЬБА ЗА СВОБОДНУЮ РОССІЮ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1882-1924 г. г.)

Томъ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГАМАЮНЪ“ / БЕРЛИНЪ.
1 9 2 4

Типографія
Цанъ & Бэндель
Кирхгайнъ Н.-Л. (Германія).

ВЛ. БУРЦЕВЪ.

БОРЬБА ЗА СВОБОДНУЮ РОССІЮ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1882-1922 г. г.)

Томъ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГАМАЮНЪ" / БЕРЛИНЪ.

1 9 2 3

Посвящается

тѣмъ, кто придетъ на смѣну намъ.

АВТОРЪ.

Печатано:
Въ типографіи Цанъ & Бэндель
Кирххайнъ Н.-Л. (Германія).

ОТЪ АВТОРА.

„Въ іюлѣ 1888 г. я бѣжалъ изъ Сибири. Нелегально благополучно черезъ всю Россію пробрался заграницу. Осенью того же года я былъ уже въ Женевѣ и сталъ тамъ издавать „Свободную Россію“.

Съ этихъ поръ и начинается моя отвѣтственная революціонная борьба“.

Такъ начинались мои воспоминанія, и я совершенно не имѣлъ въ виду разсказывать того, что было въ моей жизни до этой моей первой эмиграціи.

Но нѣкоторыя обстоятельства въ настоящее время заставляютъ меня включить въ мои воспоминанія нѣсколько страницъ изъ болѣе ранняго періода моей жизни.

До 1888 г., когда я пріѣхалъ заграницу, — мнѣ было тогда лѣтъ двадцать пять-шесть, — я успѣлъ ужъ побывать два раза въ тюрьмѣ. Во второй разъ я просидѣлъ около трехъ лѣтъ и затѣмъ меня сослали въ Восточную Сибирь. Словомъ къ этому времени я продѣлалъ весь стажъ, обычный для революціонера того времени.

Конечно, и за эти годы много было мною пережито, быть можетъ даже съ такой интенсивностью молодости, съ какой впослѣдствіи не переживалось ничто другое. Но во всемъ этомъ я былъ болѣе свидѣтелемъ, чѣмъ отвѣтственнымъ лицомъ. Это обстоятельство и позволяетъ мнѣ долго не останавливаться на этомъ періодѣ моей жизни.

Но, повторяю, отвѣтственное мое участіе въ революціонной борьбѣ начинается только, главнымъ образомъ, со времени моего пріѣзда въ Женеву, съ основанія газеты „Свободная Россія“. Съ этого времени я и считаю себя обязаннымъ дать о своей дѣятельности отчетъ въ литературѣ — и моимъ друзьямъ, и моимъ врагамъ.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось принимать отвѣтственную роль во многихъ другихъ крупныхъ революціонныхъ и общественныхъ событіяхъ.

Обращу вниманіе читателей на нѣкоторыя особенности въ моихъ воспоминаніяхъ.

Въ нихъ я останавливаюсь на разсказахъ не вообще о событіяхъ, которыхъ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ бы они ни были интересны и какое бы они ни имѣли большое общественное значеніе, а исключительно только о тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ я лично принималъ отвѣтственное участіе. О другихъ же событіяхъ я только упоминаю постолько, посколько это нужно, чтобы сохранить нить разсказа.

На выборѣ темъ въ моихъ воспоминаніяхъ опредѣленнымъ образомъ сказался характеръ моей дѣятельности.

Моя политическая жизнь прошла не на общественныхъ собраніяхъ, не на улицѣ, не въ партійныхъ засѣданіяхъ и не въ междупартійныхъ переговорахъ. Лично я почти никогда не входилъ ни въ какія политическія организаціи и очень рѣдко дѣлалъ какія-нибудь публичныя выступленія. Я — человѣкъ кабинета, литераторъ и журналистъ. Моя жизнь была связана главнымъ образомъ съ борьбой за созданіе газетъ и журналовъ. Ея сущность заключалась въ журнальной дѣятельности. Это было такъ даже и тогда, когда я былъ занятъ борьбой съ провокаторами. Поэтому-то въ своихъ воспоминаніяхъ я и вынужденъ такъ много удѣлять мѣста судьбѣ моихъ изданій.

Въ своей многолѣтней журнальной дѣятельности я никогда не писалъ анонимныхъ статей и никогда не выступалъ подъ псевдонимами. Во всемъ томъ, что я дѣлалъ, я всегда бралъ на себя полную отвѣтственность и никогда не перелагалъ ее ни на партіи, ни на другихъ лицъ.

Дурно все это или хорошо — это другой вопросъ. Но такъ сложилась моя жизнь, или вѣрнѣе сказать, я такъ ее самъ сознательно устраивалъ.

Это лучше всего можетъ объяснить и выборъ темъ въ моихъ воспоминаніяхъ и то, что въ нихъ я такъ часто говорю — *я,* а не *мы.*

Мои воспоминанія вышли такими, а не иными, потому что они для меня являются одновременно — и разсказомъ о быломъ, и отчетомъ о моей дѣятельности: и общественному мнѣнію, и моимъ друзьямъ, и моимъ врагамъ, — всѣмъ, кто мнѣ вѣрилъ и кто со мной боролся.

Я имѣлъ въ виду написать книгу именно такого рода, а не иную, и скажу — почему.

Свои воспоминанія я посвящаю тѣмъ, кто придетъ на смѣну намъ, кто будетъ продолжать нашу борьбу и кто на свою жизнь захочетъ посмотрѣть такъ же, какъ на борьбу, какъ на нее всегда смотрѣлъ я. Съ ними мнѣ есть о чемъ поговорить даже тогда, когда они со мню будутъ кореннымъ образомъ несогласны.

Я хочу, чтобы они познакомились съ моимъ опытомъ.

Мнѣ приходилось — опять-таки: хорошо я это дѣлалъ или дурно, объ этомъ каждый пусть судитъ по своему — много разъ дѣятельно вмѣшиваться въ русскую общественную жизнь и мнѣ есть о чемъ вспомнить изъ пережитаго.

Отмѣчу здѣсь, какъ величайшее счастье въ моей политической дѣятельности, еще одну особенность моихъ воспоминаній: въ нихъ отъ первыхъ и до послѣднихъ страницъ идетъ разсказъ о защитѣ одного и того же и о борьбѣ съ съ однимъ и тѣмъ же. Вспоминая всю свою жизнь, я вижу, что мнѣ нечего отказываться отъ того, что раньше я признавалъ, и нечего признавать, отъ чего я раньше отказывался.

За всю мою дѣятельность я ни разу не смѣнилъ вѣхъ, и въ настоящее время я живу съ той же самой вѣрой въ Россію и въ идеи свободы, права и демократіи, съ какими тридцать пять лѣтъ тому назадъ я начиналъ свою отвѣтственную политическую дѣятельность въ „Свободной Россіи".

Все этомъ цѣликомъ было мною положено и въ основу издававшагося мной въ недавніе годы „Общаго Дѣла“.

Я хотѣлъ бы, чтобы мои читатели поняли, что мои воспоминанія для меня — моя исповѣдь и въ то же самое время больше, чѣмъ исповѣдь: они — моя вѣра и мои убѣжденія.

Вл. Бурцевъ.

Парижъ, августъ 1923 г.

Глава I.

Въ Москвѣ. — Въ Успенскомъ соборѣ. — Гвоздь, которымъ былъ распятъ Христосъ. — Снова въ Успенскомъ соборѣ черезъ сорокъ лѣтъ.

Свое дѣтство и первую юность, въ 1868-1878 гг., — родился я въ 1862 г. — я провелъ въ небольшомъ городкѣ Бирскѣ, Уфимской губ., въ семьѣ моего дяди, довольно зажиточнаго купца. Его семья была глубоко вѣрующая и очень богомольная. Нечего говорить, что она была въ то же время и вполнѣ благонамѣренная и безпрекословно повиновалась всему тому, что требовало отъ нея начальство. Да и вообще въ то время въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ нашъ далекій захолустный Бирскъ, ни о чемъ революціонномъ не было и слышно.

Глубоко религіозное настроеніе семьи, въ которой я жилъ, цѣликомъ отразилось и на мнѣ. Въ дѣтствѣ я много молился, прикладывался къ иконамъ, ставилъ свѣчи, ходилъ въ церковь, особенно часто посѣщалъ мѣстный монастырь, и самъ мечталъ о монашествѣ и т. д. Это были, конечно, только легкія дѣтскія грезы, отражавшія лишь то, что вокругъ меня говорили старшіе. Тѣмъ не менѣе это цѣликомъ захватило и мой умъ и всѣ мои дѣтскія мечты и составляло сущность моей тогдашней духовной жизни. Безъ новыхъ сильныхъ впечатлѣній со стороны это мое настроеніе легко могло перейти у меня въ привычку, сдѣлаться прочнымъ убѣжденіемъ или даже перейти въ фанатизмъ, какъ это случалось съ другими близкими для меня въ дѣтствѣ людьми.

Но въ этой провинціальной темнотѣ у отзывчивыхъ людей, даже много поживших, иногда происходила ломка

во взглядахъ, и они безъ особаго труда отъ многаго отказывались, когда сталкивались со свѣжимъ воздухомъ или на нихъ воздѣйствовали новыя событія. Особенно прочныхъ корней ихъ традиціи не имѣли. Того, во что вѣрили, придерживались больше по привычкѣ, а не потому, что исповѣдуемые взгляды были ими выкованы и провѣрены въ борьбѣ. Многое у нихъ держалось на ногахъ только потому, что еще никто не пришелъ и не толкнулъ того, что давно сгнило и еле-еле держалось.

Мнѣ было лѣтъ 14, когда во время лѣтнихъ каникулъ изъ нашего городка нѣсколько человѣкъ поѣхали въ Москву на богомолье. Ѣхали все женщины. Къ нимъ присоединилась моя тетя. Она съ собой захватила и меня, подростка.

Мое тогдашнее религіозное настроеніе ничѣмъ существенно не отличалось отъ настроенія всѣхъ ѣхавшихъ съ нами богомолокъ — спутницъ. Въ Москвѣ мы пробыли дней десять, я ни въ чемъ не отставалъ отъ нихъ. Съ утра до вечера ходили мы по церквамъ, служили молебны передъ чудотворными иконами, прикладывались къ мощамъ, ставили свѣчи, клали поклоны. Дѣлали это всѣ вмѣстѣ. Съѣздили также въ Сергіевскую Лавру, — она находится недалеко отъ Москвы. Въ какихъ только церквахъ мы не перебывали въ Москвѣ. Какихъ только чудотворныхъ иконъ мы не перевидали, къ какимъ только мощамъ не прикладывались, чего только мы не наслушались отъ монаховъ, когда они говорили о христіанствѣ первыхъ вѣковъ, о русской старинѣ, о происходившихъ вокругъ нихъ на ихъ глазахъ чудесахъ, о мощахъ Димитрія! Они показывали намъ куски креста, на которомъ былъ распятъ Христосъ, его хитонъ, вышитый его матерью и т. д.

Часто мои спутницы еще спали или отдыхали отъ усталости, а я одинъ старался еще сбѣгать въ какую-нибудь новую церковь, о которой я вычитывалъ изъ путеводителей по Москвѣ, или повидать какую-нибудь новую лишнюю икону, какую я боялся пропустить. Возвращаясь поздно вечеромъ къ себѣ въ номеръ, я горячо молился и былъ

счастливъ, что за день приходилось видѣть такъ много святынь, о которыхъ я раньше только мечталъ.

Во время этихъ моихъ пилигримствъ была одна минута, которая особенно и тогда мнѣ врѣзалась въ память, а впослѣдствіи сыграла въ моей жизни огромную роль.

Мы какъ-то зашли въ Успенскій соборъ. Прикладывались къ иконѣ Божей Матери, нарисованной Апостоломъ Лукой на томъ самомъ столѣ, на которомъ обѣдалъ Христосъ со своей матерью, къ мощамъ царевича Дмитрія, къ другимъ мощамъ и т. д. За все это платили по 5, по 10 копѣекъ. Много я тогда перевидалъ въ этомъ соборѣ и, дѣйствительно, подлинной драгоцѣннѣйшей русской старины, которая, какъ живой свидѣтель, говоритъ о русской исторіи XV, XVI и XVII вѣковъ, объ Иванѣ Грозномъ, Михаилѣ Федоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ и др. Много было связано съ событіями и новѣйшей русской исторіи и съ именами русскихъ царей послѣднихъ двухъ столѣтій — и Петра I, и Александра I, и Александра II, который тогда царствовалъ. Но все это, впрочемъ, только скользило по мнѣ и не это приковывало къ себѣ мое вниманіе.

Но вотъ въ одномъ изъ церковныхъ придѣловъ намъ дали приложиться къ . . . гвоздю, которымъ былъ распятъ Христосъ! Я и теперь, спустя сорокъ лѣтъ, какъ сейчасъ вижу этотъ желѣзный, болѣе четверти, гвоздь и на немъ запекшую кровь Христа... Намъ дали приложиться къ нему.

Надо ли говорить, какое подавляющее впечатлѣніе произвело на меня то, что я, русскій юноша, пріѣхавшій изъ какого-то городка Бирска, теперь, чуть ли не черезъ 2000 лѣтъ, прикладываюсь къ тому самому гвоздю, которымъ былъ распятъ на крестѣ Христосъ? Я видѣлъ Его кровь! Я чувствовалъ, что меня охватило сознаніе такого счастья, которому не было границъ . . . Я почувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то безграничной гордости. . . Я былъ потрясенъ и вышелъ изъ Успенскаго собора совсѣмъ инымъ отъ счастья человѣкомъ . . . Но я хорошо помню, что тогда-же гдѣ-то, въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ моей души, что-то какъ будто треснуло . . . Это я почувствовалъ только смутно на одну минуту, но отдать себѣ от-

четъ, что именно я почувствовалъ, я тогда не могъ. Я чувствовалъ только, что что-то очень больно рѣзнуло меня, но это тотчасъ же испарилось изъ моего сознанія и не оставило по себѣ въ моемъ умѣ ничего сколько-нибудь яснаго и совсѣмъ ничего формулированнаго.

Впослѣдствіи и дома у себя въ Бирскѣ, и въ гимназическомъ пансіонѣ въ Уфѣ я цѣлые мѣсяца жилъ воспоминаніями о нашемъ пилигримствѣ въ Москву. Но къ чему я больше всего любилъ возвращаться въ своихъ разсказахъ о моемъ первомъ путешествіи и о чемъ болѣе всего любилъ мечтать, когда оставался одинъ, такъ это было именно о гвоздѣ, которымъ былъ распятъ Христосъ, — видѣннымъ мною въ Москвѣ.

Однажды, когда эти воспоминанія особенно сильно овладѣли мной и я находился въ какомъ-то особенномъ мечтательномъ, религіозномъ состояніи и съ безконечнымъ счастьемъ и гордостью, по дѣтски, снова переживалъ эти воспоминанія, я смутно почувствовалъ, что я будто съ кѣмъ-то изъ-за чего-то борюсь... Мной овладѣла мучительная тревога... Я почувствовалъ, что у меня неожиданно на лбу выступаетъ холодный потъ и что я нахожусь гдѣ-то въ пропасти — раздавленный, обманутый...

Незадолго передъ тѣмъ я въ качествѣ больного провелъ нѣсколько дней въ гимназической больницѣ. Я былъ тамъ одинъ и могъ сколько угодно читать и мечтать, — никто мнѣ не мѣшалъ. Цѣлыми ночами, съ зажженной свѣчей, просиживалъ я надъ книгами.

Меня тогда особенно увлекали блестящія статьи Писарева — о романѣ Тургенева „Отцы и дѣти." и книжка Дрепера по исторіи католицизма въ Европѣ. Писаревъ далъ горячо написанный апофеозъ Базарова и съ восторгомъ говорилъ объ его умѣніи критически относиться ко всему и объ его отрицаніи всякого рода предразсудковъ, которыми такъ богата была тогдашняя русская жизнь.

Въ книжкѣ Дрепера я прочиталъ увлекательныя страницы о католицизмѣ и объ его эксплутаціи народныхъ суевѣрій. Однѣ страницы этой книжки, гдѣ Дреперъ говорилъ о католицизмѣ, меня приводили въ восторгъ, другія во мнѣ,

страстно вѣровавшемъ, возбуждали бурный, хотя и безсильный протестъ противъ его невѣрія. Но этотъ протестъ, казалось, уже въ тотъ самый моментъ, когда возникалъ, былъ осужденъ во мнѣ самомъ.

Когда я читалъ Писарева и Дрепера, они не только не побѣдили во мнѣ мои мечты о гвоздѣ Христа, но, мнѣ казалось, онъ-то и заставляетъ меня чувствовать, что оба они — и Писаревъ и Дреперъ — глубоко, печально, ужасно для нихъ самихъ ошибаются. Обоихъ ихъ я полюбилъ, и привязался къ нимъ за то, что я у нихъ прочиталъ. Но мнѣ было больно за нихъ, за ихъ безвѣріе.

Вскорѣ послѣ того, какъ я вышелъ изъ больницы, я съ особымъ благоговѣніемъ говѣлъ на седьмой недѣлѣ поста, исповѣдывался, причащался, а потомъ переживалъ всѣ тѣ радости, которыя переживаютъ вѣрующіе въ дни Пасхи. Свободный отъ занятій, я гулялъ въ окрестностяхъ города, жилъ беззаботной, счастливой юношеской жизнью, мечталъ, грезилъ на яву, рисовалъ себѣ самыя яркія картины будущей своеї жизни, вспоминалъ то, что для меня было особенно дорого въ жизни. Конечно, не разъ вспоминалъ и о томъ счастьи, котораго я удостоился въ Успенскомъ соборѣ и что составляло съ тѣхъ поръ мою гордость, чего о себѣ не могъ сказать ни одинъ изъ моихъ молодыхъ друзей.

И вотъ, теперь, неожиданно для себя, когда я только что съ такимъ благоговѣніемъ вспоминалъ во всѣхъ деталяхъ о своемъ пилигримствѣ въ Москву, я почувствовалъ въ себѣ какой-то глубокій переломъ. Въ тотъ моментъ я даже для себя самого не могъ бы сформулировать всего того, что клокотало въ моей молодой душѣ. Но я сознавалъ, что уже болѣе не могу отмахнуться отъ тоі мысли, которая, несомнѣнно, давно, время отъ времени настойчиво преслѣдовала меня, и отъ которой я такъ часто просто напросто убѣгалъ. . . До сихъ поръ ни на одну минуту не могли на ней остановить меня ни Писаревъ, ни Дреперъ. . . Я почувствовалъ, что въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ меня обманули, надо мной насмѣялись и то, что мнѣ выдавали за гвоздь Христа, былъ просто на-

просто самый обыкновенный гвоздь, какихъ мы можемъ сколько угодно найти всюду, что кровь на этомъ гвоздѣ, — если только это была кровь — была чья угодно, но только не кровь Христа, что „они“ знаютъ, что они мнѣ лгали, лгали, слѣдовательно, сознательно, что это имъ надо было для корысти или для чего-то еще болѣе худшаго . . .

Мое горе не было для меня моимъ личнымъ горемъ. . . Обманъ меня — былъ обманъ не только лично меня. . . Я понялъ, что и Писаревъ, и Дреперъ правы, и неправъ былъ я, когда отбивался отъ нихъ. То, что передъ тѣмъ я читалъ Писарева и Дрепера, все это теперь мнѣ представилось въ иномъ свѣтѣ. Оба они стали для меня еще ближе, еще понятнѣе и дороже.

Прошло два-три дня, когда буря, поднявшаяся во мнѣ, постепенно улеглась въ опредѣленную форму. Съ тѣхъ поръ у меня появилось что-то новое, и въ это новое я повѣрилъ такъ же, какъ раньше вѣрилъ въ гвоздь Христа.

Съ этимъ новымъ я и началъ свою новую жизнь.

Лѣтомъ того же года, пріѣхавши изъ гимназіи на каникулы въ Бирскъ, я снова встрѣтилъ тамъ своихъ богомольныхъ старушекъ. Онѣ замѣтили во мнѣ перемѣну. Имъ было очень больно, что я уже не молился. Онѣ упрашивали меня молиться. Чтобы успокоить ихъ, я вначалѣ снова принимался молиться. Крестился, клалъ поклоны, повторялъ затверженныя молитвы, но душа моя далеко была отъ всего этого. Скоро, не вѣря, я не могъ больше молиться — даже для успокоенія своихъ родныхъ, которыхъ я любилъ, и которые меня любили безконечно. Для нихъ это было тяжело, но они болѣе не настаивали на своемъ. Не знаю, что происходило въ тайникахъ ихъ души, когда они иногда слышали отдѣльныя, случайно вырывавшіяся у меня слова протеста. . . Они, конечно, понимали, что это были стоны оскорбленнаго человѣка и во мнѣ говорилъ голосъ взбунтовавшагося сердца. Они приходили въ ужасъ отъ моихъ словъ. Отбивались отъ нихъ, какъ могли. Возмущались отъ одной мысли, что въ Успенскомъ соборѣ находился не тотъ гвоздь, которымъ былъ распятъ Христосъ. Для нихъ мои слова были бредомъ.

Были ли, однако, и эти богомольныя старушки въ самой глубинѣ своей души также непоколебимо увѣрены, что мои слова — бредъ и дьявольское навожденіе, какъ объ этомъ онѣ повторяли не разъ? Мнѣ казалось, что и у нихъ самихъ что-то дрогнуло въ душѣ. Иначе онѣ не возмущались бы такъ громко моей ересью и такъ охотно не прекращали бы наши споры, разъ они были начаты, и такъ старательно не избѣгали бы въ другіе разы разговоры о гвоздѣ Христа. Какъ бы съ обшаго молчаливаго согласія мы стали говорить очень рѣдко на эту тему, — а вскорѣ — совсѣмъ прекратили.

Въ то же самое время и до нашихъ глухихъ палестинъ стали доходить смутные слухи объ арестахъ соціалистовъ гдѣ-то въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а, слѣдовательно, и объ ихъ существованіи. Произошли аресты даже и въ нашей Уфимской губерніи. Затѣмъ прогремѣли выстрѣлы террористовъ, между прочимъ, выстрѣлъ Засуличъ. Газетные отчеты о процессахъ террористовъ читались всѣми въ засосъ. Эти слухи и эти выстрѣлы и, по большей части, крайне ругательныя статьи противъ соціалистовъ въ подцензурной прессѣ поселили въ моей молодой душѣ тревогу и поставили передо мной новыя общественныя задачи. Все это заставило подвергнуть пересмотру полученную мной изъ нашей семьи вѣру въ царя и въ его правительство. Вѣра въ царя и во все, что съ нимъ было связано, пока была у меня столь же непоколебима, какъ вначалѣ была и вѣра въ гвоздь Христа, — и я вторилъ о революціонерахъ тому, что говорилось въ нашей семьѣ.

Но вотъ прошелъ годъ, два. Послѣ того крушенія, которое испыталъ у меня московскій гвоздь, такое же крушеніе потерпѣли у меня и царь съ его правительствомъ.

Это еще болѣе смутило не только моихъ родныхъ, но и большинство нашихъ знакомыхъ и весь небольшой муравейникъ нашего небольшого провинціальнаго городка. У меня, тогдашняго юноши, чуткаго мальчика, еще не успѣвшаго кончить курсъ гимназіи, получилась репутація „невѣрующаго", „соціалиста," „революціонера". На меня начали смотрѣть съ изумленіемъ, любопытствомъ, съ зави-

стью и, если хотите, съ тайнымъ одобреніемъ, какъ на смѣльчака и новатора, но въ то же самое время и съ опаской.

Родные еще сильнѣе, чѣмъ прежде, полюбили меня, хотя ясно сознавали, что имъ уже не засыпать образовавшуюся между нами пропасть, что мы навсегда люди чуждые и въ религіи, и въ политикѣ. Душа у нихъ болѣла за меня и они чувствовали, что впереди у меня неизбѣжны и тюрьма, и ссылка. Боялись они и чего-то другого, еще болѣе худшаго, какъ боялись тогда повсюду въ Россіи во многихъ семьяхъ за своихъ сыновей и дочерей . . . „Хотя бы скорѣе арестовали мою Вѣрочку", — говорила одна замѣчательная мать про свою дочь: она боялась, что ея дочь, арестованная позднѣе по какому-нибудь болѣе серьезному дѣлу, поплатилась бы не только тюрьмой. Что то такое я уловилъ и въ голосѣ моихъ родныхъ, хотя ни о какой революціи въ нашихъ краяхъ не было еще и помину. Были только смутные признаки, что кое-гдѣ начинался протестъ противъ того, что считалось незыблимо установленнымъ.

Та трагедія, которая разыгралась въ нашемъ далекомъ Бирскѣ въ нашей семьѣ вокругъ меня, происходила тогда повсюду во всей Россіи. . .

Старая Россія умирала. Нарождалась новая Россія. . .

Проходили годы и годы. Чего только не пришлось мнѣ видѣть на своемъ вѣку, чего только не пришлось пережить, но мои тяжелыя воспоминанія о пережитомъ мною въ связи съ гвоздемъ Христа не сглаживались у меня, и я никогда не былъ въ состояніи отдѣлаться отъ нихъ. Къ нимъ я постоянно возвращался всю мою послѣдующую жизнь. Временами мнѣ казалось, что никто никогда въ моей жизни такъ ужасно не насмѣялся надо мной, какъ насмѣялись тогда, когда четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ я съ такимъ наивнымъ довѣріемъ пришелъ къ „нимъ" въ Успенскій соборъ.

Въ 1915 г. я былъ возвращенъ изъ ссылки въ далекой Сибири. Мнѣ было разрѣшено пробыть нѣсколько дней въ Москвѣ. Я рѣшилъ выполнить то, о чемъ я мечталъ цѣлыя десятилѣтія. Я рѣшился идти снова въ Успенскій соборъ и попросить снова показать мнѣ гвоздь Христа.

Я вошелъ въ Успенскій соборъ на этотъ разъ больше, чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ своего перваго, памятнаго для меня посѣщенія этого собора. Воспоминанія объ этомъ первомъ посѣщеніи Успенскаго собора такъ хорошо запечатлѣлось въ моемъ умѣ, что я сразу безошибочно подошелъ къ тому придѣлу, гдѣ сохраняется гвоздь Христа. Но оказалось, что въ этотъ день видѣть гвоздь было нельзя. Его увезли по какому-то особенно торжественному поводу въ другое мѣсто, гдѣ навѣрное толпа такихъ же вѣрующихъ, какимъ былъ когда-то и я, жаждала увидѣть этотъ гвоздь и къ нему приложиться. За тѣмъ же самымъ я пришелъ въ Успенскій соборъ и на другой день и увидѣлъ, что около дверей въ томъ придѣлѣ, гдѣ хранится гвоздь, уже стоялъ большой хвостъ богомольцевъ, по большей части стариковъ и старушекъ . . . Они молились съ глубокой вѣрой . . . Они съ благоговѣніемъ ждали своей очереди . . . Я сталъ тоже въ этомъ хвостѣ . . . Когда дошла очередь до меня, я заплатилъ свои 20 копѣекъ и предо мной открылась завѣтная дверь. Здѣсь — на томъ же самомъ мѣстѣ, въ томъ же ларцѣ я увидѣлъ тотъ же самый гвоздь, который у меня гвоздемъ сидѣлъ въ головѣ всѣ 40 лѣтъ . . . Я смотрѣлъ на этотъ гвоздь уже совсѣмъ не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ смотрѣлъ на него давно въ первый разъ, много лѣтъ тому назадъ, и не ту думалъ думу, которую думалъ тогда.

Монахъ повторялъ свои заученныя объясненія о гвоздѣ, которыя я слышалъ давно отъ его предшественника. Была та же обстановка, что и раньше. Мнѣ предложили помолиться, перекреститься, приложиться къ этому гвоздю. Я, конечно, не помолился, не перекрестился и не приложился къ нему. Но что бы не нарушать благоговѣйнаго настроенія другихъ, я незамѣтно стушевался за чьими-то спинами и незамѣтно отошелъ въ сторону.

На этотъ разъ изъ Успенскаго собора я вышелъ съ совершенно иными чувствами, чѣмъ я выходилъ изъ него сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Тогда я вышелъ радостнымъ, безъ мѣры счастливымъ... Теперь я ушелъ, какъ будто освободившись отъ одного изъ

самыхъ тяжелыхъ кошмарныхъ воспоминаній моей жизни, которое угнетало меня многіе годы . . .

Я вышелъ съ вѣрой въ то, что будущимъ поколѣніямъ не придется переживать душевной трагедіи, которую пришлось когда-то переживать мнѣ юношей въ связи съ тѣмъ, что я тогда видѣлъ въ этомъ самомъ Успенскомъ соборѣ.

Глава II.

Студенческія волненія въ Петербургѣ въ 1882 г. — Мой первый арестъ. — Рѣчь Михайловскаго на студенческомъ вечерѣ. — Демонстрація при похоронахъ Тургенева. — „Общество борьбы съ терроромъ". — Воззваніе Судейкина къ молодежи съ призывомъ къ взаимному шпіонажу. — Щедринъ о „Клубѣ взволнованныхъ лоботрясовъ" и о Судейкинѣ.

Мои воспоминанія о первыхъ встрѣчахъ съ революціонерами и мое первое знакомство съ революціоннымъ движеніемъ относятся къ памятнымъ 1880-82 гг. русскаго освободительнаго движенія.

Въ литературѣ насъ всѣхъ тогда согрѣвали „Отечественныя Записки" съ за душу хватающей музой Некрасова о народѣ, — Некрасовъ тогда умеръ, но его стихи продолжали насъ воодушевлять, — съ бодрящей и въ то же время бичующей сатирой Щедрина-Салтыкова, съ глубокой, блестящей публицистикой Михайловскаго, который больше, чѣмъ кто либо другой, являлся властителемъ и выразителемъ нашихъ думъ, съ убѣжденнымъ теплымъ народничествомъ Глѣба Успенскаго и другихъ. Эти нами любимые писатели говорили намъ о нашемъ долгѣ передъ народомъ и мы постоянно слышали ихъ призывъ къ служенію ему.

Революціонная борьба въ Россіи въ это время стала затихать въ сравненіи съ предыдущими годами, когда гремѣлъ знаменитый Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли . . . Но воздухъ все же былъ полонъ разсказами о потрясающихъ событіяхъ этихъ годовъ. Мы, молодежь, хватали эти разсказы на-лету и заслушивались ими.

1-го марта 1881 г. народовольцы убили бомбой на улицѣ Петербурга императора Александра II и ими былъ совершенъ рядъ другихъ террористическихъ убійствъ. Они оказывали вооруженныя сопротивленія при арестахъ, устраивали тайныя типографіи и т. д. Газеты давали необыкновенно сенсаціонные отчеты о процессахъ террористовъ, и этими отчетами мы всѣ зачитывались. Имена Желябова, Перовской, Кибальчича намъ, молодежи, говорили очень многое. Отдѣльно изданный отчетъ о процессѣ цареубійцъ 1881 г. былъ нашей особенно читаемой книгой. Въ ней и въ газетныхъ отчетахъ о другихъ процессахъ террористовъ мы находили то, о чемъ въ Россіи было запрещено говорить. Трудно себѣ было представить болѣе яркій протестъ противъ тогдашней реакціи, какъ то, что мы вычитывали въ этихъ судебныхъ отчетахъ. Въ своихъ рѣчахъ подсудимые говорили намъ опредѣленно о свободѣ и соціализмѣ, клеймили цензуру, административный произволъ и призывали къ революціонной борьбѣ съ правительствомъ всѣми средствами вплоть до цареубійства.

Весной 1882 г. я кончилъ курсъ въ Казани въ 1-й императорской гимназіи . Осенью поступилъ въ Петербургскій университетъ, а уже въ концѣ того же года впервые попалъ въ тюрьму за участіе въ студенческой сходкѣ во время т. н. „поляковскихъ безпорядковъ“.

Извѣстный въ то время милліонеръ С. Поляковъ, у котораго въ обществѣ была установленная репутація казнокрада и крупнаго спекулянта, пожертвовалъ 200.000 рублей на устройство студенческаго общежитія при петроградскомъ университетѣ. Объ этомъ „щедромъ“ пожертвованіи Полякова открыто говорили, какъ объ одной изъ его новыхъ аферъ. Ко всѣмъ своимъ земнымъ благамъ ему хотѣлось прибавить себѣ чины и ордена, и этимъ путемъ онъ разсчитывалъ въ будущемъ еще лучше устраивать свои дѣла. Когда Александру III доложили объ этомъ крупномъ пожертвованіи Полякова, онъ говорятъ, — по крайней мѣрѣ намъ объ этомъ такъ говорили тогда — спросилъ:

— А сколько онъ наворовалъ?

Прислужники Полякова добились того, что нѣсколько студентовъ, отъ имени всего студенчества, предподнесли Полякову холопскій благодарственный адресъ и опубликовали его. Большинство студентовъ открыто протестовало по этому поводу. Подписи подъ контръ-адресомъ собиралъ студентъ Крыленко, если не ошибаюсь, отецъ нынѣшняго пресловутаго, скверной извѣстности, большевика. За это Крыленко былъ исключенъ изъ университета и потомъ высланъ изъ Петрограда. Студенты на сходкѣ высказали сочувствіе Крыленко и выразили свою съ нимъ солидарность. Среди студентовъ на сходкѣ были — Сегаль, Манучаровъ, Фрейлихъ, Дембскій, Рехневскій, Перехватовъ и другіе.

Сходки стали разгонять, хотя на нихъ не поднималось никакихъ политическихъ вопросовъ. Но по тогдашнимъ временамъ обсужденіе дѣлъ, подобныхъ дѣлу объ исключеніи студентовъ изъ университета, приравнивалось къ стремленію ниспровергнуть существующій государственный порядокъ. Было арестовано до 400 студентовъ. Нѣкоторыхъ выслали изъ Петрограда, а нѣкоторымъ пришлось только побывать въ тюрьмѣ и ихъ потомъ выпустили.

Меня тоже арестовали, и я просидѣлъ подъ арестомъ нѣсколько недѣль въ камерахъ Александровскаго участка, одновременно съ Е. Ф. Крыжановскимъ, ставшимъ потомъ правой рукой Столыпина. Въ этихъ камерахъ снова я побывалъ, при совершенно иныхъ условіяхъ, черезъ тридцать пять лѣтъ.

Въ мартѣ 1917 г. Александровская часть была разгромлена революціонной толпой, разорено все помѣщеніе, поломано все, что только можно было поломать. Потомъ ее подожгли и она горѣла не одинъ день. Когда пожаръ прекращался, я, какъ и многіе другіе, пришелъ осматривать помѣщеніе бывшаго участка и поднялся въ тотъ этажъ, гдѣ находилась наша камера и гдѣ много лѣтъ тому назадъ я начиналъ свою тюремную „карьеру".

Черезъ нѣсколько недѣль я былъ выпущенъ на волю, оставленъ въ Петроградѣ, а послѣ годичнаго университетскаго акта, въ февралѣ 1883 г., спокойно прошедшаго, меня снова приняли въ университетъ.

Въ тюрьму я попалъ, не имѣя никакихъ революціонныхъ знакомствъ. Тамъ мнѣ впервые удалось встрѣтиться съ революціонерами, и я не по слухамъ и не по литературѣ, а отъ живыхъ людей узналъ кое что о существовавшемъ тогда въ Россіи революціонномъ движеніи. Такимъ образомъ, когда я вышелъ изъ тюрьмы, то у меня уже было то, что мы тогда называли „революціонными связями".

На другой день послѣ моего освобожденія изъ тюрьмы я попалъ на годичный балъ студентовъ Технологическаго Института. Послѣдніе студенческіе безпорядки, аресты — все это было живо въ памяти у всѣхъ и собравшіеся на балъ говорили болѣе всего объ этомъ. На балу было и нѣсколько человѣкъ изъ насъ, только что освобожденныхъ изъ тюрьмы, привлекавшихся по дѣлу объ этихъ безпорядкахъ.

На этотъ свой вечеръ студенты, какъ почетнаго гостя, пригласили Михайловскаго. Когда онъ поднимался на второй этажъ по широкой лѣстницѣ, я впервые увидѣлъ этого любимца тогдашней молодежи. Вся лѣстница и площадка около нея были переполнены студентами. Они устроили Михайловскому бурную овацію. Аплодисментамъ, крикамъ не было конца.

Послѣ сходокъ въ университетѣ это была первая политическая демонстрація, которую я видѣлъ, и она произвела на меня глубочайшее впечатлѣніе. Присутствующая полиція, видимо, очень недружелюбно относилась къ этой неожиданной демонстраціи. Для нея Михайловскій былъ лишь неизобличенный государственный преступникъ и надъ изловленіемъ его она работала. Мы ясно видѣли эту враждебность полиціи къ Михайлвскому и еще сильнѣе принимались ему аплодировать и кричать „ура!" Большая комната, куда въ концѣ концовъ попалъ Михайловскій, была биткомъ набита студентами. Тутъ же стояли и оффиціальные представители полиціи. Толпа студентовъ въ сотни голосовъ кричала: „Слово Михайловскому!" „Слово!"

Многіе уговаривали Михайловскаго не выступать, чтобы не вызывать столкновенія съ полиціей, но послѣ нѣко-

тораго колебанія Михайловскій рѣшилъ сказать нѣсколько словъ и взобрался на столъ. Онъ поблагодарилъ студентовъ за привѣтствія, упомянулъ о студенческихъ волненіяхъ, только что окончившихся высылкой и тюрьмой, привѣтствовалъ освобожденныхъ студентовъ и сказалъ намъ, что въ нашей жизни у насъ всегда на первомъ планѣ должны быть: совѣсть и честь.

— Совѣсть говоритъ намъ о томъ, что мы обязаны служить народу, на счетъ котораго мы воспитывались. А честь говоритъ намъ, что есть люди, виноватые передъ нами, которые мѣшаютъ намъ служить этому народу.

Эти простыя слова были сказаны Михайловскимъ съ какой-то особой силой и съ такой увѣренностью, какъ будто это были какіе-то декреты, исходившіе отъ безспорно общепризнаннаго авторитета. По крайней мѣрѣ, такими они мнѣ показались тогда. Они произвели на меня неотразимое впечатлѣніе, и теперь, спустя десятки лѣтъ, я отчетливо помню фиру ораторствующаго Михайловскаго. Его голосъ до сихъ поръ раздается въ моихъ ушахъ. Его слова срезюмировали то, что я давно вычитывалъ въ „От. Зап.“ и что усвоилъ себѣ, быть можетъ, не совсѣмъ ясно. Эти слова Михайловскаго остались на всю мою жизнь путеводными маяками.

Студенческая молодежь, окружавшая Михайловскаго, хорошо и легко расшифровала его слова, какъ призывъ къ революціонной борьбѣ за народъ съ виновнымъ противъ него правительстомъ, и еще горячѣе и горячѣе стала ему аплодировать. Вмѣстѣ съ Михайловскимъ студенты привѣтствовали присуствовавшихъ тамъ Шелгунова и Ядринцева.

Въ концѣ вечера Михайловскій попалъ въ отдѣльную небольшую комнату. Тамъ насъ было человѣкъ пятнадцать. Здѣсь представителей полиціи не было, и Михайловскій говорилъ откровеннѣе, о Сибири, о ссылкѣ, о борьбѣ съ правительствомъ и т. д.

Эта мимолетная встрѣча съ Н. К. Михайловскимъ на всю мою жизнь оставила во мнѣ глубочайшій слѣдъ.

Какъ я потомъ узналъ, Михайловскій въ то время только что вернулся изъ Харькова, куда онъ ѣздилъ на

свиданіе съ В. Н. Фигнеръ передать черезъ нее Исполнительному Комитету Народной Воли предложеніе графа Воронцова-Дашкова, въ виду предстоящей коронаціи, вступить въ переговоры съ правительствомъ о прекращеніи террора. За свою рѣчь на студенческомъ вечерѣ Михайловскій черезъ нѣсколько дней былъ высланъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ Шелгуновымъ, который тоже сказалъ на балу нѣсколько словъ студентамъ.

Свои статьи въ „От. Зап." Михайловскій сталъ присылать изъ мѣста своей ссылки (кажется, Любани) и подписывалъ ихъ „Посторонній". Мы поняли, кто этотъ посторонній для „Отечественныхъ Записокъ".

Въ 1883 и 84 гг. я былъ студентомъ сначала въ Петербургскомъ, а потомъ (съ осени 1884 г.) въ Казанскомъ университетѣ.

Посѣщалъ университетъ, но больше занимался въ библіотекѣ. Съ легкой руки тѣхъ, кто въ концѣ 1882 г. меня арестовалъ въ первый разъ и въ тюрьмѣ свелъ меня съ революціонерами, у меня за эти годы образовалось много революціонныхъ связей.

Стояло глухое время. Въ обществѣ не было никакого оживленія. Революціонныя организаціи были разбиты.

Тяжело приходилось литературѣ. Даже газета „Голосъ", бывшая типичной выразительницей очень умѣренныхъ оппозиціонныхъ слоевъ населенія, была закрыта, какъ тогда говорили, за „неуловимо вредное направленіе". Въ апрѣлѣ 1884 г. были закрыты и дорогія для всей народнической интеллигенціи „Отечественныя Записки". Въ то же самое время правительство — въ лицѣ, главнымъ образомъ, министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. Толстого — вело систематическую, упорную борьбу съ земцами.

Въ отвѣтъ на эти гоненія народническая интеллигенція тѣснѣе смыкалась вокругъ своихъ любимыхъ писателей и особенно стала дорожить литературой.

Въ сентябрѣ 1883 г. либеральный Петербургъ устроилъ грандіозныя похороны Тургеневу. Это была политическая манифестація на улицахъ Петербурга, какой до тѣхъ поръ въ Россіи никогда не было. Умершаго писателя чест-

вовали, какъ оппозиціоннаго дѣятеля. Катковъ, чтобы подорвать готовящееся чествованіе памяти Тургенева при его похоронахъ, указывалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ на его связь съ эмигрантами и въ частности на то, что онъ помогалъ деньгами эмигранту Лаврову въ изданіи „Впередъ!“ Но своими статьями противъ Тургенева Катковъ только придалъ его похоронамъ еще болѣе опредѣленно политическій характеръ.

Молодой революціонеръ поэтъ Якубовичъ написалъ и въ тайной типографіи напечаталъ горячее воззваніе по поводу смерти Тургенева. Мы, молодежь, распространяли эту прокламацію.

Въ день похоронъ Тургенева я съ утра былъ на улицѣ. Стотысячная толпа съ Варшавскаго вокзала провожала тѣло Тургенева на Волково кладбище. Разсказываютъ, одинъ лавочникъ, увидѣвши, что за гробомъ идетъ такая огромная толпа, съ изумленіемъ спросилъ: кого это такъ хоронятъ? Ему сказали, что хоронятъ Тургенева, а такъ какъ онъ, повидимому, не зналъ, кто такой Тургеневъ, то ему объяснили, что это знаменитый писатель.

— А что будетъ, когда помретъ Лейкинъ! — замѣтилъ лавочникъ.

Для него не было писателя болѣе знаменитаго, чѣмъ Лейкинъ.

Въ воротахъ кладбища стояли полицеймейстеръ, кажется, Грессеръ, и литераторъ катковскаго лагеря Аверкіевъ. Они пропускали только по два по три человѣка. Въ толпѣ пѣвчихъ замѣшался и я. Когда проходили въ ворота, я вмѣстѣ со всѣми затянулъ „Со святыми упокой“. Я никогда въ жизни не пѣлъ, и не почувствовалъ подъ собой почвы, когда услышалъ свой голосъ — да еще въ такой обстановкѣ, да еще поющимъ „Со святыми упокой!“ . . . Аверкіевъ схватилъ меня за плечи и сказалъ:

— Ну, это — не пѣвчій!

Я вырвался изъ его рукъ и побѣжалъ на кладбище. За мной была погоня, но мои молодыя ноги меня спасли. Меня не догнали. Такимъ образомъ, я смогъ простоять все

время около могилы, когда хоронили Тургенева, и слышалъ всѣ рѣчи.

Въ той революціонной средѣ, гдѣ я тогда вращался, очень много было разговоровъ объ арестахъ, обыскахъ, жандармахъ, провокаціяхъ и т. д. Борьба съ революціонерами находилась тогда главнымъ образомъ въ рукахъ знаменитаго мастера этихъ дѣлъ — жандармскаго полковника Судейкина — одного изъ самыхъ беззастѣнчивыхъ провокаторовъ-жандармовъ. Въ своей провокаціи Судейкинъ доходилъ до проектовъ, съ помощью революціонеровъ-террористовъ, убить и великаго князя Владиміра, и директора Деп. Полиціи Плеве, и министра внутреннихъ дѣлъ Толстого. Въ наиболѣе активной тогдашней партіи народовольцевъ у него былъ свой агентъ-провокаторъ — Дегаевъ. Благодаря ему, Судейкинъ въ 1882-1883 гг. смогъ произвести массовые аресты по всей Россіи. Но предателя вскорѣ разоблачили и съ его же помощью въ декабрѣ 1883 г. былъ убитъ и самъ Судейкинъ.

Въ концѣ 1882 г. Судейкинъ разослалъ по студенческимъ кружкамъ воззваніе, напечатанное на гектографѣ. Въ немъ отъ имени „Общества борьбы съ терроромъ“ Судейкинъ призывалъ студентовъ къ взаимному шпіонажу. Въ воззваніи говорилось, что это общество „благодаря обширнымъ связямъ“, которыя оно имѣетъ „во всѣхъ слояхъ“, всѣмъ желающимъ вступить въ его организацію гарантируетъ или прощеніе всѣхъ ранѣе содѣянныхъ ими преступленій, или разрѣшеніе выѣхать заграницу и нуждающимся среди нихъ будетъ выплачивать субсидіи.

Одинъ экземпляръ такого воззванія былъ полученъ и въ нашемъ студенческомъ кружкѣ. Мы рѣшили его отнести Щедрину въ „Отечественныя Записки“ и попросить его откликнуться на это возваніе.

Читая воззваніе, Щедринъ сильно волновался и послѣдними словами ругался по адресу не одного Судейкина, а всего правительства за такое развращеніе молодежи. Но когда студенты, передававшіе ему воззваніе, попросили его отозваться на это возваніе въ „Отечественныхъ Запискахъ“, то Щедринъ безнадежно замахалъ руками и категорически

отказался что-нибудь сдѣлать. Онъ указывалъ на то, что полиція только и хочетъ, чтобы воспользоваться какимъ-нибудь предлогомъ и закрыть „Отечественныя Записки". Но въ концѣ концовъ онъ все-таки просилъ оставить ему это возваніе.

Въ ближайшей книжкѣ „Отеч. Зап.", въ „Письмахъ къ тетенькѣ" Щедрина мы нашли разсказъ о томъ, какъ Глумовъ и его товарищи, пожелавшіе ступить на путь благонамѣренности, получили по почтѣ письмо отъ клуба „Взволнованныхъ лоботрясовъ". Лоботрясы имъ обѣщали простить всѣ ихъ прегрѣшенія и предлагали дѣлать взносы даже фальшивыми бумажками, такъ какъ благодаря своимъ обширнымъ связямъ во всѣхъ слояхъ общества, лоботрясы могутъ легко сбывать ихъ за настоящіе. Я тогда же понялъ значеніе этого мѣста въ „Письмахъ къ тетенькѣ".

Тогда же кто-то цѣликомъ перепечаталъ воззваніе Судейкина, тоже на гектографѣ, и въ концѣ его только добавилъ одну строчку: „Добровольныя пожертвованія принимаются въ редакціи „Новаго времени". Суворинъ, не подозрѣвая этой поддѣлки, обрушился въ „Новомъ Времени" на Судейкина и за злоупотребленіе адресомъ „Нов. Времени" и за все его воззаніе.

Какъ Щедринъ относился къ Судейкину и вообще къ охранникамъ и какъ къ нимъ относилось все либеральное общество, лучше всего видно изъ слышаннаго мною тогда разсказа народовольца, офицера Степурина, вскорѣ погибшаго въ тюрьмѣ.

Послѣ убійства Судейкина, въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ" одинъ изъ извѣстныхъ провинціальныхъ земскихъ дѣятелей спросилъ Щедрина:

— Михаилъ Евграфовичъ, говорятъ — революціонеры убили какого-то Судейкина. За что убили его?

— Сыщикъ онъ былъ! — отвѣтилъ Салтыковъ.

— Да за что же они его убили?

— Говорятъ вамъ по-русски, кажется: — сыщикъ онъ былъ!

— Ахъ, Боже мой! Я слышу, что онъ былъ сыщикъ, да за что же его убили?

— Повторяю вамъ еще разъ: сыщикъ онъ былъ!

— Да слышу, слышу я, что онъ сыщикъ былъ, да объясните мнѣ, за что его убили? — не унимался земецъ.

— Ну, если вы этого не понимаете, такъ я вамъ лучше растолковать не умѣю! — отвѣтилъ Салтыковъ.

Глава III.

Мои первыя встрѣчи съ революціонерами. — Народническія теченія среди революціонеровъ. — Мой арестъ въ Казани. — Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. — Въ первый разъ въ Петропавловской крѣпости. — Ссылка въ Иркутскую губернію. — Побѣгъ изъ Сибири.

Съ начала 1884 г. революціонеры стали дѣлать новыя попытки создать организацію „Народной Воли". Для этого изъ заграницы пріѣхалъ Г. А. Лопатинъ и тогда пользовавшійся огромною извѣстностью и популярностью въ революціонныхъ и литературныхъ кругахъ, В. А. Карауловъ, будущій шлиссельбуржецъ, бывшій потомъ членомъ Государств. Думы, В. И. Сухомлинъ, Н. М. Салова, А. Кашинцевъ и др. Но еще въ началѣ 1884 г. въ Кіевѣ произошли первые аресты членовъ этой вновь создавшейся народовольческой организаціи (Карауловъ, Шебалинъ и др.), затѣмъ были арестованы Стародворскій, Сухомлинъ, Кашинцевъ, а осенью, послѣ ареста Лопатина, по всей Россіи произошли массовые аресты народовольцевъ, когда были арестованы Салова, Якубовичъ, и вновь созданная народовольческая организація была почти цѣликомъ разбита.

Въ 1882-84 гг. я не примыкалъ ни къ одной революціонной организаціи, но все время вращался среди революціонеровъ и оказывалъ имъ отдѣльныя услуги, какія обычно оказывала молодежь. Въ своей квартирѣ укрывалъ нелегальныхъ, былъ посредникомъ въ революціонной переискѣ съ заграницей, устраивалъ свиданія революціонеровъ, доставалъ имъ средства, распространялъ литературу, помогалъ въ устройствѣ типографій, принималъ участіе въ печатаніи тайныхъ литографированныхъ изданій Лаврова,

Маркса, Лассаля, Толстого, Щедрина и т. д. Но дѣлалъ это всегда на свой страхъ, какъ вольный стрѣлокъ, а не какъ членъ какой-нибудь революціонной организаціи.

Университетъ я посѣщалъ рѣдко, а цѣлые дни проводилъ въ Публичной библіотекѣ. Тамъ изучалъ политическіе процессы и знакомился съ революціоннымъ движеніемъ по газетамъ за старые годы, а съ общественнымъ движеніемъ — по „Вѣстнику Европы“, „Земству“, „Порядку“ и т. д.

Въ то время въ русской жизни господствовало народническое движеніе. Всѣ народники одинаково признавали, что интересы народа должны быть превыше всего въ жизни страны, — и что внѣ ихъ въ странѣ не должно быть никакихъ другихъ интересовъ. Но среди народниковъ были различныя теченія.

Были бунтарскія теченія, для которыхъ „духъ разрушенія былъ духъ созиданія“. Народники этого направленія вѣрили, что крестьянская революція есть революція созидательная и сама въ себѣ несетъ начала новаго государственнаго строительства. Они рисовали народъ прежде всего, какъ созидательную силу. „Все для народа и все посредствомъ народа“ — подъ такимъ заглавіемъ помѣстилъ свою статью тогдашній чернопередѣлецъ П. Аксельродъ въ „Вольномъ Словѣ“, — и онъ выражалъ мнѣніе очень многихъ народниковъ-революціонеровъ.

У другихъ народниковъ — у народовольцевъ болѣе всего — не было уже такой идеализаціи народа и вѣры, что онъ самъ себя спасетъ. Когда они говорили: „все для народа“, то добавляли, какъ это сдѣлалъ тогда народоволецъ, бывшій потомъ членомъ 1-ой Гос. думы, Присецкій въ томъ же „Вольномъ Словѣ“: „Все для народа, но посредствомъ всѣхъ силъ націи, которыя за него могутъ бороться“.

Для третьихъ, среди которыхъ не всѣ причисляли себя къ народникамъ, крестьянство и рабочіе были частью націи, а на первомъ планѣ стояли — народъ, государство, Россія, — и всѣ русскіе вопросы они разсматривали не съ точки зрѣнія какихъ либо интересовъ одного класса, а всей страны — Россіи. Они были прежде всего государственники.

Отношеніе къ народу среди русской интеллигенціи ярко сказалось въ одной тогдашней полемикѣ, прочно запавшей мнѣ въ память.

Въ 1881-82 гг. были еврейскіе безпорядки. Народная толпа впервые тогда проявила по отношенію къ евреямъ свои дикіе инстинкты. Въ этихъ антиеврейскихъ безпорядкахъ нѣкоторые народники увидѣли подлинную народную волю и расчитывали, что въ будущемъ они смогутъ направить эти безпорядки по иному руслу и воспользоваться ими для своихъ революціонныхъ цѣлей. Въ этомъ духѣ, безъ права на то, отъ имени „Народной Воли" Стефановичъ издалъ прокламацію по поводу еврейскихъ безпорядковъ, гдѣ оправдывалъ ихъ.

Вотъ въ это время въ „Голосѣ", по поводу еврейскихъ погромовъ, появилась надѣлавшая большой шумъ статья профессора А. Градовскаго, очень умѣреннаго либерала и талантливаго публициста.

„Не разнуздывайте звѣря!" — писалъ онъ. Градовскій говорилъ о томъ, что, если въ толпѣ будетъ разбужденъ „звѣрь", то его не легко будетъ усмирить и отъ него придется ждать большихъ несчастій для страны.

Статья Градовскаго очень сильно задѣла народниковъ. Въ страстныхъ полемическихъ схваткахъ они нерѣдко говорили, между прочимъ, — и въ „Отечеств. Запискахъ", что Градовскій назвалъ русскій народъ „звѣремъ". На самомъ дѣлѣ Градовскій только предостерегалъ противъ того же „безсмысленнаго, безпощаднаго русскаго бунта", о которомъ говорилъ Пушкинъ въ своей „Капитанской дочкѣ". Волненія среди народныхъ массъ, которыя подготовляли эсэры своей пропагандой среди крестьянъ, рабочихъ солдатъ, матросовъ, впослѣдствіи неизбѣжно превращались по большей частью въ такіе бунты. Эта эсеровская пропаганда въ 1917 г. широкой волной прокатилась по Россіи и дала свои ужасные результаты.

Статья Градовскаго произвела на меня большое впечатлѣніе. Она предостерегала отъ слѣпой идеализаціи народныхъ массъ и оттого, чтобы борьбу съ правительствомъ видѣть въ возбужденіи революціонныхъ стихійныхъ народныхъ

движеніяхъ, какъ это по большей части дѣлали народники-революціонеры.

Я продолжалъ оставаться горячимъ сторонникомъ Народной Воли и „Отечественныхъ Записокъ", но критика народничества, которая велась главнымъ образомъ со страницъ „Вѣстника Европы," а также въ „Порядкѣ," „Земствѣ", „Голосѣ" и т. д., имѣла на меня сильное вліяніе. Его я чувствовалъ все время, когда складывались мои политическіе и общественные взгляды — и до эмиграціи, и во время первой моей эмиграціи. Подъ вліяніемъ этой критики народничества я заграницей сразу сталъ въ оппозицію къ народовольцамъ, какъ Лавровъ и его группа, и къ соціалъ-демократамъ, какъ Плехановъ. Она же впослѣдствіи помогла мнѣ критически отнестись и къ эсеровской пропагандѣ среди народныхъ массъ.

У революціонеровъ критика народничества въ „Вѣстникѣ Европы" встрѣчала холодный пріемъ и къ ней въ большинствѣ случаевъ относились даже отрицательно, но все-таки она не безслѣдно прошла и для многихъ революціонеровъ, а въ широкихъ слояхъ русскаго общества имѣла сильное вліяніе.

Эти предостереженія противъ болѣзненныхъ надеждъ на революціонныя движѐнія въ народѣ и подчеркиванія значенія политическихъ движеній въ обществѣ помогли мнѣ въ выработкѣ моей программы. Я въ первую очередь ставилъ конституціонную борьбу во имя общенаціональныхъ задачъ и придавалъ большое значеніе интеллигенціи и революціоннымъ организаціямъ, и ихъ борьбѣ. Именно поэтому-то я тогда особенно и настаивалъ на примѣненіи самыхъ рѣзкихъ революціонныхъ способовъ въ борьбѣ съ правительствомъ.

Эта одновременная защита и констуціонной программы, и революціонныхъ средствъ борьбы и давала поводъ тогда нашимъ противникамъ въ ихъ полемическихъ выпадахъ называть людей моихъ возрѣній „либералами съ терроромъ" въ противоположность „либераламъ безъ террора".

Къ революціонерамъ и ихъ борьбѣ я въ тѣ годы относился съ горячимъ, молодымъ энтузіазмомъ. Но у меня

и тогда не было вѣры, что одна только революціонная борьба можетъ спасти Россію, какъ въ это вѣрили очень многіе. Я придавалъ огромное значеніе легальной борьбѣ и искалъ связей съ литераторами — и не только съ народниками, близкими къ революціонерамъ, но и среди болѣе умѣренныхъ, кого революціонеры не считали своими, и среди земскихъ дѣятелей — вообще среди либеральнаго общества.

Эти мои взгляды и еще тогда были ясно обрисовывающимся водораздѣломъ между мною и большинствомъ революціонеровъ, и этотъ водораздѣлъ между нами всегда оставался и позднѣе. Но русская дѣйствительность на каждомъ шагу призывала къ протестамъ и революціонной борьбѣ, — и это меня тѣсно соединяло уже не съ умѣренными слоями общества, а съ революціонерами.

Свиданія съ нелегальными революціонерами, распространеніе литературы и т. д., все то, что я тогда изо дня въ день дѣлалъ, какъ революціонеръ, постоянно было сопряжено съ рискомъ быть арестованнымъ. Я это прекрасно сознавалъ, но это нисколько не останавливало меня. Крахъ могъ случиться ежедневно и онъ случился въ началѣ 1885 г.

Осенью 1884 г. въ Петербургѣ былъ арестованъ Лопатинъ и другіе члены народовольческой организаціи. У нихъ было захвачено нѣсколько адресовъ моихъ знакомыхъ, которые я имъ далъ. Вскорѣ по одному изъ этихъ адресовъ, на имя П., было перехвачено мое письмо изъ Казани, написанное химическими чернилами. Въ письмѣ была просьба о высылкѣ новой литературы и сообщалось о распространеніи въ Казани привезенной мной литературы. Подпись въ письмѣ была неразборчива, — можно было прочитать и „Вл. Королевъ“ и „В. И. Королевъ“. Это письмо изъ Петербурга было переслано въ Казань для отысканія его автора. Мѣстное жандармское управленіе сдѣлало обыскъ у нѣсколькихъ Королевыхъ, у В. Г. Короленко, кто давно уже уѣхалъ изъ Казани и жилъ въ это время въ Н.-Новгородѣ,

у нѣсколькихъ Владиміровъ Ивановичей, у нѣсколькихъ просто Владиміровъ и т. д.

Черезъ нѣсколько недѣль тщетныхъ поисковъ жандармы обыскали и меня, какъ одного изъ тѣхъ Владиміровъ, кого можно было подозрѣвать въ связяхъ съ революціонерами, — и послѣ обыска, по сходству моего почерка съ почеркомъ перехваченнаго письма, я былъ арестованъ, но не призналъ этого письма за свое. Изъ тюрьмы, куда мнѣ доставили приблизительно такую же бумагу, на которой было написано первое мое письмо въ Петербургъ, химическія чернила и т. д., я написалъ новое письмо по адресу, по которому въ Петербургѣ было перехвачено мое первое письмо. Между строкъ химическими чернилами я сообщалъ о разныхъ событіяхъ казанской жизни, объ арестахъ и, между прочимъ, объ арестѣ „какого-то Бурцева". Когда это письмо было перехвачено въ Петербургѣ, то была послана въ Казань телеграмма о моемъ освобожденіи, въ виду очевидной ошибки. Но затѣмъ одному привлеченному по дѣлу П., на чье имя было послано мое письмо, сообщили о моемъ арестѣ и на всякій случай, чтобы испытать его, сказали ему, что я уже призналъ себя авторомъ этого письма. Тогда онъ, долго до того молчавшій, не подозрѣвая ловушки, призналъ и знакомство со мной, и то, что письмо принадлежитъ мнѣ.

Послѣ полученія первой телеграммы изъ Петербурга, что авторомъ письма не можетъ быть Бурцевъ, такъ какъ о немъ пишутъ во вновь перехваченномъ письмѣ, допрашивавшій меня жандармскій полковникъ сказалъ:

— Ничего не понимаю! Съ одной стороны, письмо, несомнѣнно, писано вами, съ другой, по разнымъ обстоятельствамъ (изъ конспираціи онъ не сообщилъ мнѣ о полученномъ въ Петербургѣ второмъ моемъ письмѣ), авторомъ письма вы никоимъ образомъ быть не можете! — и онъ особенно подчеркнулъ слово „никоимъ образомъ".

— Вы или совершенно невинный человѣкъ, — говорилъ мнѣ жандармскій полковникъ при новомъ допросѣ, — или закоренѣлый преступникъ!

Мнѣ было тогда двадцать два года!

— Его никакъ нельзя выпустить! — говорилъ моимъ роднымъ тотъ же полковникъ. У него все книги о народныхъ школахъ, о народномъ образованіи, о земствахъ . . . Мы знаемъ, куда это все ведетъ!

— Такихъ людей, какъ Бурцевъ, нельзя щадить, — сказалъ онъ же арестованному А., уговаривая его выдать меня, — ихъ надо топить, какъ щенятъ!

Предвидя возможность ареста, я въ спеціальномъ ящикѣ на своемъ столѣ, куда не могли не заглянуть жандармы при обыскѣ, сохранялъ кое-какія письма, рукописи, которыя давали бы жандармамъ обо мнѣ то представленіе, которое мнѣ хотѣлось. Это были проекты моихъ литературно-научныхъ работъ, переписка съ научными обществами и т. д.

Какъ потомъ оказалось, это дѣйствительно давало жандармамъ обо мнѣ то представленіе, какое мнѣ было нужно.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сидѣнія въ Казанской тюрьмѣ меня на почтовыхъ, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, отправили въ Петербургъ. Въ Нижнемъ мнѣ пришлось сутки просидѣть въ мѣстной тюрьмѣ. Въ камерѣ, куда я былъ посаженъ, я нашелъ на стѣнѣ надпись: „Владиміръ Короленко арестованъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Завтра увозятъ въ Петербургъ. Предъявлено обвиненіе въ письмѣ, посланномъ изъ Казани въ Петербургъ". Я понялъ, что Короленко былъ арестованъ и посланъ въ Петербургъ, потому что ему приписали мое перехваченное письмо изъ Казани. Разумѣется, послѣ перваго допроса въ Петербургѣ, Короленко былъ выпущенъ на свободу, такъ какъ ошибочность ареста была очевидна. Впослѣдствіи Короленко заграницей подробно мнѣ разсказывалъ объ его арестѣ и допросѣ.

Въ Петербургѣ меня посадили въ Домъ Предварительнаго Заключенія. На допросахъ мнѣ предъявили обвиненіе въ томъ, что письмо изъ Казани писано мной. Я отрицалъ это. Всѣ свѣдѣнія были въ мою пользу и черезъ нѣкоторое время я долженъ былъ быть выпущеннымъ на поруки. Объ этомъ сказали тѣмъ, кто приходилъ ко мнѣ на свиданіе, и я ждалъ освобожденія со дня на день.

Но вотъ однажды часа въ два ночи, когда я уже

спалъ, въ мою камеру вошелъ тюремный надзиратель и заявилъ мнѣ, что меня требуютъ со всѣми вещами въ контору. Я былъ убѣжденъ, что меня освобождаютъ изъ тюрьмы. Но въ конторѣ я увидѣлъ усиленный конвой, очевидно, ожидавшій меня, — и понялъ, что рѣчь идетъ вовсе не объ освобожденіи меня изъ тюрьмы.

Меня при таинственной обстановкѣ куда-то повезли въ каретѣ. Когда мы ѣхали черезъ Троицкій мостъ, я догадался, куда меня везутъ, и спросилъ жандармскаго офицера:

— Что значитъ мой неожиданный переводъ въ Петропавловскую крѣпость?

Онъ нѣкоторое время молчалъ. Потомъ, посмотрѣвши мнѣ прямо въ глаза, сказалъ:

— Скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, — я скажу, кто ты таковъ!

Въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости, послѣ краткаго предварительнаго опроса, меня ввели въ камеру и тамъ въ присутствіи жандармскаго полковника, смотрителя бастіона, нѣсколькихъ жандармскихъ солдатъ, человѣкъ десяти конвойныхъ заставили меня раздѣться донага. Затѣмъ дали туфли, окружили конвоемъ, и въ такомъ видѣ повели меня по корридору въ другую камеру.

Здѣсь стали дѣлать тщательный осмотръ всего меня, расчесывали волосы, смотрѣли въ уши, залѣзали въ ротъ и т. д. Я чувствовалъ, что всѣ присутствующіе тамъ пятнадцать-двадцать человѣкъ внимательно слѣдятъ за движеніями двухъ обыскавшихъ меня жандармовъ.

Того, что я тогда испытывалъ, мнѣ никогда раньше не приходилось испытывать. Я чувствовалъ себя въ положеніи какой-то вещи, которую безцеремонно вертятъ въ рукахъ и изучаютъ. Я тутъ только понялъ, что представляютъ собою обыски въ Петропавловской крѣпости, о которыхъ молва создавала легенды.

Сопротивленіе было, конечно, немыслимо. Я только стиснулъ зубы и какъ-то одеревенѣлъ.

Обыскъ кончился. Никакой, какъ тогда выражались, „крамолы“, спрятанной въ моей тѣлѣ, не нашли. Меня

нарядили въ арестантскій халатъ и за мной захлопнулась тюремная дверь.

На одномъ изъ допросовъ въ Петропавловской крѣпости мнѣ предъявили обвиненіе въ участіи въ 1883 г. въ убійствѣ Судейкина. Это нелѣпое обвиненіе меня очень поразило, но оно объяснило мнѣ, почему съ такими предосторожностями меня перевезли изъ Д. П. З. въ Петропавловскую крѣпость.

Оказывается, жандармы не знали квартиры, гдѣ происходили свиданія Дегаева, Стародворскаго, Канашевича, убійцъ Судейкина, съ Лопатинымъ и другими. И вотъ моя квартиная хозяйка признала сначала по карточкѣ, а потомъ при очныхъ ставкахъ, что всѣ эти лица бывали на моей квартирѣ. Въ дѣйствительности, ни одно изъ указанныхъ лицъ у меня никогда не было.

Въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ я просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Съ воли до меня не долетало никакихъ вѣстей. Ежедневно мнѣ давали прогулку на четверть часа и нѣсколько разъ водили на допросъ. Къ лѣту слѣдующаго года меня снова перевели въ Домъ Пред. Заключенія.

Зимой 1886 г. рано утромъ, часовъ въ шесть-семь, когда было по зимнему темно, я услышалъ какъ отпирается дверь въ мою камеру. Я думалъ, что это уже принесли мнѣ кипятокъ и схватилъ приготовленный съ вечера чайникъ. Ко мнѣ въ камеру вошелъ старикъ, сторожъ, въ валенкахъ, — стражники ходили въ валенкахъ, чтобы они могли неслышно подкрадываться къ камерамъ и въ „глазокъ" подсматривать за заключенными. Въ одной рукѣ у него былъ фонарь и тюремные ключи, а въ другой — какая-то бумага. Сторожъ нѣсколько пріосанился и прочиталъ мнѣ о томъ, что по докладу министра внутреннихъ дѣлъ состоялось всемилостивѣйшее постановленіе о высылкѣ меня въ отдаленныя мѣста Сибири подъ надзоръ полиціи на четыре года.

Долгое мое сидѣніе кончилось какъ-то по семейному, — какъ будто лишній разъ принесли мнѣ кипятокъ.

Зиму 1886 г. и весну 1887 г. я пробылъ въ Московской Бутырской пересыльной тюрьмѣ. Въ маѣ 1887 г. насъ черезъ Нижній отправили въ Сибирь. Отъ Нижняго до Перми ѣхали на арестантской баржѣ. Изъ Перми по желѣзной дорогѣ до Тюмени, отъ Тюмени до Томска снова на пароходѣ, а отъ Томска до Иркутска пѣшкомъ по этапу.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1887 г. я изъ иркутской тюрьмы былъ привезенъ въ село Малышевское, близъ Балаганска, Иркутской губерніи.

Поздно вечеромъ, послѣ почти трехъ лѣтъ тюрьмы, мнѣ было какъ-то странно безъ конвоя идти по улицѣ. Я скоро нашелъ своихъ товарищей. Насъ, ссыльныхъ, въ этой деревнѣ было человѣкъ тридцать.

Еще во время этапа я твердо рѣшилъ бѣжать изъ Сибири. Изъ двѣнадцати человѣкъ, рѣшившихъ бѣжать, я одинъ только бѣжалъ. Изъ нашей же партіи бѣжалъ еще одинъ (Лебедевъ), но какъ разъ тотъ, кто бѣжать не собирался.

Мѣсяца черезъ два послѣ моего прибытія въ ссылку, я подъ предлогомъ, что мнѣ надо поговорить съ докторомъ, выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе съѣздить въ Иркутскъ. На самомъ дѣлѣ я ѣхалъ туда подготовить свой побѣгъ.

Мѣстные иркутскіе ссыльные направили меня къ М. А. Натансону, и онъ обѣщалъ мнѣ приготовить паспортъ. Записалъ мои примѣты, далъ мнѣ совѣты разнаго рода насчетъ побѣга и просилъ ни къ кому больше не обращаться, а ждать, когда онъ пришлетъ мнѣ все, что нужно. Я и тогда почувствовалъ что-то неискреннее въ его словахъ.

Срокъ моего отпуска въ Иркутскъ прошелъ и я долженъ былъ уѣхать обратно къ себѣ въ село Малышевское. И тамъ я сталъ дожидаться отвѣта отъ Натансона.

Прошелъ мѣсяцъ, другой. Отвѣта изъ Иркутска или не было или отвѣты получались самые уклончивые. Наконецъ, я понялъ, что меня Натансонъ просто на просто обманулъ и что онъ вовсе и не имѣлъ въ виду мнѣ устраивать побѣга. По его расчетамъ, ему не хотѣлось, чтобы я бѣжалъ — и потому что я по своимъ взглядамъ былъ не подходящій для него человѣкъ, и потому, что мой побѣгъ

могъ отразиться на тѣхъ, кто былъ въ Иркутскѣ — въ частности на немъ. Мои товарищи, съ которыми я дѣлился своими планами, поняли, что мы обмануты, и впослѣдствіи устроили Натансону по этому поводу не одну сцену.

Тогда я обратился за помощью къ мѣстнымъ товарищамъ. На мѣдномъ пятакѣ выгравировали печать, достали какой-то неважный бланкъ и приготовили мнѣ паспортъ. Съ 80 рублями въ карманѣ, 3 іюля 1888 г. я рѣшился бѣжать изъ Сибири.

Первые 80 верстъ я ѣхалъ проселочной дорогой, затѣмъ, на большой почтовой дорогѣ, на станціи, кажется, Черемухово, взялъ подорожную и подъ видомъ только что кончившаго гимназію въ гимназическомъ костюмѣ ѣхалъ нѣкоторое время съ какимъ-то попутчикомъ-купцомъ.

Въ Красноярскѣ я встрѣтилъ ссыльныхъ Тютчева и Р. Прибылеву и они помогли мнѣ доѣхать до Томска. Затѣмъ, съ помощью томскихъ ссыльныхъ, я на пароходѣ по Оби доѣхалъ до Тюмени, изъ Тюмени по желѣзной дорогѣ до Перми, и оттуда на пароходѣ до Казани. Изъ Казани — въ Саратовъ, Ростовъ-на-Дону, Керчь и моремъ черезъ Севастополь въ Одессу. Тамъ я встрѣтилъ молодого революціонера Ю. Раппопорта, — не Шарля Раппопорта, съ кѣмъ впослѣдствіи мнѣ тоже нерѣдко пришлось встрѣчаться заграницей. Онъ помогъ мнѣ тайно переѣхать границу черезъ Волочискъ, а потомъ, черезъ Краковъ и Вѣну, мы вмѣстѣ благополучно пріѣхали въ Швейцарію.

Глава IV.

Народовольческое, соціалъ-демократическое и либеральное теченія за-границей въ тогдашней эмиграціи. — Пріѣздъ за-границу. — Въ Цюрихѣ. — Встрѣчи съ эмигрантами. — Парвусъ. — Дембо. — Пасманикъ. — Въ Женевѣ. — Дебагорій-Мокріевичъ. — Драгомановъ. — Споры по поводу политическихъ программъ.

Русская эмиграція жила Россіей. О ней только она и говорила. О ней только и думала. Она была ея осколкомъ. Недавно многіе изъ эмигрантовъ были въ Россіи и почти всѣ душой снова туда стремились. Они были отраженіемъ Россіи — иногда невѣрнымъ, иногда одностороннимъ. Въ общемъ русская эмиграція, какой я ее встрѣтилъ въ 1888-89 гг., жила тѣмъ же, чѣмъ жила и Россія. Это были — русскіе люди.

Въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ, при Александрѣ III, оппозиціонныя и революціонныя теченія въ самой Россіи были крайне слабы. Они болѣе ярко были представлены заграницей.

Послѣ провала народовольческой организаціи въ 1884 г. (Лопатина, Якубовича и др.) среди революціонеровъ не было серьезныхъ большихъ организацій. Въ Москвѣ были кружки революціонной молодежи, куда входили Гоцъ, Миноръ и др. На югѣ были кружки Оржиха, Богораза, на сѣверѣ бывшіе чернопередѣльцы выступали, какъ соціалъ-демократы. Въ разныхъ мѣстахъ дѣлались слабыя попытки приступить къ активной борьбѣ, ставили тайныя типографіи, создавали революціонныя организаціи среди рабочихъ и крестьянъ.

Но со всѣмъ этимъ правительство мало считалось. Это ему не угрожало въ данное время, а для него этого было достаточно.

Съ закрытіемъ „Отечественныхъ Записокъ“ условія существованія литературы были такъ тяжелы, какъ давно уже не были. Д. Толстой велъ систематическую борьбу съ земствомъ и уничтожалъ всѣ проявленія свободныхъ общественныхъ теченій.

Общество, и молодежь въ частности и въ особенности, было противъ правительства. Правительство, кромѣ своей бюрократіи и войска, находившихся внѣ политики, не имѣло никакой опоры и было чуждо для всего въ странѣ. Эта его отчужденность отъ общества была такова, что даже въ легальныхъ сферахъ всѣ и вся съ злорадствомъ относились къ тому, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ власти. Щедринъ, будучи по своему прошлому самъ бюрократъ, былъ вѣрнымъ выразителемъ этого настроенія. Правительство боялось общественной иниціативы и боролось со всѣми проявленіями общественной свободной жизни.

Хотя платонически, но сочувствіе революціонерамъ, несомнѣнно, было общее. Между прочимъ, а можетъ быть, даже въ особенности, это выражалось въ общемъ сочувствіи политическому террору и въ частности цареубійству. Террористы были выразителями общественнаго протеста. Больше того, — надеждой общества. Террора хотѣли и ждали. Противъ террористовъ, если и негодовали иногда, то только за то, что они дѣйствовали неудачно или совсѣмъ не дѣйствовали. Извѣстія о попыткахъ цареубійства и убійствахъ такихъ лицъ, какъ Судейкинъ, а потомъ Плеве, встрѣчались съ нескрываемой радостью. Навстрѣчу террористамъ и революціонерамъ вообще шли многіе, ничего съ ними общаго не имѣющіе.

Теперь, когда нѣтъ цензуры, мемуары разскажутъ, какъ тогда былъ популяренъ терроръ и террористы и какъ въ обществѣ вѣрили въ ихъ силу.

Терроръ привѣтствовали не только въ рядахъ крайнихъ лѣвыхъ партій, но и въ рядахъ умѣренныхъ. Въ обществѣ никто не рѣшался выступать противъ террористовъ. Противъ нихъ выступали только такіе реакціонеры, которымъ никто не вѣрилъ.

Благодаря всему этому, правительство, какъ никогда раньше, было изолировано отъ общественныхъ организацій.

Между обществомъ и правительствомъ былъ полный разрывъ, у нихъ не было общаго языка. Искренніе патріоты не были связаны съ правительствомъ и у общества и народа не было своего правительства. Правительство ни на что не опиралось въ странѣ и, повидимому, не желало этого. Оно продолжало висѣть въ воздухѣ.

Тогдашнее разъединеіе правительства, народа и общества было чревато большими и очень печальными послѣдствіями. То, что было въ началѣ 1917 г., свои корни имѣло въ этой отчужденности правительства отъ всего живого въ странѣ.

Тѣмъ не менѣе правительство являлось и тогда единственной большой реальной силой въ странѣ. У него была армія. Его бюрократія дѣйствовала часто съ большимъ успѣхомъ, потому что она въ свою среду вобрала много, т. н., третьяго элемента, которому собственно некуда было податься, кромѣ какъ идти работать вмѣстѣ съ правительствомъ. Но при такомъ существовавшемъ безправномъ положеніи страны бюрократія, конечно, могла только въ ограниченныхъ размѣрахъ, неглубоко, выполнять общественныя задачи, которыя стояли передъ нею.

Заграницей среди эмигрантовъ въ то время было два главныхъ теченія: народовольцы и соціалъ-демократы. Оба эти теченія рѣзко противополагали себя либераламъ. Среди народовольцевъ были издатели и сотрудники „Вѣстника Народной Воли“ — Лавровъ, Рубановичъ, Русановъ, Серебряковъ, революціонная молодежь, какъ Ив. Кашинцевъ, а среди эсдековъ — Плехановъ, Засуличъ, П. Аксельродъ.

Народовольцы и соціалъ-демократы были тѣсно связаны съ международнымъ соціалистическимъ движеніемъ и принимали участіе на всѣхъ съѣздахъ Интернаціонала, начиная съ перваго съѣзда въ Парижѣ во время всемірной выставки въ 1889 г., гдѣ выступали Лавровъ и Плехановъ. На этихъ съѣздахъ потомъ видную роль игралъ Рубановичъ, — впослѣдствіи онъ былъ русскимъ представителемъ

въ бюро Интернаціонала. На всѣхъ международныхъ конгрессахъ всегда были русскія фракціи и представители русскаго соціалистическаго движенія тамъ засѣдали рядомъ съ Гедомъ, Вильяномъ, Вандервельде, Гайдманомъ, Кергарди, Сидней Веббомъ, Либкнехтомъ, Бебелемъ, Энгельсомъ и иногда играли значительную роль. На этихъ конгрессахъ перебывали представители соціалистическихъ движеній различныхъ странъ, кто впослѣдствіи игралъ огромную роль въ общей политикѣ своихъ странъ. Въ 1896 г., напр., на конгрессѣ въ Лондонѣ одновременно были: Жоресъ, Мильеранъ, Эбертъ, Вивіани, Пилсудскій, Семба. Тамъ же тогда выступалъ, какъ анархистъ, и Кропоткинъ.

Въ Россіи къ народовольцамъ по своимъ взглядамъ близко подходили бывшіе сотрудники „Отечественныхъ Записокъ", а впослѣдствіи сотрудники „Русскаго Богатства": Михайловскій, Анненскій, Мякотинъ, Пѣшехоновъ. Къ эсдекамъ примыкали тоже видные общественные дѣятели. Съ начала девяностыхъ годовъ, отъ ихъ имени въ Россіи выступали: Струве, Туганъ-Барановскій, Ленинъ, Потресовъ, Мартовъ и др.

Народовольцы и эсдеки являлись защитниками самой коренной не только политической, но соціальной революціи. Они стояли главнымъ образомъ за революціонную пропаганду среди крестьянъ и рабочихъ и больше всего на нее и возлагали свои надежды. Среди нихъ были и защитники террора. Всѣ они выступали съ широкими соціалистическими идеалами, вѣрили въ общину, въ коллективизмъ, въ комунизмъ. У нихъ было гордое и рѣшительное отрицаніе всего тогдашняго соціального строя и яркій порывъ къ широкому, свѣтлому будущему, не всегда для нихъ самыхъ ясному. По поводу такихъ русскихъ революціонеровъ, какихъ я встрѣтилъ при пріѣздѣ заграницу, Герценъ какъ-то сказалъ, что „русскій человѣкъ самый свободный человѣкъ и его не сдерживаютъ никакія традиціи, онъ способенъ на самую яркую критику". Они ярко защищали интересы народа и пролетаріата, и все то, что они говорили и о чемъ писали, было проникнуто самой рѣшительной критикой даннаго строя и не было связано ни съ наживами, ни

съ акціонерными обществами, ни съ капиталами, ни съ помѣщичьими привилегіями.

Среди нихъ не было никого, кто бы хотя бы временно былъ на сторонѣ правительства. Это были или сами революціонеры, или тѣ, кто симпатизировалъ революціонерамъ. Ихъ героями были революціонеры, борющіеся съ правительствомъ, революціонеры, работающіе среди рабочихъ, распропагандированные рабочіе, крестьяне или солдаты. Всѣ они, по выраженію озлобленныхъ враговъ, были „каторжниками", т. е. тѣми, кто не выходилъ изъ тюремъ и ссылки. Мещерскій какъ-то на вопросъ, имъ же поставленный: что такое русскій интеллигентный человѣкъ? отвѣтилъ: „Это — человѣкъ, отбывшій срокъ тюремнаго наказанія".

Заграницей въ эмиграціи имѣло свое отраженіе еще одно большое руское политическое движеніе — либеральное. Оно, какъ легальное, главнымъ образомъ представлено было въ самой Россіи.

Либералы были послѣдовательные, убѣжденные защитники государственности Россіи, защитники свободы и права, фанатики этихъ свободныхъ идей. Они группировались около „Вѣстника Европы" и „Русскихъ Вѣдомостей". Они любили Россію и свое служеніе ей видѣли въ легализмѣ. Они отрицательно относились къ революціонному движенію и надѣялись, что будущее принадлежитъ имъ, ихъ идеаламъ, ихъ методамъ борьбы. Среди нихъ были Петрункевичъ, Родичевъ, Арсеньевъ, Соболевскій, Ковалевскій, Муромцевъ. Они не вѣрили въ соціалистическое и рабочее движеніе въ Россіи. Относились къ нему свысока, какъ къ иллюзіямъ увлекающихся людей. Они неясно себѣ представляли реальную силу революціоннаго движенія и возможность въ союзѣ съ нимъ борьбы съ правительствомъ, чтобы заставить его стать на путь свободнаго развитія. Не вѣрили они, или только показывали видъ, что не вѣрятъ, и въ разрушительныя силы народныхъ массъ. Они какъ будто вѣрили только въ силу однихъ своихъ идей и полагали, что этой платонической вѣры достаточно для борьбы и съ

правительственной реакціей и съ угрожающими явленіями слѣва.

Но многіе изъ нихъ — можетъ быть, даже большинство — не только видѣли свою слабость, но открыто признавали, что они безсильны противъ антигосударственнаго направленія, которое легко могутъ принять революціонное и рабочее движеніе, если только государственная власть не будетъ на ихъ сторонѣ. Они, поэтому, сознательно уклонялись отъ рѣшительной борьбы съ этой властью. Они понимали, что они сами существуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ прикрываетъ и защищаетъ власть, хотя бы и реакціонная.

Только незначительная часть участниковъ этого движенія правильно себѣ представляла и опасности крайнихъ правыхъ и опасности крайнихъ лѣвыхъ, и они желали развитія истиннаго демократическаго теченія въ Россіи и считали это единственнымъ спасеніемъ Россіи. Но все то, что въ этомъ отношеніи реально было ими сдѣлано за тѣ годы, было слабо, во всемъ этомъ было мало энергіи, мало энтузіазма и пафоса, мало жертвенности.

Я всегда глубоко интересовался либеральнымъ движеніемъ — съ того самаго времени, какъ началъ знакомиться съ политическими вопросами, и придавалъ ему огромное значеніе.

Мнѣ всегда казалось, что въ немъ заключенъ одинъ изъ залоговъ государственнаго строительства и что оно, главнымъ образомъ, и могло бы спасти Россію и отъ опасности тупой реакціи справа, и отъ безумной ломки жизни слѣва, которую въ зародышѣ и тогда можно было видѣть.

Опасность справа для меня ясна была и тогда, при Александрѣ III, но она стала еще яснѣе при Николаѣ II — особенно осенью 1916 г., когда правые губили Россію и подготавливали въ Россіи хаосъ.

Опасность слѣва также и тогда была совершенно ясна для меня. Ее еще яснѣе можно было разсмотрѣть въ 1905 г. Ее только слѣпой не могъ видѣть въ 1914-16 гг., — я ужъ не говорю о 1917 г., когда власть была въ рукахъ Керен-

скаго и его единомышленниковъ, кто сами по себѣ представляли государственную опасность.

Но какъ среди правыхъ, такъ и среди лѣвыхъ — у меньшинства въ томъ и другомъ лагерѣ — были и опредѣленныя государственныя теченія, которыя интересы народа всегда ставили выше своей программы и которыя никогда не захотятъ изъ народа сдѣлать опытное поле для примѣненія своихъ доктринъ.

Союзу этихъ двухъ теченій, лѣвыхъ и правыхъ, я придавалъ тогда огромное значеніе, а въ ихъ взаимной борьбѣ видѣлъ огромную, угрожающую опасность для Россіи.

Я былъ убѣжденъ, что только ихъ союзъ и можетъ обезпечить правильное развитіе страны и вывести ее на широкую дорогу свободной истинной демократіи.

Къ сожалѣнію, между революціоннымъ и либеральнымъ теченіями въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ все время существовали враждебныя отношенія. Ни съ той, ни съ другой стороны никогда не было стремленія сойтись для совмѣстной борьбы съ тогдашней реакціей и съ возможными проявленіями „безсмысленнаго, безпощаднаго русскаго бунта", — и только тогдашнее безсиліе обоихъ этихъ теченій до поры до времени не позволяло ихъ враждѣ выливаться въ особо рѣзкія формы, какъ это случилось позднѣе.

Я бѣжалъ изъ Сибири заграницу, главнымъ образомъ, именно съ этой идеей общенаціональнаго объединенія прогрессивныхъ, либеральныхъ и соціалистическихъ силъ для служенія родинѣ.

Заграницей у революціонеровъ, народовольцевъ и эсдековъ, я нашелъ много для меня близкаго, но тамъ я увидѣлъ много и угрожающаго, что меня заставило и тогда сразу встать къ нимъ въ оппозиціонное отношеніе и предостеречь ихъ противъ разрушительныхъ началъ, которыя несла ихъ партійность.

Въ чуждомъ для меня либерально-прогрессивномъ лагерѣ я видѣлъ много здороваго, но въ этомъ лагерѣ я не нашелъ ни широкихъ перспективъ, ни энергіи, ни жертвенности, ни желанія рисковать. Даже про одного изъ луч-

шихъ его представителей, Драгоманова, съ кѣмъ я скоро близко сошелся, я невольно и тогда думалъ: нѣтъ, это не то, что нужно! Не эти люди могутъ спасти Россію въ роковые моменты ея исторіи.

Первый городъ заграницей, гдѣ я встрѣтилъ русскую колонію, былъ Цюрихъ.

Прямо съ вокзала я вмѣстѣ съ Ю. Раппопортомъ отправился къ его знакомому — эмигранту Гельфонту. Это былъ впослѣдствіи извѣстный Парвусъ. Тогда онъ только начиналъ свою революціонную карьеру. Въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Парвусъ, жилъ другой эмигрантъ — Дембо (Бринштейнъ), съ которымъ я также познакомился.

Парвусъ былъ соціалъ-демократъ и я къ нему отнесся сразу, какъ къ человѣку, чуждому для меня. Дембо былъ народоволецъ. За годъ передъ тѣмъ онъ бѣжалъ изъ Россіи и въ то время усиленно разыскивался русской полиціей, какъ участникъ покушенія на Александра III, 1 марта 1887 г. По этому дѣлу въ числѣ другихъ пяти человѣкъ былъ повѣшенъ Ульяновъ, братъ Ленина.

Съ Парвусомъ говорилъ больше Раппопортъ, а я — съ Дембо.

Дембо со вниманіемъ выслушалъ меня. Въ томъ, что я ему сообщилъ изъ моихъ послѣднихъ наблюденій въ Россіи, для него было, очевидно, много новаго. Онъ отнесся ко мнѣ, какъ къ близкому для него человѣку, но сразу же понялъ, что въ моемъ наровольчествѣ многаго нѣтъ того, что было у заграничныхъ народовольцевъ и что ими усвоено отъ народовольцевъ по наслѣдству — вѣры въ революціонное настроеніе народа, рабочихъ и крестьянъ, а было то, чего не было у нихъ, — сознанія неизбѣжности постепенности въ развитіи Россіи и необходимости завоеванія конституціи.

Вмѣсто разсужденій о соціальной революціи и классовой борьбѣ и вѣры только въ революціонную борьбу съ правительствомъ, онъ у меня увидѣлъ сознаніе необходимости идти вмѣстѣ съ разными слоями общества, — въ частности съ тогдашними либералами, добиваться отъ правительства политическихъ и экономическихъ реформъ, созыва Земскаго

Собора и т. д. Обо всемъ этомъ я говорилъ съ Дембо не только отъ своего имени, но и отъ имени многихъ народовольцевъ, кого я еще недавно видѣлъ въ Россіи послѣ побѣга изъ Сибири. Они пришли приблизительно къ тѣмъ же выводамъ, какъ и я. Но я, б. м., только рѣзче формулировалъ назрѣвшія измѣнія въ программахъ, и не только дѣлалъ эти выводы, но вовсе не хотѣлъ оставлять ихъ про себя и самымъ рѣшительнымъ образомъ стремился возможно скорѣе выбросить ихъ на улицу и открыто ихъ защищать.

Это новое въ программѣ Народной Воли лично для него, Дембо, повидимому, не было совершенно непріемлемо, но онъ опредѣленно тогда же сказалъ мнѣ, что этого ни въ коемъ случаѣ не признаютъ ни Лавровъ, кто тогда заграницей былъ представителемъ наровольцевъ, ни парижскіе народовольцы, и что эти взгляды мнѣ помѣшаютъ съ ними сойтись. Но то, что меня сближало съ Дембо и что составляло сущность активной борьбы партіи Народной Воли, — это былъ политическій терроръ.

Парижскіе народовольцы, по словамъ Дембо, всѣ стояли за терроръ, кромѣ Лаврова, но онъ собственно не былъ народовольцемъ и объ этомъ не разъ самъ заявлялъ. Къ нимъ Лаврова привлекало то, что они были партіей соціалистической и при этомъ наиболѣе активной въ Россіи.

Въ это время для развѣдокъ возможности политическаго террора отъ имени молодыхъ народовольцевъ нелегально изъ Парижа въ Россію уѣзжала Софья Гинсбургъ. Дембо снесся съ нею относительно меня. Она во мнѣ увидѣла союзника и, повидимому, еще менѣе Дембо придавала значенія нашимъ выяснившимъ разногласіямъ. Съ дороги отъ нея я получилъ привѣтъ и пожеланіе сговориться съ ея товарищами.

Дембо вскорѣ познакомилъ меня съ двумя-тремя цюрихскими эмигрантами, близкими для него по своимъ взглядамъ. У него, между прочимъ, я тогда встрѣтилъ извѣстнаго польскаго революціонера Дембскаго. Съ этимъ Дембскимъ мы одновременно были арестованы въ 1882 г. въ Петербургѣ во время студенческихъ безпорядковъ, а въ 1883 г.

это былъ первый нелегальный, котораго я укрывалъ на своей квартирѣ.

Когда я уѣзжалъ въ Женеву, Дембо показалъ мнѣ въ своемъ шкафчикѣ цѣлый рядъ мѣдныхъ круглыхъ оболочекъ для бомбъ. Тамъ же стояли склянки съ какими-то химическими составами. Онъ мнѣ объяснилъ, что, какъ химикъ, онъ занятъ изученіемъ новаго типа бомбъ. Говорилъ объ этомъ онъ только какъ о лабораторныхъ опытахъ.

На одномъ изъ колоніальныхъ цюрихскихъ собраній, гдѣ с.-д. спорили съ народовольцами и съ только что нарождавшимися соціалистами-революціонерами о пролетаріатѣ, соціализмѣ, народовольчествѣ, соціалъ-демократіи, революціи, Лавровѣ, Плехановѣ, Тихоміровѣ, во время дебатовъ особенное мое вниманіе обратилъ на себя одинъ юноша. Ему врядъ ли тогда было больше 20 лѣтъ. Онъ, сильно заикаясь, перебивалъ говорившихъ и нѣсколько разъ бралъ слово по разнымъ вопросамъ. Въ его словахъ я почувствовалъ что-то очень близкое и родное. Онъ возражалъ противъ партійной узости, защищалъ широкую политическую и гуманитарную программу и доказывалъ необходимость связи революціонеровъ съ тѣмъ, что тогда называлось „обществомъ". Я не подозрѣвалъ, какъ я потомъ близко сойдусь съ этимъ человѣкомъ.

Это былъ молодой Пасманикъ. Онъ тогда, если это возможно, былъ еще болѣе типичнымъ евреемъ: маленькій, подвижной, какъ ртуть, худой, даже тощій, очевидно, не только сильно нуждавшійся, но и сильно голодавшій. Но это былъ упрямый юноша-фанатикъ, жившій всецѣло тѣмъ, о чемъ онъ говорилъ. Около того времени я, кромѣ Дембо, перевидалъ много молодыхъ и старыхъ эмигрантовъ — Плеханова, Дебагорій-Мокріевича, Драгоманова, Бохановскаго, а потомъ Лаврова, но идейно ближе всѣхъ для меня тогда былъ Пасманикъ. Я, русскій человѣкъ, говорилъ съ нимъ, евреемъ, однимъ языкомъ и смотрѣлъ на борьбу съ правительствомъ одними глазами. Мы съ нимъ и тогда въ основѣ были тѣми же, какими были потомъ всю жизнь и какими работали вмѣстѣ въ „Общемъ Дѣлѣ".

Побывши дней 10-15 въ Цюрихѣ, я уѣхалъ въ Жене-

ву. Тамъ я встрѣтился съ враждующими между собой теченіями: народовольцевъ и соціалъ-демократовъ. У нихъ были свои собранія, библіотеки. Они были связаны съ своими единомышленниками въ Цюрихѣ, Бернѣ, Лозаннѣ, Парижѣ. Встрѣтилъ тамъ я и представителей политическаго теченія, конституціоннаго. Оно связывалось съ именами, главнымъ образомъ, Владиміра Карповича Дебагорій-Мокріевича и Михаила Петровича Драгоманова.

Дебагорій-Мокріевичъ — очень извѣстный старый революціонеръ, бунтарь. Онъ побывалъ на каторгѣ и бѣжалъ изъ Сибири. Въ то время онъ былъ опредѣленнымъ конституціоналистомъ. Я быстро сошелся съ нимъ въ оцѣнкѣ положенія политическихъ дѣлъ въ Россіи. Оба мы возлагали большія надежды на общественно-оппозиціонное движеніе и ближайшей цѣлью считали необходимымъ добиваться отъ правительства конституціи и созыва Земскаго Собора.

Дебагорій-Мокріевичъ познакомилъ меня со старымъ эмигрантомъ, бывшимъ профессоромъ, извѣстнымъ писателемъ, украинофиломъ, Михаиломъ Петровичемъ Драгомановымъ. Послѣдній еще въ семидесятыхъ годахъ былъ вынужденъ русскимъ правительствомъ покинуть Россію и сдѣлаться эмигрантомъ. Онъ много писалъ заграницей и по русски, и по украински. По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ умѣренный, но выдержанный либералъ, типа „Вѣстника Европы". Заграницей, впродолженіи многихъ лѣтъ, онъ пытался не разъ основать свободный русскій органъ, но это ему никогда не удавалось. Съ конца семидесятыхъ годовъ онъ началъ рѣзкую полемику съ соціалистами эмигрантами — Лавровымъ, Плехановымъ и др. — о соціализмѣ, анархизмѣ, бунтарствѣ, политической борьбѣ, террорѣ и т. д. и съ этихъ поръ заграницей противъ Драгоманова стала вестись безпощадная борьба. Въ то же самое время единомышленники Драгоманова, либералы, его совершенно оставили безъ поддержки и, какъ онъ самъ говорилъ, они его предали.

Въ 1881 г. Драгомановъ, одновременно съ П. Аксельродомъ, И. И. Добровольскимъ и др. эмигрантами принялъ участіе въ газетѣ „Вольное Слово", начавшей выходить въ

Женевѣ съ половины этого года, подъ редакціей имѣвшаго раньше отношеніе къ Деп. Полиціи и лично къ шефу жандармовъ Дрентельну, впослѣдствіи бывшаго сотрудникомъ Каткова, нѣкоего Мальчинскаго. Но скоро связи Мальчинскаго съ Деп. Полиціи были разоблачены и стало извѣстно, что „Вольное Слово" издается на средства „Добровольной Охраны". Тогда Драгомановъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, съ опасностью скомпрометировать себя, для того, чтобы спасти единственно существовавшую тогда заграницей газету „Вольное Слово", принялъ на себя ея редактированіе. Свои сношенія съ издателями „Вольнаго Слова" Драгомановъ велъ, главнымъ образомъ, черезъ графа Шувалова. Этихъ связей съ „Вольнымъ Словомъ" Драгоманову въ эмиграціи впослѣдствіи никогда не могли простить. О нихъ очень много говорили и въ 1888 г., когда я пріѣхалъ заграницу.

Рѣшившись взять въ руки скомпреметированную газету, Драгомановъ надѣялся сдѣлать изъ нея независимый политическій органъ и повелъ его совершенно самостоятельно. Отъ либеральныхъ земцевъ онъ тогда систематически сталъ получать матеріалы о русскомъ либеральномъ движеніи и объ этомъ онъ съ особымъ удовольствіемъ говорилъ мнѣ въ 1888 г. Среди его кореспондентовъ были, если не ошибаюсь, Родичевъ и Петрункевичъ. Изъ эмигрантовъ у него работали: Присѣцкій, Гольдштейнъ, Волковъ, Цакни, нѣкоторое время Аксельродъ и др. Въ Добровольной Охранѣ были не особенно довольны тѣмъ, какъ велъ газету Драгомановъ, да и окрѣпшая реакція ко времени коронаціи такъ подѣйствовала на Шуваловыхъ, что они потеряли интересъ къ „Волному Слову" и въ половинѣ 1883 г. перестали его поддерживать. Тогда Драгомановъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ убѣдить русскихъ либераловъ продолжить „Волное Слово" и не дать ему погибнуть. Но онъ и тогда не дождался отъ нихъ никакой поддержки. Съ какимъ искреннимъ негодованіемъ говорилъ онъ мнѣ, что они ни своего органа не создали, и не поддержали „Вольное Слово", въ которомъ сами же стали печатать нужные имъ матеріалы о земскомъ движеніи.

Послѣ 1883 г. въ то время, какъ революціонеры заграницей имѣли свои органы и въ Россіи устраивали тайныя типографіи, либералы ничего не дѣлали, чтобы создать какой-нибудь свой свободный органъ.

Эти связи Драгоманова съ „Вольнымъ Словомъ" я считалъ его большой ошибкой, но для меня его политическая независимость отъ Добровольной Охраны въ редактированіи „Вольнаго Слова" была внѣ сомнѣнія. Такое же отношеніе къ Драгоманову въ вопросѣ объ „Вольн. Словѣ" я встрѣтилъ тогда, кромѣ Дебагорій-Мокріевича, только у Степняка и еще у очень немногихъ другихъ.

Но кромѣ связи съ „Вольнымъ Словомъ", Драгоманову не прощали и того, что онъ былъ либераломъ, а не соціалистомъ, — противникомъ террора и революціи.

О всѣхъ этихъ обвиненіяхъ Драгоманова я хорошо зналъ, но однимъ изъ нихъ не придавалъ особаго значенія — хотя они и были справедливы, — другія я считалъ ошибочными. Драгоманова я глубоко цѣнилъ и какъ ученаго, и какъ публициста. Его взгляды на политическую борьбу и на конституцію сильно привлекали меня къ нему. Но его отрицательное отношеніе къ революціонной борьбѣ и его исключительное признаніе легализма не давало мнѣ возможности ближе сойтись съ нимъ, какъ потому же я не могъ ближе сойтись и съ Дебагорій-Мокріевичемъ. Между нами всегда осталась какая-то пропасть.

Кромѣ Дебагорій-Мокріевича и Драгоманова, въ Женевѣ въ то время я перезнакомился съ народовольцами и соц.-демкр., — русскими, грузинами, армянами. Тамъ были представители и старой эмиграціи и болѣе молодой. Меня, какъ новичка, только что бѣжавшаго изъ Сибири, всѣ засыпали вопросами. У меня была богатая информація по Сибири. Для заграницы я былъ рѣдкимъ гостемъ оттуда. Изъ своей послѣдней нелегальной поѣздки по Россіи я привезъ много новыхъ, интересныхъ для эмигрантовъ впечатлѣній.

Въ первые же мѣсяцы, послѣ пріѣзда заграницу, я успѣлъ уже списаться съ большей частью русскихъ эмигрантовъ, разбросанныхъ въ разныхъ странахъ, и даже

получилъ извѣстія изъ Россіи и изъ Сибири. Познакомился съ имѣвшейся тогда эмигрантской литературой. Такимъ образомъ, у меня получилась довольно полная картина тогдашней русской эмиграціи. Я вошелъ въ курсъ ея дѣлъ и съ своей стороны успѣлъ многихъ познакомить съ позиціей, которую я тогда занималъ въ политикѣ. Въ общую атмосферу эмиграціи того времени мнѣ удалось внести нѣсколько иное отношеніе къ вопросамъ, чѣмъ то, которое было до того времени. Вокругъ моей критики партійныхъ программъ загорѣлась оживленная борьба.

Революція и общество, революціонеры и либералы, революціонная пропаганда среди рабочихъ и крестьянъ, возстанія, иногда даже захватъ власти, тайныя нелегальныя поѣздки въ Россію, организація тайныхъ транспортовъ нелегальной литературы въ Россію, с.-д. и народовольческія программы, терроръ — вотъ о чемъ тогда думали и говорили въ эмиграціи. Менѣе всего говорили о роли оппозиціоннаго движенія и организаціи общенаціональнаго объединеннаго движенія. Къ тому и другому въ эмиграціи было прежде всего отрицательное отношеніе.

Къ тому, что дѣлалось въ то время въ этой эмигрантской кухнѣ, какъ-то свысока относились тѣ, кто были внѣ эмиграціи, — особенно либералы. А между тѣмъ, въ этой-то политической кухнѣ и сложилось все то, что позднѣе имѣло огромное значеніе въ продолженіи десятилѣтій въ жизни цѣлыхъ поколѣній и отразилось во всей русской общественной жизни.

Эти тогдашніе разговоры въ эмиграціи роковымъ образомъ сказались и въ 1917 г. на событіяхъ въ Россіи.

Все то, о чемъ мнѣ дальше придется разсказывать въ моихъ воспоминаніяхъ, тѣсно связано съ тогдашними женевскими, цюрихскими и парижскими нашими разговорами и спорами, надеждами, ошибками, вѣрными или невѣрными предсказаніями.

Особенно рѣзкія разногласія выявились у насъ по спеціальному вопросу о политическомъ террорѣ.

Эсдеки по своей теоріи классовой борьбы относились совершенно отрицательно къ террору, какъ средству борь-

бы, что не мѣшало имъ потомъ привѣтствовать убійство Плеве. Терроръ тогда защищали только народовольцы. Для нихъ терроръ былъ всегда связанъ съ народными движеніями и былъ какъ бы дополненіемъ къ народнымъ возстаніямъ, — или, въ лучшемъ случаѣ, они на него смотрѣли, какъ на месть отдѣльнымъ лицамъ за тѣ или другіе акты.

Но для народовольцевъ, какихъ я встрѣтилъ въ Россіи и отъ имени которыхъ я говорилъ, терроръ не былъ ни местью, ни подсобнымъ средствомъ для возбужденія народныхъ революціонныхъ теченій, а былъ прежде всего средствомъ заставить правительство измѣнить его реакціонную политику.

Мы были убѣждены, что терроръ въ самыхъ рѣзкихъ его формахъ, вплоть до цареубійства, является могущественнымъ средствомъ борьбы съ реакціей за свободную Россію. Но въ возможность его широкаго развитія мы вѣрили только въ томъ случаѣ, если революціонеры сумѣютъ добиться его поддержки со стороны широкихъ слоевъ русскаго общества и если бы они могли создать для него большія спеціальныя организаціи, какой впослѣдствіи отчасти была „Боевая Организація" с.-р. То, что эсеры стали дѣлать въ началѣ 900-хъ годовъ, по замыслу относится къ дѣятельности народовольцевъ конца 80-хъ гг.

Въ русской жизни давно были всѣ данныя для такоі борьбы. Политическій терроръ въ Россіи былъ очень популяренъ. Его признавали и ждали не только въ самыхъ вліятельныхъ интеллигентныхъ слояхъ, но и среди промышленниковъ и буржуазіи, — и даже очень многія въ правительственныхъ сферахъ. Террора ждали во всѣхъ его формахъ вплоть до цареубійства. Судя по тому, что было въ 1879-80 гг., политическій терроръ и въ то время, когда власть была въ рукахъ Д. Толстого, могъ бы вызвать общественное сочувствіе, получить широкое признаніе и явиться могущественнымъ факторомъ воздѣйствія на правительство. Такой взглядъ на терроръ я привезъ изъ Россіи и его защищалъ всегда и впослѣдствіи.

Но въ то же самое время я былъ опредѣленнымъ противникомъ политическаго террора. Чего для Россіи я не

хотѣлъ, такъ именно террора. Для меня онъ былъ только вынужденнымъ средствомъ. Я всегда готовъ былъ отъ него отказаться. Во всемъ томъ, что я писалъ и потомъ о террорѣ, я всегда, какъ непремѣнное условіе, ставилъ „если“: если правительство пойдетъ навстрѣчу обществу, то мы должны стать рѣшительными противниками всякаго террора. Я постоянно твердилъ, что намъ надо только свободное слово и парламентъ, и тогда мы мирнымъ путемъ дойдемъ до самыхъ завѣтныхъ нашихъ требованій.

Горячо защищая Народную Волю, я говорилъ, что терроръ народовольцевъ 1879-80 г. г. разбудилъ русское общество, терроризировалъ правительство и заставилъ его встать на тотъ путь, который единственно могъ спасти Россію, когда оно пошло навстрѣчу обществу и призвало ко власти Лорисъ-Меликова.

Въ 1889 г., когда возникла „Свободная Россія“, роль Лорисъ-Меликова и его политика — по крайней мѣрѣ въ литературѣ — не была еще ясна, какъ она ясна сейчасъ. Для меня Лорисъ-Меликовъ во многихъ отношеніяхъ былъ, конечно, человѣкомъ чуждымъ, но я относился къ нему не только, какъ къ честному человѣку, но и какъ къ политическому дѣятелю, понявшему задачи, стоявшія передъ Россіей, кто могъ спасти Россію. Такой взглядъ на Лорисъ-Меликова былъ проведенъ нами въ „Свободной Россіи“ и въ этомъ духѣ я много писалъ о немъ потомъ. Это мое отношеніе къ нему постоянное возбуждало противъ меня протесты съ разныхъ сторонъ.

Глава V.

Проекты заграничнаго органа. — Изданіе 3 и 4 №№ „Самоуправленія". — Совмѣстно съ Дебагорій-Мокріевичемъ и Драгомановымъ было начато изданіе „Свободной Россіи".

Послѣ многочисленныхъ переговоровъ въ Цюрихѣ съ Дембо и потомъ съ другими эмигрантами въ Женевѣ, я убѣдился, что заграницей въ революціонной средѣ я не могъ надѣятся найти широкаго сочувствія своимъ взглядамъ.

Зато въ переговорахъ съ Дебагорій-Мокріевичемъ и Драгомановымъ, кто по той позиціи, которую они занимали въ то время, должны были быть далекими для меня, революціонера, я сразу почувствовалъ свою близость съ ними.

Дебагорій-Мокріевичъ и Драгомановъ внимательно вслушивались въ мои разсказы и планы. Съ особеннымъ сочувствіемъ они отнеслись къ моимъ взглядамъ на политическую борьбу, на парламентаризмъ, на агитацію въ Россіи и заграницей. Но былъ вопросъ, который сразу отдѣлилъ насъ другъ отъ друга, — это революціонная борьба и въ частности политическій терроръ.

Я считалъ невозможнымъ въ борьбѣ съ правительствомъ довольствоваться только легализмомъ, петиціями, словесными протестами и опредѣленно высказывался за борьбу революціонными средствами и за терроръ, если само правительство своимъ упрямствомъ доведетъ до того. Съ этимъ рѣшительнымъ образомъ не былъ согласенъ ни Дебагорій-Мокріевичъ, ни Драгомановъ.

Они, разумѣется, не были защитниками тѣхъ, противъ кого тогда былъ направленъ политическій терроръ, и они

понимали, почему революціонеры совершали террористическіе акты. Но на террористической борьбѣ они не могли и не хотѣли строить своихъ надеждъ и всегда открещивались отъ ея. Въ террорѣ они видѣли прежде всего поводъ для усиленія въ Россіи реакціи.

Съ моими взглядами на революціонную борьбу и на терроръ ихъ до извѣстной степени примиряло то, что терроръ для меня не являлся самодовлѣющимъ средствомъ. Они понимали, что я всегда готовъ рѣзко выступать противъ него, если правительство вступитъ на путь реформъ.

Споры о политическомъ террорѣ, которые мнѣ приходилось вести въ то время въ Женевѣ, впослѣдствіи повторялись много разъ при различныхъ обстоятельствахъ.

Однажды Б..., по своимъ взглядомъ близкій къ Драгоманову, въ спорѣ со мной, сказалъ мнѣ:

— Такъ цареубійство для васъ является, очевидно, только средствомъ всеподданѣйшаго увѣщеванія?!

— Да! да! да! я ему отвѣтилъ, — это для меня именно прежде всего только средство увѣщеванія, въ томъ смыслѣ какъ въ свое время народовольцы увѣщевали Александра II — и онъ внялъ ихъ увѣщеваніямъ и призвалъ къ власти Лорисъ-Меликова. Очень жаль, что ни революціонеры, ни общество не поняли тогда своей побѣды и истиннаго значенія политическаго террора и не сумѣли опредѣленно посмотрѣть на него, какъ на средство увѣщеванія, и не отказались отъ его продолженія тогда, когда для увѣщеванія прошло время. Я буду очень радъ, если въ Россіи не совершится ни одного факта политическаго террора. Онъ намъ не нуженъ! Если русское правительство сдѣлаетъ его невозможнымъ, то я болѣе другихъ буду радоваться этому и тогда со всей моей энергіей я буду бороться и съ политическимъ терроромъ и съ революціонными потрясеніями въ странѣ.

Дебагорій-Мокріевичъ и Драгомановъ поняли, что споръ со мной по вопросу о революціонной борьбѣ и террорѣ безполезенъ и не расчитывали меня переубѣдить. Скоро они даже стали избѣгать разговоровъ со мной на эту тему.

Оба они соглашались со мной, что эти наши разногласія не должны мѣшать нашимъ совмѣстнымъ выступленіямъ въ одномъ и томъ же органѣ и что мы можемъ найти общую почву для нашей совмѣстной работы. Но по личнымъ и общественнымъ соображеніямъ они не считали возможнымъ поднимать эти наши острые споры въ органѣ, легально издававшемся въ Женевѣ, — вѣрнѣе сказать, считали возможнымъ не поднимать ихъ. Я тоже не ставилъ непремѣннымъ условіемъ нашего схожденія въ первомъ же номерѣ нашего органа выступить съ прямой защитой борьбы съ правительствомъ революціонными средствами. Но я опредѣленно защищалъ народовольческую программу дѣйствія, и Дебагорій-Мокріевичъ и Драгомановъ знали, что при первой возможности я имѣю въ виду это сдѣлать.

Эти программные вопросы мы обсуждали не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и коллективно — на спеціально устраиваемыхъ собесѣдованіяхъ.

Въ концѣ концовъ мы сошлись на томъ, что въ данное время необходимо вѣрѣ въ народныя возстанія, защищаемой большинствомъ эмигрантовъ, противопоставить опредѣленную политическую оппозиціонную программу.

Въ связи съ моимъ пріѣздомъ въ Женеву у Драгоманова по вечерамъ стали собираться нѣкоторые эмигранты для бесѣдъ. На нашихъ собраніяхъ бывало человѣкъ десять: Драгомановъ, Дебагорій-Мокріевичъ, Жукъ (В. П. Масловъ-Стоковъ † 1918 г.), Э. А. Серебряковъ (†1921 г.), И. И. Добровольскій, я и др. Отъ распросовъ о Сибири и о впечатлѣніяхъ моей нелегальной поѣздки по Россіи мы перешли къ болѣе или менѣе систематическимъ бесѣдамъ на различные политическіе вопросы. Эти бесѣды въ сильной степени отразились впослѣдствіи въ издававшейся нами „Свободной Россіи".

Съ Дебагорій-Мокріевичемъ и нѣкоторыми близкими ему эмигрантами я сошелся по слѣдующему поводу.

Въ 1887-88 г. г. въ Россіи одинъ революціонный кружокъ, въ которомъ принималъ участіе извѣстный журналистъ впослѣдствіи сотрудникъ „Русскихъ Вѣдомостей" А. С. Бѣлорусовъ, рѣшилъ приступить къ изданію загра-

ницей свободнаго органа. Члены этого кружка обратились въ Женеву къ Дебагорій-Мокріевичу съ просьбой помочь имъ печатать тамъ ихъ газету „Самоуправленіе". Дебагорій-Мокріевичъ согласился и тогда же при его участіи появились 1 и 2 №№ „Самоуправленія". Въ немъ были напечатаны присланныя изъ Россіи статьи (главнымъ образомъ Бѣлорусова), и въ видѣ писемъ въ редакцію, статьи Лаврова, Степняка, Дебагорій-Мокріевича, Добровольскаго и Драгоманова.

Съ нѣкоторыми изъ участниковъ кружка „Самоуправленіе", а именно съ Ольгой Николаевной Фигнеръ (Флеровской) и Копыловой, бывшей потомъ въ ссылкѣ, я встрѣтился въ Казани лѣтомъ 1888 г., когда послѣ побѣга нелегально пробирался заграницу. Они поручили мнѣ продолжать заграницей выпускать ихъ журналъ.

Я сообщилъ Дебагорій-Мокріевичу о передачѣ мнѣ изданія „Самоуправленія". Въ то же самое время я извѣстилъ въ Россіи О. Н. Фигнеръ, что пріѣхалъ заграницу и готовъ приступить къ выполненію порученнаго мнѣ дѣла. Вскорѣ я получилъ изъ Россіи часть матеріаловъ для „Самоуправленія" и сталъ ждать присылки ихъ продолженія. По нашему договору я долженъ былъ сорганизовать печатаніе журнала и помѣщать въ немъ статьи, присылаемыя изъ Россіи, но я имѣлъ право въ этотъ родственный для насъ органъ добавлять статьи нѣкоторыхъ эмигрантовъ. Это намъ еще болѣе позволяло смотрѣть на „Самоуправленіе", какъ на свой органъ. Такимъ образомъ я являлся посредникомъ между русскимъ революціоннымъ кружкомъ, предпринявшимъ изданіе этого органа, и нѣкоторыми эмигрантами.

Но совершенно неожиданно изъ Россіи нами было получено извѣстіе (оно потомъ оказалось ошибочнымъ), что всѣ участники „Самоуправленія" арестованы. Наша мечта о скоромъ выходѣ газеты, повидимому, окончательно рухнула.

Это извѣстіе еще сильнѣе, чѣмъ меня, поразило Дебагорій-Мокріевича и Драгоманова и усилило ихъ пессимизмъ.

Послѣ долгаго затишья у нихъ появилась было надежда имѣть органъ, редактируемый лицами, близкими имъ

по взглядамъ, живущими въ Россіи, и матеріально ими обезпеченный. Въ немъ они расчитывали видѣть защиту своей программы противъ эсдековъ и народовольцевъ, — и вдругъ приходилось разстаться съ этими мечтами!

Тогда мнѣ впервые пришлось наблюдать заграницей панику, правда, по поводу этого сравнительно очень незначительнаго событія — предполагавшихся арестовъ членовъ кружка „Самоуправленія". Впослѣдствіи я заграницей ее навидался вдоволь, иногда при самыхъ ужасныхъ условіяхъ и по поводамъ, дѣйствительно, серьезнымъ.

Я нѣсколько спокойнѣе другихъ заинтересованныхъ лицъ отнесся къ тому, что „Самоуправленія" больше не будетъ.

Я рѣшился взять на себя иниціативу создать органъ съ помощью тѣхъ силъ, какія можно было найти заграницей. Но когда я заговорилъ о необходимости сейчасъ же намъ самимъ начать издавать органъ, то встрѣтилъ не только скептическое отношеніе, но столкнулся съ опредѣленнымъ убѣжденіемъ, что это дѣло несбыточное и что для него заграницей нѣтъ ни людей, ни средствъ, ни условій.

Для меня основой всей борьбы съ правительствомъ и тогда была пропаганда. Когда я еще сидѣлъ въ тюрьмѣ и шелъ въ Сибирь, я не могъ примириться съ мыслью, что у насъ борющихся съ правительствомъ нѣтъ хотя бы заграницей органа, который, вопреки всѣмъ цензурнымъ запретамъ, говорилъ бы такъ же свободно, какъ раньше „Колоколъ", и даже свободнѣе — языкомъ народовольцевъ.

Можно было, пожалуй, условно согласиться съ тѣмъ, что создать въ самой Россіи тайный, болѣе или менѣе правильно выходящій, свободный органъ было трудно вслѣдствіе техническихъ условій. Лично я и въ это не вѣрилъ. Мнѣ казалось, что въ Россіи всегда можно было ставить тайныя типографіи, какъ потомъ въ Польшѣ это дѣлалъ Пилсудскій, если бы только наши революціонеры и сочувствующіе имъ захотѣли этимъ серьезно заняться. Этотъ свой взглядъ на возможность серьезно поставить тайную типографію въ Россіи и при тогдашнихъ полицейскихъ условіяхъ я защилаъ въ первомъ же номерѣ „Свободной Россіи".

Но, во всякомъ случаѣ, создать такой органъ заграницей, мнѣ казалось дѣломъ совсѣмъ не труднымъ. Для него заграницей же безъ труда можно было бы найти и опытнаго редактора, и много талантливыхъ сотрудниковъ. Изъ Россіи мы могли всегда имѣть драгоцѣнные разоблачительные матеріалы и интересные корреспонденціи и широко могли использовать то, что въ то время было недоступнымъ для легальной прессы.

Въ самомъ дѣлѣ, заграницей годами жили литераторы и ученые, какъ М. М. Ковалевскій и др. Туда постоянно пріѣзжали изъ Россіи по многу разъ въ годъ либеральные журналисты и общественные дѣятели и сочувствующіе имъ разнаго рода имущіе люди. Сношенія съ заграницей тогда были почти такъ же легки, какъ сношенія Москвы съ Петербургомъ.

Мнѣ казалось, не можетъ быть даже вопроса, возможно ли въ Россіи найти нужныя средства для органа. У тѣхъ, кто языкомъ Щедрина и Михайловскаго говорилъ о тогдашней реакціи, жаждалъ террора и такъ много говорилъ о сочувствіи намъ, боровшимся съ правительствомъ, въ банкахъ были сотни тысячъ и милліоны. Они создавали стипендіи, устраивали больницы, основывали журналы и газеты, — тратили на это огромныя средства. Они же изъ года въ годъ ухлопывали огромныя средства на личную жизнь.

Для заграничнаго органа надо было собрать 200-300 тысячъ рублей, сговориться съ нѣсколькими эмигрантами-литераторами, запастись постояннымъ сотрудничествомъ нѣсколькихъ журналистовъ и корреспондентовъ въ самой Россіи. Все это, казалось, могло быть дѣломъ нѣсколькихъ недѣль, — и тогда у насъ будетъ могущественнѣйшее средство для борьбы съ реакціей!

При нашихъ обширныхъ связяхъ заграницей этотъ органъ позволитъ намъ постоянно воздѣйствовать на общественное мнѣніе иностранцевъ Насъ будутъ цитировать англійскія и французскія, нѣмецкія и американскія газеты. „Таймсъ“ и „Танъ“ будутъ писать о нашей борьбѣ съ правительствомъ.

Вотъ тѣ радужныя мечты, съ которыми я ѣхалъ заграницу!

Въ революціонной средѣ въ Россіи къ заграницѣ и къ эмигрантамъ очень часто относились отрицательно, но я былъ глубоко убѣжденъ, что заграницей для Россіи можно сдѣлать много того, что очень трудно дѣлать въ ней самой.

Эмигранты прежде всего могли дать намъ свободный органъ.

Въ этихъ планахъ свободнаго органа заграницей для меня утопали и политическій и фабричный терроръ, и всѣ планы крестьянскихъ и рабочихъ возстаній. Органъ сдѣлаетъ невозможнымъ для реакціи ея дальнѣйшее сопротивленіе, — и тогда намъ не нужны будутъ ни народныя возстанія, ни политическій терроръ, ни цареубійство!

Уѣзжая изъ Россіи я не могъ допустить, что заграницей не встрѣчу сочувствія этимъ своимъ планамъ, или же, что намъ не станутъ помогать изъ Россіи, когда тамъ будетъ начато дѣло.

Поэтому, пробираясь заграницу, я еще въ Россіи договорился кое съ кѣмъ, помимо кружка „Самоуправленія“, по поводу этой моей главной мечты — создать свободный органъ. Я просилъ этихъ лицъ, чтобы они, какъ только сообщу имъ, что нашелъ заграницей нужныхъ людей, устроили бы объѣздъ по Россіи, собрали нужныя большія средства для постановки свободнаго органа и связались бы съ нами.

Эти свои надежды на огромную роль заграничной литературы я привезъ въ Женеву изъ Россіи вмѣстѣ съ моей глубочайшей вѣрой въ огромное значеніе легальной русской литературы и такихъ ея органовъ, какъ раньше были „Отечественныя Записки“ или какъ тогда существовали „Вѣстникъ Европы“, „Русскія Вѣдомости“ и т. д. Но въ то же самое время я былъ убѣжденъ, что одной легальной прессы для борьбы съ правительственной реакціей недостаточно, что многое для нея недоступно по цензурнымъ условіямъ и что она сама пріобрѣтетъ несравненно большее значеніе, если одновременно съ нею будетъ существовать заграницей хорошо поставленный свободный русскій органъ.

О необходимости создать такой органъ, какъ „Колоколъ“, я заговорилъ еще въ Цюрихѣ в первомъ же моемъ разговорѣ съ первымъ же эмигрантомъ, съ кѣмъ я встрѣтился, съ Дембо. Но я сразу увидѣлъ, какъ нова и чужда для него эта моя задача и какъ она показалась ему несбыточной по своей грандіозности. Все то, о чемъ онъ мечталъ, а вмѣстѣ съ нимъ мечтало и большинство другихъ эмигрантовъ, — это было созданіе кое-какой партійной литературы. Такого рода литература отчасти и создавалась тогда кружкомъ народовольцевъ: Лавровымъ, Русановымъ, Рубановичемъ, Серебряковымъ и другими. Они издавали „Вѣстникъ Народной Воли“ и напечатали нѣсколько брошюръ и книгъ революціоннаго и соціалистическаго характера. Аналогичными съ ними по формѣ, но иного направленія, были изданія Плеханова и Аксельрода.

Но кто болѣе всего поразилъ меня своимъ скептицизмомъ относительно возможности созданія свободнаго органа заграницей, такъ это былъ Дебагорій-Мокріевичъ, а еще того болѣе — Драгомановъ. Какъ искусившіеся заграницей въ такихъ опытахъ, они добродушно выслушивали мои проекты и каждый день окачивали меня ушатами холодной воды.

Для нихъ я былъ Маниловъ, не знающій и не понимающій русскихъ людей. Когда я спрашивалъ ихъ, кто бы, по ихъ мнѣнію, заграницей могъ взять на себя эту задачу, то они убѣжденно говорили: никого нѣтъ! Когда я спрашивалъ, кто изъ русскихъ легальныхъ писателей можетъ для этого эмигрировать, они увѣренно отвѣчали: никто, никогда для этого не эмигрируетъ!

Для меня такія категорическія заявленія, очевидно, наболѣвшія на душѣ у Драгоманова, казались абсурдомъ и, несмотря на всю ихъ категоричность, я все-таки полагалъ, что необходимость органа такъ ясна и онъ можетъ имѣть такое колосальное значеніе для всей борьбы съ правительствомъ, что общественное мнѣніе должно же выдвинуть даже не одного, а многихъ публицистовъ, кто бы взяли на себя редактированіе заграничнаго органа. А тотъ, кто возьметъ на себя инициативу его изданія, сможетъ собрать во-

кругъ себя и нужныя литературныя силы, и средства для его обезпеченія, разъ онъ уже созданъ.

Когда мы все-же стали обсуждать, кто бы могъ взяться за редактированіе такого органа, то оказалось, что найти такое имя и очень легко, и очень трудно.

Прежде всего мы остановились на имени М. М. Ковалевскаго, жившаго тогда заграницей въ положеніи полуэмигранта, человѣка съ большимъ и тогда уже европейскимъ именемъ. Онъ пользовался широкой извѣстностью и популярностью въ Россіи, былъ талантливымъ публицистомъ, глубокимъ ученымъ и человѣкомъ обезпеченнымъ. Незадолго передъ этимъ онъ за свой либерализмъ былъ лишенъ каѳедры при московскомъ университетѣ и долженъ былъ уѣхать заграницу. Но Драгомановъ, какъ ни высоко цѣнилъ Ковалевскаго, рѣшительно заявилъ, что онъ на эту жертву никогда не согласится и для того, чтобы создать органъ заграницей, не захочетъ сдѣлаться эмигрантомъ и не пойдетъ по стопамъ Герцена.

Далѣе мы предположительно намѣчали имена нѣкоторыхъ другихъ легальныхъ писателей, какъ возможныхъ редакторовъ органа, но Драгомановъ всѣхъ ихъ, хотя каждый изъ нихъ казался ему въ политическомъ отношеніи подходящимъ, отводилъ по тому соображенію, что они тоже, какъ и Ковалевскій, никоимъ образомъ не согласятся эмигрировать и скомпреметировать своего имени участіемъ въ свободной заграничной прессѣ. Страхъ передъ Деп. Полиціи среди русскихъ общественныхъ дѣятелей, по словамъ Драгоманова, былъ такъ великъ, что онъ заглушалъ въ нихъ желаніе создавать „Колоколъ". Съ однимъ изъ такихъ нашихъ кандидатовъ на редакторство мы вскорѣ, однако, успѣли снестись. Первое, что мы отъ него услышали, это условіе, чтобы его обезпечили на десять лѣтъ. Противъ этого мы не могли имѣть ничего въ принципѣ, но въ то время не могли даже обсуждать этого вопроса, такъ какъ у насъ не было никакихъ средствъ.

Драгомановъ какъ-то сказалъ мнѣ, что дѣло созданія свободнаго органа заграницей испортилъ Герценъ, что послѣ его „Колокола" трудно найти достойныхъ ему подража-

телей. Я возражалъ Драгоманову, что сила органа, о которомъ мы говорили, заключается не въ геніальномъ публицистическомъ талантѣ редактора, но въ вѣрной постановкѣ всего дѣла, въ живыхъ протестующихъ статьяхъ, въ богатыхъ кореспонденціяхъ и разоблачительныхъ документахъ, и что въ настоящее время редакторъ несравненно менѣе талантливый, чѣмъ Герценъ, сможетъ блестяще вести дѣло.

Органъ, о которомъ мы тогда хлопотали и для краткости его называли „Колоколъ", мнѣ рисовался приблизительно такимъ, какимъ впослѣдствіи явился органъ П. Б. Струве — „Освобожденіе". Но прошло не мало лѣтъ, прежде чѣмъ русскіе общественные дѣятели, какъ разъ многіе изъ тѣхъ, о которыхъ мы думали тогда, сговорились и прислали заграницу П. Б. Струве, обезпечили изданіе, снабжали его изъ Россіи статьями, корреспонденціями, разоблачительными документами и т. д. То же самое сдѣлали тогда же и эсдеки, когда, съ помощью Саввы Морозова, основали заграницей „Искру".

Но мы въ Женевѣ въ то время сидѣли безъ средствъ и не имѣли возможности кого-нибудь вызвать изъ Россіи для редактированія органа.

Въ поискахъ за кандидатами на редакторство, лично я остановился на имени Драгоманова.

Для меня — Драгомановъ былъ крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ и замѣчательнымъ политическимъ писателемъ, и не только ученымъ, но и талантливымъ публицистомъ. Онъ пользовался общимъ довѣріемъ и у него были обширныя связи и среди русскихъ и иностранныхъ писателей и дѣятелей.

Правда, я зналъ, что были у него и разнаго рода „но". Его считали упрямымъ украинофиломъ, взгляды котораго не всегда пріемлемы для русскихъ вообще, — часто даже для такихъ людей, какъ редакторъ „Вѣстника Европы" Стасюлевичъ. Для иныхъ онъ былъ непріемлемъ, именно, какъ эмигрантъ, — человѣкъ скомпрометированный въ политическомъ отношеніи въ глазахъ правительства. А для многихъ онъ въ то же самое время былъ реакціонеромъ и врагомъ революціоннаго движенія. Но мнѣ все-таки казалось, что

есть много и такихъ людей, для которыхъ по отношенію къ Драгоманову этихъ „но“ или не существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, они за нихъ не будутъ запинаться, когда нужно будетъ совмѣсто работать.

Когда я сказалъ Драгоманову, что редакторомъ того органа, который могъ бы, если не вполнѣ, то въ значительной степени сыграть нужную роль, можетъ быть онъ, то Драгомановъ рѣшительно замахалъ руками и сталъ увѣрять, — и Дебагорій-Мокріевичъ съ нимъ соглашался, — что его никто не будетъ поддерживать, что онъ не найдетъ никакихъ средствъ, что онъ не только не въ состояніи начать большого ежедневнаго или еженедѣльнаго органа, но даже не въ состояніи издавать какой-нибудь, хотя бы ежемѣсячный органъ въ одинъ-два листа.

Это для меня было абсурдомъ, но я не могъ не согласиться съ тѣмъ, что до сихъ поръ дѣло обстояло именно такъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ не хотѣлось помириться съ мыслью, что такъ будетъ и дальше.

Еще болѣе меня поразило, когда Драгомановъ сказалъ мнѣ, что если есть возможность начать органъ съ такой программой, о какой мы говорили, гдѣ бы защищалась идея національной борьбы съ правительствомъ общими силами лѣвыхъ и правыхъ партій, — такъ это можно сдѣлать только подъ моимъ именемъ, такъ какъ обо мнѣ, только что бѣжавшемъ изъ Сибири, никто не будетъ говорить, какъ о реакціонерѣ и врагѣ революціи.

Когда я ѣхалъ заграницу, я самъ вовсе не имѣлъ въ виду издавать тамъ органа, и вообще не расчитывалъ долго оставаться заграницей. Самое большее, о чемъ я мечталъ, это принять участіе въ изданіи „Самоуправленія“, написать нѣсколько статей о революціонной борьбѣ и, если бы оказалось возможнымъ, издать очеркъ революціоннаго движенія за послѣднія годы, какъ дополненіе къ вышедшимъ тогда книжкамъ Кенана и Туна: я зналъ, какая ощущалась потребность въ такомъ очеркѣ. Когда я шелъ этапомъ въ Сибирь, я внимательно опрашивалъ всѣхъ моихъ товарищей, участвовавшихъ въ различныхъ революціонныхъ организаціяхъ,

и на основаніи этихъ свѣдѣній я и расчитывалъ заграницей издать этотъ очеркъ.

Но за три-четыре мѣсяца моего пребыванія заграницей я не получилъ изъ Россіи никакихъ извѣстій, которыя позволили бы мнѣ надѣяться, что я смогу сдѣлать то, для чего я ѣхалъ заграницу.

„Самоуправленіе", въ виду извѣстія объ арестѣ его издателей, казалось, выходить болѣе не будетъ. Заграницей никто не собирался издавать никакого другого органа нашего направленія. Въ этихъ условіяхъ я рѣшился взять на себя не только инициативу органа, который защищалъ бы общенаціональную программу, но и — редактированіе этого органа.

Я прекрасно понималъ, что приходится начинать очень отвѣтственное и тяжелое дѣло. Оно, несомнѣнно, должно было осложнить мою личную жизнь заграницей. Тѣмъ не менѣе я рѣшился на этотъ шагъ. Я надѣялся, что въ этомъ дѣлѣ со мной раздѣлятъ отвѣтственность тѣ, кто одинаково со мной смотритъ на политическія задачи и что они же не оставятъ начатаго дѣла безъ поддержки: — или помогутъ намъ, или создадутъ свой органъ. Мнѣ хотѣлось начать органъ нашего направленія хотя бы только для того, чтобы вызвать толки объ его необходимости.

Съ ничтожными средствами, которыя были лично у меня, я рѣшился приступить къ изданію органа.

Я начиналъ дѣло, въ идейномъ отношеніи, едва намѣченное въ первыхъ номерахъ „Самоуправленія", встрѣченнаго явно недружелюбно заграницей. Я зналъ, что новый органъ, гдѣ я расчитывалъ еще прямѣе и рѣзче поставить вопросы, ждетъ еще болѣе страстная борьба. Но я не хотѣлъ прятаться ни за чьей спиной и рѣшилъ открыто взять на себя всю отвѣтственность за органъ — и нравственную и политическую.

Глава VI.

Разрывъ съ кружкомъ народовольцевъ. — Письмо Дембо. — I-й № „Свободной Россіи". — Борьба вокругъ нея. — Изданіе „Соціалиста" для борьбы съ „Свободной Россіей".

Редактировать газету вмѣстѣ со мной я предложилъ тремъ главнымъ участникамъ бесѣдъ у Драгоманова: Дебагорій-Мокріевичу, Добровольскому и Серебрякову. Сотрудниками этого органа должны были быть почти всѣ участники нашихъ бесѣдъ и прежде всего Драгомановъ. Объ участіи его въ редакціи, по разнымъ причинамъ, не ставили вопроса ни онъ, ни мы.

Для перваго номера „Свободной Россіи" я написалъ передовую статью. Еще до выхода номера я въ корректурѣ разослалъ ее разнымъ лицамъ — между прочимъ, въ Цюрихъ — Дембо, въ Парижъ — Лаврову, многимъ изъ членовъ кружка народовольцевъ и другимъ эмигрантамъ.

Дембо снесся съ Парижемъ и прислалъ мнѣ отчаянное письмо. Оно кончалось фразой: „Не губите свою революціонную карьеру!" Отъ имени своихъ товарищей Дембо просилъ меня пріѣхать въ Цюрихъ поговорить до выхода I-го № „Свободной Россіи".

Я съѣздилъ въ Цюрихъ и очень много бесѣдовалъ съ Дембо. Изъ его словъ я могъ заранѣе вполнѣ опредѣленно понять, какъ отнесутся къ нашему органу эмигранты-революціонеры. Я понялъ, что если направленіе „Свободной Россіи" и въ частности мое отношеніе къ либераламъ не будутъ причиной моего расхожденія лично съ Дембо, то къ этому не такъ отнесется большинство его товарищей, и что послѣ выхода „Свободной Россіи" у меня съ ними будетъ открытый разрывъ.

Дембо упрашивалъ меня, пока не поздно, отказаться отъ изданія „Свободной Россіи“ или хотя бы отъ сотрудничества съ Драгомановымъ и защиты либераловъ. Онъ говорилъ, что либералы — буржуа, враги народа, враги революціи, что русскія оппозиціонныя партіи не имѣютъ никакого значенія, что либералы меня обманутъ, предадутъ, что они не способны ни на какую борьбу, что я въ нихъ разочаруюсь и что я совершаю ужасную ошибку, защищая союзъ съ ними.

Съ грустью Дембо провожалъ меня на вокзалъ, когда я снова уѣзжалъ изъ Цюриха въ Женеву. Онъ тогда, навѣрное, испытывалъ то же, что испытывали многіе другіе революціонеры, съ которыми впослѣдствіи я разставался въ аналогичныхъ условіяхъ. Они никогда не могли понять, какъ я могу не признавать классовой борьбы, не строить на ней всей революціонной борьбы и во имя общенаціональной борьбы настаиваю на совмѣстной работѣ революціонеровъ съ умѣренными элементами общества, а я не понималъ, какъ можно всю политическую борьбу сводить къ классовой борьбѣ и отворачиваться отъ другихъ теченій, съ которыми у насъ такъ много общаго въ данное время въ борьбѣ съ реакціей за свободную Россію.

На вокзалѣ вмѣстѣ съ Дембо меня провожало нѣсколько его товарищей, между прочимъ, Борисъ Райнштейнъ, съ кѣмъ онъ былъ особенно близокъ. Вмѣстѣ съ Дембо Райнштейнъ горячо убѣждалъ меня порвать мои связи съ либералами и выступить противъ нихъ. Въ послѣдующіе годы я нѣсколько разъ встрѣчался съ Райнштейномъ и мы оба всегда ясно понимали, что насъ многое отдѣляло. Но, конечно, когда мы прощались въ Цюрихѣ, ни онъ, ни я не могли предполагать, какова будетъ наша встрѣча черезъ тридцать лѣтъ.

Когда двадцать пятаго октября 1917 г. большевики меня арестовали и я сидѣлъ у нихъ въ Петропавловской крѣпости, Райнштейнъ съ благословенія ихъ приходилъ къ намъ въ тюрьму, какъ американскій журналистъ, интервьюировать насъ, арестованныхъ. Я, впрочемъ, не совсѣмъ увѣренъ, что онъ приходилъ къ намъ только какъ журна-

листъ . . . Я ему тогда напомнилъ Цюрихъ, Дембо, наше тогдашнее прощаніе на вокзалѣ, слова Дембо, что я гублю свою „революціонную карьеру“ и т. д. Райнштейнъ сталъ убѣждать меня въ своей неизмѣнной ко мнѣ любви и съ упрекомъ говорилъ о томъ, какую я сдѣлалъ ошибку, что пошелъ не по той дорогѣ, о которой онъ вмѣстѣ съ Дембо мнѣ тогда говорилъ, а по той, которая сначала привела меня еще разъ въ Петропавловскую крѣпость при царизмѣ, а затѣмъ въ туже Петропавловскую крѣпость при большевикахъ.

Разставаясь съ Дембо, я чувствовалъ, что въ нашихъ съ нимъ отношеніяхъ произошелъ надломъ и даже болѣе, чѣмъ надломъ. Я только не зналъ, что мы съ нимъ разстаемся навсегда и что въ Женевѣ я получу скоро о немъ трагическое извѣстіе.

Вскорѣ послѣ выхода перваго номера „Свободной Россіи“ изъ Цюриха мы получили извѣстіе, что въ его окрестностяхъ былъ убитъ случайно разорвавшейся бомбой Дембо и тяжело раненъ польскій революціонеръ Дембскій, когда они оба возвращались домой изъ лѣса послѣ опытовъ.

Въ этотъ мой второй пріѣздъ въ Цюрихъ я еще разъ случайно встрѣтился съ Парвусомъ, но и первое мое свиданіе съ нимъ положило между нами опредѣленную грань. Онъ, с.-д., изъ своего оконца, какъ посторонній человѣкъ съ жестокимъ равнодушіемъ разсматривалъ весь міръ. Отъ него вѣяло врагомъ. То, что я узналъ о немъ новаго къ этому моему второму пріѣзду въ Цюрихъ, мнѣ его обрисовало жесткимъ бездушнымъ человѣкомъ, который если еще можетъ имѣть какія-нибудь нормальныя отношенія съ своими эсдеками, то, конечно, не можетъ не быть врагомъ для всѣхъ не эсдековъ. Парвусъ безъ обиняковъ говорилъ тогда, что Плехановъ, который рѣзко защищалъ классовую борьбу рабочихъ, но не отрицалъ и прогрессивной роли буржуазіи, отжившее явленіе и уже болѣе не нуженъ имъ, эсдекамъ, для которыхъ всѣ не эсдеки — враги.

Въ послѣдующіе годы я Парвуса почти не видалъ и только потомъ, въ 1905 г., случайно какъ-то встрѣтилъ его въ Петроградѣ, гдѣ онъ сыгралъ такую гнусную и разлагающую роль. Но за дѣятельностью Парвуса я всегда внима-

тельно слѣдилъ и хорошо былъ съ ней знакомъ. Въ немъ меня всегда поражало какое-то палачество. Позднѣе онъ обрисовался для меня въ полный ростъ, какъ циникъ-предатель.

Вотъ такое же отталкивающее впечатлѣніе въ томъ же Цюрихѣ вскорѣ произвелъ на меня и молодой Азефъ. Я даже отказался отъ свиданія съ нимъ, наслушавшись объ его личной жестокости и деревянности. Кстати, Парвусъ и Азефъ даже по внѣшности походили другъ на друга и одинаково производили отталкивающее впечатлѣніе.

На наше приглашеніе принять участіе въ „Свободной Россіи“ большинство эмигрантовъ отвѣтило или уклончиво или прямо отрицательно, не допуская возможности участвовать въ органѣ, гдѣ защищалась совмѣстная борьба революціонеровъ и либераловъ. Исключеніе представили Себряковъ и Добровольскій. Вначалѣ они рѣшили даже войти въ редакцію „Свободной Россіи,“ но потомъ сначала Серебряковъ отказался отъ этого, послѣ писемъ, полученныхъ отъ своихъ товарищей народовольцевъ изъ Парижа, а за нимъ отказался и Добровольскій, но оба они остались сотрудниками „Свободной Россіи“.

Первый номеръ „Свободной Россіи“ кончался печатаніемъ, когда въ Женеву неожиданно изъ Россіи пріѣхала Ольга Фигнеръ. Слухи объ ея арестѣ и объ арестахъ другихъ участниковъ „Самоуправленія“ оказались ложными. Она привезла матеріалы для дальнѣйшихъ номеровъ „Самоуправленія,“ и я тогда же выпустилъ его 3 и 4 №№. По своему направленію „Самоуправленіе“ было очень близко къ „Свободной Россіи“.

Въ мартѣ 1889 г. вышелъ I-й номеръ „Свободной Россіи“. Въ немъ были статьи Дебагорій-Мокріевича, Драгоманова, Серебрякова, Добровольскаго, мои и др.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ моей передовой статьи. Тогдашняя полемика противъ насъ и велась, главнымъ образомъ, по поводу цитатъ изъ этой статьи.

„Политическая свобода — вотъ въ двухъ словахъ программа нашего органа“.

„Политическая свобода не можетъ быть конечной цѣлью нашей борьбы. Когда завоевана политическая свобода, — сдѣлана часть дѣла, другая часть — экономическія задачи — впереди. Скажемъ болѣе: безъ серьезныхъ реформъ современнаго экономическаго строя невозможно и воплотить въ жизни полную политическую свободу: сытые и голодные никогда не будутъ въ одинаковой мѣрѣ пользоваться такъ называемыми общими законами. Все это совершенно вѣрно. Но если за извѣстный періодъ своей борьбы мы достигнемъ нѣкоторыхъ существенныхъ элементовъ политической свободы и за то же время не будемъ въ состояніи сдѣлать ничего существеннаго для измѣненія современнаго экономическаго строя, то все-таки и такой результатъ въ нашихъ глазахъ будетъ крупной побѣдой, будетъ серьезнымъ шагомъ впередъ: политическая свобода сама по себѣ есть благо; кромѣ того, она, по нашему убѣжденію, въ высшей степени важна для каждаго соціалиста уже и потому, что безъ нея немыслимо не только разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ въ духѣ соціализма, но даже серьезная постановка ихъ“.

„Еще недавно мы игнорировали политику ради экономики, теперь мы не можемъ говорить даже объ одновременномъ преслѣдованіи этихъ двухъ задачъ. Необходимо понять разъ навсегда и никогда не забывать, что теперь передъ нами главной задачей является вопросъ политическій. Какъ убѣжденные соціалисты, мы думаемъ, что въ концѣ концовъ всѣ экономическія отношенія будутъ построены въ духѣ соціалистическихъ идеаловъ. Каждая живая политическая партія — разъ находится у власти или хотя бы только имѣетъ возможность оказывать давленіе на правительство — обязана проводить возможно болѣе широкія экономическія реформы въ духѣ народныхъ интересовъ“.

„Нѣтъ, — мы должны, не останавливаясь ни на какихъ другихъ задачахъ, бить все время въ одну точку, стремиться всѣми силами къ возможно скорому измѣненію политическихъ условій жизни нашей родины. На этомъ пути мы пойдемъ рука объ руку съ либералами и для насъ будутъ людьми чуждыми всѣ, кто не поставитъ

въ своей программѣ на первый планъ политической свободы".

„Въ органѣ мы будемъ поддерживать все, что можетъ приближать насъ къ нашему широкому политическому идеалу. Мы будемъ привѣтствовать всякій шагъ (какъ бы онъ ни былъ малъ) въ обезпеченіи правъ человѣка и гражданина, всякій шагъ въ развитіи самоуправленія. Мы будемъ стоять за Земскій Соборъ изъ представителей отъ современныхъ земствъ, если сама жизнь выдвинетъ этотъ вопросъ, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ".

„Мы убѣждены, что они для насъ — единственный выходъ изъ путаницы современныхъ политико-соціальныхъ условій нашей жизни, и какъ бы дальше ни складывалась исторія Россіи, какія бы событія ни происходили — первымъ годомъ серьезнаго обновленія Россіи будетъ годъ созыва Земскаго Собора".

„Наша задача возможно скорѣе приблизить русскую исторію къ Земскому Собору; эта задача достойна революціонныхъ организацій, она стоитъ жертвъ, какія бы ни были ей принесены.

„Мы зовемъ стать подъ наше знамя всѣ опозиціонныя силы Россіи. „Революціонеры" и „Общество" слишкомъ долго шли разными дорогами, ихъ отчужденность другъ отъ друга переходила иногда во вражду. Довольно! долгъ передъ русскимъ народомъ требуетъ нашего Союза. Намъ необходимо сплотиться въ единую солидарную противоправительственную партію и дружно работать надъ общимъ дѣломъ.

„Искренній, честный, товарищескій союзъ всѣхъ оппозиціонныхъ силъ — это злоба дня. Пора, давно пора бросить намъ дѣлиться на „Мы" и „Вы", на „либераловъ" и „революціонеровъ"; — теперь мы всѣ либералы, теперь мы всѣ революціонеры, и никто не имѣетъ права отказываться отъ долга и чести быть либераломъ и революціонеромъ".

Послѣ выхода 1-го № „Свободной Россіи", я зашелъ къ Драгоманову и засталъ его въ праздничномъ настроеніи. Онъ внимательно вчитывался въ этотъ номеръ.

Содержаніе „Свободной Россіи“ для него не было новостью. Онъ весь номеръ видѣлъ въ корректурѣ, но теперь этотъ номеръ у него въ рукахъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится и въ рукахъ читателей. Драгомановъ волновался, цитировалъ различныя мѣста, между прочимъ, мою статью, говорилъ: „Наконецъ! наконецъ!“ — Для него это было, дѣйствительно, какимъ-то праздникомъ.

Но когда я началъ рисовать планы дальнѣйшаго изданія нашего органа, то со стороны Драгоманова я встрѣтилъ прежній пессемизмъ. Онъ задавалъ мнѣ вопросы о томъ, надѣюсь ли я, что мы можемъ продолжать начатое дѣло. Я отвѣчалъ ему, что считаю немыслимымъ, чтобы не откликнулись на нашъ призывъ и не поддержали насъ. Конечно, партійные революціонеры насъ не поддержатъ, говорилъ я, но если мы будемъ продолжать въ такомъ же духѣ вести „Своб. Рос.“, то современемъ и среди нихъ мы найдемъ себѣ откликъ и тамъ усвоятъ наши вгляды.

Драгомановъ какъ бы съ жалобой говорилъ мнѣ, что „Своб. Рос.“ еще не вышла, а уже двое редакторовъ сбѣжало отъ насъ изъ боязни обвиненія въ связи съ не-революціоннымъ органомъ, несмотря на то, что никто не можетъ обвинить меня въ реакціонности, — и что противъ насъ среди партійныхъ революціонеровъ, народовольцевъ и с.-д., поднимается уже цѣлый походъ.

Драгомановъ не только жаловался на трудность нашей позиціи, но даже говорилъ какъ бы объ ея безнадежности. Я, наоборотъ, говорилъ о дальнѣйшемъ развитіи нашего дѣла, с томъ, что въ концѣ концовъ исторія насъ оправдаетъ и наше движеніе не разъ сыграетъ рѣшающую роль въ борьбѣ за свободную Россію. Кромѣ того, я высказывалъ надежду, что насъ, м. б., и въ данное время не оставятъ безъ поддержки русскіе общественные дѣятели, земцы, сотрудники „Вѣстника Европы“ и „Русскихъ Вѣдомостей“ или сотрудники закрытыхъ тогда уже „Отечественныхъ Записокъ“. Они должны понять, что мы начинаемъ новое, здоровое дѣло и выводимъ революціонное движеніе на путь правильной борьбы съ правительствомъ, совмѣстно съ обществомъ.

Драгомановъ мнѣ возражалъ, и чѣмъ больше я настаивалъ на своемъ, тѣмъ больше онъ продолжалъ волноваться и говорилъ, что эти либералы не способны ни на какую активную борьбу и ни на какой рискъ, никогда не примутъ участія въ дѣлахъ, которыя не являются украшеніемъ ихъ дѣятельности и съ которыхъ они не могутъ играть показной роли и что они поэтому, несомнѣнно, будутъ въ сторонѣ отъ нашего изданія, но не создадутъ и своего, а будутъ сидя у моря ждать погоды, фрондить, и сдадутъ всѣ свои позиціи лѣвымъ въ самые критическіе моменты борьбы. Драгомановъ говорилъ мнѣ о либералахъ языкомъ Дембо, но только сильнѣе и красочнѣе.

Во время нашихъ споровъ Драгомановъ спросилъ меня, кто, по моему мнѣнію, могъ бы реально помочь намъ?

— Максимъ Ковалевскій, Родичевъ, Михайловскій, Семевскій, Пентрункевичъ, Арсеньевъ, — отвѣтилъ я.

— Никогда! Никто изъ нихъ не откликнется! Не пришлютъ ни одного гроша! ни одной статьи!

Драгомановъ говорилъ рѣзко и подчеркивалъ свои слова.

Я былъ озадаченъ. Мнѣ не хотѣлось вѣрить этимъ предсказаніямъ и увѣреніямъ. Разумѣется, для меня и для Драгоманова это были все вопросы гаданія и отъ того, кто изъ насъ былъ правъ, вовсе не зависѣло, продолжать или не продолжать начатую нами „Свободную Россію". Лично для меня не имѣло особеннаго значенія, поддержатъ ли насъ или нѣтъ уже и потому, что я считалъ себя случайнымъ человѣкомъ заграницей и рвался въ Россію. Собственно не о „Свободной Россіи" и рѣчь шла у насъ. Мнѣ казалось, что поднятый нами вопросъ объ органѣ заграницей долженъ найти своихъ защитниковъ-продолжателей и безъ насъ. На „Свободную Россію" я главнымъ образомъ и смотрѣлъ, какъ на призывъ, обращенный ко „в с ѣ м ъ, в с ѣ м ъ, в с ѣ м ъ" — создать, хоть и безъ насъ — свободный органъ для борьбы съ реакціей.

Мы повсюду разослали „Свободную Россію" и приняли мѣры, чтобы она дошла въ Россію. Дѣйствительно, отдѣльныя ея номера попали и въ Россію. Мы вскорѣ получили отвѣты изъ Петербурга, изъ Москвы, изъ Казани, съ юга

Россіи. Было большое письмо изъ московской пересыльной тюрьмы отъ Тана-Богораза, кто отъ имени другихъ высылаемыхъ въ Сибирь писали намъ отвѣтъ на „Свободную Россію“. Словомъ, насъ услышали и въ Россіи. Нечего говорить, что насъ прочитали очень многіе изъ русскихъ, кто хотя бы случайно былъ тогда заграницей, въ 1889 г. во время всемірной выставкѣ въ Парижѣ.

Много писемъ о „Свободной Россіи“ мы получили изъ заграницы отъ эмигрантовъ и не-эмигрантовъ. Насъ читали и друзья, и враги.

Этой своей цѣли мы достигли.

„Свободная Россія“ встрѣтила очень сочувственные отзывы со стороны нѣкоторыхъ видныхъ старыхъ эмигрантовъ, какъ напримѣръ, Степняка, или вскорѣ потомъ прибывшаго заграницу Волховскаго, и др. Сочувственные голоса услышали мы и со стороны либеральныхъ представителей общества. Всѣ они цѣнили въ „Свободной Россіи“ то, что мы въ ней обратились къ революціонерамъ съ смѣлой критикой, указывали имъ на ихъ ошибки и звали къ общенаціональному объединенію.

Я не сомнѣвался, что наша борьба за новую постановку революціонной борьбы въ ближайшее же время приметъ острый характеръ и будетъ затяжной. Но старую постановку революціоннаго дѣла я во всякомъ случаѣ считалъ ошибочной, и поэтому тогда же выступилъ съ защитой общенаціональнаго объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ и съ тѣхъ поръ въ этомъ всегда видѣлъ главное условіе борьбы съ реакціей за здоровую государственность.

Вопросъ былъ поставленъ рѣзко. На немъ вся эмиграція тогда подѣлилась на два лагеря.

Съ выходомъ „Свободной Россіи“ эмигранты почувствовали, что на нихъ надвигается какъ будто бы какой-то врагъ и послѣ недавнихъ острыхъ разногласій они соединились въ одномъ органѣ, созданномъ спеціально для борьбы съ „Свободной Россіей“. Они выпустили 1-ый № „Соціалиста“. Въ немъ приняли участіе и народовольцы, и с.-д.: Лавровъ, Плехановъ, Русановъ, Серебряковъ, Кашинцевъ и

Юр. Раппопортъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми цюрихскими товарищами Дембо, какъ Райнштейнъ. Въ полемическомъ увлеченіи противъ насъ они говорили, что „Свободная Россія“ выкинула знамя отказа отъ соціализма, говорили объ измѣнѣ идеѣ соціализма и революціи и т. д. Въ полемикѣ обо мнѣ вообще тогда стали говорить, какъ о „либералѣ“, и въ шутку называли „обществомъ“ за то подчеркиваніе, которое я дѣлалъ на этомъ словѣ.

Среди народовольцевъ и эсдековъ съ тревогой стали слѣдить за „Свободной Россіей„. Про своихъ единомышленниковъ они знали, что они отнесутся къ намъ отрицательно, — и не это ихъ безпокоило. Но они были увѣрены, что литераторы либеральнаго лагеря и земскіе дѣятели серьезно поддержатъ насъ и нашу иниціативу, что къ намъ пріѣдутъ изъ Россіи и дадутъ намъ возможность широко поставить дѣло нашей пропаганды. Они распространяли легенды о сотняхъ тысячъ рублей, полученныхъ нами отъ земцевъ, отъ либераловъ и т. д. Послѣ выхода „Свободной Россіи“, благодаря тому впечатлѣнію, которое она произвела, они первое время считали невозможнымъ, чтобы либералы не поддержали насъ, и поэтому они на насъ посмотрѣли, какъ на крупныхъ противниковъ, съ которыми имъ придется бороться. Вотъ что ихъ такъ безпокоило и огорчало съ точки зрѣнія партійныхъ интересовъ! Въ ихъ органѣ „Соціалистъ“ что ни статья, то было нападеніе на насъ.

Итакъ, насъ услышали наши противники и объявили противъ насъ походъ. Они выступили противъ насъ, какъ враги.

Но наши друзья-единомышленники отнеслись къ намъ горячо только на словахъ, а на дѣлѣ повторилась обывательщина, которая всегда губила и раньше всѣ общественныя и государственныя начинанія, какъ она губила ихъ и впослѣдствіи.

Ни одинъ Ковалевскій, ни Петрункевичъ, ни Родичевъ, никто изъ земцевъ — намъ не отвѣтилъ. Во всякомъ случаѣ никто ничѣмъ не помогъ!

Глава VII.

Затрудненія при изданіи „Свободной Россіи". — Споры съ Драгомановымъ.

Продолжать „Свободную Россію" мнѣ пришлось на свои послѣдніе гроши. Мы не могли отправить въ Россію ни одного транспорта „Свободной Россіи". За первымъ номеромъ сейчасъ же не могли выпустить второго. У насъ не было никакихъ средствъ для публикаціи, такъ нужной всегда для новаго органа.

Спустя мѣсяцъ-полтора, мы въ такомъ же духѣ, какъ первый номеръ, выпустили второй. Мы снова имѣли читателей и въ Россіи и заграницей. Насъ и на этотъ разъ услышали. Одни на насъ нападали, другіе намъ апплодировали. Но опять — никто не пришелъ къ намъ на помощь и никто въ паралель съ нами не начиналъ дѣла, аналогичнаго съ нашимъ!

Начиная „Свободную Россію", мы рѣшили не поднимать острыхъ вопросовъ о революціонной борьбѣ, пока не будетъ внѣшнихъ для этого поводовъ. Но послѣ выхода 1-го № „Свободной Россіи", какъ бы въ отвѣтъ на поставленные вопросы въ моей статьѣ этого номера, были получены свѣдѣнія изъ Россіи и Сибири, которыя требовали, чтобы мы болѣе опредѣленно высказались о борьбѣ съ правительствомъ. Поэтому я рѣшился на страницахъ „Свободной Россіи" немедленно поднять вопросы объ активной борьбѣ съ правительствомъ. Въ такомъ духѣ я написалъ статью.

Мы хотимъ, — писалъ я въ этой статьѣ, мирнаго развитія страны и для нашей борьбы намъ не нужно ничего, кромѣ свободной пропаганды нашихъ идей, но правитель-

ство попрежнему не дѣлаетъ никакихъ измѣненій въ своей реакціонной политикѣ и поэтому революціонеры должны поставить ему ультиматумъ и повторить то, что было сказано Исполнительнымъ Комитетомъ въ его письмѣ къ Александру III.

Я старался выбирать болѣе подходящіе термины, но чтеніе моей статьи на редакціонномъ совѣщаніи сильно взволновало Драгоманова. Онъ былъ противъ всякаго упоминанія въ „Свободной Россіи" о революціонной борьбѣ и политическомъ террорѣ. Его поддержалъ Дебагорій-Мокріевичъ. Не возражалъ, но и не поддерживалъ меня Серебряковъ. Я тогда же снялъ свою статью, но, ссылаясь на полученныя письма, доказывалъ, что наше направленіе не можетъ быть откликомъ только одного легальнаго либеральнаго теченія, которое само по себѣ безсильно и недостаточно, что мы должны вывести либеральное движеніе на дорогу активной борьбы съ правительствомъ, что надо говорить съ правительствомъ языкомъ революціонеровъ — требовать и угрожать активной борьбой вплоть до террора, если оно не пойдетъ навстрѣчу предъявленнымъ ему требованіямъ.

Но снявши свою статью, я одновременно задержалъ нѣсколько замѣтокъ Драгоманова, гдѣ онъ такъ или иначе подходилъ къ осужденію революціонной борьбы и политическаго террора.

Какъ упрямый человѣкъ, Драгомановъ очень часто возвращался въ своихъ статьяхъ къ осужденію революціонной борьбы, хотя всегда встрѣчалъ съ моей стороны возраженія.

Послѣ 2-го № „Свободной Россіи", Драгомановъ, какъ и раньше, продолжалъ по нѣсколько разъ въ недѣлю приходить ко мнѣ по утрамъ, когда я еще не успѣвалъ встать. Появлялся онъ въ самомъ добродушномъ и ласковомъ настроеніи. Начиналъ разсказывать мнѣ на разныя темы, и по научнымъ вопросамъ, и по исторіи, и по этнографіи. Любилъ онъ разсказывать и русскіе, и хохлацкіе, и еврейскіе, и просто забавные анекдоты. Я его выслушивалъ съ величайшимъ интересомъ. Въ его разсказахъ всегда было много поучительнаго и остроумнаго.

Долго наговорившись со мной на разныя случайныя томы, онъ почти всегда кончалъ свои бесѣды тѣмъ, чего я ждалъ съ замираніемъ сердца съ самаго его прихода.

— А я, ваше превосходительство, — говорилъ онъ мнѣ, — къ вамъ съ маленькой статейкой для „Своб. Рос.". Позвольте мнѣ ее прочитать!

— Пожалуйста, Михаилъ Петровичъ! пожалуйста!

Начиналось чтеніе статьи. Какую бы тему онъ ни поднималъ, какъ бы онъ къ ней ни подходилъ, но неизмѣнно гдѣ-нибудь было вклеено заявленіе, что мы, т.-е. редакція „Свободной Россіи", высказываемся отрицательно по вопросу о политическомъ террорѣ и категорически отъ него отказываемся.

Кончалось чтеніе. Драгомановъ неизмѣнно ласково меня спрашивалъ:

— Ну, ваше превосходительство, какъ ваше мнѣніе?

Я былъ тогда молодымъ эмигрантомъ. Предо мной сидѣлъ старый профессоръ съ огромнымъ житейскимъ и политическимъ опытомъ, съ огромными свѣдѣніями, человѣкъ въ высшей степени талантливый. Все это я прекрасно сознавалъ, но сознавалъ совершенно ясно и то, куда онъ со своимъ упрямствомъ меня велъ и какихъ заявленій въ печати онъ отъ меня добивался.

Мой отвѣтъ Драгоманову, какъ и его подходы, былъ всегда стереотипенъ. Сегодня то же, что и вчера. Видоизмѣненія были только въ деталяхъ. Повторялось все это изо дня въ день впродолженіе многихъ недѣль.

Я обыкновенно говорилъ Драгоманову:

— Михаилъ Петровичъ, какъ это интересно и какъ это важно, все, что вы написали! Вы совершенно правы вотъ въ томъ-то и въ томъ-то. Вотъ этотъ фактъ особенно интересенъ, онъ подтверждаетъ то-то. Да, вы правы, при этихъ положеніяхъ, несомнѣнно, будетъ то-то и то-то. Ваша статья нужна, мы непремѣнно должны напечатать въ „Свободной Россіи". Ее должны прочитать всѣ наши читатели . . . Но . . .

— Что такое „но"? — тономъ до послѣдней степени возмущеннаго человѣка обращался ко мнѣ Драгомановъ, мгно-

венно преобразившись. — Что вы хотите сказать? Это опять ваше „но“!

Мнѣ бывало безконечно тяжело. Хотѣлось бѣжать отъ Драгоманова и больше не слушать его возраженій. Я понималъ, почему у меня сердце скало, когда въ мою дверь стучался онъ. Но я ни на одну минуту не могъ допустить себѣ согласиться на то, чего онъ отъ меня требовалъ.

— Михаилъ Петровичъ! — говорилъ я ему, — вы знаете, какъ я высоко цѣню ваши взгляды, но по вопросу о политическомъ террорѣ я съ вами рѣшительно не согласенъ и сегодня я вамъ говорю то, съ чѣмъ я пріѣхалъ изъ Россіи. Вы меня въ этомъ не переубѣдите. Отъ имени „Своб. Рос.“ такихъ взглядовъ мы высказывать не можемъ. Даже если съ вами согласится мой соредакторъ Дебагорій-Мокріевичъ, я и тогда не допущу этихъ взглядовъ. Нами условлено этихъ темъ не поднимать на страницахъ „Свободной Россіи“ и пока я буду въ „Свободной Россіи“, я ихъ не подниму. Когда я сочту нужнымъ призывать къ революціонной борьбѣ я сдѣлаю это въ другомъ органѣ. Но вы, Михаилъ Петровичъ, можете эти взгляды такъ, какъ вы высказали въ этой статьѣ, напечатать въ „Свободной Россіи“ за своимъ именемъ, а я, вмѣстѣ съ Дебагорій-Мокріевичемъ или одинъ, буду вамъ возражать. Тогда и вы и я — мы оба выскажемся.

Но не смотря на эти мои объясненія Драгомановъ обыкновенно еще продолжалъ горячиться, говорилъ о нетерпимости революціонеровъ, что я такой же, какъ и всѣ революціонеры и т. д. Я ему указывалъ, что нетерпимъ — онъ, а не я, разъ онъ не хочетъ высказаться, какъ ему угодно, предоставляя мнѣ право высказаться, какъ мнѣ угодно.

Драгомановъ уходилъ отъ меня всегда крайне недовольнымъ и потомъ всюду на меня жаловался.

Когда его спрашивали, отчего же онъ не начнетъ самъ издавать органъ или почему по спорнымъ вопросамъ онъ не выскажется въ отдѣльной брошюрѣ, то онъ откровенно заявлялъ, что его выступленіе по этимъ вопросамъ только вызоветъ протесты противъ него и потому это не будетъ имѣть никакого, кромѣ отрицательнаго, значенія, а иное дѣло, ес-

ли бы эти взгляды высказалъ молодой эмигрантъ, только что прiѣхавшiй изъ Россiи.

Первый номер „Свободной Россiи“ въ Москвѣ попалъ и къ сидящимъ въ Бутырской тюрьмѣ. Отъ имени нѣкоторыхъ изъ нихъ Богоразъ (Танъ) прислалъ намъ въ редакцiю письмо по поводу моихъ статей. Въ свей критикѣ тогдашняго революцiоннаго движенiя Богоразъ шелъ еще дальше, чѣмъ я. Онъ отрицательно относился не только къ политическому террору, но даже вообще къ революцiонному движенiю и призывалъ революцiонеровъ, главнымъ образомъ, къ легальному движенiю. Помню, какъ это письмо обрадовало Драгоманова и онъ снова сталъ настаивать, чтобы его статьи противъ революцiонеровъ печатать въ „Свободной Россiи“ безъ редакцiонныхъ примѣчанiй, а также, чтобы безъ примѣчанiй же напечатать и письмо Богораза, чтобы редакцiя, такимъ образомъ, солидаризировалась бы съ взглядами, высказанными имъ въ его письмѣ. Я соглашался напечатать письмо Тана, но непремѣнно съ возраженiями отъ моего имени или отъ имени редакцiи.

Когда мы приготовляли къ печати 3-й № „Свободной Россiи“, случилось событiе, обострившее общее настроенiе эмигрантовъ.

Я получилъ изъ Сибири извѣстiе, что въ Якутскѣ было столкновенiе ссыльныхъ съ властями, въ результатѣ котораго было избiенiе ссыльныхъ, нѣсколько человѣкъ убито, нѣсколько ранено, арестовано и предано суду. Впослѣдствiи по суду трое были повѣшены (Зотовъ, Гаусманъ, Коганъ-Бернштейнъ) и въ каторжныя работы приговорены: Гоцъ, Миноръ и другiе. Все это были, по большей части, хорошо мнѣ знакомыя лица. Нѣкоторые были моими близкими друзьями. Я еще такъ недавно вмѣстѣ съ ними сидѣлъ въ московской пересыльной тюрьмѣ.

Кровавыя событiя въ Сибири взволновали не только эмиграцiю, но и европейское общественное мнѣнiе. Посланныя по поводу нихъ мною статьи Степняку въ Англiю произвели тамъ огромное впечатлѣнiе. „Таймсъ“ посвятилъ имъ передовыя статьи. Всѣ англiйскiя газеты были полны негодующими статьями противъ звѣрствъ русскаго прави-

тельства. Европейская пресса говорила о томъ, что нельзя мириться съ такимъ варварствомъ. Общія симпатіи были на сторонѣ пострадавшихъ ссыльныхъ. По поводу якутскихъ разстрѣловъ въ Англіи были организованы митинги. Агитація перенеслась во Францію, — помню статью въ органѣ Клемансо „Жюстисъ". Писалось объ этомъ и въ швейцарской прессѣ.

Событія въ Якутскѣ болѣе всѣхъ взволновали, конечно, русскихъ эмигрантовъ. Среди нихъ заговорили объ ускореніи поѣздокъ въ Россію для террора.

Старикъ Драгомановъ глубоко возмущался разстрѣлами въ Якутскѣ и сказалъ мнѣ:

— Я васъ понимаю! Если бы я былъ моложе, я тоже не остался бы теперь заграницей!

Затѣмъ объ якутскихъ событіяхъ я издалъ брошюру „Убійство политическихъ въ Якутскѣ". Особенно горячее отношеніе къ этой моей агитаціи по поводу якутскихъ событій проявилъ Драгомановъ и онъ вполнѣ одобрялъ слово „убійство" въ заглавіи брошюры.

Общая агитація по поводу событій въ Якутскѣ была такова, что съ этимъ тогда пришлось считаться и русскому правительству.

Для меня эта агитація была показателемъ того, что можно было бы заграницей сдѣлать для борьбы съ русской реакціей въ то время при хорошо организованной пропагандѣ.

Съ какимъ горькимъ чувствомъ тогдашнее отношеніе заграничнаго общественнаго мнѣнія, особенно въ Англіи, къ событіямъ русской жизни я вспоминалъ впослѣдствіи, когда намъ приходилось переживать преступное равнодушіе иностранцевъ къ нынѣшнимъ звѣрствамъ большевиковъ, передъ которыми поблѣднѣли всѣ тогдашнія якутскія убійства.

Въ маѣ 1889 г. мы приступили къ изданію 3-го № „Свободной Россіи". На редакціонныхъ собраніяхъ я снова сдѣлалъ предложеніе выставить требованіе констуціонныхъ уступокъ и высказать угрозу выступить съ открытымъ призывомъ къ активной революціонной борьбѣ съ правитель-

ствомъ, если оно не пойдетъ на эти уступки. Но Дебагорій-Мокріевичъ и Драгомановъ были рѣшительно противъ этого.

Послѣ одного изъ такихъ редакціонныхъ собраній я предложилъ моему соредактору сдѣлать выборъ: или передать редакцію „Свободной Россіи" мнѣ, и я возьму на себя всю отвѣтственность и юридическую, и политическую за этотъ органъ, или совмѣстно выпустить заключительный номеръ и разойтись. Во всякомъ случаѣ оставлять изданіе „Свободной Россіи" въ такомъ видѣ, какъ оно было до тѣхъ поръ, я считалъ болѣе невозможнымъ.

Тутъ произошелъ инцендентъ, въ свое время заставившій эмиграцію много о себѣ говорить. Теперь онъ забытъ и, быть можетъ, о немъ можно было бы и не вспоминать ни на страницахъ моихъ воспоминаній, ни на страницахъ „Былого". Но въ то время онъ въ моей жизни сыгралъ большую роль, — а изъ пѣсни слова не выкинешь! Поэтому я остановлюсь на немъ и возстановлю его, какъ онъ произошелъ.

Къ выходу 3-го № „Свободной Россіи" мои разногласія съ Дебагорій-Мокріевичемъ и съ Драгомановымъ обрисовались еще яснѣе. Но они нисколько меня не смущали. Я попрежнему готовъ былъ работать съ обоими ими въ одномъ органѣ. Не смотря на наши разногласія меня попрежнему съ Дебагорій-Мокріевичемъ и Драгомановымъ сближала еще общность нашихъ политическихъ воззрѣній по нѣкоторымъ крупнѣйшимъ политическимъ вопросамъ.

Иное у нихъ было отношеніе ко мнѣ. Они не только не были согласны со мной, но они не хотѣли помириться съ мыслью, что свои разногласія съ ними я могу перенести на страницы „Свободной Россіи".

Такимъ образомъ, конфликтъ между нами становился неизбѣжнымъ.

На мое предложеніе: или отдать мнѣ „Своб. Рос.", основанную по моей инціативѣ и на мои средства, или прекратить ее, — мнѣ отвѣтили ультиматумомъ: „Соб. Россія" будетъ выходить, но мое имя, какъ редактора, будетъ снято. Газета печаталась въ типографіи Драгоманова и, конечно, фактически они могли это выполнить.

По этому поводу я имѣлъ объясненіе и съ Дебагорій-Мокріевичемъ, и съ Драгомановымъ и убѣждалъ ихъ не дѣлать этого, а основать свою газету такъ же, какъ я имѣлъ ввиду основать свою — „Земскій Соборъ". На это мнѣ снова повторили, что „Своб. Россія" будетъ ими продолжаться, но только безъ моего участія.

Я питалъ глубочайшее уваженіе лично къ Драгоманову и сказалъ ему:

— Нѣтъ, Михаилъ Петровичъ, этого вы не сдѣлаете! У васъ есть большое имя и вамъ есть, что терять. Я буду защищаться и общественное мнѣніе меня оправдаетъ. Я могу согласиться съ тѣмъ, что вы не передадите мнѣ „Свободной Россіи," но я не допущу, чтобы мое имя было снято и газета выходила безъ меня.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней эта угроза еще не разъ повторялась по моему адресу.

3-й номеръ „Свободной Россіи" вышелъ съ подробнымъ описаніемъ якутскихъ событій, но безъ нашихъ статей по принципіальнымъ вопросамъ, хотя эти статьи уже и были набраны. Не появилось также, тоже уже набранное, письмо Богораза.

Я считалъ, что этотъ — нашъ послѣдній заключительный номеръ „Свободной Россіи" и я собирался уѣхать въ Парижъ.

Незадолго до моего отъѣзда, меня снова пригласили къ Драгоманову и тамъ мы втроемъ: Дебагорій-Мокріевичъ, Драгомановъ и я составили общее мотированное заявленіе о прекращеніи „Своб. Россіи". Заявленіе писалъ я. Прекращеніе „Своб. Россіи" объяснялъ я, въ очень мягкихъ выраженіяхъ, идейномъ расхожденіемъ и постарался воздать возможно больше признательности обоимъ — и Драгоманову и Дебагорій-Мокріевичу за то теплое сочувствіе, которое съ ихъ стороны я встрѣтилъ при пріѣздѣ заграницу.

Этимъ я считалъ наши отношенія конченными. Но прежде, чѣмъ вышло это возваніе, въ типографіи Драгоманова безъ моей фамиліи, оказывается, уже было выпущено другое объявленіе о прекращеніи „Своб. Россіи", сколько мнѣ помнится, въ непріемлемыхъ для меня выраженіяхъ. Я имѣлъ

право, конечно, возражать, но въ концѣ концовъ оставилъ это безъ возраженій и удовлетворился тѣмъ, что вопросъ о „Своб. Россіи“ былъ ликвидированъ безъ непріятнаго шума.

Мирно прощаясь со мной во время послѣдняго нашего разговора, Драгомановъ съ какимъ-то особымъ подчеркиваніемъ сказалъ мнѣ:

— Видно,

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань!

— Да какая же вы, М. П., „трепетная лань“? А если всѣ ваши либералы дѣйствительно „трепетныя лани“, то это очень жаль! Но нѣтъ! — и они могутъ не быть „трепетными ланями“, если захотятъ. Но когда же они этого захотятъ? Пора же вамъ и намъ впречься въ одну телѣгу и дѣлать одно и тоже дѣло!

Драгомановъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой и сказалъ:

— Да нѣтъ, ваши никогда не сойдутъ на землю, — ихъ въ этомъ не убѣдишь, а у нашихъ нѣтъ ни энергіи, ни желанія рисковать, — а безъ этого ничего не сдѣлаешь!

Прекращеніе „Свободной Россіи“ внесло большія осложненія въ взаимныя отношенія ея участниковъ.

Лично я больше никогда не имѣлъ никакого дѣла съ Драгомановымъ, а съ Дебагорій-Мокріевичемъ мы въ первый разъ бесѣдовали только черезъ тридцать лѣтъ, въ 1917 году, когда онъ пришелъ ко мнѣ въ Петроградѣ въ редакцію „Общаго Дѣла“. Мы съ нимъ сразу тепло встрѣтились, заговорили о нашемъ общемъ дѣлѣ борьбы съ большевиками. Въ этой борьбѣ у меня съ нимъ, опредѣленнымъ антибольшевикомъ, было также много общаго, какъ много общаго было и въ 1889 г. въ борьбѣ съ реакціей, когда мы такъ рѣзко разстались.

За эти тридцать лѣтъ мы съ нимъ, впрочемъ, однажды встрѣтились въ Лондонѣ на квартирѣ общихъ друзей. Сидѣли за однимъ столомъ, пили чай, принимали участіе въ общей бесѣдѣ, но ни я какъ бы не замѣчалъ его присутствія, ни

онъ моего. Мы тогда не проронили другъ съ другомъ ни одного слова.

Такая же молчаливая встрѣча была у меня однажды съ Драгомановымъ на квартирѣ Г. М. Баломеза въ Болгаріи, въ Софіи. Мы обмѣнялись только молчаливыми поклонами. Баломезъ и я бесѣдовали на разныя темы. Въ нашъ разговоръ много замѣчаній вставлялъ, обращаясь къ Баломезу, Драгомановъ. Но ни я не показалъ вида, что вижу Драгоманова, ни Драгомановъ, что видитъ меня.

Такъ кончился мой первый опытъ сойтись съ представителями умѣренныхъ политическихъ партій для совмѣстной борьбы съ правительствомъ.

Глава VIII.

Пріѣздъ въ Парижъ. — Попытка издать „Земскій Соборъ“. — Парижскіе кружки народовольцевъ. — Первая моя встрѣча съ Геккельманомъ-Ландезеномъ-Гартингомъ въ Женевѣ. — Обвиненіе Ландезена въ провокаціи въ 1884 г. — Встрѣчи съ Ландезеномъ въ Парижѣ. — Динамитная мастерская.

Лѣтомъ 1889 г. я покинулъ Женеву. Мнѣ хотѣлось побывать въ Парижѣ и познакомиться тамъ съ новыми людьми.

Въ Парижъ я пріѣхалъ въ памятный день столѣтняго юбилея французской революціи, 14 іюля 1889 г.

Въ русской колніи уже знали о сдѣланномъ редакціей „Свободной Россіи“ заявленіи, что она не будетъ больше выходить. Сначала почему-то предполагали, что „Свободная Россія“ прекратилась изъ-за редакціонныхъ разногласій по вопросу объ отношеніи къ либераламъ и что я перемѣнилъ свое отношеніе къ нимъ и всталъ на общеэмигрантскую точку зрѣнія. Это съ восторгомъ было принято въ революціонныхъ кругахъ. Меня горячо привѣтствовали. Сначала даже не вѣрили, когда я сталъ опровергать эти слухи. Всѣмъ казалось такъ неизбѣжнымъ, что я, революціонеръ, долженъ былъ разойтись съ либералами. Но скоро убѣдились, что я попрежнему остаюсь и защитникомъ общенаціональнаго объединенія и союза съ либералами и вовсе не въ этомъ разошелся съ участниками „Свободной Россіи“.

Въ Парижѣ я сталъ хлопотать о томъ, чтобы вмѣсто „Свободной Россіи“ начать издавать „Земскій Соборъ“ съ яркимъ революціоннымъ направленіемъ и въ то же самое время съ призывомъ къ общенаціональному объединенію.

Но и въ Парижѣ, куда на выставку толпами пріѣзжали русскіе изъ Россіи, не нашлось никого, кто бы горячо принялъ къ сердцу заботу о созданіи такого органа. Не нашлось даже никого, кто бы вообще понималъ, что безъ свободнаго заграничнаго органа немыслима борьба съ реакціей.

Плохо понимали значеніе свободной заграничной прессы революціонеры, но они все-таки для нея сдѣлали не мало. Но безъ всякаго сравненія еще менѣе и хуже, чѣмъ они, къ ней, относились люди оппозиціи: земцы, литераторы и вообще общественные дѣятели, кто были внѣ революціонныхъ круговъ, и кто свысока относился къ нимъ.

Для „Земскаго Собора" я приготовилъ нѣсколько статей на принципіальныя темы, но я не встрѣтилъ никого, кто бы далъ мнѣ возможность начать издавать этотъ органъ. Тогда я рѣшилъ нелегально съѣздить въ Россію, — и тамъ въ русской обстановкѣ переговорить о немъ съ тѣми, кто могъ бы мнѣ помочь.

Въ Парижѣ я близко сошелся съ кружкомъ молодыхъ народовольцевъ, кто тоже сбирались ѣхать въ Россію. Одни изъ нихъ хотѣли ѣхать, чтобы найти средства для продолженія ихъ органа „Соціалистъ", другіе — завязать связи съ революціонными организаціями и принять участіе въ ихъ борьбѣ, вести пропаганду среди рабочихъ, продолжить дѣятельность арестованной весной этого года С. Гинсбургъ и т. д. Среди нихъ, кромѣ Раппопорта, съ которымъ я пріѣхалъ заграницу осенью 1888 г., были Кашинцевъ, Степановъ, Райнштейнъ и др. Раппопортъ къ этому времени уже успѣлъ нелегально побывать въ Россіи и привезъ оттуда и средства, и матеріалы для изданія перваго номера „Соціалиста".

Второй номеръ „Соціалиста" пока не издавался, отчасти потому, что первый номеръ не удовлетворилъ никого изъ участниковъ, отчасти по недостатку средствъ, но едва ли, главнымъ образомъ, не потому, что въ это время было прекращено уже изданіе „Свободной Россіи" и болѣе не было необходимости дальнѣйшей борьбы объединенными силами эмигрантовъ съ направленіемъ, которое она представляла.

Попытки ѣхать въ Россію дѣлались нами при очень

трудныхъ обстоятельствахъ. Прежде всего нужны были средства и паспорта, а у насъ не было ни того, ни другого. Мы тѣмъ не менѣе начали готовиться къ поѣздкѣ. Но мы не подозрѣвали, что въ это время вокругъ насъ провокація ткала свою паутину и что мы были наканунѣ большихъ несчастій.

Еще въ Женевѣ, послѣ выхода второго номера „Свободной Россіи", случилось одно изъ самыхъ роковыхъ событій въ моей жизни. Въ то время я не обратилъ на него никакого вниманія. Я его понялъ только черезъ годъ-полтора.

Однажды Серебряковъ пообѣщалъ насъ, участниковъ „Свободной Россіи", познакомить съ своимъ хорошимъ пріятелемъ — Ландезеномъ, другомъ эмигранта А. Баха, съ кѣмъ тотъ прожилъ на одной квартирѣ послѣдніе два года въ Парижѣ, и близкимъ человѣкомъ Лаврову и парижскимъ народовольцамъ — Ошаниной (Полонской), Тихомірову (когда онъ былъ старымъ Тихоміровымъ) и др. Въ Парижѣ Ландезенъ кончилъ земледѣльческую школу и, будучи очень состоятельнымъ человѣкомъ (за такового онъ выдавалъ себя и такимъ его считали всѣ), бывалъ часто полезенъ эмигрантамъ. Узнавъ объ основаніи „Свободной Россіи" и о моемъ пріѣздѣ заграницу, онъ, оказывается, захотѣлъ быть также полезнымъ и намъ, — и будучи проѣздомъ въ Женевѣ, попросилъ Серебрякова познакомить его съ нами.

Мы, конечно, согласились принять Ландезена, и Серебряковъ на другой день привелъ его на квартиру Дебагорій-Мокріевича.

Изъ завязавшагося разговора я узналъ отъ Ландезена, что онъ изъ Петербурга, бывалъ тамъ въ 1883-84 гг., былъ знакомъ съ Якубовичемъ и, между прочимъ, съ Ч.

Тогда я сказалъ Ландезену:

— Я очень виноватъ предъ вашимъ Ч.. такъ какъ я невольно былъ передатчикомъ очень непріятныхъ свѣдѣній. Въ началѣ 1884 г. въ партію народовольцевъ я передалъ указанія, сдѣланныя Дегаевымъ, что въ революціон-

ной средѣ находятся два агента полиціи: — это Ч. и какой-то Генкель.

— Не Генкель, а Геккельманъ! — поправилъ меня, нѣсколько смутившійся Ландезенъ.

Въ это время Серебряковъ, ходившій по комнатѣ, зашелъ за спину Ландезена и сдѣлалъ мнѣ какой-то предостерегающій жестъ. Я понялъ, что я сдѣлалъ какую-то оплошность, заговоривъ о Геккельманѣ, и перемѣнилъ разговоръ.

Когда ушелъ Серебряковъ съ Ландезеномъ, Дебагорій-Мокріевичъ сказалъ мнѣ:

— Ну, и попали — вы впросакъ! Да, вѣдь, это Геккельманъ и былъ!

На слѣдующій день утромъ ко мнѣ кто-то постучалъ въ дверь и затѣмъ вошелъ Ландезенъ.

Сначала мы говорили на разныя случайныя темы, а потомъ я ему сказалъ:

— Я долженъ сказать вамъ прямо, что я знаю, что вы — Геккельманъ, тотъ самый, котораго я обвинялъ въ провокаціи.

Ландезенъ, смѣясь, сказалъ мнѣ:

— Ну, мало ли чего бываетъ! Я не обращаю на это вниманія!

Къ этому первому своему обвиненію Геккельмана-Ландезена я впослѣдствіи возвращался много разъ въ разговорахъ и съ Дебагорій-Мокріевичемъ, и съ Драгомановымъ, и съ Серебряковымъ, и съ очень многими другими.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я въ первый разъ обвинялъ Ландезена въ провокаціи.

Въ 1884 г. я былъ студентомъ петербургскаго университета. Меня въ гостинницѣ посѣщалъ, между прочимъ, нелегальный Мих. Сабунаевъ. Онъ иногда и ночевалъ у меня. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ не въ обычный часъ, рано утромъ, сильно взволнованный, разбудилъ меня и сказалъ:

— Львовичъ, въ партіи есть два провокатора: Ч и Геккельманъ!

По его словамъ, въ Петербургъ пріѣхали изъ Парижа представители Народной Воли (какъ потомъ оказалось, —

Лопатинъ, Салова, Сухомлинъ и др.) и привезли копію дегаевской исповѣди, гдѣ есть указанія на этихъ двухъ лицъ, какъ на агентовъ Судейкина.

Я тотчасъ же пошелъ отыскивать хорошо мнѣ знакомаго народовольца Мануйлова изъ группы молодой Народной Воли, чтобы черезъ него найти скрывавшагося тогда нелегальнаго П. Якубовича, молодого поэта, бывшаго лидеромъ молодыхъ народовольцевъ, которые тогда вели кампанію противъ старыхъ народовольцевъ. Мнѣ сообщили, что Мануйловъ дѣйствительно могъ бы найти Якубовича, но что онъ сейчасъ самъ боленъ и лежитъ на одной конспиративной квартирѣ. Мнѣ сообщили адресъ этой квартиры. Это была квартира Ч.!

Революціонеръ Мануйловъ, — онъ тоже былъ тогда нелегальнымъ, — лежитъ на квартирѣ провокатора! Къ нему на свиданіе ходятъ нелегальные, въ томъ числѣ Якубовичъ! Мнѣ было ясно, что вся организація была въ рукахъ полиціи. Съ полученными свѣдѣніями я послалъ къ Мануйлову его близкаго пріятеля Михаила Петровича Орлова, и къ извѣстному часу обѣщался къ нему придти самъ. Когда въ условленное время я поднимался по лѣстницѣ въ квартиру Ч., меня встрѣтилъ взволнованный Якубовичъ.

Ему, оказывается, уже сообщили мои свѣдѣнія.

— Ч. и Геккельманъ, — сказалъ мнѣ Якубовичъ, — близкіе мнѣ лично люди. Я за нихъ отвѣчаю. Прошу васъ забыть, что вы сообщили. Если это станетъ извѣстнымъ полиціи, то будетъ провалено одно большое революціонное дѣло.

Якубовичъ имѣлъ въ виду, очевидно, тайную дерптскую типографію, съ которой былъ связанъ Геккельманъ и гдѣ въ то время печатался 10-й № „Народной Воли".

Я, конечно, сказалъ Якубовичу, что объ этомъ дѣлѣ лично ничего не знаю, что являюсь только передатчикомъ этихъ свѣдѣній и, конечно, никому о нихъ не буду болѣе говорить.

Но члены „Молодой Народной Воли" были въ рѣзкихъ отношеніяхъ съ пріѣхавшими изъ Парижа народовольцами и не встрѣчались съ ними. Якубовичъ попросилъ меня

раздобыть записки Дегаева. Черезъ нѣсколько дней я отъ Саловой получилъ выписку изъ показаній Дегаева, касающуюся Ч. и Геккельмана, и передалъ ее Якубовичу, — и снова выслушалъ отъ него просьбу-требованіе никому не повторять этого вздорнаго обвиненія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я въ Москвѣ встрѣтилъ нелегальнаго Лопатина. Въ разговорѣ со мной онъ, между прочимъ, сказалъ:

— Это вы сообщали о Ч. и Геккельманѣ?

Я отвѣтилъ:

— Да!

— Такъ вотъ: я категорически запрещаю вамъ когда-нибудь кому-нибудь повторять эти слухи! — подчеркивая каждое слово, сказалъ мнѣ Лопатинъ.

Я далъ слово и, дѣйствительно, никогда никому ни разу объ этомъ болѣе не говорилъ, пока черезъ пять лѣтъ въ квартирѣ Дебагорій-Мокріевича въ Женевѣ не встрѣтилъ самого Геккельмана подъ именемъ Ландезена.

Ландезенъ интересовался изданіемъ „Своб. Россіи", и, кажется, оставилъ намъ франковъ 500. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Позже, въ Парижѣ, я часто встрѣчалъ Ландезена. Онъ въ это время часто посѣщалъ квартиры наиболѣе извѣстныхъ эмигрантовъ и считался у нихъ своимъ человѣкомъ. Ему вѣрили, и всѣ добродушно посмѣивались, когда я въ сотый разъ повторялъ свой разсказъ о томъ, какъ въ 1884 г. я этого именно Ландезена-Геккельмана обвинялъ въ томъ, что онъ — провокаторъ.

Во время нашихъ сборовъ въ Россію Ландезенъ заявилъ намъ, что онъ тоже ѣдетъ въ Россію для устройства своихъ денежныхъ дѣлъ съ отцомъ. Старые его товарищи, Бахъ и другіе, давали ему указанія и связи, молодые революціонеры, и я въ томъ числѣ, тоже дали ему свои указанія.

Ландезенъ ѣхалъ нелегально съ французскимъ паспортомъ при очень благопріятной обстановкѣ и надѣялся собрать нужныя намъ свѣдѣнія для нашихъ поѣздокъ.

Когда онъ уѣхалъ, мы продолжали готовиться къ поѣздкѣ въ Россію. Я жилъ на бульварѣ Сенъ-Жакъ вмѣстѣ съ Кашинцевымъ. На нашей квартирѣ иногда происходили собранія тѣхъ, кто долженъ былъ ѣхать въ Россію. У насъ, между прочимъ, бывалъ Борисъ Райнштейнъ, кто въ Цюрихѣ вмѣстѣ съ Дембо занимался опытами съ бомбами. Онъ разсказывалъ намъ объ этихъ опытахъ и однажды попросилъ на нашей квартирѣ продѣлать какой-то химическій опытъ. Онъ принесъ нужныя реторы, матеріалы и сталъ эти опыты дѣлать вмѣстѣ съ другимъ опытнымъ химикомъ эмигрантомъ Лавреніусомъ. Опыты были съ веществами очень пахучими и намъ приходилось принимать мѣры, чтобы сосѣди не поняли, что у насъ дѣлается. Это не было приготовленіе бомбъ, но мы понимали, что если объ этомъ узнаетъ полиція, то насъ будутъ преслѣдовать. Мы не были химиками и присутствовали болѣе какъ зрители, чѣмъ какъ активные участники.

Во время своихъ подготовленій къ поѣздкѣ въ Россію мы какъ бы забыли о Ландезенѣ и отъ него послѣ его отъѣзда въ Россію долго не было никакихъ свѣдѣній. Но вотъ неожиданно, когда мы были всѣ въ сборѣ на моей квартирѣ и о чемъ-то весело бесѣдовали, раздался стукъ въ нашу дверь. Я открылъ дверь и на лѣстницѣ увидѣлъ Ландезена.

Онъ какъ будто издали разсматривалъ насъ и, почему-то, стоя нѣкоторое время на порогѣ, не рѣшался войти къ намъ. Потомъ-то мы поняли, почему онъ не рѣшался сразу войти въ комнату. Онъ, конечно, могъ предполагать, что за его отсутствіе его расшифровали, и встрѣтятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ бы ему хотѣлось. Но мы, увидѣвши его, всѣ какъ-то радостно закричали и онъ понялъ, что опасаться ему нечего. Онъ вошелъ тогда къ намъ и началъ разсказывать о своей поѣздкѣ въ Россію.

Оказалось, по его словамъ, онъ, устраивая свои денежныя дѣла съ родными, по пути кое-что видѣлъ, кое-что слышалъ, даже кое-что привезъ намъ, что намъ нужно для поѣздки въ Россію. Вскорѣ даже мы получили отъ него небольшія деньги, отчасти наличными, отчасти какими-то бу-

магами, а также паспорта . . . для поѣздки въ Россію. Деньги были незначительныя — тысячи двѣ франковъ, но онѣ позволили намъ ускорить наши поѣздки въ Россію.

Первыми должны были уѣхать Раппопортъ и я. Раппопортъ ѣхалъ для того, чтобы связать эмигрантовъ съ революціонными кружками въ Россіи. Я ѣхалъ, главнымъ образомъ, чтобы добиться возможности начать издавать, вмѣсто „Свободной Россіи“ — „Земскій Соборъ“. Имѣя въ рукахъ номера „Свободной Россіи“, тамъ на мѣстѣ, въ Россіи, я разсчитывалъ переговорить съ тѣми, кто могъ бы сочувствовать нашей постановкѣ революціонной борьбы.

Однажды на мою квартиру пришелъ сильно взволнованный Райнштейнъ. Онъ просилъ всѣхъ насъ быть осторожными, очистить всѣ наши квартиры, уничтожить все, что могло свидѣтельствовать о нашихъ химическихъ опытахъ и т. д. Говорилъ онъ намеками. Мы поняли, что что-то случилось, вслѣдствіе чего могутъ быть у насъ и обыски. Особенно мы не распрашивали Райнштейна, но догадались, что онъ, очевидно, учавствовалъ еще въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ намъ кружкѣ и что въ этомъ кружкѣ дѣлались не только химическіе опыты, а что-нибудь и такое, что онъ и Дембо дѣлали въ Цюрихѣ. Этой таинственностью въ разсказѣ Райнштейна больше всѣхъ насъ заинтересовался Ландезенъ. Онъ сильно допытывался, и мы возмущались его любопытствомъ

Впослѣдствіи, когда я уже уѣхалъ изъ Парижа, оставшіеся мои товарищи, а также и Ландезенъ, узнали, что у Райнштейна, дѣйствительно, существовалъ другой кружокъ, о которомъ мы не подозрѣвали. Въ этомъ кружкѣ, кромѣ Райнштейна и Раппопорта, были еще эмигрантъ А. Тепловъ, Накашидзе и еще кто-то. Онѝ дѣлали бомбы. Для опытовъ ѣздили въ Венсенскій лѣсъ и тамъ ихъ бросали. Во время одного изъ такихъ опытовъ въ Венсенскомъ лѣсу былъ раненъ Тепловъ. Обо всемъ этомъ я узналъ только впослѣдствіи, когда уже былъ на Балканахъ.

Прошло нѣкоторое время. Не было никакихъ обысковъ. Но настроеніе было тревожное, и мы — Раппопортъ и я — старались возможно ускорить свой отъѣздъ въ Россію.

Въ началѣ мая 1890 г. мы выѣхали въ Россію. При отъѣздѣ приняли мѣры предосторожности и не рѣшились сѣсть въ поѣздъ въ Парижѣ, а сѣли на станціи Сенъ-Дени. Насъ провожали Кашинцевъ, Райнштейнъ и . . . Ландезенъ. Словомъ въ Парижѣ объ нашемъ отъѣздѣ не зналъ никто, кромѣ . . . Рачковскаго, завѣдывавшаго тогда всѣмъ русскомъ сыскомъ заграницей!

Глава IX.

Поѣздка въ Россію Ю. Раппопорта и моя. — Слѣжка за нами дорогой. — Въ Румыніи. — Въ Константинополѣ. — Обвиненіе Ландезена въ провокаціи. — Провокація Ландезена въ 1883—84 гг. въ Россіи и позднѣе заграницей.

Въ Базелѣ намъ пришлось ночевать. Выходя съ вокзала, я тогда же сказалъ Раппопорту, что за нами слѣдятъ. Онъ разсмѣялся и сталъ вышучивать меня, увѣряя, что это мнѣ только мерещется. Утромъ мы поѣхали дальше. Я ему снова указалъ, что за нами есть слёжка. Но въ Цюрихѣ, гдѣ мы мѣняли поѣздъ, я никакой слёжки не видѣлъ, и Раппопортъ еще больше сталъ вышучивать мои первыя подозрѣнія и упрекать меня въ мнительности. На австрійской границѣ, однако, онъ согласился, что за нами слёжка, дѣйствительно, есть.

Въ Вѣнѣ наши товарищи, кому мы говорили объ этой слёжкѣ, сказали намъ, что она едва ли относится къ намъ, а что австрійская полиція въ эти дни усиленно занята какими-то своими поисками, не имѣющими отношенія къ русскимъ революціонерамъ.

Когда мы уѣзжали изъ Вѣны и затѣмъ были въ Лембергѣ, для меня стало настолько очевидно, что за нами слѣдятъ, что я наотрѣзъ отказался ѣхать на границу для переправы въ Россію. Только послѣ долгихъ уговариваній Раппопортъ согласился ѣхать со мной въ Румынію, гдѣ мы могли принять мѣры, какъ уйти отъ слёжки, и безопасно переправиться въ Россію.

Въ Румыніи у меня съ Раппопортомъ снова завязался споръ на старую тему — есть слёжка или нѣтъ слёжки,

можемъ ли мы теперь перейти границу или нѣтъ. Раппопортъ упорствовалъ на своемъ и какъ мнѣ ни было тяжело, но я рѣшился разстаться съ нимъ. Онъ поѣхалъ на границу, а я остался въ Румыніи. Разставясь съ нимъ, я былъ почти убѣжденъ, что его арестуютъ тутъ же на границѣ.

Въ Румыніи, въ Плоештахъ, я заѣхалъ къ старому русскому эмигранту Доброджану. Тамъ черезъ нѣсколько дней мы получили извѣстіе, что на русской границѣ, въ Унгенахъ, Раппопортъ былъ арестованъ. Онъ долго просидѣлъ въ тюрьмѣ и былъ потомъ совершенно больнымъ выпущенъ на волю.

Я еще не уѣхалъ изъ Румыніи, какъ получилъ изъ Парижа письма въ отвѣтъ на свои письма и на письма Раппопорта. Кашинцевъ просилъ меня быть осторожнымъ и не рисковать ѣхать въ Россію. Ландезенъ арестъ Раппопорта объяснялъ случайностью, не безъ злости вышучивалъ мою осторожность и говорилъ о необходимости ѣхать дальше. Онъ показывалъ видъ, что пишетъ отъ имени другихъ моихъ товарищей. На самомъ же дѣлѣ эти письма были писаны имъ совмѣстно съ Рачковскимъ. Имъ обоимъ очень хотѣлось поскорѣе видѣть меня въ тюрьмѣ.

Чтобы замѣсти свои слѣды, я на нѣкоторое время съѣздилъ по Дунаю въ Бѣлградъ и потомъ снова вернулся въ Румынію.

Румынскіе товарищи, — Доброжданъ, между прочимъ, — брались меня благополучно переправить въ Россію, если я буду дѣйствовать такъ, какъ они мнѣ будутъ указывать.

Со всѣми предосторожностями они отправили меня въ Сулинъ, румынскій городокъ на берегу Дуная, противъ русскаго города Измаила, къ русскому эмигранту доктору Ивановскому.

Ивановскій встрѣтилъ меня очень тепло и гарантировалъ мнѣ, что благополучно устроитъ мнѣ переѣздъ въ Измаилъ, но просилъ, пока не будетъ все готово для переправы черезъ Дунай, нѣсколько дней никуда не выходить и просидѣть у него въ верхнемъ этажѣ въ отдѣльной ком-

натѣ. Кромѣ доктора, ко мнѣ приходилъ и приносилъ мнѣ пищу только ближайшій его довѣренный человѣкъ — фельдшеръ Федоровъ. Какъ потомъ я узналъ, этотъ „довѣренный человѣкъ“ былъ профессіональнымъ шпіономъ, давно приставленнымъ къ доктору, и онъ доносилъ о каждомъ моемъ шагѣ русскимъ властямъ въ Измаилѣ.

По ту сторону Дуная была устроена для меня засада. Я, конечно, этого не подозрѣвалъ и рвался возможно скорѣе ѣхать въ Измаилъ. Три раза я дѣлалъ попытку переправиться черезъ Дунай, но неисправность того или другого изъ лицъ, кто должны были принимать участіе въ моей переправѣ, заставляла меня откладывать мой отъѣздъ. Въ концѣ концовъ, я рѣшилъ, что эти мои троекратныя попытки переѣхать Дунай могли быть замѣчены полиціей, и я отказался отъ мысли переправиться въ Россію въ этомъ мѣстѣ.

Простившись съ докторомъ, и ничего не сказавши фельдшеру, я сѣлъ на пароходъ, отходившій въ Константинополь.

Въ Константинополѣ я благополучно высадился и отправился въ русское консульство визировать свой фальшивый паспортъ для отъѣзда въ Россію. Я разсчитывалъ на ближайшемъ пароходѣ ѣхать въ Батумъ. Въ консульствѣ меня попросили придти за визой часа черезъ два.

На улицѣ я купилъ французскую газету и какъ громомъ былъ пораженъ извѣстіемъ изъ Парижа. Тамъ было арестовано много русскихъ и, между прочимъ, и мои друзья, оставшіеся на моей квартирѣ. Говорилось о какихъ-то опытахъ съ бомбами около Парижа. Въ первый моментъ я ничего не понялъ. Когда я уѣзжалъ, никакихъ бомбъ не было и никакихъ опытовъ съ ними не дѣлалось. Но, очевидно, никакой ошибки тутъ не могло быть. Для меня было ясно только одно, что при данныхъ условіяхъ я не долженъ ѣхать въ Россію, — и я отправился въ Болгарію — въ Софію.

По дорогѣ, въ Филиппополѣ, во французскихъ газетахъ я прочиталъ и подробности парижскихъ арестовъ. Для меня стало ясно, хотя объ этомъ въ газетѣ и не было сказано, что мы были выданы и при томъ никѣмъ инымъ, какъ

Ландезеномъ, что онъ — агентъ русской полиціи. Объ этомъ я сейчасъ же написалъ въ Парижъ. Но скоро въ Софіи я получилъ изъ Парижа письмо, гдѣ на меня обрушились за одно такое предположеніе. Потомъ во время новаго моего пріѣзда въ Румынію Доброджанъ получилъ письмо отъ Серебрякова, въ которомъ онъ предостерегалъ противъ меня и говорилъ что я погубилъ его друга Ландезена, обвиняя его въ провокаціи.

Когда по указанію арестованныхъ въ Парижѣ Ландезена стали открыто обвинять въ провокаціи, то отъ имени многихъ эмигрантовъ къ Ландезену пришелъ Серебряковъ и сталъ настаивать на томъ, чтобъ онъ немедленно скрылся. Ландезенъ протестовалъ противъ обвиненія въ провокаціи и особенно сильно ругалъ меня, но, конечно, немедленно же скрылся изъ Парижа.

Вѣрившіе Ландезену и потомъ еще долго его защищали. Въ 1903 г., когда я былъ у Баха въ Женевѣ и, въ присутствіи эмигранта Билита, упомянулъ о Ландезенѣ, то онъ сталъ о немъ говорить, какъ о добродушномъ, добромъ, честномъ товарищѣ, котораго я загубилъ, обвиняя его, какъ провокатора. По словамъ Баха и Билита, Ландезенъ, чтобы избѣжать ареста, долженъ былъ уѣхать въ Южную Америку — Чили или въ Аргентину, гдѣ спустя нѣкоторое время онъ и умеръ. Они смѣялись надъ тѣмъ, что я все еще — даже въ 1903 г. — могу считать его провокатромъ, и находили это какой-то нелѣпостью, не требующей даже опроверженія.

Только впослѣдствіи вполнѣ выяснилась исторія съ Ландезеномъ.

Въ 1882-83 гг. Ландезенъ, совсѣмъ молодымъ, когда онъ еще назывался Геккельманомъ, былъ заагентуренъ Судейкинымъ и по его указаніямъ занялся провокаціей среди народовольцевъ. При участіи Ландезена Якубовичъ и его товарищи поставили тайную типографію въ Дерптѣ и стали печатать органъ партіи „Молодой Народной Воли“.

Послѣ присоединенія группы Якубовича къ организаціи „Народной Воли“, старые народовольцы (Лопатинъ, Салова и др.) въ дерптской типографіи печатали второе изда-

ніе 10-го номера „Народной Воли". О связи Геккельмана-Ландезена съ Судейкинымъ случайно узналъ Дегаевъ и объ этомъ сообщилъ въ своей покаянной исповѣди парижскимъ народовольцамъ. Выписки изъ его исповѣди, касающія Ч. и Геккельмана, я и получилъ отъ Саловой въ 1884 г. и передалъ Якубовичу, но ни онъ, ни его товарищи не повѣрили этимъ обвиненіямъ. При помощи Ландезена они закончили въ Дерптѣ изданіе 10-го номера „Народной Воли". Они защищали Геккельмана именно потому, что онъ имъ помогалъ въ такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ изданіе „Народной Воли". Они полагали, что, если бы жандармы черезъ Геккельмана знали о дерптской типографіи, то они арестовали бы ее. Народовольцы тогда не подозрѣвали, какъ далеко могутъ идти въ своей провокаціи жандармы съ ихъ Судейкинами, а Судейкинъ тогда едва ли могъ подозрѣвать, что его преемники, идя по его дорожкѣ, дойдутъ до Азефа!

10-ый номеръ „Народной Воли" былъ отпечатанъ, развезенъ по Россіи, но . . . Вскорѣ послѣдовали аресты всѣхъ, кто только имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ изданію 10-го номера, и многихъ, кто къ нему никакого отношенія не имѣлъ. Выловлены были почти всѣ отпечатанные номера „Народной Воли". Это было полное торжество судейкинской провокаторской тактики!

Роль Ландезена въ тогдашнемъ разгромѣ народовольческаго движенія огромна. Дерптская типографія оставалась не арестованной еще нѣсколько мѣсяцевъ, но въ ней ничего болѣе не печаталось. Въ этой типографіи жандармы расчитывали и впредь, при помощи того же Ландезена, продолжать печатать революціонныя изданія, а затѣмъ распространять ихъ и этимъ путемъ вылавливать революціонеровъ, кто будутъ причастны къ ихъ распространенію. Но въ февралѣ 1885 г. въ этой типографіи скоропостижно умеръ хозяинъ квартиры, революціонеръ Переляевъ, и она, такимъ образомъ, неожиданно для жандармовъ, была случайно обнаружена мѣстной полиціей. При обыскѣ въ ней были найдены документы Ландезена и ему поэтому пришлось оффиціально скрыться.

Послѣ провала дерптской типографіи, — въ началѣ

1885 г., — Геккельманъ, съ паспортомъ на имя Ландезена, пріѣхалъ заграницу. Эмигранты встрѣтили его, какъ одного изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ тогдашнихъ массовыхъ арестовъ. Онъ вошелъ въ ихъ среду и сталъ пользоваться ихъ довѣріемъ. Особенно хорошо сошелся съ Бахомъ, Тихоміровымъ, Лавровымъ, Серебряковымъ. Конечно, все время, какъ агентъ Рачковскаго, онъ ихъ „освѣщалъ" и разстраивалъ всѣ ихъ дѣла. Въ началѣ 1889 г. онъ добился того, что они познакомили его съ нами во время изданія „Свободной Россіи", и съ тѣхъ поръ онъ сталъ „освѣщать" и насъ.

Начальникъ русскаго заграничнаго сыска Рачковскій могъ играть значительную роль заграницей, благодаря тому, что французское правительство стремилось во что бы то ни стало заключить союзъ съ Россіей и очень дорожило связями съ русскимъ правительствомъ. Со своей стороны, русское правительство въ общей политикѣ готово было очень многое дѣлать для французскаго, чтобы оно взамѣнъ того помогало ему въ борьбѣ съ эмигрантами.

Черезъ своихъ агентовъ Рачковскій не только освѣщалъ эмигрантскую жизнь, но занимался и уголовщиной и провокаціей. Имъ была разграблена типографія „Народной Воли" въ Женевѣ въ 1886 г. Его агентъ, Яголоковскій, учавствовалъ въ бросаніи бомбъ въ Бельгіи, когда это надо было русскому заграничному сыску для компрометированія русскихъ эмигрантовъ. Черезъ Ландезена Рачковскій много сдѣлалъ для того, чтобы Тихоміровъ уѣхалъ въ Россію и на деньги, данныя Рачковскимъ, Ландезенъ помогъ Тихомірову печатать его брошюру „Почему я пересталъ быть революціонеромъ".

Когда весной 1890 г. черезъ Ландезена Рачковскій узналъ, что Райнштейнъ въ Парижѣ занимается бомбами, то Ландезенъ съ его согласія принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Рачковскій расчитывалъ арестовать наиболѣе дѣятельныхъ эмигрантовъ, создать противъ нихъ большой процессъ, надолго отъ нихъ отдѣлаться и разгромить русскую эмигрантскую колонію въ Парижѣ. Онъ надѣялся, что французское правительство въ данномъ случаѣ широко пойдетъ

ему навстрѣчу. Было арестовано человѣкъ 7-8, принадлежавшихъ къ небольшому отдѣльному кружку и изъ нихъ создали процессъ. Во всемъ этомъ Рачковскому тайно оказывали огромныя услуги и французская полиція, и французское министерство внутреннихъ дѣлъ.

Однако Рачковскому пришлось отказаться отъ многаго, о чемъ онъ мечталъ вначалѣ, когда подготовлялъ аресты. Процессъ сразу принялъ скорѣе неблагопріятный характеръ для русскаго правительства и во всякомъ случаѣ аресты въ Парижѣ вовсе не отразились на общемъ положеніи русскихъ эмигрантовъ во Франціи.

Одинъ изъ защитниковъ подсудимыхъ, Мильеранъ, нынѣшній президентъ республики, потребовалъ ареста и привлеченія къ дѣлу агента Рачковскаго провокатора Ландезена. Въ этомъ его рѣшительно поддержали и французцузская пресса и французское общественное мнѣніе и даже судъ. Ландезенъ, однако, благодаря податливости французскаго министра внутреннихъ дѣлъ Констана, имѣлъ возможность скрыться, и самъ Рачковскій лично благополучно вышелъ изъ этого дѣла. По суду арестованные эмигранты были приговорены къ одному-двумъ годамъ тюрьмы, а Ландезенъ заочно былъ приговоренъ къ пяти годамъ тюремнаго заключенія.

За свое предательство и свою провокацію Ландезенъ былъ щедро награжденъ. Правительство прикомандировало его, какъ чиновника, къ одному изъ заграничныхъ посольствъ, представители высшей аристократіи приняли участіе въ его крещеніи, Александръ III разрѣшилъ ему перемѣнить фамилію Геккельмана на Гартинга (Аркадія Михайловича) и т. д. Съ тѣхъ поръ Ландезенъ самъ занялся организаціей политическаго сыска заграницей и долго завѣдывалъ имъ, между прочимъ, въ Берлинѣ. Въ концѣ концовъ онъ имѣлъ наглость (другого слова нельзя подыскать) добиваться того, чтобы на эту должность его перевели въ Парижъ, а Рачковскій постарался даже, чтобъ онъ былъ награжденъ французскимъ орденомъ Почетнаго Легіона. Но съ русскаго эмигрантскаго горизонта Ландезенъ съ тѣхъ поръ совершенно исчезъ.

Въ 1908 г. я былъ въ театрѣ Шатлэ. Давали какой-то русскій спектакль. Во время антракта въ кулуарахъ я обратилъ особое вниманіе на человѣка, проходившаго въ толпѣ мимо меня, фигура котораго меня очень поразила и показалась мнѣ знакомой. Чтобы получше всмотрѣться въ его лицо, я сталъ его искать, но второй разъ увидѣть его мнѣ никакъ не удалось. Онъ больше не показывался. Да мнѣ и не до того было! Я тогда же увидѣлъ, что меня плотнымъ кольцомъ окружили агенты полиціи и они были чѣмъ-то очень встревожены. Я на это обратилъ вниманіе моихъ товарищей, бывшихъ со мной. Мы были убѣждены, что меня хотятъ арестовать. Я сдѣлалъ всѣ указанія на случай моего ареста. Когда спектакль кончился, я вышелъ изъ театра съ однимъ изъ своихъ товарищей, а другіе сопровождали насъ издали. Мы замѣтили, какъ за мной по лѣстницѣ театра пошла группа агентовъ. Въ сопровожденіи ихъ я вышелъ на площадь Шатлэ. Мнѣ казалось, что меня здѣсь сейчасъ же арестуютъ. Я пошелъ черезъ мость на Сенъ-Мишель и увидѣлъ, какъ агенты меня оставили. Вскорѣ я убѣдился, что, дѣйствительно, иду одинъ.

Разгадку этой исторіи, — думаю, что я не ошибаюсь, — я понялъ впослѣдствіи, а именно, что въ театрѣ Шатлэ я, спустя двадцать лѣтъ, встрѣтилъ Ландезена, когда онъ уже подъ именемъ Гартинга занималъ постъ оффиціальнаго представителя русской полиціи заграницей. Онъ былъ сѣдой, а я оставилъ его брюнетомъ. Онъ, очевидно, меня узналъ и предполагалъ, что и я его тоже узналъ, — и ждалъ нападенія. Вотъ отчего такъ были взволнованы полицейскіе агенты, окружившіе меня.

Какъ русское правительство заинтересовалось судомъ надъ парижскими эмигрантами Кашинцевымъ, Ананьевымъ, Тепловымъ и др., это видно изъ разсказа французскаго сенатора Э. Додэ въ его воспоминаніяхъ.

„Въ 1890 г. намъ, пишетъ Додэ, представился случай оказать русскому правительству очень важныя услуги“. „Министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ черезъ русскихъ и французскихъ агентовъ узналъ, что русскіе революціонеры въ Парижѣ заняты приготовленіемъ взрывчатыхъ ве-

ществъ и намѣрены (?) везти ихъ въ Россію. Русскій посланникъ Моренгеймъ потребовалъ, чтобы французское правительство приняло мѣры и не допустило ввоза динамита въ Россію. Рибо, Фрейсинэ и Констанъ, которымъ онъ сообщалъ свои опасенія, взяли на себя самыя формальныя обязательства въ томъ что они помѣшаютъ революціонерамъ вывезти динамитъ изъ Парижа."

21-го мая Констанъ собрался ѣхать съ Карно на югъ Франціи. Моренгеймъ, перепуганный тѣмъ, что безъ Констана „нигилисты", навѣрное, скроются, бросается къ нему на квартиру умолить объ арестахъ, но Констанъ уже уѣхалъ на вокзалъ. Моренгеймъ ѣдетъ на вокзалъ и тамъ застаетъ Констана, который его и успокаиваетъ, что „мѣры" приняты. Моренгеймъ сталъ собираться уѣзжать, но Констанъ обратилъ его вниманіе на то, что свиданіе ихъ замѣчено журналистами и, чтобы избѣжать толковъ, онъ ему посовѣтовалъ дождаться Карно. Черезъ минуту Карно при входѣ въ вагонъ простился съ русскимъ посланникомъ и былъ очень польщенъ любезностью Моренгейма, истинной причины которой онъ не понималъ, и „горячо его благодарилъ за честь".

Александръ III, когда узналъ обо всемъ происшедшемъ въ Парижѣ, выразилъ свою глубокую признательность французскому правительству за его содѣйствіе въ борьбѣ съ народовольцами.

„Императоръ", говоритъ Додэ: „высказалъ свою благодарность французскому посланнику Лябулэ въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно говорили объ ея искренности и глубинѣ".

Александръ III, который готовъ былъ въ 1886 г. разорвать дипломатичекія сношенія съ Франціей вслѣдствіе того, что французское правительство амнистировало Кропоткина и выпустило его изъ тюрьмы, почти сразу перемѣнилъ свою внѣшнюю политику, и арестъ русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ, по словамъ Додэ, имѣлъ большое значеніе въ исторіи франко-русскихъ сношеній.

Глава X.

Попытка русской полиціи арестовать меня въ Константинополѣ. — Пріѣздъ въ Лондонъ. — Степнякъ и Волховскій. — Борьба среди эмигрантовъ. — Провокаторъ Бейтнеръ.

Въ то время, когда въ Парижѣ происходилъ судъ надъ арестованными эмигрантами по дѣлу, о динамитной мастерской, русская заграничная полиція употребляла всѣ усилія, чтобы заманить меня въ Россію или арестовать гдѣ-нибудь заграницей и такъ или иначе привлечь меня къ парижскому дѣлу.

Я въ это время жилъ въ Болгаріи. Вначалѣ никто меня не безпокоилъ, но нѣсколько позднѣе полиція Стамбулова стала дѣлать мнѣ разныя затрудненія и я долженъ былъ скрыться изъ Болгаріи. За это время русская заграничная полиція не разъ устраивала въ Болгаріи мнѣ ловушки, но я ни разу не попалъ въ нихъ.

Черезъ Константинополь, гдѣ мнѣ тоже была устроена засада, я благополучно пріѣхалъ снова въ Румынію и оттуда я рѣшилъ ѣхать въ Лондонъ. Но въ Румыніи я узналъ, что на всѣхъ границахъ меня ждутъ и хотятъ арестовать по требованію русскаго правительства. Единственный путь, какимъ я могъ поѣхать во Францію, — это было ѣхать на англійскомъ торговомъ пароходѣ черезъ Галацъ, Константинополь, Гибралтаръ — въ Лондонъ.

Когда я садился на пароходъ въ Галацѣ, мѣстные эмигранты привели ко мнѣ все того же фельдшера Федорова изъ Сулина. Разумѣется, онъ тогда же донесъ русскимъ сыщикамъ, на какомъ пароходѣ и куда я ѣду.

Нашъ пароходъ въ Константинополѣ долженъ былъ стоять цѣлый день. Капитанъ, матросы, всѣ воспользовались случаемъ и поѣхали осматривать Константинополь и звали туда меня.

Я не имѣлъ никакихъ данныхъ предполагать, что русская полиція знаетъ, гдѣ я, и хочетъ меня арестовать, но я все-таки допускалъ возможность, что мой проѣздъ черезъ Константинополь можетъ быть ей извѣстенъ. Какъ ни хотѣлось мнѣ еще разъ посмотрѣть такой любопытный городъ, какъ Константинополь, но я не рѣшился сойти на берегъ. Я зналъ, что тамъ турецкая полиція могла безъ всякаго затрудненія выдать меня въ Россію.

Прошелъ часъ, два. На нашемъ пароходѣ появились книгоноши, предлагавшіе мнѣ по дешевой цѣнѣ купить книги на берегу. Къ намъ подъѣзжали турецкія лодки, предлагавшія мнѣ покататься по чудному Босфору. Но я отказывался отъ всѣхъ этихъ приглашеній и только съ парохода любовался видомъ Константинополя въ прекрасный, теплый, почти лѣтній день, хотя это было въ ноябрѣ-декабрѣ. Какъ разъ, въ такое же время, но при совершенно другой обстановкѣ черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ мнѣ пришлось еще разъ нѣсколько дней любоваться Константинополемъ. Это было послѣ эвакуаціи Крыма, съ борта русскаго парохода!

Затѣмъ я увидѣлъ, что нашъ пароходъ окруженъ десятью-двѣнадцатью лодками и въ нихъ сидѣли турки въ военной формѣ, а вмѣстѣ съ ними было нѣсколько штатскихъ, повидимому, русскихъ. Затѣмъ, мимо нашего парохода медленно прошелъ другой небольшой пароходъ, на немъ была группа штатскихъ и военныхъ — человѣкъ десять — и всѣ они въ бинокль смотрѣли на меня. Я понялъ, что дѣло что-то неладно. Въ то же время съ одной изъ лодокъ, окружавшихъ нашъ пароходъ, къ намъ подъѣхалъ какой-то военный турокъ. Никого на палубѣ не было и я спустилъ ему лѣстницу. Турокъ ушелъ въ каюту помощника капитана, а я пошелъ въ свою каюту. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ пришелъ взволнованный, блѣд-

ный помощникъ капитана — англичанинъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что турецкая полиція требуетъ моей выдачи.

Я спросилъ, что же онъ хочетъ дѣлать со мной? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что это все зависитъ отъ капитана, а онъ на берегу.

Вскорѣ пріѣхалъ на пароходъ, тоже взволнованный, капитанъ и сообщилъ, что на берегу ему предлагаютъ десять тысячъ франковъ за то, чтобы онъ ссадилъ меня въ лодку. Капитанъ посмотрѣлъ на меня и съ гордостью сказалъ:

— Я имъ отвѣтилъ, что здѣсь, — онъ показалъ на пароходъ, — Англія, и арестовать васъ здѣсь никто не можетъ!

Помолчавъ немного, онъ добавилъ: Я — джентльманъ!

Онъ сейчасъ же записалъ меня матросомъ на пароходѣ, одѣлъ въ матроскую форму и засадилъ въ трюмъ, гдѣ лежали мѣшки съ хлѣбомъ.

На пароходъ приходила цѣлая комиссія отъ имени русскихъ и турецкихъ властей, она, очевидно, хотѣла видѣть меня, но не нашла. Долго они спорили съ капитаномъ, грозили, что не выпустятъ парохода изъ Константинополя, что будутъ въ него стрѣлять, если онъ пойдетъ . . . Уговаривали, предлагали деньги, но упрямый капитанъ твердилъ:

— Здѣсь — Англія! не могу! Я — джентльманъ! и т. д.

Поздно вечеромъ нашъ пароходъ, однако, отпустили, и только тогда капитанъ меня выпустилъ изъ трюма и позволилъ быть въ каютѣ. Но около дверей каюты былъ приставленъ матросъ, ему было приказано не выпускать меня изъ каюты и ко мнѣ никого не впускать.

Дѣло въ томъ, что, подъ предлогомъ осмотра ночныхъ фонарей, турецкая полиція помѣстила на пароходѣ какого-то своего человѣка, въ высшей степени подозрительнаго на видъ. Это былъ Бинтъ, агентъ Рачковскаго, какъ онъ мнѣ объ этомъ недавно самъ разсказывалъ. А за нами, не отставая отъ насъ, шелъ какой-то другой пароходъ. Капитанъ предполагалъ, что этому человѣку дано было порученіе выбросить меня въ море, а насъ обоихъ подобрали бы на пароходъ, слѣдовавшій за нами.

На слѣдующее утро, въ Дарданелахъ, нашъ пароходъ снова задержали. Снова явились и русскія, и турецкія власти и стали попремѣнно то просить, то угрожать, то подкупать капитана, чтобы онъ высадилъ меня къ нимъ въ лодку. Капитанъ вызвалъ мѣстнаго англійскаго консула и въ его присутствіи предложилъ составить протоколъ о задержаніи парохода.

Тогда, наконецъ, нашъ пароходъ оставили въ покоѣ и его покинулъ также подозрительный субъектъ, посаженный къ намъ въ Константинополѣ. Мы благополучно вышли въ открытое море.

Когда мы пріѣхали въ Лондонъ, мы узнали, что наша исторія въ Константинополѣ въ Англіи была уже извѣстна изъ телеграммъ и вызвала въ печати и въ обществѣ огромнѣйшую бучу.

Англичане, между ними были члены парламента, а затѣмъ члены русской колоніи, среди нихъ былъ Волховскій (Степнякъ въ то время былъ въ Америкѣ), дали въ честь капитана обѣдъ и благодарили его за мое спасеніе. „Таймсъ" и другія англійскія газеты много мѣста посвятили разсказу объ этой попыткѣ русскаго правительства арестовать меня въ Константинополѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я благополучно избѣжалъ ареста въ Константинополѣ, туда изъ Софіи пріѣхалъ мой хорошій знакомый, русскій эмигрантъ, инженеръ Луцкій. По требованію русскихъ властей, турецкая полиція схватила его на улицѣ и сейчасъ же на лодкѣ доставила на русскій пароходъ. Луцкій былъ увезенъ въ Россію, но тамъ его скоро освободили, потому что выяснилось, что онъ былъ выданъ безъ всякихъ основаній, только потому, что русскія власти хотѣли нѣсколько загладить свою неудачу съ моимъ арестомъ и арестовали перваго попавшагося имъ подъ руки эмигранта.

Съ пріѣздомъ въ Лондонъ для меня тогда началась самая глухая пора моей эмигрантской жизни.

Конецъ царствованія Александра III былъ трудными годами для всѣхъ насъ, русскихъ, и въ Россіи и заграницей. Реакція придавила всѣхъ. Не было ни активной революці-

онной борьбы, ни какихъ-нибудь серьезныхъ общественныхъ выступленій. Наступило время маленькихъ дѣлъ.

Всѣ наши попытки за эти годы нелегально поѣхать въ Россію для того, чтобы принять тамъ участіе въ революціонномъ движеніи или хотя бы завязать связи для революціонной дѣятельности изъ-за границы, разбивались объ инертность сочувствующихъ намъ въ Россіи лицъ. Мы, эмигранты, остались совсѣмъ безъ поддержки изъ Россіи, хотя тамъ мы имѣли и личныхъ друзей, и своихъ единомышленниковъ.

Въ Россіи на насъ смотрѣли, какъ на Донъ-Кихотовъ, кто изъ упрямства не отказывается отъ старыхъ взглядовъ и все еще говоритъ о революціонной борьбѣ, невозможной — одни говорили на пятьдесятълѣтъ, другіе — на двѣсти лѣтъ.

Въ 1892-94 гг. я изъ Англіи ѣздилъ въ Парижъ, въ Женеву, въ Цюрихъ, чтобы оттуда связаться съ Россіей, но и это не приводило ни къ чему.

Послѣ 1894 г. я вернулся въ Лондонъ и здѣсь въ Британскомъ Музеѣ много работалъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія. Въ эти годы я составилъ и напечаталъ кропотливую работу — „За сто лѣтъ“.

Въ Лондонѣ въ это время жилъ извѣстный русскій эмигрантъ, литераторъ, Сергѣй Михайловичъ Степнякъ-Кравчинскій, убійца Мезенцева. По своимъ взглядамъ онъ близко подходилъ къ направленію, которое выражалось въ „Свободной Россіи“.

Послѣ того, какъ намъ пришлось прекратить изданіе „Свободной Россіи“, Степнякъ, при помощи основаннаго имъ вмѣстѣ съ Ватсономъ общества „Друзей русской свободы“сталъ издавать въ Лондонѣ имѣвшій большой успѣхъ, на англійскомъ языкѣ, ежемѣсячный органъ „Free Russia“ („Свободная Россія“). На ея страницахъ Степнякъ демонстративно подчеркивалъ свою связь съ нашей „Свободной Россіей“.

При мнѣ въ Лондонъ пріѣхалъ, бѣжавшій изъ Сибири, близкій другъ Степняка — Феликсъ Вадимовичъ Волховскій. Оба они были революціонеры съ огромнымъ прош-

лымъ, очень талантливые, широко образованные, выдающіеся писатели, съ крупнымъ безупречнымъ прошлымъ.

Они основали „Фондъ вольной русской прессы" и стали издавать небольшіе „Летучіе Листки" такого же направленія, какъ наша „Свободная Россія". Эти свои „Листки" они издавали три-четыре года. Но оба они, и Степнякъ и Волховскій, прекрасно понимали, что для борьбы съ реакціей мало такихъ „Листковъ", а нуженъ большой органъ и они все время говорили о необходимости издавать „Колоколъ". Впрочемъ, свой будущій органъ они не имѣли въ виду называть „Колоколомъ", какъ не имѣли въ виду и мы назвать свой органъ „Колоколомъ", когда готовясь къ изданію „Свободной Россіи", тоже говорили о „Колоколѣ". Для насъ въ Женевѣ и для Степняка и Волховскаго въ Лондонѣ слово „Колоколъ" тогда было только такимъ условнымъ названіемъ, которое всѣмъ опредѣленно могло говорить, что мы хотимъ основать разоблачительный органъ, какимъ раньше былъ „Колоколъ" и какимъ потомъ было „Освобожденіе".

Изъ Россіи къ Степняку и Волховскому пріѣзжало много извѣстныхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей и литераторовъ. Ихъ самихъ всѣ хорошо знали въ Россіи, но таково было тогда проклятое настроеніе въ Россіи, что впродолженіи многихъ лѣтъ Степнякъ и Волховскій такъ-таки и не могли дождаться изъ Россіи никакой помощи, чтобы начать органъ о какомъ они мечтали, какъ этого не удалось и мнѣ. Къ нимъ такъ же, какъ и къ намъ, безучастно отнеслись представители тогдашней русской оппозиціи, какъ Пентрукевичъ и Родичевъ, чьи имена тогда были у всѣхъ на устахъ. Русская оппозиція въ тѣ годы ни сама не создала своего органа, ни другимъ не помогла его создать. У нея не было никакого размаха въ ея дѣятельности и она заранѣе, даже не начиная борьбы съ правительствомъ, отказывалась отъ нея и сама приготавливала свою печальную будущность.

Степнякъ умеръ прежде, чѣмъ ему удалось осуществить свои мечты — основать большой органъ.

Въ Британскомъ музеѣ вмѣстѣ со мной цѣлыми днями работалъ глубокій старикъ В. В. Берви (Флеровскій),

лѣтъ семидесяти слишкомъ. Онъ едва ходилъ, плохо слышалъ и обнаруживалъ много старческихъ особенностей. Существовалъ потому, что безконечно привязанная къ нему жена слѣдила за каждымъ его шагомъ и кормила его спеціально какой-то кашицей. Онъ представлялъ собою въ полномъ смыслѣ слова развалину.

Ко мнѣ въ Британскомъ музеѣ какъ-то подошелъ жизнерадостный Степнякъ. Коренастый, средняго роста, вся его фигура дышала здоровьемъ и желѣзной волей. Показывая на Берви, онъ мнѣ сказалъ:

— Вотъ чего я не хотѣлъ бы, такъ это дожить до такого состоянія!

Черезъ нѣсколько дней я получилъ городскую телеграмму: „Немедленно приходите. Убитъ Степнякъ.“

Степнякъ вышелъ изъ своего дома и пошелъ къ Волховскому черезъ пустырь. Когда, по обыкновенію задумавшись, онъ переходилъ черезъ полотно желѣзной дороги, на него наскочилъ поѣздъ, и онъ былъ убитъ на мѣстѣ.

Берви вернулся въ Россію и послѣ революціи 1917 г. мнѣ говорили, что онъ еще жилъ гдѣ-то на Кавказѣ.

Степняка сожгли въ крематоріи близъ Лондона. Въ похоронахъ приняли участіе кромѣ русскихъ и очень многіе англичане во главѣ съ Ватсономъ. Въ крематоріи всѣ были глубоко взволнованы и никто не могъ ничего говорить. Только Ватсонъ сказалъ нѣсколько словъ о Степнякѣ, какъ о своемъ другѣ и какъ о замѣчательномъ русскомъ политическомъ дѣятелѣ. Отъ имени русскихъ къ Ватсону подошелъ Волховскій и, сдерживая рыданія, только пожалъ ему крѣпко руку и по англійски сказалъ ему:

— Благодарю васъ!

Но какъ ни трудно тогда жилось мнѣ въ Лондонѣ, я все-таки по мѣрѣ возможности продолжалъ защищать тѣ же идеи и преслѣдовать тѣ же планы, съ которыми въ 1888 г. я пріѣхалъ изъ Россіи въ Женеву. Мнѣ и тогда приходилось плыть не по теченію, а противъ него. Я попрежнему боролся съ тѣми, что партію ставили выше родины и не видѣли въ какую пропасть ведутъ насъ реакція съ одной стороны и проповѣдь соціальной революціи — съ другой.

Въ результатѣ этой борьбы съ нѣкоторыми эмигрантскими теченіями у меня сложились острыя отношенія со многими изъ видныхъ эмигрантовъ, а съ нѣкоторыми даже враждебныя. Но у меня было много и явныхъ и тайныхъ друзей.

Теплое отношеніе къ себѣ я встрѣтилъ въ Лондонѣ со стороны Степняка, а потомъ Волховскаго, Чайковскаго, Кропоткина, не смотря на наши нѣкоторыя разногласія.

Лично я высоко цѣнилъ Степняка и Волховскаго, у насъ были прекрасныя отношенія и я всегда былъ ихъ открытымъ сторонникомъ. Оба они прекрасно относились къ „Свободной Россіи", но острота моей постановки вопросовъ, что такъ часто ставило меня во враждебныя отношенія съ очень многими эмигрантами, заставляло и ихъ, по крайней мѣрѣ, открыто не быть со мной и по отношенію ко мнѣ они по большей части были только тайно сочувствующими друзьями-Никодимами.

Ананлогично враждебное или, по крайней мѣрѣ, отрицательное отношеніе приходилось встрѣчать со стороны эмиграціи и Степняку, и Волховскому — именно за ихъ сочувствіе тѣмъ идеямъ, которыя защищала „Свободная Россія". Но общее отношеніе эмиграціи къ обоимъ имъ было, конечно, менѣе острое, чѣмъ по отношенію ко мнѣ. Было это, можетъ быть, потому, что оба они избѣгали открыто выступать противъ своихъ политическихъ противниковъ, эмигрантовъ, и вообще старались не поднимать въ печати острыхъ вопросовъ, какъ это часто считалъ нужнымъ дѣлать я.

Степнякъ работалъ главнымъ образомъ среди англичанъ и по большей части былъ какъ бы въ сторонѣ отъ русской эмиграціи. Кромѣ того, у него было большое революціонное прошлое и оно ставило его въ исключительное положеніе среди эмигрантовъ.

Волховскій подвергался большимъ нападкамъ чѣмъ Степнякъ. Вообще же его любили и глубоко уважали, но многіе отрицательно относились къ его взглядамъ на революціонные вопросы и часто жестоко на него нападали. Волховскій чувствовалъ это враждебное къ себѣ отношеніе, и ему иногда, видимо, было тяжело его переносить.

Такія враждебныя отношенія были въ то время довольно обычнымъ явленіемъ между эмигрантами. Скажу для справедливости, что такая же борьба тогда велась не только заграницей между эмигрантами, представителями разныхъ политическихъ теченій, но и въ Россіи, — и не только въ то время, — да и не только среди русскихъ! Эта борьба между близкими, соперничающими партіями — обычная вредная болѣзнь всѣхъ вообще политическихъ партій всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

Я очень часто говорилъ съ Волховскимъ по поводу тогдашней борьбы среди эмигрантовъ. Особенно мнѣ памятенъ съ нимъ одинъ мой разговоръ.

У Волховскаго была большая квартира, въ нѣсколько комнатъ. Жилъ онъ одинъ, и я иногда оставлся ночевать у него.

Однажды, когда его не было, я пришелъ къ нему и легъ спать. Когда же потушилъ огонь и сталъ уже дремать, я услышалъ, какъ онъ возвратился къ себѣ съ цѣлой компаніей. Они весело разговарили между собой, но такъ какъ между пришедшими были нѣкоторые, кого я не хотѣлъ видѣть, то я не вышелъ изъ своей комнаты и подъ ихъ разговоръ я заснулъ.

На слѣдующій день я долго не просыпался и Волховскій сталъ меня будить.

— Вставайте, Львовичъ! Идите чай пить! Уже поздно!

Я какъ будто съ какимъ-то испугомъ схватилъ его руку, крѣпко ее сжалъ и нѣсколько разъ повторилъ ему:

— Такъ это вы? это вы?

Волховскій съ изумленіемъ спросилъ меня:

— Да что съ вами?

Я продолжалъ крѣпко жать его руку и проявлялъ необычную для меня экспансивность.

Волховскій, хорошо знавшій меня, былъ пораженъ моими восклицаніями и все спрашивалъ, что съ Вами?

Я ему разсказалъ необычный свой сонъ, отъ котораго все еще не могъ отдѣлаться.

Выѣхалъ я изъ Лондона на берегъ моря. Но еще въ поѣздѣ меня что-то мучило и что-то тянуло снова въ Лон-

донъ. Когда я пріѣхалъ на берегъ моря, то мнѣ тамъ подали телеграмму о томъ, что въ Лондонѣ умеръ онъ — Волховскій. Я сейчасъ же сѣлъ въ поѣздъ и пріѣхалъ въ Лондонъ прямо на его квартиру.

Я увидѣлъ его лежащимъ въ гробу. Закрытые глаза, блѣдный, съ сѣдой бородой. Онъ лежалъ, какъ живой, какимъ я его всегда зналъ. Его кабинетъ былъ полонъ народа. Тамъ было много извѣстныхъ эмигрантовъ. Готовились уже выносить гробъ. Когда я вошелъ, произносили рѣчи.

N., одинъ изъ извѣстныхъ эмигрантовъ, который въ то время велъ особенно острую борьбу противъ Волховскаго, говорилъ объ его заслугахъ въ революціонномъ движеніи и какъ о дорогомъ и любимомъ товарищѣ. Второй, NN., тоже изъ его противниковъ, который еще недавно называлъ мнѣ Волховскаго выжившимъ изъ ума старикомъ, пережившимъ себя человѣкомъ, высмѣивалъ его статьи и отрицалъ всякое его значеніе, тутъ пѣлъ дифирамбы — и его уму, и его преданности революціонному дѣлу. Онъ говорилъ, что исторія революціоннаго движенія на своихъ страницахъ удѣлитъ Волховскому большое мѣсто.

Публика вся была глубоко взволнована. Всѣ были въ слезахъ. Я стоялъ сзади всѣхъ, слезы душили меня. Я тоже хотѣлъ сказать нѣсколько прощальныхъ словъ, о томъ, какъ я высоко цѣнилъ Волховскаго. Но едва я началъ говорить, какъ голосъ мой сталъ обрываться. Я уже чувствовалъ, что дальше не могу говорить, и вотъ-вотъ сейчасъ долженъ буду замолчать. Я оборвалъ то, что началъ говорить и, обращаясь къ тѣмъ ораторамъ, которые только что произнесли свои панегирики Волховскому, съ волненіемъ какъ-то выкрикнулъ имъ:

— Вы теперь восхваляете Волховскаго, когда онъ умеръ, я что вы о немъ говорили недѣлю тому назадъ? Что, напр., вы — я указалъ на перваго оратора — говорили о немъ еще такъ недавно?

Голосъ мой прервался. Присутствующіе заволновались, когда я сталъ это говорить. Всѣ обернулись въ ту сторо-

ну, гдѣ я стоялъ. Они, очевидно, со страхомъ ждали, что я кончу какимъ-нибудь скандаломъ.

Обратившись ко второму оратору, я ему сказалъ:

— А вы, что еще недавно писали о немъ? Что вы о немъ мнѣ говорили?

Именно въ это время Волховскій сталъ меня будить. Я открылъ глаза, но до такой степени былъ подъ впечатлѣніемъ того, что видѣлъ во снѣ, что не могъ отдать себѣ отчета — видѣлъ ли я это только во снѣ или все это было на яву. Я все еще боялся вѣрить, что это былъ только сонъ и нѣсколько разъ повторялъ Волховскому:

— Такъ это вы? это вы?

Я разсказалъ ему, какой пережилъ мучительный сонъ.

Волховскій, смѣясь, спросилъ:

— А вы думаете N. (онъ назвалъ фамилію перваго оратора), если я умру, будетъ именно это говорить обо мнѣ?

Я отвѣтилъ ему:

— Конечно! Я глубоко убѣжденъ, что они всѣ забудутъ все, что теперь о васъ говорятъ и будутъ васъ именно такъ восхвалять.

— Что-жъ, — нѣсколько подумавши и улыбаясь, сказалъ Волховскій, — вы, Львовичъ, правы! У насъ съ вами одинаковая участь. На васъ также всѣ нападаютъ. А знаете, что сейчасъ нужно для вашей біографіи, чтобы прекратились всѣ нападки на васъ?

Я молчалъ.

— Вамъ нуженъ некрологъ! Тогда прекратятся всѣ обвиненія противъ васъ!

Я никогда не могъ забыть этой нашей бесѣды съ Волховскимъ.

Ее я вспоминалъ во время различныхъ яростныхъ атакъ, которыя часто мнѣ приходилось переживать и впослѣдствіи.

Въ пылу самыхъ горячихъ схватокъ я хорошо понималъ и нелѣпость этой борьбы и то, что она велась только благодаря легкому отношенію борющихся другъ къ другу, потому что ее разжигали нездоровые инстинкты политическаго соперничества и политическихъ страстей и потому, что въ этой борьбѣ многіе свое личное дѣло ставили выше общаго.

Въ 1914 г., незадолго до войны, я былъ въ Лондонѣ и, конечно, зашелъ къ Волховскому. Онъ былъ уже и старъ, и очень боленъ. Говорилъ много о смерти. Прощаясь, мы не надѣялись болѣе встрѣтиться. Голова у Волховскаго была свѣжая, духъ бодрый. Онъ продолжалъ быть тѣмъ же Волховскимъ, какимъ я его зналъ въ самые боевые годы его жизни. Онъ умѣлъ жить и умѣлъ умереть — спокойно, съ вѣрой въ будущее. Онъ сообщилъ, что сдѣлалъ распоряженіе о сожженіи его послѣ смерти.

Во время нашего разговора мы какъ бы подводили итоги прошлому. Я ему, между прочимъ, напомнилъ нашъ разговоръ, только что приведенный мной. Онъ его хорошо помнилъ.

— Ну, а что обо мнѣ теперь будутъ говорить N. и NN.? — (онъ назвалъ фамиліи тѣхъ эсеровъ, кто въ свое время доставляли ему столько тяжелыхъ минутъ и съ кѣмъ онъ въ послѣдующіе годы вмѣстѣ работалъ въ эсеровскихъ организаціяхъ) — послѣ того, какъ я умру? Вѣдь, навѣрное, всѣ они будутъ говорить то же самое, что говорили у васъ во снѣ, — и онъ добродушно улыбнулся.

Съ однимъ изъ этихъ лицъ я потомъ встрѣчался и въ разговорѣ съ нимъ услышалъ о Волховскомъ самыя теплыя воспоминанія, какъ объ одномъ изъ выдающихся людей.

Въ Лондонѣ въ тѣ годы у меня была еще одна роковая въ моей жизни встрѣча. Истинное значеніе ея мы всѣ поняли только лѣтъ черезъ семь-восемь.

Въ 1893 г., въ Цюрихѣ, въ квартирѣ студента Гранковскаго, я встрѣтилъ молодого человѣка, сына предводителя нижегородскаго дворянства, Льва Бейтнера, бывшаго гвардейскаго офицера, пажа, товарища молодого студента Кузнецова, сына нижегородскаго милліонера Аф. Аф. Кузнецова, кто потомъ былъ членомъ второй Госуд. Думы. На слѣдующій день Бейтнеръ долженъ былъ ѣхать въ Россію по личному дѣлу, но Гранковскій и другіе давали ему революціонныя порученія, между прочимъ, къ этому Кузнецову. Сколько я помню, я тоже просилъ передать въ Россію Кузнецову „Свободную Россію“, и на словахъ сказать о необхо-

димости активной революціонной борьбы во имя умѣренныхъ политическихъ требованій.

Бейтнеръ уѣхалъ. У него въ дорогѣ была какая-то странная исторія, — его арестовали въ Венгріи, — связанная какъ-то съ Гранковскимъ. Въ чемъ заключалась эта исторія — не помню, но мнѣ вообще была непонятна тогда роль Гранковскаго и его знакомаго, какого-то таинственнаго субъекта, жившаго въ Цюрихѣ, который въ печати подписывался „Можетъ быть, псевдонимъ". Оба они были въ близкихъ отношеніяхъ съ Бейтнеромъ.

Побывши нѣсколько мѣсяцевъ въ Россіи, Бейтнеръ совершенно неожиданно пріѣхалъ къ намъ въ Лондонъ съ молодой женой, сестрой Кузнецова, и поселился тамъ.

Кромѣ меня, Бейтнеры близко сошлись тогда съ Волховскимъ, Чайковскимъ, Лазаревымъ и другими. Изъ Нижняго-Новгорода они получали большія средства, жили довольно широко, помогали лондонскимъ эмигрантамъ. Иногда Бейтнеръ ѣздилъ съ женой въ Швейцарію, въ Парижъ и вездѣ у него среди эмигрантовъ были большія знакомства.

Какъ потомъ обнаружилось, Бейтнеръ былъ агентъ-провокаторъ и освѣщалъ эмигрантовъ — въ томъ числѣ и насъ. Онъ, повидимому, былъ заагентуренъ очень молодымъ, вращаясь въ кружкахъ студенческой молодежи, и вначалѣ не имѣлъ большого значенія для сыска. Съѣздивши въ Россію и породнившись тамъ съ милліонеромъ Кузнецовымъ, Бейтнеръ, одно время, повидимому, такъ сказать, сбѣжалъ отъ жандармовъ, но они его отыскали заграницей и подъ угрозой разоблаченія заставили служить, когда это ему и не было нужно.

Глава XI.

Изданіе „Народовольца". — Протесты противъ него эмигрантовъ. — Письмо Азефа.

Всѣмъ намъ, кто не отказывался отъ революціонной борьбы и вѣрилъ, что реакція не только не вѣчна, но что скоро ей придетъ конецъ, работать въ тѣ годы было очень трудно.

Кругомъ насъ всѣхъ охватила апатія. Большинство потеряло вѣру даже въ возможность революціонной борьбы въ Россіи. Наблюдая все, что тогда въ эмиграціи дѣлалось, трудно было предсказать, что всего только черезъ нѣсколько лѣтъ эти тогдашніе порицатели революціонной борьбы забудутъ весь свой пессимизмъ и превратятся въ такихъ ярыхъ защитниковъ революціи, что намъ же придется ихъ убѣждать, что ихъ революціонизмъ не соотвѣтствуетъ ни ихъ силамъ, ни условіямъ русской жизни и только можетъ губить молодое дѣло русской свободы. Когда потомъ, въ 1905-06 гг. и позднѣе, эти новые защитники революціи страстно боролись противъ нашихъ предостереженій, они не хотѣли признать, какъ тяжело намъ было пронести нашу вѣру въ революціонную борьбу въ трудные годы безвѣрія и общей апатіи девяностыхъ годовъ.

Но тѣмъ не менѣе мнѣ и въ эти годы удавалось, хотя урывками, вести пропаганду, начатую въ Женевѣ. О ней хорошо знали революціонеры, — знали о ней въ общественныхъ и правительственныхъ сферахъ.

Правительство съ его Деп. Полиціи давно установли на меня опредѣленный взглядъ, какъ на непримиримаго рево-

люціонера, можетъ быть, потому, что я и въ вопросахъ революціонной борьбы всегда ставилъ точки надъ „і“ и никогда не скрывалъ своихъ взглядовъ. Я никогда не прятался за псевдонимами даже и въ статьяхъ о террорѣ. Я о немъ писалъ съ той же прямотой, какъ и о вопросахъ теоретическихъ. Это очень смущало даже моихъ друзей. О террорѣ писать всегда считалось и опаснымъ и нерасчетливымъ. О немъ обыкновенно говорили только въ четырехъ стѣнахъ — съ глазу на глазъ, а въ печати — самое большее, что полунамеками и то всегда за псевдонимами.

Но въ то время, какъ эмигранты нападали на меня за умѣренность моей программы и за призывъ отказаться отъ революціи, если правительство честно пойдетъ на уступки, правительство вело противъ меня систематическую борьбу.

Во время погони за мной русской заграничной полиціи въ Болгаріи, Румыніи, Константинополѣ въ 1890-91 гг., обо мнѣ дѣлались постоянные доклады лично Александру III. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣми ловушками, устраиваемыми мнѣ полиціей. Когда послѣ Константинополя я былъ на англійскомъ пароходѣ внѣ досягаемости для русской полиціи, Александръ III на одномъ изъ докладовъ написалъ: „Жаль, что не попался!“ „Авось еще попадется!“ и т. д. На другомъ мѣстѣ одобрительно отозвался по поводу приставленнаго ко мнѣ провокатора: „Ловко дѣйствуетъ!“

Послѣ Александра III Николай II тоже внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ нашей эмиграціи и въ частности за всѣмъ тѣмъ, что касалось „Народовольца“. Въ 1910 г. я опубликовалъ т. н. „Царскій Листокъ“ — собраніе еженедѣльныхъ докладовъ М.В.Д. Николаю II за 90-е годы. Тамъ цѣлыя страницы посвящены изложенію полицейской слѣжки за мной въ Лондонѣ и подробно изложена исторія изданія „Народовольца“ и мой судъ по поводу его.

Но какъ ни были тяжелы условія тогдашняго личнаго моего существованія въ Лондонѣ, но тѣмъ не менѣе, когда я закончилъ печатаніе „За сто лѣтъ“, я рѣшился приступить къ изданію органа по такой программѣ, какъ раньше задумывалъ „Земскій Соборъ“. На этотъ разъ я хотѣлъ до

конца, безъ какихъ бы то ни было умолчаній, договорить все о революціонной борьбѣ съ правительствомъ. Я рѣшилъ не считаться съ возможными даже въ Англіи преслѣдованіями за такой органъ.

Но я не могъ и мечтать объ изданіи „Народовольца“ даже въ такихъ размѣрахъ, какъ раньше издавалъ „Свободную Россію“. Я могъ начать его издавать въ еще болѣе скромныхъ рамкахъ.

Для изданія „Народовольца“ у меня не было почти никакихъ средствъ, — вѣрнѣе, никакихъ. Я и мои ближайшіе пріятели въ Лондонѣ жили въ это время въ самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, и мы буквально не знали, что насъ ждетъ завтрашній день — гдѣ будемъ спать, что будемъ ѣсть — и перебивались грошевыми заработками.

„Народоволецъ“ выходилъ рѣдко. Въ 1897 г. вышло всего три номера — въ началѣ года, въ августѣ и ноярбѣ. На все его изданіе я истратилъ не болѣе полторы-двухъ тысячъ франковъ. У меня не было даже сколько-нибудь сносной типографіи, и я вынужденъ былъ его печатать въ типографіи моего знакомого поляка Вержбицкаго только по четыре страницы малаго формата. Такъ мало было у насъ шрифта! На судѣ было установлено, между прочимъ, что когда я напечаталъ № 2 „Народовольца“, то больше мѣсяца не могъ получить отъ переплетчика ни одного номера, такъ какъ не могъ ему заплатить ничтожную сумму за брошюровку. Англійскій судъ былъ пораженъ тѣмъ, на какіе гроши мы издавали „Народовольца“, противъ котораго русское правительство пошло походомъ и мобилизовало огромныя силы.

Въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ я всетаки рѣшился приступить къ изданію органа, который скоро заставилъ о себѣ много говорить.

На „Народовольцѣ“ былъ мой адресъ, и мое имя стояло, какъ имя редактора и издателя. Всѣ отвѣтственныя статьи были подписаны моимъ именемъ.

Политическая программа въ „Народовольцѣ“ была мной выставлена, по обыкновенію, очень умѣренная — требованіе конституціи. Конституція должна была быть дана са-

мимъ правительствомъ. Оно само должно было призвать страну къ новой жизни, не дожидаясь съ закрытими глазами народнаго революціоннаго взрыва, и дать возможность при нормальныхъ условіяхъ окрѣпнуть государственнымъ теченіямъ въ русской жизни и помочь нормально безправному государству превратиться въ правовое.

Эта программа, какъ и программа „Свободной Россіи", снова вызвала противъ меня въ революціонной средѣ обвиненія въ либерализмѣ и въ отказѣ отъ соціализма.

Боевая программа въ „Народовольцѣ" была ярко террористическая. Было категорически заявлено, что правительству долженъ быть поставленъ ультиматумъ — дать конституцію и угрожать дойти въ террорѣ до цареубійства, если правительство не пойдетъ на уступки. Въ то же самое время я въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ настаивалъ на томъ, что терроръ — зло, которое должно быть оставлено сейчасъ же, какъ только явится возможность дѣйствовать легальнымъ путемъ и правительство пойдетъ навстрѣчу обществу.

Для того, чтобы не было никакихъ недоразумѣній насчетъ направленія органа, я для него взялъ названіе „Народоволецъ" и въ немъ выступилъ съ яркой защитой партіи Народной Воли, но всегда подчеркивалъ, что говорю о Народной Волѣ 1879 и 80 гг. Къ событію 1-го марта 1881 года у меня было иное отношеніе, чѣмъ къ политическому террору народовольцевъ 1879-80 гг., потому что это событіе было совершено тогда, когда правительство обратилось къ обществу, и террористы могли съ нимъ говорить языкомъ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III.

Я сталъ защищать Народную Волю, потому что ея знамя было ярко и много говорило и друзьямъ и врагамъ, но не потому, что оно было популярно.

Въ тѣ годы и особенно въ 1897 г. народовольческое движеніе не было популярнымъ. Его сторонились и на его счетъ стали развиваться другія теченія. Отъ него явно отказывались тѣ, кто тайно были его безусловными сторонниками. Даже молодые народовольцы, пріѣзжавшіе изъ Россіи, сознательно отказывались отъ самаго названія Народ-

ной Воли и выступали, какъ соціалисты-революціонеры. Помню пріѣздъ заграницу Виктора Чернова. Его товарищи и онъ увѣряли насъ, что они только временно выступаютъ, какъ эсеры, но когда они укрѣпятся и создадутъ организацію, то они снова вернутся подъ знамя Народной Воли. То же говорили позднѣе М. Гопъ и парижскіе народовольцы, вступавшіе въ ряды эсеровъ.

Въ тѣ годы въ литературѣ вообще избѣгали даже говорить о террористической борьбѣ. Терроръ какъ будто былъ осужденъ. О немъ молчали и тѣ, кто скоро сталъ его самымъ горячимъ защитникомъ и въ жизни и въ литературѣ.

„Народоволецъ" съ его яркой защитой программы Народной Воли обратилъ общее вниманіе на терроръ. Вслѣдъ за нимъ заграницей появилась брошюра Григоровича (Житловскаго) въ защиту, подъ флагомъ соціалистовъ-революціонеровъ, если не народовольчества, то нѣкоторыхъ его принциповъ, а въ Россіи въ томъ же духѣ появилась брошюра А. Аргунова, изданная тѣмъ кружкомъ, который вскорѣ сталъ издавать „Революціонную Россію".

Набравши нѣсколько страницъ 1-го № „Народовольца", я разослалъ ихъ корректуру лондонскимъ эмигрантамъ. Они забили тревогу и напомнили мнѣ ту тревогу, какую въ свое время забили Дембо и его друзья, когда получили отъ меня корректуру передовой статьи „Свободной Россіи". Но на этотъ разъ причины тревоги были совершенно иныя. Если въ то время били тревогу, боясь умѣренности моей программы, теперь, наоборотъ, боялись слишкомъ революціоннаго языка.

Въ Британскій Музей ко мнѣ пришелъ Чайковскій и отъ имени своихъ товарищей сталъ уговаривать меня прекратить изданіе „Народовольца". Онъ принесъ выписки изъ англійскихъ газетъ объ аналогичныхъ дѣлахъ, и предсказывалъ, что я неизбѣжно буду осужденъ за „Народовольца" въ каторжныя работы.

За тѣмъ же спеціально приходилъ поговорить со мной и Волховскій. Онъ тоже уговаривалъ меня отказаться отъ изданія „Народовольца". Онъ просилъ меня и дружески

грозилъ. Мы съ нимъ разстались послѣ довольно тяжелыхъ объясненій. Уходя онъ мнѣ сказалъ, что я совершаю безуміе и что-то очень вредное для общего дѣла. Когда вышелъ 1-й № „Народовольца“, Волховскій отступилъ отъ своего правила не полемизировать съ эмигрантами и въ своихъ „Летучихъ Листкахъ“ задѣлъ меня за „Народовольца“. Разумѣется, въ слѣдующемъ же номерѣ „Народовольца“ я отвѣтилъ ему.

„Народовольца“ читали, о немъ говорили, онъ произвелъ впечатлѣніе. Хотѣлось думать, что теперь революціонеры и общественные дѣятели, наконецъ, поймутъ необходимость поддержать насъ и откликнутся, или . . . сами, независимо отъ меня, продолжать начатое мной дѣло.

Русское правительство обратило серьезное вниманіе на „Народовольца“ и въ Петербургѣ по его поводу сильно забезпокоились.

Отъ одного лица, близкаго къ русскому посольству въ Лондонѣ, было мнѣ передано полудружеское предостереженіе, чтобъ я прекратилъ „Народовольца“. Иначе, говорили, мнѣ грозитъ судебное преслѣдованіе въ Англіи.

Между первымъ и третьимъ номеромъ „Народовольца“ я смогъ побывать въ Парижѣ и въ Швейцаріи, списался съ очень многими изъ эмигрантовъ, далъ знать о „Народовольцѣ“ въ Россію черезъ ѣхавшихъ туда, предупреждалъ о возможности катастрофы съ его изданіемъ. Не могу сказать, чтобы не было откликовъ. Я выслушалъ много заявленій о необходимости развить изданіе „Народовольца“, были большія обѣщанія, но никто отъ слова не переходилъ къ дѣлу. Мѣсяца проходили прежде, чѣмъ кто-нибудь рѣшился помочь мнѣ въ изданіи „Народовольца“ и эти переговоры продолжались вплоть до тѣхъ поръ, когда надъ „Народовольцемъ“ разразилась катастрофа.

Отмѣчу здѣсь полученное мною письмо, на которое я въ свое время не обратилъ особеннаго вниманія.

Изъ Германіи было получено предложеніе распространять „Народоволецъ“ и связать меня съ революціонными кружками въ Россіи. Азефа я зналъ очень мало. Я его до тѣхъ поръ только разъ и то случайно встрѣтилъ въ Цю-

рихѣ въ 1893 г. Указывая на него, одинъ мой знакомый тогда сказалъ мнѣ:

— Вотъ крупная сила, интересный человѣкъ, молодой, энергичный, онъ — нашъ!

— Вотъ грязное животное! — сказалъ мнѣ другой.

Я не рѣшился тогда познакомиться съ Азефомъ и вотъ почему и въ 1897 г., во время изданія „Народовольца", когда я съ такой жаждой искалъ всюду поддержки, я даже не отвѣтилъ на письмо Азефа.

Глава XII.

Мой арестъ въ Лондонѣ. — Судъ. — Рѣчь прокурора и защитника. — Осужденіе на полтора года каторржныхъ работъ.

16-го декабря 1897 г., когда я выходилъ изъ главнаго зала Британскаго музея въ вестибюль, я былъ тамъ арестованъ главнымъ инспекторомъ англійской сыскной полиціи Мельвилемъ и отправленъ въ тюрьму.

Черезъ два часа меня вызвали изъ тюрьмы въ предварительный судъ и тамъ предъявили обвиненіе въ возбужденіи къ убійству „лица, не состоящаго въ подданствѣ Ея Величества,“ т.-е. Николая II. Задача этого суда заключалась въ томъ, чтобы рѣшить, можно ли мое дѣло передать суду присяжныхъ или нѣтъ. Въ этотъ судъ меня приводили разъ пять.

На другой-третій день послѣ моего ареста меня вызвали на свиданіе. Черезъ двѣ рѣшетки я увидѣлъ Волховскаго. Я заранѣе зналъ, что именно онъ придетъ ко мнѣ на свиданіе.

Волховскій былъ въ это время однимъ изъ главныхъ защитниковъ русскаго дѣла въ Англіи противъ русскаго правительства и у него были прекрасные связи съ англичанами, въ частности, съ англійскимъ обществомъ „Друзей русской свободы“. Русскіе эмигранты и наши англійскіе друзья не могли не посмотрѣть на мое дѣло, какъ на общее дѣло.

Волховскій былъ взволнованъ и, видимо, очень недоволенъ мной. Тономъ дружескаго выговора, но рѣзко, съ явнымъ протестомъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, вотъ, видите, что вы надѣлали! Мы васъ предостерегали! Во всемъ вы сами виноваты!

И этотъ тонъ и эти слова меня больно рѣзнули. Я еще ничего не успѣлъ Волховскому возразить, какъ онъ сразу понялъ, что я хочу рѣзко протестовать, и сказалъ мнѣ:

— Ну, чего тутъ спорить! Надо какъ-нибудь спасать дѣло!

— Дорогой Феликсъ Вадимовичъ! — отвѣтилъ я ему. Я очень благодаренъ, что вы ко мнѣ пришли. Но если вы и другіе мои друзья негодуете на меня и думаете, что я сдѣлалъ какую-нибудь ошибку, то прекратимте разговоры! Въ такомъ случаѣ я не хочу вашей защиты. То, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ сознательно, — и скажу вамъ: то, что надо было сдѣлать! Никакой отвѣтственности я не боюсь!

— Да не будемте объ этомъ говорить! — перемѣняя тонъ, сказалъ мнѣ Волховскій. — Васъ не переупрямишь! Да и дѣло сдѣлано! Англичане (онъ имѣлъ въ виду, конечно, Общество друзей русской свободы) противъ васъ возмущены, но и они, и мы сдѣлаемъ все, чтобы лучше прошло дѣло. Имѣйте въ виду, что вамъ грозитъ до десяти лѣтъ каторжныхъ работъ.

Надо ли говорить, что и эта и слѣдующія наши бесѣды носили совершенно дружескій характеръ, а острота выраженій и разница въ нашихъ взглядахъ были тѣ же самыя, которыя я слышалъ отъ Волховскаго, когда онъ съ корректурой „Народовольца“ въ рукахъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ приходилъ меня убѣждать не издавать его.

У меня не было средствъ ни вести процессъ, всегда дорого стоющій въ Англіи, ни какъ слѣдуетъ ликвидировать на волѣ дѣло „Народовольца“. Въ тюрьму я попалъ съ однимъ пенсомъ въ карманѣ. Это былъ весь мой капиталъ, какой былъ у меня при арестѣ! Но благодаря Волховскому была устроена блестящая защита, были приглашены солистеръ и адвокатъ Кольриджъ и устроены всѣ мои дѣла, связанныя съ „Народовольцемъ“.

Для того, чтобы добиться моего осужденія, русское правительство цѣликомъ перевело на англійскій языкъ всѣ три номера „Народовольца“ и напечатало его для суда въ нѣсколькихъ экземплярахъ, не пропуская ни одной строчки. Это одно показывало, къ какимъ средствамъ прибѣгало оно, чтобы засадить меня въ тюрьму.

Кропоткинъ просмотрѣлъ внимательно изданный русскимъ правительствомъ текстъ „Народовольца“ на англійскомъ языкѣ и этотъ экземпляръ съ его многочисленными поправками я сохраняю и до сихъ поръ, какъ одинъ изъ самыхъ дорогихъ для меня документовъ о моей борьбѣ съ русской реакціей.

По просьбѣ русскаго правительства, разбирательство моего дѣла, разъ назначенное, было отложено на мѣсяцъ „до прибытія свидѣтелей“ изъ Россіи. Черезъ мѣсяцъ свидѣтели пріѣхали, но это были исключительно русскіе сыщики и привезли они съ собою документы, по большей части выписки изъ жандармскихъ архивовъ. Прокуроръ на судѣ не счелъ для себя полезнымъ вызывать этихъ свидѣтелей и дѣлать ссылки на ихъ документы.

Судъ состоялся 11-го февраля 1898 г. Обвиненіе противъ меня сводились исключительно къ изданію „Народовольца“.

Свидѣтели — по большей частью англійскіе сыщики — установили, что „Народоволецъ“ издавался мной, статьи подписаны моимъ именемъ, что я его продавалъ и разсылалъ по почтѣ.

Залъ суда былъ полонъ публики. Было много адвокатовъ и представителей печати. Полиція сильно опасалась демонстрацій на судѣ и поэтому заранѣе постаралась занять своими людьми мѣста, предназначенныя для публики. Подъ предлогомъ недостатка мѣстъ, русскихъ не пустили даже на галлерею, предназначенную для публики, и въ залъ засѣданій только вмѣстѣ съ защитникомъ прошло нѣсколько русскихъ: Волховскій, Кропоткинъ, Чайковскій и др.

Въ началѣ засѣданій прокуроръ почти цѣликомъ прочиталъ нѣсколько статей изъ „Народовольца“. Послѣ него этимъ же занимались и мой адвокатъ, и предсѣдатель.

Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ — было сдѣлано три перерыва — въ залѣ суда только и слышались съ невозможнымъ англійскимъ произношеніемъ русскія имена: Желябовъ, Перовская, Халтуринъ, Народная Воля, Степнякъ и т. д. Судъ представлялъ необычайное зрѣлище. Имена, темы, идеи, — все это были совершенно необычайными для англійскаго уха и на лицахъ большинства было прежде всего написано изумленіе. Они никогда не слыхали такого революціоннаго языка.

Затѣмъ, мой защитникъ, лордъ Кольриджъ, видный членъ радикальной партіи, выступилъ съ обширной рѣчью. Онъ далъ яркую картину положенія дѣлъ въ Россіи, много говорилъ о Сибири, Петропавловской крѣпости, разсказалъ объ убійствѣ политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ въ 1889 г. Затѣмъ онъ прочиталъ нѣсколько яркихъ цитатъ изъ „Народовольца".

Я приведу нѣкоторыя изъ нихъ и потому, что онѣ характерны для „Народовольца", за который я судился, и потому, что онѣ точно выражаютъ сущность того, что все время защищалъ заграницей, и потому, наконецъ, что эти прочитанныя цитаты обратили на себя вниманіе на судѣ, а затѣмъ были напетаны въ различныхъ самыхъ распространенныхъ англійскихъ газетахъ, начиная съ „Таймса", и такимъ образомъ съ ними въ свое время хорошо познакомилась и широкая читающая публика, и русское правительство. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ цитатъ.

„Являясь такими защитниками террора и въ теоріи и на практикѣ, народовольцы смотрѣли на него, какъ на средство временное, обусловленное исключительно правительственными гоненіями. Народовольцы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали того времени, когда возможно будетъ оставить приготовленіе и бросаніе бомбъ, слѣженіе, рытье подкоповъ и т. д. и построить всю свою дѣятельность на свободѣ слова, печати и широкой агитаціи. Это было завѣтной думой народовольцевъ во время апогея ихъ вліянія. Объ этомъ говорили на судѣ Кибальчичъ и Желябовъ, а позднѣе Сухановъ, Корба и др. То же отношеніе къ террору мы встрѣчаемъ въ такихъ оффиціальныхъ народовольческихъ документахъ, какъ письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III.

„Аналогичное отношеніе къ террору мы находимъ и у Степняка, который, будучи заграницей, даже тогда, когда не былъ оффиціально связанъ съ партіей Народной Воли, всегда являлся ея горячимъ защитникомъ.“

„Я принадлежу“, — писалъ, напр., Степнякъ въ 1887 г. въ редакцію „Самоуправленія“, къ разряду болѣе мирныхъ „постепеновцевъ“ въ вопросѣ собственно переустройства политическаго строя. Я очень желалъ бы, чтобы это произошло возможно мирно и, съ своей стороны, всегда бы одобрилъ принятіе мирныхъ условій со стороны предержащей власти, если только эти условія заключаютъ въ себѣ отреченіе отъ самодержавной власти и народное представительство, хотя бы и плохенькое, но имѣющее право на самоулучшеніе посредствомъ легальной агитаціи и выборовъ. Но на такую уступку надеждъ никакихъ не питаю, а потому, практически, надѣюсь на политическій терроръ и политическіе военные заговоры, когда оные будутъ возможны, — вообще на насильственныя дѣйствія.“

„Подъ такимъ заявленіемъ, какъ намъ кажется, должны подписаться всѣ, кто дѣйствительно вѣрно понимаетъ, въ чемъ состояла сущность дѣятельности Народной Воли во время ея апогея.“

„Мы будемъ первыми, кто выскажется за полное прекращеніе террористической борьбы, разъ только правительство честно захочетъ отказаться отъ нынѣшней своей разбойничьей политики. Мы теперь за терроръ не потому, что онъ намъ нравится, а единственно потому, что, по нашему мнѣнію, въ настоящее время нѣтъ другихъ средствъ борьбы съ правительствомъ, которыя могли бы — безъ помощи террора — заставить его пойти на уступки. Когда въ Россіи будетъ возможна честная, увѣренная въ себѣ политика, независимая ни отъ какихъ Побѣдоносцевыхъ, хотя бы такая, какая начиналась подъ давленіемъ революціонеровъ при Лорисъ-Меликовѣ, и будетъ открыто заявлено, съ достаточными гарантіями, о наступленіи новой эры для Россіи — эры свободнаго развитія, мы тоже, подобно Степняку, „одобримъ принятіе мирныхъ условій“, и будемъ тогда противъ террора такъ же, какъ мы и теперь противъ него въ свободныхъ странахъ.“

„Мы считаемъ необходимыми условіями успѣшной политической борьбы: свободу печати, сходокъ, личности. При наличности этихъ условій мы и безъ террора дойдемъ до всѣхъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ.“

. . . .

„По своимъ конечнымъ идеаламъ — мы соціалисты, и въ этомъ отношеніи мы прямо примыкаемъ къ тѣмъ традиціямъ, которыя выработаны рядомъ поколѣній русскихъ революціоне-

ровъ, начиная съ Чернышевскаго и кончая Желябовымъ и Германомъ Лопатинымъ, традиціямъ, которымъ русскіе революціонеры оставались всегда вѣрны, ни на минуту не сомнѣваясь въ ихъ правотѣ, традиціямъ, которыя выработаны соціалистическими партіями всѣхъ другихъ странъ.

„Нашей ближашей задачей является — уничтоженіе самодержавія, передача всѣхъ общегосударственныхъ дѣлъ изъ рукъ современной бюрократіи въ руки правильно выбранныхъ народныхъ представителей, федеративное устройство государства, широкое областное и мѣстное самоуправленіе, обезпеченіе за всѣми личныхъ правъ: права слова, печати, свободы личности, національности и т. д.“

„Въ области экономической мы будемъ защищать и поддерживать все, что приближаетъ насъ къ осуществленію конечнаго соціалистическаго идеала.“

Въ концѣ своей рѣчи лордъ Кольриджъ указалъ и на то, что я не связанъ ни съ какой организаціей и о террорѣ Народной Воли я писалъ, какъ литераторъ, и что я — литераторъ pur et simple. „Его, — сказалъ онъ, — арестовали въ величайшей библіотекѣ — въ Британскомъ музеѣ. Вотъ гдѣ находился этотъ революціонеръ!“

„Если бы я, — закончилъ свою рѣчь лордъ Кольриджъ, — считалъ терроръ недопустимымъ и если бы я думалъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, ни противъ какой тираніи нельзя употреблять террора, то все же мой сосѣдъ вправѣ думать, какъ ему угодно и я не могу навязывать ему свое мнѣніе. Если мой сосѣдъ имѣетъ какое-нибудь особое мнѣніе, то я желаю, чтобы онъ высказалъ его.“

Послѣ защитника говорилъ еще разъ прокуроръ и еще одну обвинительную, вопреки обычаямъ англійскаго суда, произнесъ предсѣдатель суда Лауренсъ, извѣстный ярый англійскій консерваторъ.

Приговоромъ суда я былъ признанъ виновнымъ, но въ виду того, что дѣло было чисто литературное и я не былъ связанъ ни съ какой партіей и не былъ замѣшанъ ни въ какомъ покушеніи, то я былъ приговоренъ, какъ этого ожидали, не къ десяти годамъ каторжныхъ работъ, а къ полутора.

Вержбицкій, мой типографщикъ, печатавшій „Народовольца“, судился одновременно со мной и былъ приговоренъ къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

На слѣдующій день послѣ процесса англійскія газеты

дали полный отчетъ о процессѣ. „Times" посвятилъ не одинъ столбецъ выдержкамъ изъ „Народовольца". Три номера „Free Russia" (1-3 №№ за 1898 г. органа „Друзей русской свободы") состояли исключительно изъ статей по этому дѣлу; между прочимъ, была статья Ватсона „Государственный процессъ". Газеты указывали, что процессъ былъ подстроенъ англійскимъ правительствомъ съ цѣлью подслужиться русскому и продажей „нигилиста" купить себѣ коекакія нужныя уступки.

Выборъ судьи для процесса, все веденіе процесса, его подготовка — показали, что консервативное правительство хотѣло непремѣнно угодить русскому правительству и очень старалось добиться отъ суда обвинительнаго вердикта.

Спустя нѣкоторое время послѣ процесса представители нѣкоторыхъ англійскихъ либеральныхъ учрежденій подавали петицію объ освобожденіи меня изъ тюрьмы раньше срока. Вначалѣ, повидимому, имѣлось въ виду меня освободить и смотритель тюрьмы объ этомъ мнѣ говорилъ. Но черезъ нѣсколько дней тотъ же смотритель сообщилъ, что встрѣтились затрудненія для освобожденія раньше срока . . . Понятно, эти „затрудненія" шли изъ Петербурга.

Всякій разъ, когда меня вызывали на судъ, во всѣхъ англійскихъ газетахъ давался о немъ отчетъ, и „Народовольца" газеты могли цитировать по готовому англійскому тексту, сдѣланному русскимъ правительствомъ. Благодаря этому въ „Таймсѣ" и въ другихъ англійскихъ газетахъ появлялись цѣлые столбцы съ наиболѣе яркими цитатами изъ моихъ статей лично о Николаѣ II и о русскомъ правительствѣ, о моемъ призывѣ къ революціонной борьбѣ.

До своего суда я, конечно, никогда не могъ даже мечтать о такой широкой агитаціи. Русское правительство и англійскій судъ мнѣ, молодому эмигранту, оторванному отъ Россіи, безъ связей, безъ средствъ, которому даже въ своей средѣ приходилось бороться за самое право вести пропаганду въ такомъ революціонномъ духѣ, дали возможность громко, въ міровой прессѣ, высказать все то, что у меня было на душѣ. Почти десять лѣтъ передъ тѣмъ я съ эти-

ми самыми взглядами пріѣхалъ изъ Сибири заграницу, но обстоятельства все время мнѣ мѣшали даже въ самыхъ скромныхъ рамкахъ выступить съ ними въ печати.

Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія я могъ сказать, что то, что я писалъ въ „Народовольцѣ", прочитали всѣ, кто читаютъ такія газеты, какъ „Таймсъ". Вотъ то радостное сознаніе, съ какимъ я попалъ въ англійскую каторжную тюрьму.

По словамъ Дорошевича (въ „Рус. Словѣ"), Горемыкинъ однажды сказалъ обо мнѣ: Бурцевъ — мой крестникъ! Когда его спросили, почему онъ называетъ меня своимъ крестникомъ, онъ отвѣтилъ:

— Это я его засадилъ въ англійскую тюрьму!

Дѣло въ томъ, что правительству очень хотѣлось избавиться отъ меня. По приказу Горемыкина, изъ Петрограда въ Лондонъ былъ посланъ начальникъ заграничнаго сыска извѣстный Рачковскій съ цѣлой организаціей провокаторовъ, филеровъ и т. д. Они вошли въ сношенія съ англійскими сыщиками и выработали подробный планъ, какъ „подготовить" дѣло для англійскаго суда.

На ихъ долю выпала нелегкая задача, но они ее всетаки выполнили и добились того, что имъ было приказано изъ Петрограда Горемыкинымъ. Вотъ какимъ образомъ я прихожусь крестникомъ Горемыкину!

Этого своего крестнаго отца я видѣлъ всего только одинъ разъ — въ очень тяжелой обстановкѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ революціи на дворѣ Гос. Думы я увидѣлъ пріѣхавшій грузовикъ. Онъ былъ полонъ солдатами. Они о чемъ-то громко кричали, чему-то радовались, кому-то угрожали. Ихъ было человѣкъ десять-пятнадцать. Они привезли Горемыкина. Блѣдный, раздавленный, съ глазами, въ которыхъ застылъ ужасъ . . . Его фигура запечатлѣлась у меня въ памяти. Она мнѣ ясно говорила о ненужности такихъ арестовъ. Эта страдающая фигура Горемыкина меня заставила тогда же усиленно начать кампанію за прекращеніе борьбы съ дряхлыми стариками, ненужной, вредной и позорной для революціи.

Глава XIII.

Въ англійской тюрьмѣ. — Ея режимъ. — „Безвыходное положеніе". — Воспоминаніе о ландезенскомъ дѣлѣ. — Каторжныя работы. — Тюремныя свиданія. — Провокаторъ Бейтнеръ.

Кончился мой судъ по дѣлу „Народовольца".

Въ тотъ же самый вечеръ меня отправили изъ тюрьмы въ Бовстритъ, находившійся при зданіи суда, въ Пентенвильскую каторжную тюрьму. Туда меня привезли въ двѣнадцатомъ часу ночи.

Меня заставили принять ванну. Я снялъ свое платье, вымылся и меня выпустили на другую сторону ванной комнаты. Здѣсь меня нарядили в арестантскій костюмъ: что-то вродѣ желтаго пиджака, желтые штаны, желтая арестантская шапочка. Весь костюмъ и бѣлье были разрисованы черными стрѣлками.

Меня отвели въ отдѣльную камеру. Тамъ я нашелъ тычкомъ стоявшія три доски. На нихъ перекинуты были простыня, тонкое, какъ листъ бумаги, одѣяло и тонкій мочальный матрацъ. Тутъ же была небольшая мочальная подушка. Къ стѣнѣ привинченъ желѣзный столикъ, полка, на ней желѣзная кружка, тарелка, деревянная ложка, солонница. На столикѣ лежали евангеліе и библія. Въ камерѣ имѣлись табуретъ и знаменитая параша. Вотъ и все, что было въ камерѣ, въ которой мнѣ предстояло просидѣть полтора года. Камера очень небольшая и освѣщалась окномъ подъ потолкомъ съ двойной или тройной рѣшеткой. На стѣнѣ висѣли тюремныя правила, угрожающія наказаніями.

Меня заставили сейчасъ же лечь спать, но предварительно я долженъ былъ на ночь вынести въ корридоръ матрацъ.

Я провертѣлся всю ночь на голыхъ доскахъ, не сомкнувши глазъ. Въ головѣ было только одно — полтора года, пятьсотъ слишкомъ дней каторжныхъ работъ!

Утромъ начался мой первый тюремный каторжный день.

Звонокъ. Быстро нужно было встать, вынести парашу и внести обратно изъ корридора въ камеру матрацъ, повѣсить его снова на доскахъ, чтобы весь день смотрѣть на него, а на ночь снова выносить его въ корридоръ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ стали давать матрацъ на ночь въ камеру два раза въ недѣлю, а черезъ полгода я имѣлъ матрацъ уже каждый день. Меня его лишали только, когда я не успѣвалъ связать достаточное количество чулокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ принесли чашку какой-то каши. Потомъ гуськомъ всѣ арестованные молча шли въ часовню на молитву. Дорогой нельзя было оглядываться по сторонамъ.

Первый мой день прошелъ безъ каторжныхъ работъ. Разъ десять выводили меня изъ камеры въ контору для допросовъ, для переспросовъ, для освидѣтельствованія у доктора и т. д. Каждый разъ самымъ тщательнымъ образомъ производили обыскъ, ощупывали меня съ ногъ до головы. Стоять приходилось руки по швамъ. Распоряженія дѣлались по большей части молча, выразительными жестами или выкрикомъ какихъ-нибудь приказовъ. Я потерялъ свою фамилію, превратился въ какой-то номеръ А 442, т. е. корпусъ А, четвертый этажъ, 42-й номеръ. Для всѣхъ я сталъ только вещью. Не смѣлъ ни разсуждать, ни говорить и только былъ обязанъ исполнять предписанія.

На стѣнахъ, на столѣ, на стульяхъ, на чайной кружкѣ, на ложкѣ, на евангеліи, словомъ, — всюду, какъ и на костюмахъ, были нарисованы черныя стрѣлки, напоминающія намъ, что мы — каторжане. Долго не могъ я помириться съ этими стрѣлками, но черезъ два-три мѣсяца къ нимъ привыкъ. Когда впослѣдствіи я былъ освобожденъ изъ тюрь-

мы, я долго еще во снѣ видѣлъ и себя и всѣхъ вообще не иначе, какъ въ костюмахъ съ этими стрѣлками.

Мнѣ безчисленное количество разъ повторяли о взысканіяхъ и наказаніяхъ. Никто изъ начальства даже не интересовался мной лично, не зналъ, по какому я дѣлу попалъ. Я для нихъ былъ только арестантъ, котораго надо запугать и держать въ черномъ тѣлѣ, ибо иначе съ нимъ ничего не подѣлаешь. Всѣ арестанты, кто мена брилъ, стригъ, кто заставлялъ носить парашу, давалъ работу, — тоже на каждомъ шагу давали мнѣ понять, что я попалъ въ такіе тюремные тиски, въ которыхъ нѣтъ мѣста никакой личной волѣ. Сидя рядомъ съ десятками вновь принимаемыхъ арестантовъ, наблюдая ихъ, слыша ихъ нѣсколько отрывочныхъ фразъ, видя грубое, нечеловѣческое обращеніе съ ними тюремщиковъ-профессіоналовъ, я на основаніи всего этого сразу себѣ представилъ и, какъ потомъ оказалось, представилъ себѣ вѣрно, что представляетъ собою жизнь изо дня въ день въ англійской тюрьмѣ.

Когда вечеромъ я очутился одинъ въ камерѣ, мнѣ дали ужинъ — чашку овсянки и кусокъ хлѣба — и заявили, что черезъ четверть часа я долженъ лечь спать и не имѣю права вставать. Мнѣ предстояло подчиняться этому режиму въ теченіи 500 съ чѣмъ-то дней! Тогда я точно высчиталъ, сколько именно дней мнѣ надо было провести въ этихъ условіяхъ. Мнѣ, который прожилъ до этого заграницей лѣтъ десять на свободѣ, какъ политическій дѣятель и журналистъ, это было какъ-то даже непонятно. Я не могъ себѣ представить, чтобъ я, Бурцевъ, привыкшій жить жизнью средняго интеллигентнаго человѣка, физически могъ просуществовать въ такихъ условіяхъ цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ! Я одно повторялъ: этого не можетъ быть! это абсурдъ! Я думалъ не про то, что не смогу вынести этого режима, но что э т о г о просто не можетъ быть. Жить такой жизнью впродолженіи 18 мѣсяцевъ мнѣ казалось такимъ же абсурдомъ, какъ если бы мнѣ предложили переплыть океанъ или прыгнуть на вершину какой-нибудь горы. Не тяжесть перспективъ и не тяжесть оскорбленій, которыя мнѣ приходилось

бы переживать, смущали меня, а именно эта нелѣпость предстоящей мнѣ жизни въ тюрьмѣ.

Снова пришлось мнѣ лечь на голыя доски и я чувствовалъ, что снова проведу ночь напролетъ и ни на одинъ мигъ не сомкну глазъ. Я зналъ, что мнѣ нельзя встать и ходить по камерѣ, что я такъ любилъ часами дѣлать въ Петропавловской крѣпости. У меня, какъ у новичка, особенно часто открывался глазокъ въ двери и тюремщики смотрѣли, что я дѣлаю. Я вынужденъ былъ продолжать лежать, но никто мнѣ не мѣшалъ совершать 80 тысячъ верстъ вокругъ самого себя.

Я думалъ, мечталъ, рисовалъ себѣ различныя картины будущаго, но всѣ мои эти разсужденія сводились къ тому, что такая жизнь немыслима!

Прошелъ часъ, два, три, четыре. Тюремные часы выбивали каждые четверть часа. На меня не нападало даже забытье. Открытыми глазами я смотрѣлъ во тьму и только маленькій лунный свѣтъ проникалъ изъ высокаго подъ самымъ потолкомъ окна.

Но вотъ какъ будто неожиданно для меня все стало сразу ясно... Многое изъ того, о чемъ я за этотъ день и за эту ночь думалъ, сформулировалось въ полную картину, и я увидѣлъ просвѣтъ въ моемъ положеніи...

Дѣло вотъ въ чемъ. Я вспомнилъ свой разговоръ съ уголовнымъ арестантомъ на одномъ изъ сибирскихъ этаповъ, лѣтъ 10-12 передъ тѣмъ. Нѣсколько его фразъ какъ-то помогли мнѣ формулировать мою мысль ясно. Мнѣ даже казалось страннымъ, какъ это я еще утромъ въ этотъ день или ночью, когда ложился, не понималъ, что никакой безвыходности въ моемъ положеніи нѣтъ.

Мой знакомый сибирскій арестантъ, разсказывая о своихъ и чужихъ тюремныхъ переживаніяхъ, объяснилъ мнѣ, какъ арестанты иногда кончали съ собой. Они брали полотенце, мочили его въ водѣ, особымъ образомъ устраивали узелъ и, по словамъ этого арестанта, спасенія отъ такой петли не было.

Припомнивъ этотъ разсказъ, я улучилъ моментъ, когда

тюремный стражникъ посмотрѣлъ въ мой глазокъ, быстро на цыпочкахъ всталъ, взялъ полотенце, намочилъ его, сдѣлалъ, накрывшись одѣяломъ, старательно петлю такъ, какъ мнѣ это показывалъ уголовный арестантъ. Затѣмъ прицѣпилъ петлю къ желѣзной полкѣ, положилъ въ петлю свою шею и повисъ. Я почувствовалъ, что начинаю забываться. Меня охватило какое-то чувство необычайной радости, какъ будто я чего-то достигъ такого, о чемъ мечталъ давнымъ-давно . . .

Я сознавалъ, что еще нѣсколько секундъ и тотъ какой-то особый свѣтъ, который уже блисталъ въ моихъ глазахъ, не прекратится никогда и что никакія силы не спасли бы меня отъ этой мокрой петли, которая, какъ щупальцами, охватила мою шею. Я задыхался. Въ глазахъ у меня было то совсѣмъ темно, то какъ будто сыпались искры.

Въ эту минуту я сдѣлалъ усиліе, ногами уперся въ стѣну и поднялся.

Я соскочилъ на ноги, снялъ приготовленную петлю и быстро легъ подъ одѣяло. Я весь дрожалъ отъ волненія. Въ эти минуты я чувствовалъ себя едва ли не счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Я почему-то вспомнилъ тогда чьи-то слова: „Ничего съ нами не подѣлаешь!“ Перефразируя ихъ, я мысленно себѣ повторялъ: „Ничего со мной не подѣлаешь!“ Мнѣ стало ясно: что бы со мной ни случилось впредь, какія бы тяжелыя минуты мнѣ не приходилось переживать, — у меня есть одинъ вѣрный выходъ.

— Ничего со мной не подѣлаешь! — повторялъ я себѣ.

Я хотѣлъ слышать эти звуки и вотъ, лежа на доскахъ, закрывшись одѣяломъ, я десятки разъ вслухъ шопотомъ, чтобы не слышали въ корридорѣ, повторялъ себѣ:

— Ничего со мной не подѣлаешь!

Эта ночь осталась мнѣ памятной не только все мое тюремное заключеніе, но и всю послѣдующую жизнь.

Въ тюрьмѣ мнѣ приходилось переживать тяжелыя минуты, особенно во время разныхъ обысковъ, во время издѣвательствъ тюремщиковъ, но чтобы вокругъ меня не происходило, я всегда старался оторваться отъ этихъ впечат-

лѣній. Не слушая того, что мнѣ говорили и не обращая вниманія на то, что они со мной дѣлали, я мысленно повторялъ себѣ: „Ничего со мной не подѣлаешь!“ Я понималъ, что у меня есть выходъ. Какія бы тяжелыя обстоятельства ни были, я, зная себя, былъ увѣренъ, что въ любое время я найду радикальный выходъ изъ всякаго положенія и никакого безвыходнаго положенія у меня никогда не будетъ...

Въ послѣдующіе годы мнѣ много разъ приходилось переживать тяжелыя событія. Но какъ бы они ни были страшны, я, вспоминая памятную ночь въ англійской тюрьмѣ, всегда неизмѣнно повторялъ: „Ничего со мной не подѣлаешь!“ Съ тѣхъ поръ эти слова стали моимъ какимъ-то талисманомъ на всю мою жизнь.

Нѣчто подобное тому, что тогда было со мной въ англійской тюрьмѣ, я однажды переживалъ и раньше въ связи съ дѣломъ провокатора Ландезена.

Я любилъ жизнь и любилъ людей. На меня всегда производили глубокое впечатлѣніе природа, горы, море. Многое въ прошломъ мнѣ было дорого и я любилъ жить воспоминаніями. Но я никогда не былъ привязанъ ни къ жизни, ни къ ея удобствамъ. Я всегда легко рисковалъ всѣмъ. Иногда однимъ сознательно принятымъ рѣшеніемъ я разбивалъ все, что у меня было, и начиналъ новую жизнь.

Вотъ почему и до англійской тюрьмы у меня не было и, такъ сказать, не могло быть ничего страшнаго въ жизни. Я всегда былъ увѣренъ, что могу найти выходъ изъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Я никогда не могъ понять, когда при мнѣ говорили о „безвыходномъ положеніи“. Для меня всегда было ясно, что никакого безвыходнаго положенія въ жизни быть не можетъ.

Всегда . . . Но было еще разъ въ моей жизни, когда я, было, подошелъ къ тому же выходу изъ безвыходнаго положенія, къ которому я подошелъ и въ англійской тюрьмѣ, — и тогда я яснѣе, чѣмъ когда либо понялъ, что безвыходнаго положенія не бываетъ.

Это было въ 1890 г. Я ѣхалъ изъ Румыніи въ Сербію на пароходѣ по Дунаю. Былъ вечеръ. Стояла теплая,

чудная погода. Берега Дуная близъ Желѣзныхъ воротъ представляютъ собою дивную картину. Я ѣхалъ одинъ. Нѣсколько постороннихъ лицъ, полутуристовъ, не скрывали своего восторженнаго состоянія при видѣ этой чудной картины природы. Я ходилъ по палубѣ парохода и съ глубокимъ чувствомъ молодости тоже любовался этимъ необыкновенно красивымъ зрѣлищемъ. Никто не обращалъ на меня никакого вниманія. Я старался держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ, и никто не могъ бы догадаться о томъ, что происходило въ моей душѣ въ то время. А происходило тогда вотъ что.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ я поѣхалъ въ Сербію, я получилъ точныя свѣдѣнія, что мои товарищи, арестованные въ Парижѣ и въ Россіи, явились жертвою предательства втершагося въ нашу среду провокатора Ландезена-Гартинга. Я совершенно случайно остался на волѣ. Чувство какой-то нравственной раздавленности и оскорбленія въ самыхъ интимныхъ и дорогихъ чувствахъ заставляло меня переживать тогда чудовищное состояніе. Я вспоминалъ слова и клятвы предателя. Понялъ его змѣиную дружбу. Я зналъ, какъ въ это время радуются и торжествуютъ вмѣстѣ съ нимъ наши враги. Только оставшись одинъ, въ чудной обстановкѣ близъ Желѣзныхъ воротъ, я смогъ вполнѣ понять весь ужасъ этого высшаго несчастья въ жизни политическаго дѣятеля, кто весь ушелъ въ политическую борьбу и внѣ ея даже не пытался ничего для себя создать. Это было первымъ политическимъ несчастьемъ въ моей жизни. Оно мнѣ казалось непереживаемымъ. Мнѣ казалось, что я попалъ въ . . . „безвыходное положеніе“.

И вотъ, нервно прохаживаясь по палубѣ, представляя себѣ всѣ возможныя перспективы послѣдствій обрушившагося несчастья, я ясно увидѣлъ для себя радикальный выходъ изъ этого положенія . . .

Мы ѣхали въ такой обстановкѣ, что въ любой моментъ я могъ броситься въ Дунай и ни о какомъ спасеніи не могло бы уже быть рѣчи . . .

Я подходилъ къ борту парохода, — одинъ мигъ, и

навсегда кончилось бы мое „безвыходное положеніе". Этотъ мигъ былъ такъ легокъ... Но я какъ-то мгновенно почувствовалъ, что это было бы съ моей стороны какимъ-то позорнымъ дезертирствомъ въ борьбѣ, и я переломилъ себя... Я рѣшилъ, что силъ должно хватить пережить обрушившееся на меня несчастье. Я отказался отъ только что принятаго рѣшенія. Мнѣ стало яснымъ, что въ будущей борьбѣ я найду совсѣмъ иной выходъ изъ настоящаго, такъ называемаго, безвыходнаго положенія.

Со второго дня моего пребыванія въ англійской каторжной тюрьмѣ, для меня начались ежедневныя принудительныя работы. Сначала приходилось разбирать нитки и разсучивать паклю. Затѣмъ впродолженіе недѣли меня обучали вязанію на спицахъ чулокъ. Съ трудомъ, но вязать чулки все же научился. Самъ дѣлалъ и пятки. Приходилось и вертѣть колесо въ камерѣ. Черезъ годъ стали давать нѣсколько часовъ въ день работу на воздухѣ: приходилось по большей части бить камни.

Припоминаю одинъ хорошо запечатлѣвшійся у меня въ памяти эпизодъ изъ моей тогдашней тюремной жизни.

Въ большой залѣ насъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, сидѣло человѣкъ пятьдесятъ по три человѣка въ рядъ. Насъ обучали вязанію чулокъ. Всѣ были въ тюремныхъ желтыхъ костюмахъ съ черными стрѣлками. Въ каждомъ ряду по серединѣ сидѣлъ „учитель", а по бокамъ у него двое, кого онъ обучалъ. Работа велась подъ бдительнымъ надзоромъ стражниковъ, слѣдившихъ, чтобы арестанты не разговаривали между собой. Мнѣ приходилось сидѣть рядомъ съ моимъ учителемъ, французомъ, профессіональнымъ воромъ-рецидивистомъ.

Пользуясь тѣмъ, что англичане-стражники не понимали насъ, мы иногда обмѣнивались отдѣльными фразами, не имѣвшими отношенія къ нашей работѣ. Это были очень рѣдкіе моменты за все мое пребываніе въ тюрьмѣ, когда я съ кѣмъ-нибудь могъ обмѣняться хотя бы отрывочными фразами.

Однажды мимо насъ „прогоняли" — именно прогоняли — съ выкрикиваніемъ разныхъ угрозъ, съ толчками — тол-

ну пятьдесятъ, шестьдесятъ мальчиковъ — тоже въ такихъ же арестантскихъ костюмахъ, въ какихъ были и мы. Большинству среди нихъ было по 10-12 лѣтъ. Мальчуганы смѣялись, толкали другъ друга и, видимо, плохо понимали, что такое тюрьма. На меня эта толпа мальчиковъ произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Я даже не понималъ, какъ эти дѣти могли попасть въ тюрьму. Показывая своему „учителю“ на спицы и какъ бы спрашивая его, какъ вязать, я тихонько спросилъ его:

— Что это такое?

Французъ, тоже какъ будто показывая мнѣ, какъ надо вязать, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, отвѣтилъ мнѣ:

— Это сволочь, недостойная сидѣть въ тюрьмѣ!

Оказывается, въ Англіи засаживаютъ дѣтей 10-12 лѣтъ въ каторжныя тюрьмы иногда на 5-10 дней за разнаго рода уличное озорство. Ихъ засаживаютъ въ тюрьму должно быть для того, чтобы они съ дѣтскихъ лѣтъ . . . свыкались съ тюремной обстановкой!

Въ два-три мѣсяца мнѣ давали одно свиданіе. На первое свиданіе ко мнѣ пришли мой добрый пріятель Каганъ съ женой и . . . Бейтнеръ. Свиданіе продолжалось всего только 20 минутъ. Торопясь, я задавалъ имъ вопросы о томъ, что дѣлается на волѣ. Меня интересовали послѣдствія моего процесса и какъ къ нему отнеслись. Спросилъ я и о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло Дрейфуса. Въ первые три мѣсяца я не имѣлъ съ воли никакихъ извѣстій, кромѣ краткихъ оффиціальныхъ писемъ.

Пришедшіе ко мнѣ на свиданіе едва мнѣ могли отвѣчать. Они сами были крайне взволнованы. Ихъ ужасно поразили и отдѣлявшія насъ рѣшетки, одна отъ другой на разстояніи чуть ли не сажени, и мой арестантскій костюмъ, и моя бритая голова и вся вообще обстановка тюремнаго свиданія. Они едва сдерживали свое волненіе и даже плакали. Я ихъ вышучивалъ за это и въ то же самое время старался ихъ ободрить. Потрясенъ былъ тогда и Бейтнеръ. Тогда я, конечно, не могъ понять, почему онъ былъ болѣе

всѣхъ взволнованъ. Это я понялъ позднѣе. Когда онъ приходилъ ко мнѣ въ англійскую тюрьму на свиданіе и смотрѣлъ на меня черезъ двѣ рѣшетки, онъ, конечно, не могъ не сознавать, что моя тюрьма въ извѣстной степени — дѣло его рукъ, и онъ зналъ, что въ этотъ же день ему нужно будетъ дѣлать по начальству докладъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ на этомъ свиданіи . . . Обстановка тогдашняго нашего свиданія не могла не потрясти даже предателя.

Я и раньше не разъ замѣчалъ какую-то особенную борьбу въ Бейтнерѣ, когда онъ говорилъ со мной. Но мнѣ никогда не приходило въ голову объяснять это тѣмъ, что онъ — провокаторъ. Въ послѣдующіе годы, когда я уѣхалъ въ Россію, онъ сдѣлалъ довольно откровенную попытку свести моего друга эмигранта Ж. съ охранниками, якобы для литературной работы. Но Ж. это понялъ и разоблачилъ его. Бейтнеръ долженъ былъ скрыться. Года черезъ два, брошенный и охранниками, и своей семьей, онъ умеръ гдѣ-то въ Даніи.

Во время изданія „Народовольца", Деп. Полиціи могъ знать черезъ Бейтнера, — правда мы этого и не скрывали, — гдѣ и когда издавался „Народоволецъ", а когда компанія Рачковскаго пріѣхала въ Лондонъ подготавливать мой процессъ, то Бейтнеръ бывалъ на ихъ квартирѣ и давалъ имъ совѣты, но въ это время ко мнѣ онъ не показывался.

Но провокація и въ данномъ случаѣ осталась провокаціей.

Охранники для того, чтобы съ блескомъ выполнить имъ порученное дѣло, не только не мѣшали, а, наоборотъ, черезъ своего агента помогали мнѣ выступить предъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ съ пропагандой народовольческихъ идей. Дѣлая свое дѣло, охранники помогали развиваться революціонному движенію.

Только желаніе Горемыкина во что бы то ни стало засадить меня въ тюрьму и дало мнѣ возможность такъ широко въ европейской прессѣ сказать то, чего мнѣ не давали цѣлые десять лѣтъ сдѣлать общее равнодушіе и инертность моихъ друзей и единомышленниковъ.

Глава XIV.

Освобожденіе изъ англійской тюрьмы. — 1-й № „Былого". — Изданіе брошюры „Долой царя!". — 4-й № „Народовольца".

Лѣтомъ 1899 г. кончилось мое полутора-годичное заключеніе въ англійской тюрьмѣ. Изъ Англіи я высланъ не былъ.

Оставаясь въ Лондонѣ, я вскорѣ приступилъ къ изданію историческаго сборника „Былое". Для него я и названіе придумалъ, и темы выбралъ еще тогда, когда сидѣлъ въ англійской тюрьмѣ и когда у меня было столько досуга для мечтаній за вязаніемъ чулокъ. Это была, такъ сказать, тоже моя тюремная, каторжная работа.

Я выпустилъ первый номеръ „Былого". По выраженію одного изъ тогдашнихъ отчетовъ Деп. Полиціи, „Былое" было еще „хуже" „Народовольца". Дѣйствительно въ „Быломъ" еще ярче, чѣмъ въ „Народовольцѣ", были подчеркнуты главныя его идеи и еще яснѣе было сказано, что если правительство не вступитъ на путь либеральныхъ уступокъ, то въ Россіи не можетъ не возникнуть террористическаго движенія. Это было напечатано задолго до дѣла Карповича и Балмашева, до образованія „Боевой Организаціи" и до дѣла Плеве.

О неизбѣжности въ Россіи террористической борьбы, если правительство не откажется отъ реакціи, я говорилъ не какъ членъ какой либо революціонной партіи, посвященный въ ея секреты, и не по чьему либо порученію, а только, какъ свободный русскій публицистъ.

Издавать „Былое" мнѣ пришлось уже при иной атмос-

ферѣ, чѣмъ я издавалъ „Народоволецъ“. Взгляды, раньше мною развиваемые, къ которымъ всѣ тогда относились отрицательно, и въ лучшемъ случаѣ замалчивали ихъ, получили въ это время не только широкую огласку, но даже признаніе. Это было наканунѣ дѣла Карповича, дѣйствовавшаго отъ отдѣльнаго эсеровскаго кружка. Вскорѣ затѣмъ Балмашевъ по порученію „Боевой Организаціи“ партіи эсеровъ убилъ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Объ этихъ двухъ террористическихъ актахъ говорили съ восторгомъ въ самыхъ широкихъ слояхъ общества.

Такимъ образомъ, послѣ англійской тюрьмы лично мнѣ съ моими взглядами куда легче было выступать, чѣмъ раньше: не было уже той безвоздушной атмосферы, въ какой приходилось дѣйствовать въ предшествующіе 8-10 лѣтъ.

Перемѣна въ настроеніи революціонеровъ заграницей и въ Россіи за послѣдніе три-четыре года была вообще очень рѣзкая. Прежній пессимизмъ явно смѣнился общимъ подъемомъ.

Еще недавно, пять-семь лѣтъ передъ тѣмъ, въ 90-хъ г.г. соціалъ-демократы, бывшіе въ то время главными выразителями настроеній среди революціонеровъ, сводили революціонную борьбу едва ли не исключительно къ экономической борьбѣ фабричныхъ рабочихъ за прибавку копѣйки на рубль, и отрицаніе террора было введено ими въ общепризнанный догматъ. Объ этомъ времени одинъ эсдекъ въ 1901 г. писалъ: „Мы ухитрились широкое и большое соціалъ-демократическое міровоззрѣніе въ 90-е годы утопить въ какой-то маленькой лужѣ“. Свою тогдашнюю робкую политику сами эсдеки еще въ 1900-01 гг. высмѣивали въ плехановскомъ органѣ въ пѣснѣ Нарциса Тупорылова:

Медленнымъ шагомъ, робкимъ зигзагомъ,
Тише впередъ, рабочій народъ!

* * *

Не увлекайся, приспособляйся,
Тише впередъ, рабочій народъ!

* * *

Если возможно, но осторожно,
Шествуй впередъ, рабочій народъ!

Отступничество отъ революцiонной борьбы и въ частности отъ Народной Воли, подготовлявшееся давно, въ 90-хъ гг. стало общимъ. Отъ террора оступались даже вчерашнiе террористы. На своемъ тайномъ съѣздѣ въ 1898 г. эсеры, не отказываясь въ принципѣ отъ террора, заявили, что откладываютъ его примѣненiе до момента организацiи сильной рабочей партiи, отъ имени и во имя которой велась бы террористическая борьба.

Но уже въ самомъ началѣ 1900-хъ г.г. дѣла быстро измѣнились.

Вскорѣ послѣ дѣла Карповича одинъ изъ наиболѣе крайнихъ экономистовъ-эсдековъ, Кричевскiй, помѣстилъ въ „Листкѣ Рабочего дѣла" статью „Историческiй поворотъ". Въ ней онъ заявилъ, что „мы можемъ и должны кореннымъ образомъ измѣнить нашу тактику и чѣмъ скорѣе и безповоротнѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ лучше. Старый „воинъ революцiи", по словамъ Кричевскаго, — Вильгельмъ Либкнехтъ — говорилъ: „Если обстоятельства измѣняются въ 24 часа, то нужно и тактику измѣнить въ 24 часа". „Въ настоящее время, — сказалъ онъ же въ другой разъ, — благоразумна одна только смѣлость".

Въ половинѣ 1901 г. въ „Вѣстникѣ Русской Революцiи", а затѣмъ въ „Револ. Россiи" эсеры уже стали защищать предпринимаемый партiей систематическiй, строго организованный терроръ. Ихъ въ этомъ поддержала польская революцiонная печать. Такiе же голоса раздались въ эсдекской „Свободѣ" и въ „Наканунѣ" (статьи Оленина-Чернова и Галина).

Но кто въ то время рѣшительно возсталъ противъ террора, такъ это былъ Ленинъ. Въ статьѣ „Политическiй терроръ" въ „Искрѣ" онъ рѣзко, по ленински, напалъ на Кричевскаго за его статью, гдѣ тотъ привѣтствовалъ выстрѣлъ Карповича. Ленинъ писалъ, что „терроръ долженъ быть отвращенъ активной работой эсдековъ надъ созданiемъ дѣйствительно революцiоннаго и сознательнаго политическаго движенiя пролетарiата". Ленинцы признавали вообще нецѣлесообразнымъ терроръ и тогда же стали готовиться не къ констуцiоннымъ завоеванiемъ, а къ революцiон-

ной диктатурѣ пролетаріата — къ тому, что было ими сдѣлано въ Россіи въ 1917 г.

Подъемъ тогдашняго общаго революціоннаго настроенія въ русскомъ обществѣ Горькій выразилъ въ своей „Пѣснѣ о соколѣ“. Она въ то время облетѣла весь читающій русскій міръ и выражала общее настроеніе. Горькій писалъ:

Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!
Безумство храбрыхъ — вотъ мудрость жизни!
Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!

Въ это время ярко обрисовалась борьба между политическими теченіями, стремившимися къ политическимъ конституціоннымъ завоеваніямъ, и подготовлявшими главнымъ образомъ соціальную революцію. Въ первомъ лагерѣ были и такіе опредѣленные защитники конституціи, къ какимъ принадлежалъ я съ „Народовольцемъ“, и соціалисты-революціонеры, кто много имѣлъ общаго съ эсдеками, но кто по существу тоже боролся главнымъ образомъ за свободныя учрежденія. Среди эсдековъ были плехановцы, кто тоже стремились къ конституціи и свободнымъ учрежденіямъ главнымъ образомъ путемъ развитія рабочаго движенія, но и между ними преобладающее значеніе имѣли сторонники Парвуса и только что пріѣхавшаго заграницу Ленина. Ленинское теченіе относилось отрицательно къ конституціоннымъ завоеваніямъ и главнымъ образомъ настаивало на необходимости организаціи рабочаго класса для совершенія соціальной революціи. Ленинъ скоро отрыто бросилъ вызовъ Плеханову и даже Мартову, и эсдеки подѣлились на два лагеря: большевиковъ и меньшевиковъ.

Странную позицію въ борьбѣ съ этими политическими теченіями занимало русское правительство съ его Департаментомъ Полиціи.

Главнымъ своимъ врагомъ они считали политиковъ-террористовъ и меньшимъ — защитниковъ соціальной революціи ленинскаго толка. Имъ казалось, что эсдеки, не только плехановскаго направленія, но даже мартовскаго и ленинскаго, не представляютъ большой опасности для правительства, и они часто ихъ поддерживали, чтобы тѣмъ осла-

бить „политиковъ“. Даже когда появилась заграницей „Искра“ подъ редакціей Ленина, Мартова и Потресова, то охранники надѣялись, что для нихъ она будетъ полезна, какъ противовѣсъ движенію народовольцевъ. Съ народовольцами охранники боролись безпощадно и афишировали эту борьбу, а съ эсдеками боролись меньше и часто поощряли ихъ — и это тоже афишировали.

Главнымъ выразителемъ этого теченія среди охранниковъ явился отецъ провокаціи — начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія Зубатовъ, а потомъ въ этомъ его во многомъ повторялъ директоръ Департамента Полиціи Бѣлецкій.

Мнѣ и въ то время была ясна нелѣпость этой политики русскаго правительства и объ этомъ не разъ я говорилъ въ печати. Я понималъ, въ какую бездну толкали ею Россію охранники вродѣ Зубатова.

Объ этой „зубатовской“ политикѣ я очень много услышалъ вскорѣ послѣ того, какъ я вышелъ изъ англійской тюрьмы.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ, что тогда мнѣ разсказывали на этотъ счетъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ усилившееся эсдековское движеніе обратило было на себя особенное вниманіе въ правительственныхъ сферахъ, но на него и тогда не смотрѣли такъ же серьезно, какъ на народовольческое движеніе.

Среди эсдековъ, занимавшихся пропагандой среди рабочихъ, были произведены массовые аресты. Въ тюрьмѣ очутились Ленинъ, Мартовъ и всѣ ихъ ближайшіе товарищи. Для всѣхъ ихъ ожидали не суда, а административную высылку на большіе сроки въ отдаленныя мѣста Сибири.

Но тутъ сказалась новая политика правительства. По настоянію начальника московскаго охраннаго отдѣленія Зубатова, демонстративно рѣшено было показать, что правительство борется исключительно съ террористами и рѣзко ихъ отличаетъ отъ пропагандистовъ среди рабочихъ. Для однихъ арестованныхъ эсдековъ наказаніе было ограничено тремя годами административной высылки, а другіе отдѣлались еще меньшимъ наказаніемъ. Одинъ только Мартовъ попалъ на три

года въ Туруханскій край. Какъ бы для того, чтобы показать всѣмъ, что охранники дѣлаютъ большую разницу между народовольцами и эсерами съ одной стороны и эсдеками — съ другой и что въ сущности эсдекамъ не придаютъ особеннаго значенія, всѣ высылаемые по дѣлу эсдековской пропаганды среди рабочихъ, въ томъ числѣ Ленинъ и Мартовъ, были передъ высылкой выпущены въ Петербургѣ на свободу на пять дней — „для устройства своихъ дѣлъ". Они такимъ образомъ имѣли возможность тогда сговориться другъ съ другомъ и съ остающимися въ Петербургѣ своими единомышленниками о дальнѣйшей дѣятельности. Имъ тогда удалось устроить судъ надъ однимъ изъ своихъ товарищей, кто неумѣло велъ себя на допросахъ. Недавно была опубликована фотографія, на которой тогда были вмѣстѣ сняты Ленинъ, Мартовъ и ихъ товарищи, только что освобожденные изъ тюрьмы. Въ свое время эта фотографія была широко распространена и толки по поводу такого отношенія охранниковъ къ эсдекамъ докатились и до насъ заграницей.

Ленина сослали на три года въ Минусинскій край и ему разрѣшили изъ Петербурга ѣхать туда свободно на свой счетъ безъ конвоя. Въ ссылкѣ эсдеки пользовались сравнительно большими предъ народовольцами льготами. Всѣ они черезъ три года, а нѣкоторые и раньше, были возвращены въ Россію и смогли вернуться къ ихъ прерванной эсдекской работѣ.

Когда, окончивъ ссылку, въ 1900 г. Ленинъ возвращался изъ Сибири, онъ и его товарищи пріѣхали въ Москву прямо на квартиру провокаторши Серебряковой, — и всѣ ихъ планы тогда же были хорошо освѣщены для Департамента Полиціи. Охранники скоро узнали, что въ Псковѣ состоялось ихъ тайное собраніе, на которомъ участвовали Ленинъ, Мартовъ и др. и что тамъ они рѣшили ѣхать заграницу, и тамъ основать „Искру" съ опредѣленной, употребляя нынѣшній терминъ, ленинской тактикой — антиплехановской. Въ Департаментѣ Полиціи горячо обсуждался вопросъ, арестовать ли снова Ленина и его товарищей, или отпустить заграницу для основанія „Искры". Послѣ долгихъ обсужденій, по настоянію Зубатова, было рѣшено

безпрепятственно пустить ихъ заграницу. При этомъ высказывалась опредѣленная надежда, что Ленинъ поможетъ русскому правительству въ борьбѣ съ народовольцами и эсерами.

Ленинъ, Мартовъ и Потресовъ благополучно уѣхали изъ Россіи заграницу, и тамъ, такъ сказать, съ благословенія Департамента Полиціи положили основаніе большевистскому движенію, извѣстно, чѣмъ кончившемуся впослѣдствіи.

Какое вообще огромное значеніе для борьбы съ террористами охранники придавали развитію рабочего движенія въ Россіи, показываетъ то, что съ благословенія правительства въ то время дѣлалъ для него Зубатовъ.

Зубатовъ впродолженіе многихъ лѣтъ систематически помогалъ развиваться независимому еврейскому рабочему движенію и, такъ называемому, гапоновскому движенію. Онъ не только не арестовывалъ извѣстныхъ пропагандистовъ среди еврейскихъ рабочихъ, какъ М. Вильбушевичъ, Шаевичъ и др., а самъ предоставлялъ имъ возможность принимать дѣятельное участіе въ рабочемъ движеніи и придавать ему иногда общерусское значеніе. Когда Зубатовъ арестовалъ Гершуни, то онъ его вскорѣ выпустилъ на свободу, потому что пришелъ къ убѣжденію, что Гершуни будетъ принимать участіе не въ эсеровскомъ движеніи, а въ рабочемъ.

Незадолго до пріѣзда Ленина заграницу, изъ ссылки бѣжалъ литераторъ, извѣстный эсдекъ, Махновецъ (Акимовъ), уже сыгравшій значительную роль въ организаціи рабочего движенія. Въ Петербургѣ Махновецъ пришелъ прямо на эсдековскую конспиративную квартиру къ Гуровичу, который, какъ потомъ оказалось, былъ однимъ изъ выдающихся провокаторовъ. Гуровичъ зналъ, что Махновецъ ѣдетъ заграницу издавать тамъ эсдекскій органъ спеціально для обслуживанія рабочаго движенія. Департаментъ Полиціи, по настоянію того же Зубатова, тоже безпрепятственно отпустилъ Махновца заграницу. Охранникамъ казалось, что такой своей тактикой они одновременно достигаютъ двухъ цѣлей: въ противовѣсъ политическо-террористическому движенію создаютъ спеціально профессіонально-рабочее движеніе и въ то же самое время такіе провокаторы,

какъ Гуровичъ, будутъ отъ связаннаго съ нимъ Махновца получать изъ-заграницы нужныя свѣдѣнія.

Зубатовъ всегда выставлялъ себя убѣжденнымъ врагомъ революціонно-политическаго движенія, главнымъ образомъ, террористическаго, и въ развитіи рабочаго движенія видѣлъ средство для борьбы съ революціонерами. Эту свою политику Зубатовъ объяснялъ своимъ сочувствіемъ рабочему движенію и на нее часто ссылался какъ бы въ оправданіе своего ренегатства и предательства.

Вслѣдъ за 1-мъ № „Былого“ я издалъ брошюру, гдѣ собралъ всѣ тѣ самыя статьи „Народовольца“, за которыя я сидѣлъ въ англійской тюрьмѣ, а въ предисловіи къ этой брошюрѣ я съ сочувствіемъ говорилъ о первыхъ двухъ террористическихъ актахъ — Карповича и Балмашева. Брошюра называлась „Долой Царя!“. Въ ней, какъ и въ „Народовольцѣ“, какъ и въ „Быломъ“, говоря о террорѣ, я никогда не забывалъ рѣзко подчеркнуть свое „но“. Терроръ всегда мной ставился въ тѣсную зависимость отъ политики правительства.

Послѣ моего освобожденія изъ англійской тюрьмы, русское правительство не оставило меня въ покоѣ. Оно снова пыталось, было, привлечь меня къ суду въ Англіи, во Франціи и въ Швейцаріи за изданіе мною перваго номера „Былого“ и брошюры „Долой царя!“ и снова надѣялось засадить меня въ тюрьму на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Но ему отсовѣтовали дѣлать даже попытку возбудить противъ меня новое дѣло. Въ это время въ эмиграціи не было уже того безпросвѣтно тяжелого настроенія, какъ это было въ 1897 г. при изданіи „Народоволца“. Если же и тогда правительство не смогло втихомолку засадить меня въ тюрьму, а ему пришлось примириться съ широкой агитаціей по моему дѣлу, то теперь ему было бы еще труднѣе вести дѣло противъ меня. Это, повидимому, понимало и само русское правительство: оно отказалось возбудить въ Англіи противъ меня новый процессъ за „Былое“ и за брошюру „Долой царя!“, хотя въ Лондонѣ я подолгу живалъ послѣ освобожденія изъ тюрьмы.

Глава XV.

Мой арестъ въ Женевѣ и высылка изъ Швейцаріи. — Постановленіе о высылкѣ изъ Франціи. — Протестъ Жореса. — Попытка арестовать меня въ Ан‹е›масѣ и мой отъѣздъ въ Лондонъ.

Въ 1903 г. я жилъ въ Женевѣ и тамъ издалъ 4-ый номеръ „Народовольца", какъ прямое продолженіе первыхъ трехъ номеровъ. Объ этомъ я и заявилъ въ „Народовольцѣ". Содержаніе этого номера было даже еще болѣе рѣзко, чѣмъ содержаніе предыдущихъ номеровъ. Онъ вышелъ подъ моей редакціей и всѣ отвѣтственныя статьи были подписаны моимъ именемъ.

Пользуясь этимъ 4-ымъ номеромъ „Народовольца", русское правительство рѣшило попытать счастья въ Швейцаріи и добиться тамъ моего заключенія въ тюрьму.

Какъ въ Лондонѣ, въ Женевѣ былъ составленъ полицейскій заговоръ. Закупили кое кого изъ швейцарскихъ властей и меня арестовали, какъ анархиста, призывающаго къ террору. Со мною арестовали П. А. Кракова за то, что онъ распространялъ „Народоволецъ". Для того, чтобы усилить обвиненіе противъ меня, мнѣ совершенно ложно приписали изданіе одной революціонной брошюры эмигранта Вейнштока („Къ оружію!") и брошюру анархиста Романова о Казеріо.

На допросѣ судебный слѣдователь написалъ противъ моей фамиліи слово „анархистъ". Я протестовалъ противъ этого и говорилъ, что я за политическую свободу, за конституцію, за республику, т.-е. за то, противъ чего борются анархисты.

Судебный слѣдователь отвѣтилъ мнѣ:

— Да, вы правы, вы не анархистъ, — мы это знаемъ. Но, добавилъ онъ смѣясь послѣ нѣкотораго молчанія: вы — хуже анархиста!

Въ женевской тюрьмѣ меня съ Краковымъ продержали около мѣсяца. Но поставить мое дѣло на судъ не рѣшились, не желая создать мнѣ новаго громкаго процесса, и безъ суда, административнымъ порядкомъ, выслали меня во Францію, въ сосѣдній французскій городокъ Сенъ-Жюльенъ.

Въ самомъ началѣ 1904 г. я изъ Сенъ-Жюльена уѣхалъ въ Парижъ и здѣсь сталъ продолжать изданіе „Былого". Русское правительство начало хлопотать о высылкѣ меня изъ Франціи. Ему предложили привлечь меня къ суду. Но оно предпочитало добиваться моей высылки изъ Франціи административнымъ порядкомъ.

Мѣсяца черезъ два-три моего спокойнаго пребыванія въ Парижѣ меня какъ-то пригласили въ полицію и тамъ предложили подписать бумагу о томъ, что я обязанъ выѣхать изъ Франціи въ теченіи двухъ дней. Я подписалъ только то, что читалъ эту бумагу, и сейчасъ же, это было часовъ въ 9 вечера, отправился къ извѣстному эсеру И. А. Рубановичу, который тогда былъ, такъ сказать, главнымъ ходатаемъ по русскимъ эмигрантскимъ дѣламъ, когда приходилось защищаться отъ нападеній русскаго правительства. Ему многіе были обязаны, когда по требованію русскаго правительства ихъ высылали или привлекали къ суду. Прекрасный ораторъ, великолѣпно владѣвшій французскимъ языкомъ, онъ умѣлъ производить огромное впечатлѣніе въ своихъ выступленіяхъ на судахъ и держался съ необыкновеннымъ достоинствомъ въ переговорахъ съ властями. Ему удалось провести много блестящихъ дѣлъ не только во Франціи, но въ Италіи, Бельгіи, Швейцаріи, имѣвшихъ общеевропейское значеніе.

Когда я объяснилъ Рубановичу, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, въ чемъ дѣло, онъ меня спросилъ, хочу ли я мирно уладить это дѣло, — теперь же уѣхать изъ Франціи и потомъ черезъ нѣкоторое время добиться возвращенія, или хочу рискнуть защищаться и идти до

конца навстрѣчу всѣмъ послѣдствіямъ отказа уѣхать. Я, конечно, сказалъ, что готовъ самымъ рѣзкимъ образомъ поставить свою защиту и довести дѣло до конца. Мы тотчасъ же отправились въ редакцію „Л'Юманите", переговорить прежде всего съ Жоресомъ. Тамъ же я тогда впервые увидѣлъ Бріана, и въ этотъ или слѣдующій разъ Семба. Жоресъ остался очень доволенъ тѣмъ, что я такъ ставлю свою защиту.

На слѣдующій день Жоресъ былъ у предсѣдателя совѣта министровъ Комба и предупредилъ его, что соціалистическіе депутаты внесутъ въ парламентъ запросъ, если я буду высланъ изъ Франціи.

Когда изъ полиціи на другой день отъ меня снова потребовали, чтобы я немедленно уѣхалъ изъ Франціи, я категорически заявилъ, что не поѣду и что, если желаютъ, то могутъ меня арестовать. Но арестовывать меня полиція не хотѣла, — и сама мнѣ предложила просить объ отсрочкѣ мѣсяца на два для устройства своихъ дѣлъ. Но, по совѣту Жореса, я отказался это сдѣлать.

Въ Парижѣ были организованы многочисленные митинги протеста спеціально по поводу моей высылки. Французскія газеты напечатали статьи въ мою защиту. Особенно рѣзко въ мою защиту выступилъ Жоресъ, а его голосъ тогда во Франціи имѣлъ огромное значеніе. На митингахъ по нѣсколько тысячъ человѣкъ выступали Жоресъ, Лафаргъ, Альманъ, Семба, Рубановичъ и многіе другіе. По поводу моей высылки митинги были и въ провинціи. Французскіе соціалисты по поводу моего дѣла начали вести цѣлую компанію вообще противъ русскаго правительства. Въ случаѣ приведенія въ исполненіе моей высылки предстояла, очевидно, еще большая кампанія.

Попытка выслать меня изъ Франціи осложнялась еще слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ это время правительство Комба проводило свой знаменитый антиклерикальный законъ. Онъ могъ пройти въ Палатѣ только при поддержкѣ Жореса и его партіи. Достаточно было Жоресу и его товарищамъ по какому-нибудь вопросу вотировать противъ правительства и оно бы пало,

а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы проваленъ столько лѣтъ подготавливавшійся законъ противъ конгрегацій. Вотъ почему, между прочимъ, французское правительство и не рѣшилось настаивать на моей высылкѣ. Это былъ рѣдкій случай, можетъ быть, единственный, когда иностранецъ, относительно котораго состоялось постановленіе о высылкѣ, отказался уѣхать и его не рѣшились ни выслать силой, ни арестовать.

Черезъ недѣлю-полторы полиція даже перестала напоминать мнѣ о томъ, что я долженъ уѣхать, и я спокойно продолжалъ жить въ Парижѣ. Къ лѣту я уѣхалъ въ Анемасъ, французскій городокъ — въ получасѣ ходьбы отъ Женевы. Бывать въ Женевѣ я не могъ, потому что былъ оттуда высланъ; но кому было нужно видѣть меня, тотъ изъ Женевы пѣшкомъ приходилъ ко мнѣ на свиданіе.

Вблизи отъ Анемаса, на швейцарской территоріи, въ это время происходилъ тайный съѣздъ эсеровъ, какъ разъ тогда, когда 15 или 16 іюля (рус. стиля) тамъ было получено телеграфное извѣстіе объ убійствѣ Плеве. Ко мнѣ, въ Анемасъ, со съѣзда пріѣхала большая, радостная компанія именинниковъ-эсеровъ. Между ними, кстати сказать, дѣйствительно было нѣсколько именинниковъ-Владиміровъ. Къ нашему празднику тогда присоединились и нѣкоторые ѳсдеки.

Въ самомъ началѣ августа — въ это время парламентъ въ Парижѣ былъ уже распущенъ, а законъ о конгрегаціяхъ уже прошелъ, — я случайно узналъ, что въ мѣстной анемасской полиціи былъ полученъ приказъ изъ Парижа о моемъ арестѣ. Оказывается, французское правительство, подъ давленіемъ русскаго, рѣшилось, воспользовавшись лѣтнимъ затишьемъ, привести въ исполненіе свое рѣшеніе о моей высылкѣ.

Я уже видѣлъ полицію, которая шла въ нашъ домъ, но во-время успѣлъ скрыться въ горы черезъ Салевъ. Меня продолжали искать въ окрестностяхъ Анемаса, а я пѣшкомъ отправился въ Парижъ. Садился только на маленькихъ станціяхъ и снова высаживался, подъѣзжая къ большимъ городамъ. Благополучно прибылъ въ Парижъ и нѣсколько дней скрывался тамъ. Я зналъ, что полиція меня ищетъ. Я рѣшилъ уѣхать тайно въ Англію и тамъ пере-

ждать глухое каникулярное время и вернуться во Францію послѣ того, какъ будетъ открытъ парламентъ.

Вскорѣ послѣ убійства Плеве, въ Россіи началась такъ называемая „весна“.

Преемникомъ Плеве явился Святополкъ-Мирскій. Я былъ увѣренъ, что онъ — не Плеве и ни въ коемъ случаѣ не будетъ настаивать предъ французскимъ правительствомъ на требованіи, сдѣланномъ по личному приказу Плеве незадолго до его смерти, о моей высылкѣ изъ Франціи. Да, впрочемъ, при тогдашнихъ полицейскихъ условіяхъ не только Святополкъ-Мирскій, неспособный въ международной политикѣ жертвовать политическими вопросами полицейскимъ, но даже никакіе Плеве и Рачковскіе не рѣшились бы болѣе на новый европейскій скандалъ и не стали бы добиваться моей высылки, а самому французскому правительству высылать меня не было никакой охоты.

Когда, осенью, снова собрался французскій парламентъ, я вернулся въ Парижъ. Здѣсь я опять сталъ выступать во французской печати и издавалъ „Былое“. Французская полиція меня больше не тревожила, и съ тѣхъ поръ никто мнѣ никогда не напоминалъ о существованіи постановленія о моей высылкѣ, хотя приказъ о ней никогда не былъ аннулированъ.

Глава XVI.

„Весна“ въ Россіи. — Мое письмо къ графу Витте. — Мой отъѣздъ съ чужимъ паспортомъ въ Россію — Въ Петербургѣ. — Рабочіе митинги въ Петербургѣ.

Въ 1902-1905 г. г. въ Россіи гремѣла „Боевая Организація“ партіи с.-р. Имена Карповича, Балмашева, Гершуни, Каляева, Сазонова были у всѣхъ на устахъ. Террористическіе удары во всѣхъ слояхъ общества встрѣчались съ энтузіазмомъ, и они имѣли не только русское, но обще-европейское значеніе.

Впервые мнѣ тогда пришлось переживать торжество тѣхъ идей, съ которыми я пріѣхалъ заграницу десять лѣтъ тому назадъ. Черновъ и другіе сотрудники въ „Революціонной Россіи“ только повторяли то, что я тогда привезъ заграницу и что съ исчерпающей полнотой было сформулировано въ „Народовольцѣ“ въ 1897 г.

Но въ отношеніи къ политическому террору у меня и у эсеровъ была попрежнему существенная разница.

Еще разъ повторяю, что я считалъ допустимымъ и политически цѣлесообразнымъ политическій терроръ только, какъ средство давленія на правительство для требованія политическихъ уступокъ, — и считалъ его недопустимымъ и политически нецѣлесообразнымъ всегда, когда правительство шло на уступки, и въ этихъ случаяхъ я готовъ былъ отказаться отъ террора и бороться съ нимъ.

Я не вѣрилъ и въ цѣлесообразность с.-р. плановъ касательно народныхъ революціонныхъ движеній, при которыхъ политическій терроръ игралъ бы служебную роль.

Вотъ почему до убійства Плеве я былъ защитникомъ „Боевой Организаціи“ с.-р. и только требовалъ систематичности въ ея дѣятельности и угрозъ лично по отношенію къ царю до тѣхъ поръ, пока привительство не откажется отъ тогдашней его реакціи.

Послѣ же убійства Плеве, когда началась „весна“, я сталъ настаивать на томъ, что необходимо, — быть можетъ, даже и не распуская „Боевой Организаціи“ — обратиться къ правительству съ предложеніемъ перемирія. Въ случаѣ дѣйствительнаго измѣненія политики правительства, открыто заявить о прекращеніи политическаго террора и честно сдержать данное обѣщаніе. Я тогда предлагалъ заявить то же, что было заявлено народовольцами въ письмѣ Исполнительнаго Комитета къ Александру III въ 1881 г.

Лѣтомъ 1905 г. появились первые слухи объ организаціи Государственной Думы. Въ обществѣ было сильное оживленіе. Тогда я сталъ еще съ большей рѣшимостью настаивать на томъ, что террористы должны начать переговоры съ правительствомъ.

Въ сентябрѣ 1905 г. я узналъ, что послѣ заключенія Портсмутскаго мира, проѣздомъ изъ Америки въ Петербургъ, въ Парижѣ остановился графъ Витте. Я собралъ всѣ свои изданія, между прочимъ, „Народовольца,“ „Долой царя!“ и „Былое,“ и отправилъ ихъ Витте съ письмомъ, гдѣ я писалъ приблизительно слѣдующее.

Я — террористъ и, пока правительство борется съ народомъ и съ обществомъ, я считаю неизбѣжнымъ для революціонеровъ прибѣгать къ террору. Но если русское правительство, какъ по нѣкоторымъ признакамъ на это можно надѣяться въ настоящее время, хочетъ вступить на путь общеевропейскаго развитія, то я считаю, что и революціонеры должны прекратить террористическую борьбу и вступить на путь мирной, легальной дѣятельности. Если онъ, графъ Витте, увѣренъ, что правительство дѣйствительно хочетъ отказаться отъ бѣлаго террора и пойдетъ навстрѣчу обществу, то я сочту своимъ долгомъ, какъ народоволецъ, открыто и рѣшительно выступить въ печати противъ поли-

тическаго террора и буду призывать революціонеровъ къ мирной работѣ.

Въ концѣ письма я просилъ Витте, въ случаѣ, если онъ надѣется на то, что правительство въ будущемъ откажется отъ бѣлаго террора, повидаться со мной. Если же этой надежды у него нѣтъ, то онъ можетъ мнѣ не отвѣчать. Его молчаніе прежде всего и будетъ его отвѣтомъ.

Отвѣта отъ Витте не было. Стороной я узналъ, что Витте получилъ мое письмо, снялъ съ него копіи и послалъ ихъ въ Петербургъ. Оно дошло тогда до министровъ и до Николая II.

Близкому человѣку Витте сказалъ:

— Ну, что я могу отвѣтить Бурцеву? Я не знаю, что будетъ со мной самимъ завтра!

Объ этомъ моемъ письмѣ Витте говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ въ Россіи происходили событія огромной важности. Съ каждымъ днемъ во мнѣ возрастала увѣренность, что старая Россія умираетъ и нарождается новая Россія, несмотря на все упрямство власти.

Событія половины октября 1905 г. доходили до насъ заграницу урывками. Телеграфъ работалъ неисправно. Наконецъ, былъ полученъ по телеграфу текстъ манифеста 17 октября. Судя по ходу событій, я его ждалъ. Черезъ часъ я уже сложилъ свои вещи и пошелъ прощаться съ моими друзьями, чтобы въ тотъ же день выѣхать въ Россію.

На улицѣ я встрѣтилъ знакомаго эмигранта, кто часто нападалъ на меня за мою защиту союза съ либералами и во имя революціонныхъ программъ требовалъ болѣе рѣзкой борьбы съ ними. Онъ приглашалъ меня непремѣнно придти вечеромъ на собраніе эмигрантовъ поговорить, что намъ дѣлать и какъ реагировать по поводу манифеста.

Я отвѣтилъ:

— Не могу придти! Иду на вокзалъ — ѣду въ Россію! Прощайте!

Далѣе, между нами произошло довольно забавное объясненіе. Прощаясь съ нимъ, я просилъ мнѣ писать въ Пе-

тербургъ по адресу: „Бурцевъ, Главный Почтамтъ, до востребованія“ и повторилъ, что никакъ не могу придти на собраніе въ 8 час., потому что поѣздъ мой уходитъ въ 6 час. вечера.

Мимо насъ проходили французы. Я, шутки ради, обращаясь къ прохожимъ, которые, конечно, не могли понять моихъ словъ, громко кричалъ среди улицы:

— Скажите всѣмъ: Бурцевъ ѣдетъ въ Россію!

Это окончательно убѣждало моего товарища, что я шучу, и онъ, не слушая меня, еще разъ сказалъ мнѣ, что въ 8 час. тамъ-то будетъ собраніе.

Онъ ни на одну минуту не допускалъ возможности, что я, дѣйствительно, сегодня же, до обсужденія на собраніи манифеста, уѣзжаю въ Россію. Подобно очень многимъ онъ никакъ не могъ повѣрить, что я, за кѣмъ такъ всегда гонялась полиція, могу уѣхать открыто въ Россію, когда другіе только собирались поговорить — ѣхать или не ѣхать?

Мы съ нимъ разстались . . . Встрѣтилъ я его въ Петроградѣ . . . послѣ революціи . . . 1917 г.! Онъ только тогда рѣшился пріѣхать въ Россію!

Хотя свѣдѣнія изъ Россіи были очень неопредѣленны и правительство очень вѣроятно легко могло подавить начавшееся революціонное движеніе и, вслучаѣ успѣха, жестоко расправиться съ его участниками, но для меня, кто всегда стоялъ на почвѣ открытаго протеста, было ясно, что необходимо ѣхать въ Россію въ обоихъ случаяхъ: и тогда, когда начавшееся движеніе побѣдило бы, и тогда, когда оно было бы разбито.

Я зналъ, что на границѣ меня пропустить не могли, если бы я явился подъ своимъ именемъ. Ареста я не боялся, но арестъ для меня былъ бы болѣе выгоденъ въ Петербургѣ, чѣмъ на границѣ. Поэтому я взялъ чужой паспортъ и съ нимъ поѣхалъ въ Россію черезъ ст. Вержболово.

Въ Вержболовѣ на вокзалѣ было необыкновенное оживленіе. Тамъ, на границѣ, отразилась, конечно, вся та нервная жизнь, которая въ этотъ моментъ охватила и Петроградъ, и всю Россію. Въ общей суматохѣ я проѣхалъ бла-

гополучно и на слѣдующій день поздно вечеромъ былъ въ Петербургѣ съ чужимъ паспортомъ въ карманѣ.

Итакъ, — я снова на родинѣ послѣ 15 лѣтъ эмиграціи!

За эти годы Россія стала иной. Но что-то особенно новое происходило въ Петроградѣ именно въ эти дни. Гезеты, которыя я читалъ еще по дорогѣ, говорили непривычнымъ для русскихъ людей — свободнымъ языкомъ. Все меня удивляло. Меня удивляло даже то, что при данныхъ обстоятельствахъ, конечно, и не могло быть иначе.

Прописываться по чужому паспорту я не хотѣлъ, чтобы въ будущемъ не сдѣлать какой либо непріятности для владѣльца паспорта. Въ поискахъ за „ночевкой" я пришелъ въ редакцію газеты, кажется, „Товарищъ". Лично меня тамъ никто не зналъ. Переговорить со мной вышелъ Щеголевъ. Я назвалъ свою фамилію и сказалъ, что я нелегальный, только что пріѣхалъ изъ заграницы и что я безъ паспорта. Казалось, въ виду моей давно установившейся репутаціи, всѣ должны были меня бояться, какъ огня. Но я былъ пораженъ тѣмъ, что мнѣ стали наперебой предлагать квартиры для ночевки. Изъ редакціи мы отправились толпой на квартиру одного изъ извѣстныхъ педагоговъ. Тамъ по тогдашнему петербургскому обычаю мы засидѣлись поздно, а я даже остался тамъ и ночевать. Въ общей бесѣдѣ на политическія темы всѣ говорили такъ же откровенно, какъ это мнѣ приходилось слышать въ Парижѣ. Говорилось все въ присутствіи прислуги и случайно приходившихъ людей. Меня называли по фамиліи, и это тоже никого не приводило въ трепетъ. Меня все это тѣмъ болѣе поражало, что заграницей встрѣчъ со мной нерѣдко сильно побаивались не только русскіе, пріѣзжавшіе изъ Россіи, но даже иногда и эмигранты, чтобы я ихъ не скомпрометировалъ.

Мнѣ, между прочимъ, сказали, что на слѣдующій день на такомъ-то заводѣ будетъ митингъ рабочихъ. Я рѣшилъ отправиться на него.

Приходилось идти по какимъ-то закоулкамъ. На одной изъ перекрестныхъ улицъ я остановился, не зная куда мнѣ повернуть, и я спросилъ прохожаго, гдѣ N-ская улица? По

старой привычкѣ конспирировать я задалъ ему вопросъ осторожно, оглядываясь, чтобы кто-нибудь другой не услышалъ. Прохожій самъ не могъ дать мнѣ нужныхъ указаній, но ему хотѣлось услужить и онъ, къ великому моему огорченію, черезъ всю улицу обратился къ околоточному надзирателю и спросилъ его:

— Гдѣ здѣсь N-ская улица? — Вотъ господинъ спрашиваетъ ее!

Околоточный надзиратель, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Это вы на рабочее собраніе?

Въ прежніе годы я понялъ бы, что значитъ этотъ вопросъ, а теперь я постарался показать, что этотъ вопросъ меня нисколько не изумляетъ, и я спокойно отвѣтилъ ему:

— Да!

Околоточный сталъ мнѣ подробно объяснять, какъ ближе пройти на митингъ.

Этотъ околоточный мнѣ лучше всего показалъ, что Россія теперь совсѣмъ не та, какой я ее оставилъ когда-то.

Я вошелъ въ огромную какую-то мастерскую. Среди машинъ, маховыхъ колесъ, передаточныхъ ремней, гдѣ толпились рабочіе, я увидѣлъ, что гдѣ-то наверху, на какой-то машинѣ, стоялъ хорошо мнѣ знакомый эсеръ Бунаковъ-Фундаминскій и, жестикулируя, произносилъ свою рѣчь. Первыя слова, которыя я услышалъ, были: „Мы — соціалисты-революціонеры“ и т. д.

Да, это была новая Россія! Такой Россіи я не видѣлъ...

Я стоялъ въ сторонѣ, замѣшавшись въ толпѣ, и съ трудомъ слушалъ то, что говорили ораторы. Я былъ совершенно подавленъ, слезы подходили къ горлу и я невольно своими воспоминаніями перенесся къ 1883-84 гг., къ нашимъ тогдашнимъ попыткамъ завязать сношенія съ рабочими, когда мы „маевками“ называли собранія, если намъ удавалось на конспиративную квартиру или гдѣ-нибудь въ лѣсу собрать 20-25 рабочихъ.

Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ я вмѣстѣ съ Сверчковымъ, членомъ Совѣта рабочихъ депутатовъ, поѣхалъ на

какое-то собраніе на Петербургской сторонѣ. Увидѣвъ на улицѣ толпу, я сказалъ Сверчкову:

— Смотрите, смотрите, вѣдь это, кажется, русскіе и тутъ?

Сверчковъ какъ-то удивленно посмотрѣлъ на меня, и я только тутъ догадался до какой степени я отвыкъ отъ Россіи.

Потомъ я какъ-то пришелъ въ одинъ домъ въ Пушкинской улицѣ спрашивать кого-то изъ жившихъ тамъ студентовъ, фамилію котораго я забылъ. Я его описывалъ и, какъ главный признакъ, сказалъ: онъ русскій!

Я нерѣдко ловилъ себя на такихъ своихъ промахахъ, попавши въ Россію послѣ 17 лѣтъ эмиграціи . . .

Глава XVII.

Въ Петербургѣ снова подъ своимъ именемъ. — Невозможность поддерживать правительство.

Несмотря на всю тогдашнюю свободу, вѣроятность реакціи и жестокихъ расправъ такъ казались возможными, что издатели, къ которымъ я обращался съ предложеніемъ перепечатать хотя бы въ извлеченіяхъ то, что я заграницей издалъ въ „Быломъ", отказывались и смотрѣли на это, какъ на совершенно безнадежное дѣло. Мое имя казалось имъ непріемлемымъ и съ точки зрѣнія жандармской, и съ точки зрѣнія цензурной. Особенно, какъ на что-то невозможное посмотрѣлъ на мои предложенія М. Лемке, завѣдывавшій тогда однимъ изъ большихъ издательствъ, тотъ самый Лемке, который теперь выступаетъ такимъ ярымъ большевикомъ.

Прошло нѣсколько дней. Я перевидалъ много знакомыхъ, съ кѣмъ условился на случай своего ареста на счетъ своихъ дѣлъ, кому надо выяснилъ мою политическую позицію, и рѣшилъ легализироваться, т.-е. перестать скрываться, не прописываясь. Кромѣ одного-двухъ человѣкъ, не было никого, кто бы одобрялъ это мое рѣшеніе. Наоборотъ, мнѣ предлагали паспорта, деньги и убѣждали, пока не выяснятся обстоятельства, снова уѣхать или заграницу, или, по крайней мѣрѣ, въ Финляндію. Только П. Б. Струве говорилъ, что уѣзжать не надо и вообще одобрялъ мой пріѣздъ въ Россію.

И вотъ, черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, захвативши съ собой вещи, я поздно вечеромъ пришелъ въ

Балабинскую гостинницу близъ Николаевскаго вокзала, занялъ номеръ и заказалъ себѣ самоваръ. Когда мнѣ его принесли, корридорный попросилъ паспортъ.

Я ему отвѣтилъ, что я эмигрантъ, только что пріѣхавшій изъ-заграницы, и что у меня паспорта нѣтъ. Корридорный, кому, очевидно, такихъ отвѣтовъ никогда не приходилось слышать, выразилъ крайнее недоумѣніе. Мой отвѣтъ поразилъ его даже въ то необычное время, когда о революціи всѣ говорили и въ печати, и на улицѣ. Не сказавши мнѣ ни одного слова, онъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ пришелъ, очень взволнованный, завѣдующій конторой гостинницы. Онъ переспросилъ меня о паспортѣ и, видимо, не могъ понять, какъ послѣ такого моего заявленія я все таки рѣшаюсь остаться у нихъ. Онъ сталъ упрашивать меня сейчасъ же покинуть ихъ гостинницу, а иначе онъ будетъ обязанъ немедленно же сообщить въ полицію о томъ, что у меня нѣтъ паспорта. Тогда я попросилъ его отнести въ полицію мое заявленіе о томъ, что у меня нѣтъ паспорта, — и тутъ же самъ написалъ слѣдующее заявленіе.

„Я — такой-то, редакторъ издававшейся заграницей „Своб. Рос.,“ „Народовольца“ и „Былого.“ Въ 1888 г. бѣжалъ изъ Сибири и съ тѣхъ поръ не имѣю паспорта. Черезъ границу проѣхалъ съ чужимъ паспортомъ и остановился въ такой-то гостинницѣ.“

Завѣдующій конторой ушелъ, но потомъ еще разъ вернулся съ моимъ листкомъ и снова сталъ убѣждать меня уйти. Но я рѣшительно заявилъ, что не уйду. Я понималъ, что въ гостинницѣ упрашиваютъ меня, потому что желаютъ избавить меня отъ непріятностей, и старался объяснить имъ, что я вовсе не боюсь того, что полиція меня арестуетъ. Тогда они, наконецъ, оставили меня въ покоѣ и отправили мое заявленіе въ полицію.

Напившись чаю, я поздно, въ двѣнадцатомъ часу, отправился въ редакцію „Сына Отечества“ , гдѣ хорошо меня знали и попросилъ напечатать въ газетѣ заявленіе о моемъ пріѣздѣ. Заявленіе я написалъ самъ въ такомъ ро-

дѣ: „Русскій эмигрантъ В. Л. Бурцевъ, бѣжавшій изъ Сибири въ іюнѣ 1888 г., возвратился въ Петербургъ и остановился въ Балабинской гостинницѣ, Невскій проспектъ, такой-то №. Заграницей Бурцевъ издавалъ „Свободную Россію," „Народовольца," „Былое." За свои статьи въ „Народовольцѣ" въ Англіи былъ осужденъ въ каторжныя работы тогда-то." Далѣе шли другія біографическія свѣдѣнія.

Когда я отдалъ редактору, кажется, Гуковскому, эту замѣтку, онъ сталъ убѣждать меня не печатать замѣтки, а то ихъ потомъ будутъ обвинять, что, благодаря имъ, меня арестовали. Но я указалъ на то, что въ редакціи остается писанное моей рукой заявленіе, слѣдовательно, никто не сможетъ обвинять газету въ томъ, что она меня подвела.

Поздно ночью я вернулся въ гостинницу. Утромъ на слѣдующій день я послалъ купить номеръ „Сына Отечества." Но, оказывается, онъ уже былъ въ рукахъ администраціи гостинницы, и они тотчасъ же мнѣ его дали. Моя замѣтка была напечатана цѣликомъ, какъ я ее самъ написалъ.

Въ гостинницѣ я пробылъ до 10 часовъ утра. Полиція не приходила меня арестовывать. Изъ гостинницы я вышелъ на Невскій проспектъ и сейчасъ же увидѣлъ за собой усиленную слѣжку. На одной изъ улицъ я завернулъ за уголъ, а затѣмъ быстро возвратился назадъ, такъ, чтобы лицомъ къ лицу встрѣтиться съ слѣдовавшими за мной сыщиками. Я подошелъ къ одному изъ нихъ и сказалъ: мерзавецъ! Онъ отошелъ отъ меня, не сказавши ничего.

Слѣжки за собой я въ этотъ день болѣе не видѣлъ.

На Невскомъ проспектѣ я встрѣтилъ своего товарища, бывшаго офицера, Кранихфельда, брата извѣстнаго писателя, съ которымъ я разстался лѣтъ двадцать передъ тѣмъ въ ссылкѣ. Онъ шелъ и, видимо, очень пораженный, читалъ въ „Сынѣ Отечества" какъ разъ мою замѣтку. Я его окликнулъ и мы поздоровались. Онъ съ недоумѣніемъ спросилъ меня:

— Вы еще не арестованы?

Какъ потомъ оказалось, въ Департаментѣ Полиціи не

знали, что дѣлать со мной. Витте высказался за то, чтобы меня не трогали.

Цѣлыхъ полтора два мѣсяца я продолжалъ жить въ той же гостинницѣ безъ паспорта.

Однажды утромъ, спускаясь съ лѣстницы, я встрѣтилъ околодочного надзирателя. Онъ очень вѣжливо сказалъ мнѣ:

— Вѣдь у васъ нѣтъ паспорта, господинъ Бурцевъ?

Смѣясь, я ему отвѣтилъ, что я не торговый человѣкъ, а литераторъ и что паспорта мнѣ не нужно, что со времени побѣга изъ Сибири у меня не было паспорта. Онъ возразилъ мнѣ на это, что въ Россіи жить безъ паспорта нельзя и что мнѣ необходимо выправить паспортъ. Тогда я сказалъ ему:

— Такъ выдайте мнѣ паспортъ!

— А когда вы можете придти къ намъ? — спросилъ онъ.

Я ему отвѣтилъ:

— Хоть теперь же!

И мы вмѣстѣ пошли въ участокъ. Тамъ я продиктовалъ ему свѣдѣнія о себѣ, и онъ выдалъ мнѣ паспортъ. Онъ понималъ, что выдаетъ паспортъ подъ мою диктовку, такъ сказать, „на вѣру", безъ всякихъ документовъ. Онъ запнулся только съ тѣмъ параграфѣ, гдѣ надо было отвѣтить на вопросъ: холостъ я или женатъ? Я ему продиктовалъ: холостъ. Онъ нѣсколько смущенно сказалъ:

— Такъ какъ же я могу вамъ выдать такого рода удостовѣреніе? Вѣдь, всяко бываетъ. . . Вопросъ деликатный. . .

Подумавши онъ написалъ: — „Заявилъ, что холостъ".

По этому паспорту я потомъ продолжалъ жить въ Петербургѣ и по нему же лѣтомъ того года получилъ заграничный паспортъ.

Но когда я еще не былъ прописанъ въ гостинницѣ, а скрывался по частнымъ квартирамъ, я отправился какъ-то на главный почтамтъ и спросилъ письма на свое имя. Письма, оказывается, были изъ Парижа и изъ Швейцаріи, и я ихъ исправно получилъ.

Какъ это было необычно для меня, эмигранта, придти въ Петербургѣ на почту и спрашивать письма до востребованія на свое имя!

Изъ недѣли въ недѣлю предъ моими глазами проходили митинги, собранія, рефераты. Тутъ были собранія рабочихъ депутатовъ, крестьянскія собранія, обще-политическіе митинги и т. д. Иногда мнѣ приходилось посѣщать и полуконспиративныя революціонныя собранія. На нихъ революціонеры приходили не съ возваніями только, но въ ихъ рукахъ я часто видѣлъ браунинги и ноганы. Рѣчь шла о подготовкѣ соціально-революціонныхъ возстаній среди рабочихъ и крестьянъ, о борьбѣ съ кадетами, о борьбѣ со всѣми несоціалистами и т. д. Словомъ, въ революціонной атмосферѣ пахло порохомъ.

Мнѣ было тяжело все это слышать и наблюдать. Я чувствовалъ, что готовится что-то печальное и роковое, что отравитъ наши завоеванія 1905 г.

Я доказывалъ, что для соціальной революціи и для введенія соціализма Россія не готова, что у однихъ революціонеровъ нѣтъ достаточныхъ силъ даже для защиты завоеваннаго и что это мы сможемъ сдѣлать только въ союзѣ съ либеральной буржуазіей, что своей цѣлью мы должны ставить не немедленное осуществленіе соціализма, а прежде всего укрѣпленіе нашихъ политическихъ завоеваній. Когда у соціалистовъ по всему фронту шла драка съ кадетами, я отстаивалъ необходимость союза съ ними. Я предостерегалъ противъ продолженія всеобщихъ стачекъ и противъ тогдашнихъ декретовъ совѣта рабочихъ депутатовъ.

Особенно рѣшительно я былъ противъ бойкота Гос. Думы. За этотъ бойкотъ было большинство лѣвыхъ партій, но яркимъ исключеніемъ въ ихъ рядахъ въ этомъ отношеніи былъ заграницей Плехановъ. Въ Гос. Думѣ я видѣлъ одно изъ нашихъ спасеній и рѣзко высказывался противъ второго совѣта рабочихъ депутатовъ, гдѣ выступали Троцкій, Парвусъ и т. д., какъ и противъ московскаго возстанія и т. д.

Въ революціонной средѣ я мало встрѣчалъ сочувствія. Меня скорѣе понимали и мнѣ сочувствовали общественные дѣятели, напр. кадеты.

Какъ и раньше, когда для кадетовъ чуждъ былъ тотъ темпераментъ, какой я вносилъ въ борьбу съ правитель-

ствомъ, такъ и теперь для нихъ была чужда моя борьба, которую я сталъ вести съ первыми проявленіями большевизма въ революціонной средѣ. Они плелись въ хвостѣ за революціонерами и мнѣ часто приходилось рѣзко выступать противъ ихъ излишняго соглашательства съ эсерами.

Во главѣ правительства въ началѣ 1906 г. стоялъ Витте. Какъ я потомъ узналъ, онъ внимательно слѣдилъ за моей дѣятельностью. Въ Деп. Полиціи и послѣ моей легализаціи не разъ поднимался вопросъ о моемъ арестѣ и обсуждали, по какимъ статьямъ я могу быть привлеченъ къ суду, но голосъ Витте спасалъ меня отъ ареста. Не зная этого, я въ Петроградѣ въ частномъ письмѣ на его имя снова повторилъ то же, о чемъ я ему писалъ до революціи въ Парижѣ. Я снова предлагалъ ему открыто выступить противъ продолжавшагося террористическаго движенія и защищать честный легализмъ, если онъ увѣренъ, что правительство откажется отъ бѣлаго террора и открыто вступить на путь реформъ. Отвѣта отъ Витте не было, но мнѣ недавно разсказывали, какъ внимательно отнеся къ этому моему письму тогда Витте.

При такихъ условіяхъ, конечно, я не могъ осуществить того, чѣмъ жилъ послѣднее время. Я не могъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми демократическими и либеральными дѣятелями выступить въ литературѣ съ призывомъ къ революціонерамъ отказаться отъ революціонныхъ методовъ борьбы и совмѣстно съ другими государственными партіями начать борьбу съ реакціей на общенаціональной почвѣ во имя Россіи.

Однажды зайдя въ редакцію „Сына Отечества“, я тамъ увидѣлъ Савинкова, затѣмъ — Азефа и многихъ членовъ „Боевой Организаціи“. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я за это время ближе познакомился и узналъ, что готовится террорическая борьба. Я проклиналъ правительство Николая II, что оно не даетъ никакой возможности высказаться прямо и откровено противъ готовившихся уличныхъ возстаній и противъ политическаго террора во имя здоровой государственной, созидательной политики.

Глава XVIII.

Агитація противъ Гос. Думы. — Возстаніе въ Свеаборгѣ. — Выборгское воззваніе. — Мой арестъ въ Женевѣ и новая высылка изъ Швейцаріи.

Готовился созывъ Государственной Думы. Немногіе въ Россіи ждали этого знаменательнаго событія для всей ея исторіи съ такимъ волненіемъ и съ такими надеждами, съ какими ждалъ я.

Я зналъ, что у Гос. Думы есть опредѣленный врагъ — русское правительство, что оно, какъ коршунъ, будетъ слѣдить за каждымъ ея шагомъ и будетъ стараться сводить на нѣтъ ея работу. Поэтому я не ждалъ отъ Думы какихъ-нибудь серьезныхъ реформъ, но я зналъ, что для агитаціи и политическаго воспитанія Россіи Гос. Дума много можетъ сдѣлать.

Какъ редакторъ „Былого", я имѣлъ возможность посѣщать засѣданія Гос. Думы и побывалъ на нѣсколькихъ ея историческихъ засѣданіяхъ. Гос. Дума, главнымъ образомъ, благодаря кадетамъ, дѣлала огромное дѣло въ смыслѣ политическаго воспитанія Россіи. Муромцевъ, Набоковъ, Петрункевичъ, Родичевъ, Шингаревъ, Кокошкинъ, Кузьминъ-Караваевъ, Ковалевскій своими рѣчами воспитывали Россію.

Общественное мнѣніе все больше и больше вставало на сторону Гос. Думы. Временами Гос. Дума пламенно протестовала противъ реакціи и рисовала широкіе планы преобразованія Россіи.

Въ революціонной средѣ находили, однако, Гос. Думу недостаточно радикальной, ея требованія недостаточно демо-

кратическими, въ борьбѣ съ правительствомъ видѣли излишнюю нерѣшительность, требовали болѣе революціонныхъ выступленій и болѣе революціоннаго языка. Внѣ Думы героемъ былъ депутатъ Аладьинъ. Эта критика Гос. Думы внѣ ея стѣнъ переходила въ борьбу съ ней. О Гос. Думѣ говорили, какъ о чемъ-то реакціонномъ, и старались создать настроеніе противъ Гос. Думы.

Я самымъ рѣшительнымъ образомъ былъ противъ борьбы, которую вели съ Гос. Думой революціонеры, и былъ убѣжденъ, что эта борьба въ близкомъ будущемъ таитъ въ себѣ большія несчастья для Россіи. Я не сомнѣвался, что правительство сумѣетъ воспользоваться отрицательнымъ отношеніемъ къ Гос. Думѣ со стороны радикальныхъ элементовъ и ошибками, которыя эта внѣ-думская агитація будетъ совершать, чтобы нанести удары Думѣ, а въ ея лицѣ и всей новой Россіи.

Поэтому, будучи рѣшительнымъ защитникомъ Гос. Думы, я былъ и противъ того вызывающаго тона, который ею былъ усвоенъ подъ вліяніемъ агитаціи извнѣ, и противъ нѣкоторыхъ ея слишкомъ, не по силамъ ей, радикальныхъ проектовъ. Я видѣлъ, что у этой Гос. Думы нѣтъ реальной поддержки въ странѣ для защиты той программы, которая выставлялась даже такими партіями, какъ кадеты, и для такой тактики, которая ей извнѣ навязывалась тѣми, кто стоялъ за Аладьинымъ.

Особенно ошибочной, по моему мнѣнію, тактика революціонеровъ и кадетовъ была лѣтомъ 1906 г., незадолго предъ роспускомъ Государственной Думы и сейчасъ послѣ него.

Слушая то, что говорилось въ обществѣ, можно было, пожалуй, подумать, что революціонное настроеніе въ Россіи было въ то время общимъ. Но я не сомнѣвался, что революціонеры преувеличивали свои силы и не сознавали, что реально они не имѣли въ странѣ достаточной поддержки для того, чтобы выдержать взятый ими тонъ, а на самомъ же дѣлѣ они были слабы, и правительство всегда легко могло сломить ихъ.

К.-д. также не понимали ни безсилія революціонеровъ, ни своего собственнаго безсилія. Они не сознавали, что и

у нихъ нѣтъ силъ поддерживать взятый ими тонъ по отшенію къ правительству.

Когда въ Гос. Думѣ одна часть депутатовъ выставляла опредѣленныя демократическія требованія, другая, въ томъ числѣ и нѣкоторые к.-д., ставила требованія революціонныя.

Революціонеровъ и кадетовъ я обвинялъ въ томъ, что они не ставятъ реальныхъ, доступныхъ ихъ силамъ задачъ, возможныхъ по обстоятельствамъ времени, и не отстаиваютъ ихъ всѣми достуными для нихъ силами. Мои требованія были болѣе умѣренны, но за нихъ я попрежнему считалъ необходимымъ бороться самымъ энергичнымъ образомъ. Я ожидалъ, что отсутствіе политическаго такта у к.-д. и революціонеровъ приведетъ къ крушенію тогдашняго общественнаго подъема, и что мы находимся предъ новой реакціей.

Все это особенно для меня выяснилось при роспускѣ первой Гос. Думы, въ началѣ іюля 1906 г.

Около этого времени я какъ-то сидѣлъ въ редакціи „Былого", когда, запыхавшись, влетѣли къ намъ два эсера. Радостные, взволнованные, они кричали: „Наконецъ-то! Побѣда!" Они говорили, радовались, проклинали отъ своего имени и отъ имени своихъ партій. У нихъ на устахъ все время было: мы, мы, мы.

Можно было думать, что они принесли извѣстіе колоссальной важности.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я ихъ.

— Возстаніе въ полномъ разгарѣ! Эсеры во главѣ арміи и моряковъ! Взятъ Свеаборгъ! Взятъ (не помню, что было взято). Говорятъ, что въ ближайшемъ будущемъ долженъ пасть Кронштадтъ! . . .

Кто-то изъ бывшихъ въ редакціи „Былого" посѣтителей пришли въ такое же восторженное настроеніе.

— Какое несчастье совершается! — сказалъ я.

Всѣ съ недоумѣніемъ обратились ко мнѣ и стали спрашивать, что значатъ мои слова.

— Да, да, да! несчастье, — сказалъ я. — Несчастье, если, дѣйствительно, взятъ Свеаборгъ эсерами. Несчастье, если только будетъ взятъ Кронштадтъ. Прежде всего, ре-

волюціонеры не могутъ удержать въ своихъ рукахъ ни Свеаборга, ни Кронштадта. Будетъ только пролита кровь... Отъ этого только пострадаетъ Россія. А главное — своими возстаніями эсеры губятъ освободительное движеніе. Они подготавливаютъ почву для реакціи и страна поддержитъ правительство въ его борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ.

— Какъ вы, Бурцевъ, старый революціонеръ, народоволецъ, эмигрантъ, считаете возстаніе въ Свеаборгѣ — несчастьемъ? Это невѣроятно! — съ изумленіемъ и съ скрытымъ негодованіемъ стали говорить мнѣ пришедшіе с.-р.

— Да, да, это несчастье! — повторилъ я имъ. Я — революціонеръ изъ революціонеровъ, и десятки лѣтъ я это доказывалъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Меня никто не упрекнетъ, что я не революціонеръ. Но я хочу бороться съ реакціей, а не поддерживать ее, а вы, — вы вызываете ее. Я всегда былъ противъ вспышкопускательства и всегда стоялъ за политическую борьбу. Я теперь являюсь защитникомъ Гос. Думы, а вы ее разрушаете, а въ ваше бунтарское народничество я не вѣрю: я жду отъ него только несчастій для Россіи!

Вскорѣ такіе же острые споры были у меня и съ к.-д. — по другому поводу. Впрочемъ, не могу сказать, были эти споры съ к.-д. днемъ раньше или позднѣе моего спора съ эсерами.

Утромъ въ Озеркахъ я садился въ поѣздъ ѣхать въ Петроградъ. Мимо нашей станціи, не останавливаясь, пронесся поѣздъ изъ Финляндіи въ Петроградъ. Съ поѣзда бросили намъ пачку какихъ-то листиковъ. Это была первая прокламація о принятомъ думцами выборгскомъ воззваніи. На меня это воззваніе произвело ошеломляющее впечатлѣніе, и я тутъ же сталъ говорить о немъ, какъ о безуміи и о величайшей политической ошибкѣ. Особенно подчеркивалъ то, какъ могли это сдѣлать кадеты. Бывшій со мной на вокзалѣ одинъ кадетъ возмущался тѣмъ, что я говорилъ. Онъ, наоборотъ, былъ въ восторгѣ, что кадеты заговорили, наконецъ, съ правительствомъ настоящимъ языкомъ.

Затѣмъ пришелъ поѣздъ, который шелъ изъ Финляндіи черезъ Озерки въ Петроградъ. Въ поѣздѣ я очутился въ одномъ вагонѣ съ извѣстнымъ эсеромъ. Онъ, захлебываясь, говорилъ, какъ имъ, эсерамъ, удалось вырвать подписи кадетовъ подъ этимъ воззваніемъ. Съ гордостью разсказывалъ о роли въ этомъ дѣлѣ лидеровъ эсеровъ, кажется, главнымъ образомъ, Натансона и Чернова, — какъ они запугали даже самого П. Н. Милюкова.

Этого эсера не менѣе, чѣмъ тѣхъ эсеровъ, которые принесли мнѣ извѣстіе о Свеаборгскомъ возстаніи, я поразилъ своимъ отношеніемъ къ выборгскому воззванію.

— Какое огромное преступленіе совершили эсеры, если они дѣйствительно толкнули на этотъ шагъ кадетовъ! Мнѣ кажется, кадеты сами не могли совершить такой ошибки. Поймите, что это на руку только реакціи! Вы дискредитируете освободительное движеніе. Это воззваніе никакого значенія, кромѣ отрицательнаго, не можетъ имѣть.

Хуже всего было то, что такія же ошибки, какъ лѣвые и какъ кадеты, дѣлали тогда и правые. Въ Россіи и въ то время, къ сожалѣнію, не было здоровыхъ государственныхъ теченій — ни революціонныхъ, ни оппозиціонныхъ, которыя бы отстаивали истинные интересы освободительнаго движенія, а власть находилась въ рукахъ тупыхъ реакціонеровъ.

Въ августѣ 1906 г. я получилъ заграничный паспортъ и выѣхалъ изъ Петербурга черезъ Берлинъ въ Парижъ.

Заграницей мнѣ необходимо было ликвидировать свои литературныя дѣла, оставленныя тамъ на произволъ судьбы въ октябрѣ 1905 г., когда я такъ поспѣшно поѣхалъ въ Россію. Мнѣ хотѣлось также поискать заграницей матеріаловъ для „Былого“. Мнѣ тогда дѣйствительно удалось найти много интересныхъ матеріаловъ для „Былого“ и я смогъ перевезти въ Парижъ почти весь свой архивъ — и массу своихъ и чужихъ революціонныхъ изданій.

Но во время этой моей поѣздки заграницу у меня было одно совершенно неожиданное осложненіе, не имѣвшее, впрочемъ, никакихъ особенно печальныхъ для меня послѣдствій.

Изъ Парижа безъ визы (тогда ея не требовалось) я поѣхалъ въ Швейцарію. Въ Женевѣ я остановился, не прописываясь, въ отелѣ и на другой день пришелъ на почту получить письма до востребованія. Почтовый чиновникъ, посмотрѣвъ на записку мою фамилію, какъ-то съ раздраженіемъ и волненіемъ отвѣтилъ мнѣ, что ничего для меня нѣтъ. Я сразу понялъ, что тутъ что-то неладное и что, очевидно, имѣются указанія на счетъ писемъ на мое имя. Въ сторонѣ я увидѣлъ фигуру человѣка, подозрительно смотрѣвшаго на меня. Когда я вышелъ съ почты, онъ пошелъ за мной. Черезъ нѣсколько улицъ онъ меня остановилъ и спросилъ: вы ли будете Бурцевъ? Я отвѣтилъ: да! Тогда онъ заявилъ, что онъ — чиновникъ женевской полиціи, и что онъ меня арестуетъ. На вопросъ почему? — онъ мнѣ отвѣтилъ, что такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ высланъ изъ Швейцаріи, то безъ особаго разрѣшенія я не имѣлъ права туда пріѣхать. Я ему предложилъ, что я могу сейчасъ же уѣхать на французскую территорію: французская граница находится въ двадцати минутахъ отъ Женевы. Но онъ не согласился. Изъ его вопросовъ я понялъ, что онъ хочетъ поймать меня, не намѣренъ ли я его подкупить, чтобы онъ меня отпустилъ. Но это ему не удалось, да я этого и не предполагалъ дѣлать. Онъ отвелъ меня въ полицію, а оттуда меня отправили въ знакомую мнѣ по 1903 г. женевскую тюрьму.

Дней черезъ десять состоялся судъ. На судѣ я сказалъ, что я изъ Швейцаріи высланъ по настоянію русскаго правительства, какъ эмигрантъ, по поводу русскихъ дѣлъ, и что къ швейцарскимъ дѣламъ никогда не имѣлъ никакого отношенія, — и что въ настоящее время я живу уже въ Россіи легально, издаю тамъ журналъ „Былое". Пріѣхалъ въ Швейцарію, не спрашивая разрѣшенія, потому что считалъ свое дѣло ликвидированнымъ.

Судья въ своемъ резюме сказалъ:

— Если русскій царь ничего не имѣетъ противъ того, что Бурцевъ живетъ теперь въ Петербургѣ, то я не считаю нужнымъ его наказывать за пріѣздъ безъ разрѣшенія

въ Швейцарію, откуда онъ былъ высланъ за статьи противъ царя.

Я былъ освобожденъ, но съ обязательствомъ сейчасъ же выѣхать изъ Швейцаріи и съ угрозой посадить меня въ тюрьму, если я еще разъ пріѣду въ Швейцарію безъ разрѣшенія.

Глава XIX.

Основаніе „Былого" въ Петербургѣ. — Моя переписка съ Зубатовымъ. — Встрѣча съ Тихоміровымъ. — Борьба съ провокаціей.

Съ моимъ пріѣздомъ въ Россію въ концѣ 1905 г. для меня открылась впервые широкая возможность легальной литературной и издательской дѣятельности. Послѣ того, какъ я легализировался въ Петроградѣ, издатели поняли, что, несмотря на всю мою революціонную репутацію, а, можетъ быть, благодаря ей, для меня является возможной легальная литературная и издательская дѣятельность.

Было рѣшено начать издавать въ Петроградѣ журналъ „Былое". Въ редакціи приняли участіе Богучарскій, Щеголевъ и я. Его издателемъ выступилъ Н. Е. Парамоновъ, издатель „Донской Рѣчи". Мы обратились ко всѣмъ извѣстнымъ участникамъ освободительнаго движенія и заручились ихъ содѣйствіемъ. Наиболѣе выдающіеся знатоки новѣйшей русской исторіи обѣщали намъ постоянную поддержку.

Журналъ выходилъ ежемѣсячно большими книжками — въ 20-25 листовъ. На его страницахъ мы стали печатать такія статьи и документы, какихъ въ Россіи печатать никто до сихъ поръ не мечталъ. Мы дали яркую картину освободительнаго движенія и помѣстили воспоминанія нѣкоторыхъ только что освобожденныхъ шлиссельбуржцевъ. Только на 6-ой книжкѣ цензура впервые задержала нашъ журналъ.

Въ обществѣ „Былое" имѣло большой успѣхъ.

Благодаря „Былому", у меня завязались сношенія съ различными лицами, имѣвшими отношеніе къ Деп. Полиціи

и къ охраннымъ отдѣленіямъ. Одни, какъ Лопухинъ, приходили къ намъ явно, другіе — тайно. Они давали мнѣ чрезвычайно важныя свѣдѣнія и матеріалы.

Въ „Быломъ" была, между прочимъ, помѣщена статья М. Р. Гоца, гдѣ онъ сказалъ нѣсколько жесткихъ словъ о Зубатовѣ, съ кѣмъ онъ юношей сталкивался, какъ съ революціонеромъ, и кто потомъ, какъ творецъ „зубатовщины", стоялъ во главѣ всего политическаго сыска.

Зубатовъ прислалъ письмо въ редакцію „Былого" съ разъясненіями и возраженіями Гоцу. Я воспользовался этимъ письмомъ и завязалъ переписку съ Зубатовымъ.

Въ своихъ письмахъ къ Зубатову я, какъ редакторъ „Былого", убѣждалъ его писать воспоминанія и собирать матеріалы. Конечно, черезъ голову Зубатова я говорилъ со многими другими. Я зналъ, что мои къ нему письма, вопервыхъ, перехватываетъ полиція, а затѣмъ, что онъ самъ о нихъ докладываетъ кому нужно. Говорятъ, наша переписка была даже напечатана въ ограниченномъ количествѣ для руководящихъ сферъ. Мнѣ хотѣлось всѣхъ причастныхъ къ Деп. Полиціи пріучить къ тому, что я, какъ редакторъ „Былого", для изученія исторіи революціонно-общественнаго движенія имѣю право обращаться за матеріалами ко всѣмъ и даже къ нимъ — нашимъ врагамъ. Мнѣ это надо было для того, чтобы создать нужную мнѣ атмосферу для предпринятой мною борьбы съ Деп. Полиціи и для того, чтобы удобнѣе было собирать матеріалы для „Былого". Я имѣю всѣ основанія думать, что такія мои обращенія къ Зубатову и къ другимъ Зубатовымъ имѣли именно тѣ послѣдствія, которыя мнѣ были нужны.

Изъ своихъ сношеній съ Зубатовымъ я, конечно, ни отъ кого не дѣлалъ никакой тайны. Мои товарищи, отговаривали меня отъ этой переписки и тѣмъ, что Зубатовы мнѣ могутъ дать ложныя свѣдѣнія, и тѣмъ что, понявши цѣль этой моей переписки, полиція меня арестуетъ и т. д. Но эти предостереженія меня не останавливали и я продолжалъ свою переписку съ Зубатовымъ.

Въ Деп. Полиціи вскорѣ заинтересовались моей перепиской съ Зубатовымъ и во Владиміръ къ нему былъ

посланъ спеціальный чиновникъ для его допроса. Зубатовъ этимъ былъ сильно встревоженъ и ему тогда пришлось пережить не мало непріятностей въ связи съ перепиской со мной. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, когда я еще былъ въ Петербургѣ, присланнымъ съ особыми предосторожностями, чтобы оно не попало жандармамъ, Зубатовъ умолялъ меня перестать писать ему. „Не губите меня и не губите себя", — писалъ онъ мнѣ. Въ отвѣтъ на это я писалъ Зубатову:

„Вотъ какія, съ Божьей помощью, наступили теперь времена: Зубатовъ боится, чтобы Бурцевъ не скомпрометировалъ его своей перепиской!"

Но я не оставилъ въ покоѣ Зубатова и тогда, когда уѣхалъ заграницу. Я и оттуда писалъ ему письма, — и онъ мнѣ иногда отвѣчалъ, хотя чуть не въ каждомъ письмѣ умолялъ прекратить переписку, чтобы не губить его. Часть этой переписки, представляющей, несомнѣнно, большой интересъ, я еще до революціи опубликовалъ въ „Быломъ".

Въ 1916 г., пріѣхавши въ Москву, я явился на квартиру къ Зубатову, но не засталъ его дома. Видѣлъ, кажется, его сына и просилъ сказать ему, что хочу его повидать и буду ему телефонировать. Вечеромъ я ему телефонировалъ. Зубатовъ мнѣ отвѣтилъ:

— Поймите, Владиміръ Львовичъ, что я видѣться съ вами не могу! Это опасно и для меня, и для васъ!

Такъ я его и не видѣлъ. При первыхъ извѣстіяхъ о революціи въ мартѣ 1917 г., чтобы не отдаться въ руки революціонеровъ, Зубатовъ застрѣлился.

Для собиранія матеріаловъ для „Былого" я дѣлалъ поѣздки по Россіи — былъ въ Нижнемъ у В. Н. Фигнеръ, около Дерпта у С. А. Иванова. Спеціально для этого ѣздилъ въ Москву и въ другія города.

Пріѣхавши однажды въ Москву, я написалъ письмо Л. А. Тихомірову и попросилъ съ нимъ свиданія. Я у него бывалъ нѣсколько разъ. Онъ поразилъ меня и своей религіозностью, и своимъ ханжествомъ. За ѣдой онъ крестился чуть ли не при каждомъ кускѣ, который клалъ въ ротъ.

Въ разговорѣ со мной Тихоміровъ отвѣтилъ мнѣ на многіе вопросы о Народной Волѣ, которые меня занимали. Я ему, между прочимъ, поставилъ вопросъ о томъ, какое участіе принималъ въ составленіи письма И. К. партіи Народной Воли къ Александру III въ 1881 г. Михайловскій и не онъ ли писалъ это письмо?

Тихоміровъ, тогдашній монархистъ, глубоко религіозный человѣкъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей", — очевидно, не хотѣлъ дѣлить этой чести съ Михайловскимъ. Нѣсколько заикаясь, но категорически сказалъ мнѣ, что все это письмо писалъ онъ, а что Михайловскій только прослушалъ его и внесъ въ него нѣсколько отдѣльныхъ измѣненій, но въ общемъ былъ вполнѣ доволенъ письмомъ.

Тихоміровъ съ глубочайшимъ уваженіемъ говорилъ, какъ о замѣчательнѣйшемъ русскомъ человѣкѣ, какого онъ только встрѣчалъ, объ одномъ изъ первыхъ организаторовъ Народной Воли — Александрѣ Михайловѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что считаетъ своимъ долгомъ написать о немъ воспоминанія и современемъ обѣщалъ мнѣ ихъ дать. Но я ихъ не получилъ и не знаю, выполнилъ ли онъ свое обѣщаніе записать эти воспоминанія, какъ я его объ этомъ очень просилъ. Онъ тогда же мнѣ далъ рукопись для „Былого" — показанія Дегаева, данныя ему въ Парижѣ. Въ нихъ я увидѣлъ какъ разъ тѣ самыя строки о Генкельманѣ-Ландезенѣ и Ч., которыя въ 1884 г. мнѣ дала Салова для передачи Якубовичу.

Эти свиданія съ Тихоміровымъ произвели на меня очень сильное впечатлѣніе, какъ свиданія съ человѣкомъ когда-то близкимъ, а въ то время жившимъ въ совершенно чуждомъ для меня мірѣ.

Въ 1916 г. я хотѣлъ еще разъ повидаться съ Тихоміровымъ, и нѣсколько разъ писалъ ему, но отвѣта отъ него не получилъ. Знаю, что онъ, какъ и Зубатовъ, боялся отвѣтить мнѣ.

„Былое" дало мнѣ возможность въ Россіи въ легальныхъ условіяхъ заняться тѣмъ, чѣмъ я отчасти занимался еще и заграницей.

Еще заграницей я кое-что напечаталъ о Деп. Полиціи и объ охранныхъ отдѣленіяхъ. Я занимался разоблаченіемъ ихъ дѣятельности и настаивалъ на борьбѣ съ ними. Я и тогда считалъ, что основа русской реакціи и главная ея сила заключалась въ ея политической полиціи. Поэтому-то борьба съ ней у меня и стояла на первомъ планѣ.

Начиная изданіе „Былого“, я, разумѣется, особенное вниманіе сталъ обращать на матеріалы объ охранникахъ. Я старался вездѣ, гдѣ только могъ, завязывать сношенія съ агентами Деп. Полиціи, хотя и понималъ прекрасно всю опасность этихъ знакомствъ. Если бы Деп. Полиціи узналъ объ нихъ, то, конечно, онъ моментально свелъ бы со мной свои старые большіе счета.

Была и другого рода опасность.

Забираясь въ эту темную область политической полиціи, я принужденъ былъ дѣйствовать при очень конспиративныхъ условіяхъ. Получаемыя свѣдѣнія мнѣ было трудно провѣрять. Слѣдовательно, возможно было: или впасть въ роковыя ошибки, или быть обманутымъ.

Я понималъ это и каждое подобное знакомство всегда завязывалъ съ замираніемъ сердца, какъ будто мнѣ приходилось ходить по краю пропасти. Малѣйшая неудача, и за нее я могъ бы поплатиться не только свободой, но и чѣмъ-то большимъ — своимъ именемъ.

Мои друзья, посвященные въ эту мою дѣятельность, видимо, страшно безпокоились за меня. Однажды, послѣ одного особенно рискованнаго моего свиданія, Богучарскій сказалъ мнѣ:

— Итакъ, В. Л., вы поставили надъ собой крестъ! Сегодня-завтра вы будете въ Петропавловской крѣпости. Вы знаете, что васъ ужъ, конечно, никогда оттуда не выпустятъ!

— Можетъ быть — отвѣтилъ я ему. — Что дѣлать! Начиная борьбу съ Деп. Полиціи, я взвѣсилъ все. Я готовъ на все и не считаю себя вправѣ отказаться отъ такого дѣла, которое у меня на рукахъ и котораго никто изъ васъ не хочетъ дѣлать.

— Итакъ, вы, значитъ, порѣшили съ „Былымъ“? Зна-

чить, „Былого“ не будетъ? — сказалъ онъ мнѣ въ другой разъ.

Я понялъ, какой крикъ души раздался изъ души этого моего товарища по редакціи. Я понялъ, о чемъ онъ думаетъ, а также и то что душа у него болитъ еще больше, чѣмъ это можно было заключить изъ этихъ его словъ.

Мнѣ самому было ясно, что въ случаѣ моего ареста, это прежде всего отзовется на „Быломъ“, но когда я это услышалъ отъ другого лица, мнѣ это стало особенно тяжело. Но я категорически заявилъ своимъ товарищамъ, что отъ борьбы съ Деп. Полиціи я отказаться не могу.

Когда начиналось „Былое“, чтобы излишне не дразнить цензуру, мое имя не было выставлено, какъ редактора. Въ журналѣ было только сказано, что онъ издается при моемъ ближайшемъ участіи.

Я предложилъ своимъ соредакторамъ снять и это заявленіе и формально совершенно уйти отъ редакціи. Но этого я не сдѣлалъ и не потому, что меня уговаривали этого не дѣлать, а потому, что это все равно не достигало бы цѣли. Я принялъ другого рода мѣры. Въ случаѣ моего ареста эти мѣры сняли бы отвѣтственность за мои сношенія съ Деп. Полиціи съ редакціи.

Глава XX.

Встрѣча съ Бакаемъ. — Указанія Бакая на провокацію среди эсеровъ. — Провокаторъ „Раскинъ". — Бакай о польскихъ провокаторахъ и объ с.-д. динамитной мастерской въ Финляндіи."— Передача полякамъ свѣдѣній объ ихъ провокаторахъ.

Въ маѣ 1906 г. ко мнѣ въ Петербургѣ въ редакцію „Былого" пришелъ молодой человѣкъ, лѣтъ 27-28, и заявилъ, что желаетъ поговорить со мной наединѣ по одному очень важному дѣлу. Когда мы остались съ глазу на глазъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Вы — В. Л. Бурцевъ? — Я Васъ знаю очень хорошо. Вотъ Ваша карточка, — я ее взялъ въ Департаментѣ Полиціи, — по этой карточкѣ Васъ разыскивали.

Я еще не произнесъ ни слова, и мой собесѣдникъ послѣ нѣкоторой паузы сказалъ:

— По своимъ убѣжденіямъ я — эсеръ, а служу въ Департаментѣ Полиціи чиновникомъ особыхъ порученій при охранномъ отдѣленіи.

— Что же вамъ отъ меня нужно? — спросилъ я.

— Скажу вамъ прямо, — отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ: — я хочу узнать, не могу ли я быть чѣмъ-нибудь полезнымъ освободительному движенію?

Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза. Въ головѣ у меня пронеслись роемъ десятки разныхъ предположеній... Вопросъ былъ поставленъ прямо... Я почувствовалъ, что предо мной стоялъ человѣкъ, который, очевидно, выговорилъ то, что долго лежало у него на душѣ и что онъ сотни разъ обдумывалъ, прежде чѣмъ переступить мой порогъ.

Я отвѣтилъ, что очень радъ познакомиться и обстоятельно поговорить, и что изученію освободительнаго движенія можетъ быть полезнымъ каждый человѣкъ, а особенно служащій въ Департаментѣ Полиціи, если только онъ хочетъ искренне откликнуться на нашъ призывъ.

Мой собесѣдникъ сталъ говорить, что онъ могъ бы быть полезнымъ въ нѣкоторыхъ эсеровскихъ практическихъ дѣлахъ, но я его остановилъ словами:

— Я — литераторъ, занимаюсь изученіемъ исторіи освободительнаго движенія, ни къ какимъ партіямъ не принадлежу, и лично я буду съ Вами говорить только о томъ, что связано съ вопросами изученія исторіи освободительнаго движенія и вопросами, такъ сказать, гигіеническаго характера: выясненіемъ провокаторства и въ прошломъ и въ настоящемъ.

Мой собесѣдникъ, очевидно, не ожидалъ, что я сведу разговоръ на такія, какъ будто, безобидныя темы, и мнѣ пришлось очень долго ему объяснять, что его услуги, какъ человѣка, служащаго въ Департаментѣ Полиціи, могутъ имѣть огромное значеніе для изученія исторіи освободительнаго движенія и для агитаціи на современныя политическія темы. Мои надежды на агитацію и на Думу особенно его изумляли. Онъ твердилъ, что Думу черезъ мѣсяцъ-полтора разгонютъ, что жандармскія силы мобилизуются всюду, что вѣроятію военныхъ, крестьянскихъ и рабочихъ возстаній не придаютъ никакого значенія, что предстоитъ жестокая реакція и т. д. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы я возлагалъ такія надежды на литературу и заботамъ о ней отводилъ столько мѣста въ нашихъ переговорахъ.

Мой новый знакомый во время первой же нашей встрѣчи хотѣлъ разсказать свою біографію, но я его остановилъ, сказавши, что это пока для меня не нужно, такъ какъ я буду говорить съ нимъ только на литературныя темы. Онъ отрекомендовался мнѣ „Михайловскимъ“ и я лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ, что это былъ Михаилъ Ефимовичъ Бакай.

Меня, конечно, занялъ вопросъ о мотивахъ, которые привели Бакая ко мнѣ, и я его спросилъ объ этомъ. Онъ

отвѣтилъ мнѣ, что на службу въ Департаментъ Полиціи онъ поступилъ случайно, всегда тамъ чувствовалъ себя чуждымъ для него человѣкомъ, такъ какъ характеръ службы былъ ему ясенъ, служилъ тамъ по инерціи, пока событія послѣдняго времени не раскрыли ему глазъ, и что далѣе оставаться на службѣ не было силъ. Еще въ 1905 г. онъ дѣлалъ попытки переговорить съ революціонерами, но ничего изъ этого не выходило. Ему не повѣрили. Онъ сказалъ мнѣ, что къ рѣшенію придти ко мнѣ его привело одно лишь желаніе быть полезнымъ освободительному движенію, и что онъ не имѣетъ въ виду какихъ либо личныхъ интересовъ: въ денежномъ отношеніи онъ обезпеченъ прекрасно и бюрократическая карьера у него обезпечена, еслибы онъ желалъ продолжать службу. Онъ самъ упомянулъ о возможности провала, но сказалъ, что это его не останавливаетъ, и что оставаться на службѣ ни въ коемъ случаѣ не считаетъ болѣе возможнымъ.

Когда Бакай говорилъ объ охранномъ отдѣленіи и въ яркихъ краскахъ рисовалъ, что скрывалось тамъ за его стѣнами, я часто прерывалъ его словами: „Да, да, — мы знаемъ все это?“ На это онъ мнѣ десятки разъ повторялъ: „Нѣтъ, — вы всего этого не знаете, — вы даже не подозрѣваете, какіе ужасы творятся тамъ!“

Онъ говорилъ тономъ искренняго человѣка, — я и тогда же не сомнѣвался въ томъ, что онъ пришелъ ко мнѣ безъ задней мысли (какъ не разъ тогда приходили другіе), а съ желаніемъ выйти на новую дорогу. Впослѣдствіи я въ этомъ убѣдился вполнѣ, но въ началѣ быть увѣреннымъ я не могъ . . . Наша встрѣча была такъ необычайна: сошлись представители двухъ различныхъ міровъ, еще вчера говорившіе на различныхъ языкахъ, и мы говорили въ Петербургѣ, въ предѣлахъ „досягаемости“ для Департамента Полиціи.

Во время слѣдующихъ нашихъ свиданій мы говорили цѣлыми часами. Предо мной дѣйствительно открывался совершенно новый міръ — съ иными нравами, иной логикой, иными интересами, иной терминологіей. Между прочимъ, я долго не могъ усвоить, что „сотрудникъ“ означаетъ „провокаторъ“.

Мнѣ не безъ труда постепенно удавалось усваивать себѣ то, что я слышалъ отъ Бакая.

Мы видѣлись съ Бакаемъ разъ-два въ мѣсяцъ, а съ его переѣздомъ въ Петербургъ наши свиданія стали еще чаще.

Съ самаго начала нашего знакомства я сталъ убѣждать Бакая писать свои воспоминанія, и онъ рѣдкій разъ приходилъ ко мнѣ безъ какого-нибудь новаго наброска изъ прошлаго. Много интереснаго для меня онъ разсказалъ и о текущихъ дѣлахъ.

Иногда разсказы и предупрежденія Бакая заставляли меня придавать имъ особое значеніе.

Такъ, однажды, Бакай сообщилъ мнѣ:

— Вчера закончился съѣздъ эсеровъ въ Тамерфорсѣ, — приняты такія-то резолюціи.

Отъ партійныхъ эсеровъ я раньше слышалъ, что съѣздъ эсеровъ долженъ былъ тайно состояться, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ начался.

— Откуда вы знаете это? — спросилъ я Бакая.

— Былъ у завѣдующаго агентурой по Б.О. с.-р.'овъ. „Они“ уже получили свѣдѣнія о съѣздѣ.

Черезъ нѣсколько дней этими своими свѣдѣніями я подѣлился съ эсеромъ, цекистомъ, Крафтомъ, приходившимъ ко мнѣ въ редакцію „Былого“.

— Да, съѣздъ кончился именно въ такой-то день, — сказалъ онъ. — Но откуда вы узнали объ этомъ?

— Прямо изъ Деп. Полиціи! — отвѣчалъ я и, не называя никакихъ именъ, объяснилъ, какъ я это узналъ. Крафтъ изумился моимъ сообщеніемъ и для него, какъ и для меня, стало тогда ясно, что Деп. Полиціи въ центрѣ партіи эсеровъ имѣетъ очень хорошаго освѣдомителя. Я просилъ его объ этомъ сообщить кому слѣдуетъ.

Но съ какимъ довѣріемъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства съ Бакаемъ я ни относился къ его свѣдѣніямъ, я все-таки иногда бывалъ озадаченъ ими и задавалъ себѣ вопросъ, да не обманываютъ ли его охранники, догадавшись о нашихъ съ нимъ сношеніяхъ, и не расчитываютъ ли они черезъ него ввести меня въ заблужденіе и на этомъ поймать меня.

Однажды Бакай пришелъ въ редакцію „Былого“ и разсказалъ мнѣ слѣдующее.

На улицѣ онъ случайно встрѣтилъ одного молодого девятнадцатилѣтняго юношу Бродскаго, брата извѣстныхъ польскихъ революціонеровъ, служившаго тайнымъ агентомъ-освѣдомителемъ въ варшавскомъ охранномъ отдѣленіи. Бродскій разсказалъ Бакаю, какъ своему человѣку, если хотите, какъ своему начальнику, что онъ имѣетъ дѣло съ революціонерами-террористами, устраивающими динамитную мастерскую въ Финляндіи и посвященъ въ ихъ дѣло. Вотъ точная запись тогдашняго разговора Бакая съ Бродскимъ.

— Я теперь уже — членъ боевой организаціи большевиковъ и служу въ охранномъ отдѣленіи, — говорилъ Бродскій Бакаю. Познакомился со студентомъ Александромъ Нейманомъ, сошелся съ нимъ, и теперь являюсь его помощникомъ въ обученіи рабочихъ за Нарвской заставой боевымъ дѣламъ. Нейманъ читаетъ имъ лекціи о приготовленіи разрывныхъ снарядовъ.

— Онъ теперь въ Питерѣ?

— Нѣтъ, — въ Финляндіи: онъ тамъ находится въ лабораторіи.

— Охранное отдѣленіе обо всемъ этомъ знаетъ?

— Да, конечно! Нейманъ теперь взятъ подъ наблюденіе и мѣсто нахожденія лабораторіи точно установлено. Теперь остается выяснить еще нѣкоторые раіоны, и тогда произведутъ аресты. Складъ винтовокъ и револьверовъ также извѣстенъ.

— Знаете ли что, — сказалъ мнѣ Бродскій, — зайдемте въ одну квартиру, — здѣсь недалеко, и я вамъ коечто покажу. Тамъ никого нѣту, комната въ полномъ моемъ распоряженіи, а жалѣть не будете.

Мы пошли въ домъ № 3, кв. 27 по Бармалѣевой улицѣ, дверь отворила какая-то женщина и безпрепятственно пропустила насъ въ комнату.

— Это комната Неймана, — сказалъ Бродскій, — она предоставлена въ полное мое распоряженіе.

Потомъ Бродскій досталъ изъ кармана ключъ, открылъ

ящики стола и вынулъ оттуда свертки, въ которыхъ оказались динамитъ, запалы и болѣе десятка формъ для бомбъ.

— Охранное отдѣленіе и объ этомъ также знаетъ?

— Конечно, знаетъ, я даже кое-что носилъ на конспиративную квартиру. Думаютъ сдѣлать такъ: когда установятъ связи Неймана въ Финляндіи, и когда онъ будетъ возвращаться, то его на вокзалѣ арестуютъ, въ Финляндіи найдутъ лабораторію, а здѣсь — матеріалы для бомбъ."

Надо знать всю сложность конспиративныхъ тогдашнихъ условій моего знакомства съ Бакаемъ, чтобы понять, что мнѣ невольно въ голову приходили разныя тревожныя гипотезы и я не легко могъ отнестись довѣрчиво къ сообщаемымъ фактамъ. Я могъ, напр., допустить, что Бродскому поручено сообщить Бакаю ложные факты, втянуть въ это разслѣдованіе и меня, и моихъ друзей, чтобы всѣхъ насъ потомъ скомпрометировать. Все это могло кончиться хуже, чѣмъ арестами.

Но дальнѣйшій распросъ Бакая меня убѣдилъ, что разсказанное имъ дѣло очень серьезно, и я рискнулъ заняться имъ. Я отправился въ Гос. Думу и вызвалъ одного изъ с.-д. депутатовъ, сообщилъ ему сущность разсказа Бакая и просилъ разслѣдовать, въ чемъ дѣло. Конечно, мнѣ пришлось сообщать полученныя мною свѣдѣнія очень осторожно, чтобы его деталями, въ случаѣ провала, не навести охранниковъ на тотъ путь, какимъ я получилъ изъ Деп. Полиціи эти свѣдѣнія.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ сообщили, что хотя, дѣйствительно, есть такой с. д. Нейманъ, есть кружокъ, имѣющій сношенія съ Финляндіей, но въ моемъ разсказѣ много преувеличеннаго, на самомъ дѣлѣ не о чемъ тревожиться. Вскорѣ дополнительные разсказы Бакая были таковы, что я счелъ нужнымъ еще разъ сходить въ с.-д. фракцію Гос. Думы и предупредить объ этомъ дѣлѣ. Я, между прочимъ, сказалъ с. д., чтобъ въ дальнѣйшемъ они дѣйствовали помимо меня, такъ какъ я ѣду по личному дѣлу въ провинцію. На самомъ дѣлѣ я долженъ былъ въ ближайшіе дни бѣжать изъ Россіи.

Когда я пріѣхалъ заграницу, я вскорѣ прочиталъ въ газетахъ телеграмму, что въ Финляндіи, въ Келомякахъ, арестовано человѣкъ десять с.-д. вмѣстѣ съ Нейманомъ, что открыта динамитная мастерская и т. д. Я понялъ, что свѣдѣнія Бакая были точны.

Нерѣдко на свиданія со мной Бакай приносилъ интересные документы. Такъ имъ была принесена и записка Пѣтухова, надѣлавшая въ свое время большой шумъ и въ прессѣ, и въ средѣ правительства. Была назначена даже спеціальная комиссія для изслѣдованія того, какъ могла попасть въ печать эта записка, переписанная въ одномъ экземплярѣ и предназначенная для трехъ-четырехъ лицъ. Больше всѣхъ, кажется, бился надъ этой загадкой помощникъ ген.-губ. Утгофъ. А „ларчикъ просто открывался". Утгофъ придавалъ такое значеніе запискѣ Пѣтухова, что не рѣшился послать ее съ кѣмъ-нибудь для прочтенія начальнику варшавскаго охраннаго отдѣленія Заварзину и лично самъ ее отвезъ, но не могъ дождаться Заварзина и далъ ее Бакаю для передачи ему. Бакаю ровно столько пришлось дожидаться пріѣзда Заварзина, сколько нужно было времени, чтобы съ этой записки снять для меня копію. Остальное понятно само собой.

Помню, съ какимъ изумленіемъ я услышалъ отъ Бакая въ первый разъ въ Петербургѣ еще лѣтомъ 1906 г., что черезъ порогъ охраннаго отдѣленія перешагнулъ и . . . извѣстный польскій писатель Бржозовскій! Еще болѣе меня изумился этимъ польскій революціонеръ, которому я объ этомъ сообщилъ черезъ нѣсколько дней. Полякъ любилъ Бржозовскаго, зачитывался его статьями, видѣлъ въ немъ талантливаго выразителя своихъ взглядовъ на соціальные и политическіе вопросы. Когда извѣстія о Бржозовскомъ въ началѣ 1908 г. стали, наконецъ, общимъ достояніемъ и его имя, какъ человѣка, служившаго въ охранномъ отдѣленіи, попало въ печать, нашлись два польскіе литератора, которые въ брошюрѣ открыто, страстно защищали Бржозовскаго. Они находили недопустимымъ, чтобы онъ одновременно писалъ свои чудныя статьи и бѣгалъ въ охранное отдѣленіе за получкой 30 серебренниковъ.

Въ концѣ 1906 г. Бакай, по моимъ настояніямъ, бросилъ службу въ варшавскомъ охранномъ отдѣленіи, подалъ въ отставку и переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ на свободѣ занялся писаніемъ своихъ воспоминаній. Онъ приносилъ мнѣ свои статьи для просмотра и по моимъ указаніямъ дѣлалъ потомъ необходимыя дополненія и измѣненія.

Кругъ свѣдѣній Бакая былъ сравнительно ограниченъ. Онѣ относились главнымъ образомъ къ варшавскому охранному отдѣленію. Но такъ какъ дѣятельность охранныхъ отдѣленій носила строго конспиративный характеръ и охранники мало довѣряли другъ другу, каждый велъ только порученное имъ дѣло, то Бакай могъ знать главнымъ образомъ только тѣ дѣла, которыя онъ самъ велъ, а о дѣлахъ другихъ чиновъ даже варшавскаго охраннаго отдѣленія у него были только отрывочныя свѣдѣнія и указанія безъ именъ. Тѣмъ не менѣе, въ сообщеніяхъ Бакая для меня было много чрезвычайно интереснаго.

Прямыхъ указаній на провокаторовъ въ русскихъ революціонныхъ партіяхъ у Бакая было мало, но зато онъ далъ много косвенныхъ указаній, какъ вести о нихъ разслѣдованія.

Бакай настаивалъ на томъ, что въ партіи эсеровъ среди вліятельныхъ ея членовъ имѣется какой-то важный провокаторъ, бывавшій у нихъ на съѣздахъ. Среди охранниковъ этотъ провокаторъ назывался Раскинымъ. Но о немъ Бакай не могъ дать никакихъ точныхъ указаній. Онъ только сказалъ мнѣ, что одинъ изъ главныхъ филеровъ, Мѣдниковъ, какъ-то однажды сообщилъ ему въ Варшавѣ въ 1904 г., что туда долженъ былъ пріѣхать видный департаментскій сотрудникъ среди эсеровъ Раскинъ и онъ будетъ имѣть свиданіе съ инженеромъ Д. Затѣмъ Мѣдниковъ сказалъ Бакаю, что свиданіе это не состоялось и что Д. почему-то не хотѣлъ видѣться съ пріѣхавшимъ агентомъ. Но какъ эти свѣдѣнія ни были неопредѣленны, я ими воспользовался и старался выяснить, кто такой Раскинъ. Для этого я вызывалъ въ редакцію „Былого“ инженера Д., но выяснить вопросъ о Раскинѣ намъ удалось только позднѣе.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нашего знакомства я сталъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ разсказамъ Бакая, но и тогда возможность невольной ошибки съ его стороны иногда не позволяла мнѣ изъ его свѣдѣній дѣлать всѣ выводы, которые они заключали.

За все время моего знакомства съ Бакаемъ я продолжалъ внимательно изучать и лично его, и его свѣдѣнія.

Наконецъ, я рѣшился его свѣдѣніями подѣлиться съ поляками.

Я вызвалъ въ редакцію „Былого“ знакомаго революціонера Абрамовича, имѣвшаго постоянныя сношенія съ польскими и еврейскими революціонными организаціями въ Варшавѣ, и съ разными оговорками не называя источника, сообщилъ ему кое-что изъ того, что узналъ отъ Бакая о польскихъ дѣлахъ. Я сказалъ ему, что это источникъ очень компетентный, ошибокъ въ его свѣдѣніяхъ, по всей вѣроятности, не можетъ быть и что я употреблялъ всѣ средства разслѣдовать то, что онъ мнѣ сообщалъ, и это до сихъ поръ все оказалось очень точнымъ. Думаю, что у него нѣтъ и сознательнаго желанія ввести меня въ заблужденіе.

Въ первое же наше свиданіе съ Абрамовичемъ, кромѣ общаго взгляда на положеніе борьбы въ Варшавѣ, я далъ нѣсколько именъ провокаторовъ для провѣрки.

Абрамовичъ отозвался о моихъ свѣдѣніяхъ, какъ о чемъ-то невѣроятномъ. Я не сомнѣвался, что онъ въ глубинѣ души полагалъ, что меня обманываютъ, что я попался впросакъ и что черезъ меня жандармы расчитываютъ очернить честныхъ людей и погубить меня, какъ политическаго дѣятеля.

Въ разговорѣ съ Абрамовичемъ я особенно почувствовалъ безграничный ужасъ отъ возможности сдѣлать ошибку въ этой области. У меня холодно стало на сердцѣ. Я чувствовалъ, что я смотрю въ какую-то страшную пропасть. Въ ту минуту мнѣ было безмѣрно тяжело, что я завелъ знакомство съ Бакаемъ и что пригласилъ къ себѣ Абрамовича.

Съ этого момента началась самая страшная и проклятая полоса моей жизни . . .

Впродолженіе многихъ лѣтъ моя жизнь была отравлена почти безпрерывно, изо дня въ день.

Когда полученныя свѣдѣнія о Деп. Полиціи я передавалъ кому надо для провѣрки, потомъ ждалъ результатовъ этой провѣрки, — сердце у меня всегда ныло. Мнѣ казалось, что не можетъ быть ничего ужаснѣе того, что я испытываю. Въ такихъ случаяхъ я всякій разъ въ глубинѣ души въ тысячный разъ упрекалъ себя за то, что я занялся разслѣдованіями о провокаторахъ. Сотни разъ у меня было такое настроеніе, когда лучшимъ исходомъ я считалъ пулю въ лобъ.

Пока мои обвиненія не подтверждались всецѣло, со мною часто и сами обвиняемые и ихъ защитники вели такую страстную борьбу, что она часто превращалась въ настоящую травлю противъ меня. Меня старались всѣми средствами раздавить. То, что впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я испыталъ, я не пытаюсь даже передать.

Къ величайшему моему счастью, во всей моей борьбѣ съ провокаціей у меня не было ни одной сколько-нибудь серьезной ошибки. Въ этой борьбѣ съ Деп. Полиціи я шелъ отъ одной крупной побѣды къ другой. Но побѣды предыдущихъ лѣтъ никогда не смягчали остроты переживаній позднѣйшихъ изслѣдованій.

Но зато послѣ каждой удачи эта моя борьба съ Деп. Полиціи приносила мнѣ съ разныхъ сторонъ и горячія привѣтствія, и выраженія искренней благодарности, когда видѣли, отъ чего спасали революціонеровъ разоблаченія провокаторовъ. Но въ этихъ дѣлахъ для меня было нѣчто безконечно болѣе важное, чѣмъ эти привѣтствія и благодарности. При разоблаченіяхъ провокаторовъ я ясно сознавалъ, что я дѣлалъ нужное дѣло для всего освободительнаго движенія и тѣмъ исполнялъ свой долгъ передъ родиной.

Когда Абрамовичъ ушелъ отъ меня, я не могъ оставаться въ редакціи. Я нѣсколько часовъ пробѣгалъ по Петер-

бургу и взвѣшивалъ каждое слово въ своемъ разговорѣ съ Абрамовичемъ.

Несмотря на свое недовѣріе къ моимъ сообщеніямъ, Абрамовичъ тѣмъ не менѣе согласился послать спеціальнаго человѣка въ Варшаву для провѣрки обвиненій противъ нѣкоторыхъ указанныхъ мною лицъ и обѣщалъ скоро дать отвѣтъ.

Я ждалъ этого отвѣта, какъ приговоренный къ смертной казни. Мнѣ могли сообщить, что лица, указанныя какъ агенты полиціи, надежнѣйшіе товарищи и что, слѣдовательно, я введенъ кѣмъ-то въ заблужденіе и распространяю клевету.

Черезъ нѣсколько дней Абрамовичъ пришелъ ко мнѣ въ редакцію „Былого". Я съ замираніемъ сердца по выраженію его лица хотѣлъ угадать, съ какими свѣдѣніями онъ пришелъ, но ничего на его лицѣ прочитать не могъ. Я постарался поскорѣе удалить постороннихъ лицъ и когда мы остались вдвоемъ, Абрамовичъ сказалъ мнѣ:

— Можете представить: — то, что успѣли провѣрить, оказалось вѣрнымъ! Все ли вѣрно — мы узнаемъ потомъ, во всякомъ случаѣ вашъ источникъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

У меня отъ сердца отлегло.

Съ тѣхъ поръ я еще внимательнѣе сталъ разспрашивать Бакая, но тѣмъ не менѣе каждое новое его свѣдѣніе я съ тревогой передавалъ заинтересованнымъ лицамъ. Такъ страшны могли быть послѣдствія каждаго ложно сдѣланнаго шага!

Глава XXI.

Аресты среди эсеровъ лѣтомъ 1906 г. — Встрѣча съ Азефомъ на улицѣ въ Петербургѣ. — Первое подозрѣніе Азефа въ провокаціи.

Я сталъ просить Бакая въ разговорахъ съ его знакомыми охранниками ставить имъ нужные для меня вопросы и стараться получить на нихъ нужные для меня отвѣты. Съ этого рода порученіями Бакай, по моимъ просьбамъ, бывалъ у завѣдующаго политическимъ сыскомъ Доброскока, ѣздилъ во Владиміръ къ Зубатову, разговаривалъ съ своимъ непосредственнымъ начальствомъ и т. д. Потомъ, мы вмѣстѣ съ нимъ расшифровывали ихъ отвѣты.

Такъ, напримѣръ, я просилъ Бакая задать вопросъ Доброскоку, почему такіе-то террористическіе акты были удачны, несмотря на агентуру, которой онъ всегда хвастался? Доброскокъ на это отвѣтилъ, что эти удачные террористическіе акты произошли только благодаря тому, что въ это время ихъ агента не было въ Петербургѣ. Это его указаніе потомъ было очень полезно для моихъ разслѣдованій.

Мои сношенія въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ Бакаемъ и съ нѣкоторыми другими, кто знакомилъ меня съ политическимъ сыскомъ, сильно обогатили мои свѣдѣнія о Деп. Полиціи и я приступилъ къ разоблаченію провокаторовъ.

Болѣе всего меня занималъ вопросъ о провокаціи среди эсеровъ, такъ какъ она могла быть особенно опасна для всего освободительнаго движенія, и я занялся ея изученіемъ.

Лѣтомъ 1906 г. было много арестовъ среди террористовъ. Ихъ объяснили случайностью, внѣшней слёжкой и т. д. Меня эти объясненія не удовлетворяли и во всѣхъ этихъ провалахъ я чувствовалъ присутствіе провокаціи. Свѣдѣнія Бакая позволили мнѣ говорить объ этомъ увѣренно. Я былъ убѣжденъ, что провокація среди эсеровъ гнѣздится гораздо глубже, чѣмъ это думали.

Однажды, послѣ работы въ редакціи „Былого", я отправился гулять и шелъ по Англійской набережной. Въ этотъ разъ я забылъ даже посмотрѣть, есть ли за мной слёжка, или нѣтъ. Вдругъ издали увидѣлъ, что навстрѣчу мнѣ на открытомъ извощикѣ ѣдетъ Азефъ съ своей женой. Лично съ Азефомъ я не былъ знакомъ, но его роль въ партіи эсеровъ мнѣ вообще хорошо была извѣстна. Я зналъ, что онъ стоитъ во главѣ Боевой Организаціи. Еще незадолго передъ этимъ я былъ въ Теріокахъ и встрѣтилъ на улицѣ Азефа въ такомъ же костюмѣ, въ какомъ онъ былъ сейчасъ.

Съ женой Азефа я былъ хорошо знакомъ, — и я пришелъ въ ужасъ отъ мысли, какъ бы она не вздумала со мной поздороваться. Я прекрасно сознавалъ, что если за мной идутъ сыщики и жена Азефа вздумала бы со мной поздороваться, то, конечно, эта наша встрѣча могла бы кончиться роковымъ образомъ.

Какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, мысль работала быстро, картина мѣнялась за картиной, предположеніе за предположеніемъ. Рѣшать надо было быстро. Я далъ глазами ей знать о своей тревогѣ и, не оборачиваясь въ ея сторону, пошелъ дальше. Пройдя довольно порядочно, я какъ бы нечаянно уронилъ газету. Обернувшись я сталъ ее поднимать, и въ то же время посмотрѣлъ туда, куда уѣхалъ извощикъ. Къ ужасу моему, я увидѣлъ, что на пустынной на этотъ разъ набережной тотъ извощикъ, на которомъ только что ѣхали Азефы, остановился, вокругъ него стояла толпа и къ ней быстро шелъ городовой. Я былъ увѣренъ, что произошла катастрофа и рѣшилъ вернуться и подойти къ толпѣ. Въ толпѣ я не увидѣлъ Азефа. Оказалось, что произошелъ какой-то обычный уличный скандалъ, кого-то задерживали и извощикъ остановился,

какъ и другіе, посмотрѣть на это зрѣлище. Я сталъ глазами искать, куда могли дѣться Азефы. Я зашелъ, между прочимъ, на пароходную пристань и увидѣлъ, что оба они стояли около кассы въ хвостѣ, дожидаясь билетовъ. Тутъ только я почувствовалъ облегченіе и понялъ, что моя тревога была напрасна. Я прошелъ мимо жены Азефа, далъ ей понять, что все благополучно и, не здороваясь, ушелъ.

Я не сейчасъ вернулся въ редакцію и продолжалъ гулять по улицамъ; я радовался, что этотъ инцидентъ, который могъ дорого обойтись, прошелъ благополучно.

Но предо мной вдругъ всталъ очень серьезный вопросъ.

Если я издали увидѣлъ Азефа и такъ легко узналъ его, то какъ же сыщики, которые, конечно, знаютъ его въ лицо, могутъ его не узнать, когда онъ такъ открыто бываетъ въ Петербургѣ?

Этотъ вопросъ съ того дня приковалъ къ себѣ мое вниманіе.

Я рѣшилъ, что Азефа не арестовываютъ по всей вѣроятности потому, что полиціи невыгодно его арестовать, — напр., потому что около него есть сыщикъ-провокаторъ, который получаетъ черезъ него нужныя свѣдѣнія. Съ тѣхъ поръ Раскина я сталъ искать около Азефа. Я даже просилъ передать Азефу, что его, по моему мнѣнію, не арестовываютъ, очевидно, именно потому, что около него есть какой-нибудь провокаторъ и онъ, Азефъ, поэтому является нужнымъ человѣкомъ для жандармовъ.

Сколько я ни перебиралъ фамилій изъ извѣстныхъ мнѣ эсеровъ боевиковъ, кто изъ окружающихъ Азефа могъ бы оказаться Раскинымъ, я ни на одной фамиліи не могъ остановиться. Ни личныя качества, ни ихъ біографіи, ни свѣдѣнія объ ихъ отсутствіи или присутствіи въ Петроградѣ во время бывшихъ террористическихъ покушеній не позволяли мнѣ ни на одну минуту остановиться на вопросѣ — не онъ ли тотъ провокаторъ , котораго я ищу? За все время разслѣдованія дѣла Азефа я ни разу не высказалъ ни одного ошибочнаго предположенія ни на кого изъ эсеровъ, что онъ, можетъ быть, и есть — Раскинъ.

Но вотъ однажды, перебирая все извѣстное мнѣ лично объ Азефѣ, я вспомнилъ кое-что, что меня всегда заставляло избѣгать съ нимъ знакомства.

Какъ-то, неожиданно для самого себя, я задалъ себѣ вопросъ: да не онъ ли самъ этотъ Раскинъ? Но это предположеніе мнѣ тогда показалось столь чудовищно нелѣпымъ, что — я только ужаснулся отъ этой мысли. Я хорошо зналъ, что Азефъ — глава „Боевой Организаціи“ и организаторъ убійствъ Плеве, великаго князя Сергѣя и т. д. и я старался даже не останавливаться на этомъ предположеніи. Тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ я никакъ не могъ отдѣлаться отъ этой мысли, и она, какъ какая-то навязчивая идея, всюду меня преслѣдовала.

Выходя изъ предположенія — Раскинъ не Азефъ ли? я съ этой точки зрѣнія сталъ разсматривать все, что зналъ о дѣятельности эсеровъ за послѣдніе годы. Когда я съ тѣхъ поръ разспрашивалъ террористовъ о причинахъ удачъ и неудачъ бывшихъ террористическихъ покушеній, я, незамѣтно для нихъ, ставилъ вопросы, касающіеся Азефа, и, между прочимъ, о томъ, гдѣ онъ бывалъ въ это время?

Я нерѣдко долженъ былъ невольно признаться самому себѣ, что чѣмъ я больше отмахивался отъ обвиненія Азефа, тѣмъ оно дѣлалось для меня все болѣе и болѣе вѣроятнымъ.

Глава XXII.

Арестъ Бакая и обыскъ въ редакціи „Былого". — Мой отъѣздъ изъ Россіи. — Въ Парижѣ. — Въ Финляндіи. — Встрѣча съ Траубергомъ. — Устройство побѣга Бакаю.

Въ 1906-07 г. г., кромѣ Бакая, я поддерживалъ связи и съ другими лицами изъ міра охранки, которыя тоже давали мнѣ свѣдѣнія. Для однихъ редакція „Былого" являлась приманкой, когда они разсчитывали что-нибудь заработать за сообщеніе матеріаловъ, а для другихъ это было мѣстомъ, гдѣ они могли бы изъ соображеній нематеріальныхъ подѣлиться своими свѣдѣніями. Такимъ образомъ, за 1907 г. у меня въ „Быломъ" сосредоточились драгоцѣнныя свѣдѣнія о дѣятельности Деп. Полиціи.

Но къ марту 1907 г. охранники стали догадываться о моихъ сношеніяхъ съ лицами, близкими къ Деп. Полиціи. Ко мнѣ они стали подсылать агентовъ, чтобы поймать меня при покупкѣ документовъ. Но, какъ оказалось, мнѣ всякій разъ удавалось избѣжать разставленныхъ мнѣ ловушекъ. Я не покупалъ и ни на минуту не оставлялъ въ своей квартирѣ приносимыхъ мнѣ документовъ отъ лицъ, кто возбуждалъ во мнѣ сомнѣніе.

Въ концѣ марта 1907 г. меня постигли первыя неудачи въ моихъ сношеніяхъ съ охранниками.

Не безъ помощи провокаціи — по всей вѣроятности по указанію Азефа — въ Деп. Полиціи заподозрили Бакая въ измѣнѣ.

Бакай какъ-то предупредилъ меня, что за нимъ стали ходить по пятамъ сыщики. Я понялъ, что въ ближайшіе же дни онъ будетъ арестованъ.

Въ это время я уже вполнѣ былъ убѣжденъ въ искренности Бакая и что онъ, дѣйствительно, желаетъ помочь мнѣ въ борьбѣ съ провокаціей. Я убѣждалъ его сейчасъ же скрыться въ Финляндію, а оттуда — заграницу. Я обѣщалъ его обезпечить, чтобы онъ могъ тамъ устроиться. При „Быломъ“ мнѣ тогда не трудно было сдѣлать это. Съ его поѣздкой заграницу я связывалъ свою будущую борьбу съ Деп. Полиціи. Вслѣдъ за Бакаемъ я и самъ разсчитывалъ ѣхать туда же.

Уступая моимъ настояніямъ, Бакай уже разъ былъ съ чемоданомъ на Финляндскомъ вокзалѣ, но, увидѣвши за собою усиленную слѣжку, почему-то не уѣхалъ. Онъ все еще думалъ, что „его“ не рѣшатся арестовать!

Но вотъ, 31-го марта (1907 г.), раннимъ утромъ Бакая обыскиваютъ, отбираютъ часть просмотрѣнныхъ мною рукописей о пыткахъ въ Варшавѣ, о перлюстраціи, о черныхъ кабинетахъ и т. д. и арестовываютъ его.

Въ то же самое утро былъ произведенъ обыскъ у меня въ редакціи. Все перевернули вверхъ дномъ, но ничего подозрительнаго найдено не было и меня пока оставили на свободѣ.

Въ рукахъ охранниковъ очутился необычный типъ арестованнаго. Еще вчера въ Деп. Полиціи и въ охранныхъ отдѣленіяхъ Бакая считали безусловно своимъ человѣкомъ. Онъ зналъ ихъ секреты, пользовался ихъ полнымъ довѣріемъ, онъ состоялъ у нихъ на дѣйствительной службѣ, жалованье ему давали до трехсотъ рублей въ мѣсяцъ по должности чиновника шестого класса . . . Идутъ усиленные допросы Бакая, ему грозятъ военнымъ судомъ за измѣну, за указаніе имъ провокаторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые тогда уже были убиты революціонерами, а другіе вышли, такъ сказать, „въ тиражъ“. Но въ рукахъ жандармовъ оказались лишь бакаевскія статьи по исторіи освободительнаго движенія, да указанія на знакомство со мною. На допросахъ стараются припутать къ дѣлу меня.

Предать суду Бакая было очень неудобно. На судѣ нельзя было бы обойти молчаніемъ вопросовъ о перлюстраціи, о провокаціи въ дѣлахъ съ бомбами, которыя при до-

просахъ Бакая неизбѣжно выплыли бы наружу. Поэтому его содержатъ въ Петропавловской крѣпости мѣсяцевъ шесть и потомъ безъ суда ссылаютъ на три года въ Обдорскъ, гдѣ такъ удобно похоронить и его, и его любопытныя свѣдѣнія.

Со времени ареста Бакая я увидѣлъ за собой усиленную слѣжку и понялъ, что меня хотятъ арестовать.

Какъ редактору „Былого", мнѣ не трудно было выхлопотать разрѣшеніе выѣхать заграницу по дѣламъ редакціи и мнѣ скоро, въ тотъ же день, выдали заграничный паспортъ.

Съ паспортомъ въ карманѣ я зашелъ въ редакцію и сдѣлалъ послѣднія распоряженія. Затѣмъ съ однимъ своимъ пріятелемъ отправился въ свою гостинницу; отобралъ самыя нужныя мнѣ вещи и предупредилъ прислугу, что сегодня, можетъ быть, не буду ночевать и поѣду въ Озерки, а что мой пріятель принесетъ мнѣ нѣкоторыя мои вещи въ редакцію. Я попросилъ моего пріятеля посидѣть съ полчаса въ моемъ номерѣ послѣ моего ухода и, только убѣдившись, что нѣтъ за нимъ слѣжки, отнести мои вещи знакомымъ, кто бы ихъ доставилъ на варшавскій вокзалъ.

Когда я вышелъ изъ дому, я увидѣлъ, что за мной пошли два сыщика, а въ сторонѣ ѣхалъ ихъ извозчикъ. Черезъ часъ, послѣ большихъ усилій, я, наконецъ, смогъ отдѣлаться отъ слѣжки. На всякій случай еще нѣкоторое время поплутавши по городу, я чистымъ, „безъ хвостовъ", явился на варшавскій вокзалъ, гдѣ уже меня дожидались съ моими вещами, и спокойно сѣлъ въ поѣздъ. Черезъ сутки съ небольшимъ я былъ уже заграницей, прежде чѣмъ въ Деп. Полиціи спохватились, что я исчезъ изъ своей квартиры.

Для меня началась новая эмиграція, — пока, вѣрнѣе, это была только полуэмиграція.

Я побывалъ въ Парижѣ, Швейцаріи и Италіи. Но прежде чѣмъ оффиціально выступить, какъ эмигрантъ, и начать въ Парижѣ изданія за своимъ именемъ, я рѣшился на нѣкоторое время поселиться въ Финляндіи. Туда я поѣхалъ по тому паспорту, который получилъ на выѣздъ изъ Россіи и, такимъ образомъ, жилъ тамъ формально не какъ эми-

грантъ, а какъ легальный человѣкъ, возвращающійся въ Россію, но почему-то задержавшійся въ Финляндіи.

Въ это время въ Финляндіи существовало много русскихъ революціонныхъ организацій съ ихъ полутайными типографіями. У нихъ здѣсь бывали революціонные съѣзды. Здѣсь же были центральные комитеты, динамитная мастерская, склады оружія и т. д. Финляндія была въ то время вообще, такъ сказать, базой для дѣйствующихъ въ Россіи революціонныхъ организацій. Между Петроградомъ и Финляндіей у революціонеровъ были непрерывныя сношенія.

О моемъ пребываніи въ Финляндіи знали очень многіе. Знала, разумѣется, и полиція. Я каждый день могъ ждать ареста по требованію петербургскихъ властей. Съ соблюденіемъ извѣстнаго рода формальностей меня и тогда могли вытребовать въ Петроградъ. Но время было таково, что правительство избѣгало излишнихъ столкновеній съ финляндскимъ и русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, и потому я надѣялся, что смогу жить въ Финляндіи сравнительно безопасно.

Во всякомъ случаѣ я рѣшился, для борьбы съ провокаціей, рискнуть остаться нѣкоторое время въ Финляндіи. Сноситься изъ Теріокъ съ Петербургомъ было очень легко и ко мнѣ часто пріѣзжали знакомые и друзья. Я могъ поддерживать постоянные сношенія и съ редакціей „Былого". Но ѣхать мнѣ самому въ Петербургъ было совершенно невозможно.

Въ Финляндіи я скоро познакомился со многими жившими тамъ революціонерами.

Особенно памятной мнѣ осталась встрѣча съ главой „Сѣвернаго летучаго отряда с.-р." — „Карломъ" (Траубергомъ).

Во время первой нашей встрѣчи въ Теріокахъ, на квартирѣ Денисевичей, я много говорилъ съ Карломъ о террористической борьбѣ эсеровъ и доказывалъ ему, что неудачи происходятъ, главнымъ образомъ, благодаря существующей въ партіи провокаціи. Траубергъ же всѣ неудачи объяс-

нялъ иначе: ошибками организаціи, перехваченными письмами, предательствомъ арестованныхъ и т. д.

Однажды я его попросилъ дать мнѣ честное слово, что онъ никому никогда не скажетъ того, что я ему сообщу.

Траубергъ далъ мнѣ слово и сдержалъ его.

Со всякаго рода оговорками я ему сказалъ, что въ предательствѣ я обвиняю главу Боевой Организаціи — Азефа. Траубергъ выслушалъ и, видимо, не желая какъ-нибудь обидѣть меня рѣзкимъ словомъ, только мягко сказалъ, что это мое „предположеніе недопустимо", — и нашъ разговоръ на этомъ и прекратился.

Черезъ недѣлю у меня съ нимъ было новое свиданіе. Я снова поднялъ вопросъ объ Азефѣ. На этотъ разъ Траубергъ не только поколебался, но уже сталъ отчасти допускать возможность этой моей гипотезы. Еще черезъ недѣлю — у насъ свиданія были разъ въ недѣлю — Траубергъ сталъ говорить, что онъ почти уже не сомнѣвается въ томъ, что я правъ въ моихъ догадкахъ и что съ своей стороны онъ приметъ мѣры для разслѣдованія дѣла Азефа, — и онъ мнѣ тогда же сообщилъ, что имѣется указаніе на Азефа, какъ провокатора, въ письмѣ изъ Саратова. Подробнѣе объ этомъ письмѣ я узналъ позднѣе — уже на моемъ судѣ въ Парижѣ.

Вскорѣ послѣ этого нашего разговора Траубергъ и его товарищи при таинственной обстановкѣ были арестованы. Изъ правительственнаго сообщенія по поводу этихъ арестовъ было ясно, что правительство не только знало то, что Траубергъ подготовляетъ террористическій актъ въ Гос. Совѣтѣ, но что этотъ актъ долженъ былъ быть совершенъ однимъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ, Кальвино-Лебединцевымъ. Онъ долженъ былъ въ Гос. Совѣтъ пронести въ своемъ портфелѣ бомбу и бросить ее тамъ. Свѣдѣнія были точныя. О нихъ могли знать только очень немногіе эсеры и среди нихъ и нужно было искать предателя. Лицо, на которое, по моему мнѣнію, могло пасть подозрѣніе, прежде всего былъ, конечно, Азефъ.

Приблизительно въ это же время я узналъ, что содержавшійся въ Петропавловской крѣпости Бакай за знаком-

ство со мной высылается въ ссылку въ отдаленныя мѣста Сибири. Когда онъ былъ еще въ петроградской пересыльной тюрьмѣ, я изъ Теріокъ снесся съ нимъ и просилъ его подъ предлогомъ болѣзни задержаться въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ Сибири. Я ему обѣщалъ устроить побѣгъ. Вскорѣ я узналъ, что Бакаю удалось задержаться, кажется, въ Тюмени. Тогда я туда послалъ Софью Викторовну Савинкову, сестру Бор. Вик., и черезъ нее предложилъ Бакаю бѣжать заграницу, обѣщая ему обезпечить тамъ его проживаніе, если онъ пожелаетъ помогать мнѣ въ моихъ разоблаченіяхъ.

Въ Тюмени Бакай на нѣсколько дней былъ выпущенъ изъ тюрьмы на вольную квартиру. Савинкова отыскала его и передала ему мое порученіе. Но въ то время, какъ они разговаривали, къ Бакаю неожиданно нагрянула полиція. При обыскѣ ничего подозрительнаго найдено не было. Савинкову Бакай отрекомендовавалъ какъ только что пріѣхавшую къ нему жену.

Бакаю было объявлено, что на этихъ дняхъ онъ высылается дальше въ Сибирь. Въ тотъ же день Савинкова и Бакай, отдѣльно другъ отъ друга, тайно выѣхали изъ Тюмени. Черезъ нѣсколько дней они благополучно, въ одномъ поѣздѣ, пріѣхали ко мнѣ въ Теріоки.

Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, съ какимъ обратился ко мнѣ Бакай, былъ такой:

— Кому вы, В. Л., говорили, что устраиваете мой побѣгъ?

Я ему категорически отвѣтилъ: никому!

— Странно! — сказалъ Бакай. — Въ Тюмени меня должны были арестовать по телеграммѣ изъ Петербурга въ Тобольскъ. Значитъ, въ Петербургѣ кто-нибудь донесъ о томъ, что вы устраиваете мнѣ побѣгъ.

Я продолжалъ категорически утверждать, что никому не говорилъ объ его побѣгѣ. Но я съ трудомъ могъ скрыть отъ него, какую бурю во мнѣ онъ поднялъ этимъ своимъ вопросомъ.

Объ этомъ побѣгѣ я сказалъ Чернову. Черновъ, какъ оказалось, сообщилъ объ этомъ Азефу, а Азефъ, слѣдова-

тельно, могъ сообщить эти свѣдѣнія въ Департаментъ Полиціи. Благодаря его доносу могла быть послана телеграммма въ Тобольскъ о томъ, чтобы немедленно выслать Бакая въ Обдорскъ. Я не сомнѣвался, что Азефъ — предатель, и что, слѣдовательно, онъ не только могъ донести, но онъ уже донесъ въ Деп. Полиціи о готовящемся побѣгѣ Бакая. Имя Бакая въ моемъ разговорѣ съ Черновымъ, кажется, не было названо, но въ городѣ извѣстно было, кто изъ служившихъ въ Деп. Полиціи былъ только что высланъ въ Сибирь за сношенія со мной. Во всякомъ случаѣ это хорошо знали въ Деп. Полиціи. По времени все совпадало: Черновъ о побѣгѣ Бакая сообщилъ Азефу, а Азефъ могъ успѣть сообщить въ Деп. Полиціи.

Про себя я повторялъ: Азефъ — предатель! Азефъ — предатель!

Глава XXIII.

Моя встрѣча съ Азефомъ въ Финляндіи. — Телеграмма объ арестѣ Бакая. — Арестъ охранника Раковскаго. — Лебединцевъ-Кальвино.

Вотъ что произошло незадолго передъ тѣмъ, о чемъ тогда я не могъ разсказать Бакаю.

Когда я отправлялъ въ Сибирь Савинкову, у меня не хватало денегъ и за ними я обратился черезъ Чернова къ эсерамъ. Я сообщилъ ему, что деньги нужны для устройства побѣга высланнаго въ Сибирь человѣка, который можетъ быть очень полезенъ въ борьбѣ съ Деп. Полиціи. Я просилъ Чернова оставить между нами, для чего мнѣ нужны деньги, и абсолютно никому объ этомъ не сообщать. Часть денегъ я получилъ отъ Чернова тогда же, а остальную сумму онъ хотѣлъ принести мнѣ самъ черезъ недѣлю въ мою гостинницу въ Выборгѣ въ 2 час. дня. Недостающія деньги я занялъ и тотчасъ отправилъ въ Сибирь Савинкову.

Въ назначенный день я сидѣлъ въ своей гостинницѣ и ждалъ Чернова. Раздался стукъ въ дверь. Я сказалъ: войдите!

Дверь отворилась и на порогѣ, вмѣсто Чернова, я увидѣлъ . . . Азефа!

Я сразу все понялъ. Я понялъ, что онъ пришелъ по порученію Чернова, что онъ знаетъ объ устраиваемомъ мною побѣгѣ Бакаю . . . Я рѣшилъ, что провалено все и что я всецѣло нахожусь теперь въ рукахъ Азефа.

Когда онъ стоялъ въ дверяхъ, его лицо было какое-то перекошенное, какъ у какого-то изобличеннаго преступника. Мнѣ и тогда, въ тотъ самый моментъ, оно показа-

лось именно такимъ, какимъ я видѣлъ, тоже въ дверяхъ, лицо Ландезена, когда онъ вернулся къ намъ въ Парижъ послѣ поѣздки въ Россію, и могъ думать, что въ его отсутствіе его роль уже разгадана, и его встрѣтятъ, какъ предателя. Азефъ явно волновался и не зналъ, приму ли я его или, быть можетъ, прямо брошу ему обвиненіе въ предательствѣ.

Мысленно я повторялъ только одно слово: предатель! предатель! предатель! . . Въ моемъ распоряженіи было всего нѣсколько секундъ для того, чтобы рѣшить, какъ встрѣтить Азефа.

Я быстро всталъ съ кресла и закричалъ:

— А, наконецъ-то, мы встрѣтились! Сколько лѣтъ мнѣ хотѣлось съ вами повидаться! Вѣдь, у насъ есть о чемъ поговорить.

Я говорилъ тономъ человѣка, обрадовавшагося давно жданной встрѣчѣ съ очень интереснымъ и нужнымъ человѣкомъ.

Въ этотъ моментъ Азефъ снова напомнилъ мнѣ Ландезена, когда тотъ, убѣдившись, что не разгаданъ, развязно вошелъ въ комнату и сталъ непринужденно разговаривать съ нами. Онъ видѣлъ, что его встрѣчаютъ съ полнымъ довѣріемъ и на его лицѣ испугъ, страхъ и нерѣшительность, что было нѣсколько секундъ тому назадъ, — вразъ все пропало. Его фигура говорила объ его добродушіи — естественномъ или дѣланномъ — это другой вопросъ. Онъ вплотную подошелъ ко мнѣ увѣренной походкой, весь сіяющій и, повидимому, хотѣлъ обнять меня и расцѣловаться. Но я, какъ бы нечаянно, уронилъ бывшія въ моихъ рукахъ бумаги и, нагнувшись, лѣвой рукой сталъ ихъ поднимать, а правой поздоровался съ Азефомъ, и затѣмъ усадилъ его на кресло прямо противъ себя.

Комната была свѣтлая и свѣтъ падалъ прямо на Азефа.

Во все время этого разговора я смотрѣлъ ему въ лицо. Я видѣлъ каждое движеніе его мускуловъ. Внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что онъ говорилъ. И то, о чемъ онъ меня разспрашивалъ, и то, что онъ мнѣ говорилъ, — все это я разсматривалъ съ той точки зрѣнія: — что обо всемъ этомъ думаетъ сидящій передо мной предатель?

Я смотрѣлъ ему въ лицо, вслушивался въ его вопросы и отвѣты, слѣдилъ за его глазами, за его смѣхомъ, за его улыбками, его жестами, и внуренно все время я повторялъ себѣ: предатель! предатель! предатель! . . .

Азефъ началъ съ того, что Черновъ ему разсказалъ о своемъ со мной разговорѣ и, по порученію Ц. К., онъ передаетъ мнѣ деньги. Далѣе онъ сталъ съ восторгомъ говорить о моей борьбѣ съ Деп. Полиціи, о томъ, что я дѣлаю огромное дѣло, безъ котораго революціонеры существовать не могутъ, что безъ нея немыслимы никакія революціонныя организаціи, что онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы для этой борьбы мнѣ были найдены большія средства и т. д.

Я жаловался Азефу, что никто мнѣ не помогаетъ, что въ партіи эсеровъ не понимаютъ моей работы, что всѣ Черновы — не практики, а теоретики, что съ ними нельзя вести дѣла, и что было бы очень хорошо, если бы въ моей борьбѣ съ Деп. Полиціи согласился вмѣстѣ со мной принять участіе такой революціонеръ-практикъ, какъ онъ — Азефъ.

При этихъ моихъ словахъ Азефъ, очевидно, не могъ скрыть своей особой радости и онъ сказалъ мнѣ, что онъ съ удовольствіемъ согласится работать вмѣстѣ со мной и что мы вдвоемъ, конечно, сумѣемъ широко развить это дѣло.

— Вы въ настоящее время готовите побѣгъ изъ Сибири одному агенту Деп. Полиціи, — сказалъ мнѣ Азефъ.

Я отвѣтилъ: да!

Я понялъ, что онъ знаетъ о готовящемся побѣгѣ Бакая.

— Затѣмъ, — продолжалъ Азефъ, — у васъ бываетъ въ Финляндіи другой агентъ . . .

Итакъ, и это было извѣстно Азефу!

— Третья ваша связь съ Деп. Полиціи . . . — опять сталъ мнѣ говорить Азефъ, но уже какъ-то неувѣренно. Онъ какъ бы только вызывалъ меня на подробности . . . Эта третья связь его, очевидно, очень интересовала. Но о ней я ничего не говорилъ Чернову, кромѣ того, что есть четыре серьезныхъ источника для полученія свѣдѣній изъ Деп. Полиціи, а, поэтому, о ней ничего не могъ знать и Азефъ.

Я сталъ подробно разсказывать Азефу о томъ, что этотъ мой освѣдомитель одинъ изъ вліятельныхъ дѣятелей судебнаго вѣдомства изъ прокурорскаго надзора, самъ онъ не служитъ въ Деп. Полиціи, но тамъ онъ свой человѣкъ и въ самыхъ довѣрительныхъ отношеніяхъ находится съ его руководителями, что онъ либерально настроенъ, и я лично съ нимъ въ очень близкихъ отношеніяхъ. Въ настоящее время онъ боленъ и ему надо ѣхать лечиться заграницу. Онъ согласенъ эмигрировать и открыто помогать намъ, но требуетъ только значительную сумму денегъ — тысячъ сорокъ, — и тогда онъ весь будетъ къ нашимъ услугамъ. Въ своемъ разсказѣ объ этой мнимой моей связи съ Деп. Полиціи я старался заинтересовать Азефа разными деталями и этими подробностями придать своему разсказу возможно больше вѣроятія.

Ничего, конечно, нужнаго для розысковъ о третьемъ моемъ источникѣ Азефъ не могъ разсказать Деп. Полиціи, но эти придуманныя мной свѣдѣнія, какъ я потомъ узналъ, очень заинтересовали не только Азефа, но и Деп. Полиціи.

Впослѣдствіи, когда во Франкфуртѣ Азефъ разговаривалъ со мной, онъ сказалъ мнѣ:

— Вѣдь вы ко мнѣ тогда отнеслись съ полнымъ довѣріемъ. Вы мнѣ разсказали объ агентахъ, съ которыми вы ведете дѣло.

Я объяснилъ Азефу, что изъ его словъ я понялъ, что о Бакаѣ и о Раковскомъ онъ знаетъ отъ Чернова.

— Да, — прервалъ меня Азефъ, — но вы мнѣ разсказывали о прокурорѣ, съ которымъ вы имѣли дѣло!

— Я вамъ разсказывалъ о прокурорѣ, какого совсѣмъ не существовало. Я всѣ детали выдумывалъ въ тотъ моментъ, когда съ вами разговаривалъ. Я зналъ, что объ этой связи (это былъ не прокуроръ и примѣты къ нему совсѣмъ не подходили) вамъ ничего не могъ говорить Черновъ, такъ какъ и я ему ничего не говорилъ.

— Такъ, значитъ, вы мнѣ говорили неправду? — нѣсколько обиженнымъ и укоризненнымъ тономъ сказалъ мнѣ Азефъ.

Я не сталъ отрицать, что я ему солгалъ.

Теперь Азефъ былъ въ восторгѣ отъ разговора со мной и, навѣрное, рисовалъ себѣ радужными красками, какъ онъ скоро вмѣстѣ со мной будетъ работать надъ разоблаченіемъ провокаторовъ и . . . какъ вскроетъ всю мою дѣятельность! Мы условились съ нимъ встрѣтиться дней черезъ десять.

Указаніе на агента, бывающаго у меня въ Финляндіи, также, конечно, было передано Азефомъ въ Деп. Полиціи и этотъ агентъ — Раковскій, — который у меня бывалъ и давалъ мнѣ свѣдѣнія, былъ тогда же арестованъ въ Петроградѣ.

Его арестъ произвелъ большой шумъ. Желая отклонить подозрѣнія отъ Азефа, что и въ данномъ случаѣ арестъ произведенъ по его указанію, Деп. Полиціи, какъ и при арестѣ Трауберга, далъ въ печати фантастическія сообщенія. Убѣдили ли они кого-нибудь, что и Траубергъ, и Раковскій были арестованы, благодаря ихъ собственной оплошности и искусству жандармской полиціи, но на меня они подѣйствовали какъ разъ наоборотъ. Для меня это было лишнимъ доказательствомъ, что, когда власти сознательно путаютъ въ своихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ, то, значитъ, имъ очень надо скрыть истинную причину ареста Трауберга и Раковскаго и что арестъ обоихъ ихъ — дѣло того провокатора Раскина, котораго я все время отыскивалъ. Меня эти свѣдѣнія приводили опять таки къ тому же убѣжденію, что Раскинъ это — Азефъ.

Пока я разговаривалъ съ Азефомъ, я употреблялъ всѣ усилія не выказать ему моего внутренняго волненія. Я только тогда почувствовалъ, какъ эта бесѣда взволновала меня, когда дверь за Азефомъ захлопнулась и я остался одинъ.

Мнѣ было совершенно ясно, что я — въ рукахъ Деп. Полиціи, что въ этотъ моментъ, по всей вѣроятности, въ Сибири арестованы и посланная Савинкова, и Бакай, что, конечно, полиціей приняты мѣры, чтобы я не могъ скрыться, что мой арестъ — вопросъ часовъ или дней, и что кулакъ занесенъ надъ „Былымъ“, что разрушено все, что я долго готовилъ и на что такъ много надѣялся . . .

Я вызвалъ въ Выборгъ къ себѣ въ гостиницу замѣстителя Трауберга — Лебединцева, котораго я встрѣчалъ еще въ Парижѣ, и рѣшился ему сообщить то же, что я говорилъ Траубергу.

Послѣ всякаго рода оговорокъ, я сказалъ Лебединцеву, что, по моему мнѣнію, Азефъ — предатель и что объ этомъ я уже говорилъ Траубергу. Сообщилъ я ему и то, что въ послѣдніе дни произошли событія, которыя меня еще болѣе въ этомъ укрѣпили. Но я ему ничего не говорилъ о своей встрѣчѣ съ Азефомъ. Лебединцевъ былъ очень взволнованъ тѣмъ, что я ему сказалъ. Онъ въ это время въ нѣкоторой связи съ эсерами готовилъ свой террористическій актъ. Онъ не отрицалъ основательности моего обвиненія Азефа, и мы рѣшили съ нимъ заняться дальнѣйшимъ изученіемъ Азефа.

Болѣе Лебединцева мнѣ не удалось видѣть. Вскорѣ я уѣхалъ заграницу, а Лебединцевъ былъ арестованъ по дѣлу о заговорѣ на покушеніе на Щегловитова и въ числѣ семи лицъ тогда же былъ повѣшенъ.

Всѣ послѣдующіе послѣ свиданія съ Азефомъ дни были для меня полны тревоги. Тяжелыхъ извѣстій ждалъ я изъ Сибири, ежедневно ждалъ и своего ареста. Я очистилъ свою квартиру въ Теріокахъ и сдѣлалъ всѣ необходимыя указанія на случай ареста.

Но вотъ, однажды, когда я былъ у себя дома въ Теріокахъ, отворилась дверь: вошла Савинкова, а за ней, какъ ея побѣдная добыча, шелъ Бакай.

Рѣдко я радовался такъ, какъ этой встрѣчѣ.

Бакай сказалъ мнѣ, что онъ разсчитываетъ остаться нѣсколько дней въ Финляндіи и хочетъ выписать къ себѣ на свиданіе жену. Но я рѣшительно запротестовалъ противъ этого и, не объясняя въ чемъ дѣло, настоялъ на томъ, чтобы Бакай немедленно въ тотъ же день ѣхалъ въ Стокгольмъ.

Черезъ нѣсколько дней въ Выборгѣ я получилъ отъ Бакая изъ Стокгольма условную телеграмму о томъ, что онъ благополучно проѣхалъ.

Въ гостинницѣ въ Выборгѣ, гдѣ я постоянно останавливался, я сказалъ, что ѣду къ себѣ въ Теріоки, а въ Теріокахъ сказалъ, что ѣду въ Выборгъ, а самъ тѣмъ временемъ направился въ Або. На другой день я изъ Або на пароходѣ выѣхалъ въ Стокгольмъ.

Глава XXIV.

Въ Парижѣ. — Начало открытой борьбы съ провокаціей. — Разоблаченіе Кенсинскаго. — Дѣла Бржозовскаго и Стародворскаго.

Я былъ внѣ предѣла досягаемости для Азефа и отнынѣ могъ вести съ нимъ открытую борьбу. Телеграммой я далъ знать въ Парижъ моимъ товарищамъ, что я ѣду и просилъ это передать Бакаю.

На этотъ разъ въ Парижъ я пріѣхалъ уже формально эмигрантомъ.

Въ это время цензура въ Петроградѣ прекратила „навсегда" „Былое" и вмѣсто него мы тамъ же начали издавать журналъ „Минувшіе Годы", но преслѣдованія за старое „Былое" въ Петроградѣ продолжались. За октябрьскую книжку „Былое" 1907 г. былъ осужденъ и посаженъ на два съ половиной года въ тюрьму Щеголевъ, Богучарскій послѣ ареста и содержанія нѣкоторое время въ тюрьмѣ былъ высланъ заграницу. Сначала онъ жилъ въ Болгаріи, а потомъ въ Парижѣ.

Въ Парижѣ я открыто поднялъ совершенно новый для эмиграціи вопросъ — о борьбѣ съ провокаціей.

За мной было уже нѣсколько еще въ Россіи удачно сдѣланныхъ разоблаченій провокаторовъ. Многіе изъ эмигрантовъ придавали большое значеніе этимъ моимъ разоблаченіямъ, но я не надѣялся у нихъ найти поддержку. Для нихъ было совершенно ново то, что я дѣлалъ, и они никакъ не могли мириться, напр., съ моими свиданіями съ лицами, причастными къ Деп. Полиціи. Находили это и очень опаснымъ, и даже недопустимымъ для революціонеровъ. Они меня убѣждали, что тѣ, кто мнѣ даютъ свѣдѣ-

нія, могутъ быть подосланными и будутъ меня обманывать, что я могу сдѣлаться ихъ орудіемъ для оклеветанія честныхъ революціонеровъ и т. д. Они никакъ не могли понять, какъ это я рѣшаюсь поддерживать такія рискованныя связи, какъ связи съ Бакаемъ, и убѣждали меня бросить ихъ. Выходило такъ, что готовыя разоблаченія они были согласны принимать, но только не хотѣли дѣлать того, безъ чего этихъ свѣдѣній получить было нельзя.

Многихъ особенно поражали мое довѣрчивое отношеніе къ Бакаю, мои частыя встрѣчи съ нимъ и мои заботы о немъ. Они не могли никакъ переварить того, что Бакай у меня бываетъ каждый день, что я съ нимъ пью, ѣмъ, хожу вмѣстѣ съ нимъ въ рестораны, считаюсь съ его мнѣніемъ, вѣрю его сообщеніямъ, говорю объ его добросовѣстности, искренности и т. д. По поводу всего этого, если я не всегда выслушивалъ прямыя, открытыя обвиненія, то на каждомъ шагу я не могъ не чувствовать нсудовольствіе противъ меня.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Парижъ, я предъявилъ обвиненіе противъ нѣсколькихъ провокаторовъ, кто игралъ тогда замѣтную роль въ революціонномъ движеніи и имѣлъ связи съ революціонерами, дѣйствовавшими въ Россіи. Съ своимъ спискомъ, — въ немъ было до 50-60 именъ, — я познакомилъ всѣ партіи и они присылали ко мнѣ за справками.

Одного изъ первыхъ я обвинилъ въ провокаціи дѣятельнаго члена максималистовъ Кенсинскаго, бывшаго секретаремъ на ихъ только что окончившемся съѣздѣ. Его товарищи были возмущены моимъ обвиненіемъ его, головой за него ручались и говорили объ его большихъ заслугахъ. Меня обвиняли въ шпіономаніи. Они знали, что свѣдѣнія мнѣ далъ Бакай и рѣшили, что Бакай подосланъ ко мнѣ и что такимъ образомъ охранники хотятъ дезорганизовать ихъ партію. Больше всего шумѣлъ самъ Кенсинскій. Я потребовалъ его къ допросу, и послѣ перваго же допроса Кенсинскій долженъ былъ скрыться. Его друзья, кто успѣлъ уже шумно и демонстративно обрушиться на меня за клевету на этого ихъ друга, были сконфужены и должны были признать, что мои обвиненія, основанныя на свѣдѣніяхъ Бакая, вѣрны.

Черезъ нѣкоторое время я совершенно случайно узналъ, по какому адресу на почтѣ „до востребованія" получаетъ Кенсинскій письма. Я написалъ ему и попросилъ придти ко мнѣ на свиданіе въ кафе на улицѣ Сенъ-Лазаръ и при этомъ, конечно, я заявилъ, что не устраиваю ему никакой ловушки. Въ условленный часъ Кенсинскій пришелъ и я долго мирно бесѣдовалъ съ этой своей жертвой.

Я ему сказалъ, что пріѣхалъ заграницу вести кампанію противъ провокаціи и противъ Деп. Полиціи и провокацію считаю величайшимъ зломъ для Россіи и основой русской реакціи. Съ провокаціей мы никогда не помиримся и послѣ революціи мы будемъ преслѣдовать самымъ жесточайшимъ образомъ провокаторовъ, гдѣ бы они ни были. Для того, чтобы хоть нѣсколько загладить то, что онъ сдѣлалъ, я ему предложилъ помочь мнѣ своими свѣдѣніями такъ же, какъ мнѣ помогалъ въ то время Бакай, а я ему гарантировалъ въ продолженіи двухъ лѣтъ полученіе по двѣсти франковъ въ мѣсяцъ, чтобы онъ могъ гдѣ-нибудь въ Европѣ или въ Америкѣ устроиться и зажить новой жизнью. Кенсинскій просилъ у меня тысячи три единовременно и обезпеченіе по сто франковъ впродолженіе двухъ лѣтъ. Я ему сказалъ, что въ принципѣ принимаю его предложеніе, но просилъ его торопиться отвѣтомъ, такъ какъ со временемъ его свѣдѣнія могутъ потерять значеніе.

Я видѣлъ колебанія Кенсинскаго. Ему и хотѣлось принять мои предложенія и онъ боялся порвать свои связи съ Деп. Полиціи и съ охранниками, не получивши желательной для него суммы. Но онъ понималъ, что я ему денегъ не дамъ прежде, чѣмъ онъ не порветъ сношеній съ ними, а у меня не было наличныхъ денегъ, чтобы тогда же договориться съ нимъ.

Во время нашего разговора Кенсинскій сказалъ мнѣ:

— Вы насъ (онъ говорилъ о провокаторахъ) не понимаете. Вы не понимаете, что мы переживаемъ. Напримѣръ, я недавно былъ секретаремъ на съѣздѣ максималистовъ. Говорилось о террорѣ, объ экспропріаціяхъ, о поѣздкахъ въ Россію. Я былъ посвященъ во всѣ эти революціонныя

тайны, а черезъ нѣсколько часовъ, когда видѣлся съ своимъ начальствомъ, тѣ же вопросы освѣщались для меня съ другой стороны. Я перескакивалъ изъ одного міра въ другой . . . Нѣтъ! . . . Вы не понимаете и не можете понять (въ это время Кенсинскій какъ будто съ сожалѣніемъ сверху внизъ посмотрѣлъ на меня), — какія я переживалъ въ это время эмоціи!

Это слово „эмоціи“ онъ произнесъ смакуя, и его лицо выражало какое-то особенное блаженство авантюриста.

Онъ, молодой, очевидно не хотѣлъ легко примириться съ моими прозаическими предложеніями — помочь мнѣ въ моихъ разоблаченіяхъ и послѣ этого уйти въ сторону и поработать два-три года надъ обезпеченіемъ своей новой жизни . . . безъ эмоцій!

Мы разстались. Я обѣщалъ его вызвать, когда смогу немедленно дать ему нужныя средства.

Мнѣ казалось, приду я къ эсерамъ, эсдекамъ, кадетамъ, ко всѣмъ тѣмъ, кто вѣрилъ мнѣ, а такихъ было много, и кому нетрудно было найти пять-шесть тысячъ франковъ, — и они дадуть мнѣ возможность вызвать Кенсинскаго и я повторю съ нимъ то же, что я сдѣлалъ съ Бакаемъ. Но сколько я ни ходилъ и къ эсерамъ, и къ кадетамъ, я никого не могъ убѣдить, что надо затратить эти гроши, чтобы усилить нашу борьбу съ провокаціей.

Больше Кенсинскаго я не видалъ.

Начиная съ разоблаченія Кенсинскаго, сдѣланнаго мной въ первыя недѣли послѣ моего пріѣзда въ Парижъ въ январѣ 1908 г., борьба съ провокаторами заняла въ моей жизни заграницей огромное мѣсто впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ. Со стороны могло даже инымъ казаться, что она поглотила всего меня, и немногіе хотѣли видѣть, сколько я дѣлалъ усилій, опять-таки съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ Парижъ, начать издавать газету, возобновить историческій журналъ „Былое“ и т. д.

Немедленно приступить къ изданію газеты я, однако, не могъ просто потому, что не было средствъ, но я тогда же сталъ о ней сильно хлопотать. Я о ней писалъ въ Рос-

сію, гдѣ я только что оставилъ многихъ, кто хорошо меня зналъ и кого я хорошо зналъ, кому было такъ легко помочь мнѣ основать заграницей свободный органъ, въ которомъ можно было бы выступить съ программой: ни Ленинъ, ни Черновъ, ни реакція! Тогда же я выпустилъ въ Парижѣ обширное заявленіе о возобновленіи „Былого". Кто теперь взглянетъ на это обстоятельно формулированное заявленіе, тотъ пойметъ, какъ широко мнѣ хотѣлось тогда поставить въ научномъ и литературномъ отношеніи „Былое". Тогда же я засѣлъ за приготовленіе второго изданія „За сто лѣтъ" и по опроснымъ листкамъ („Для собиранія свѣдѣній объ участникахъ освободительнаго движенія" и „Для собиранія свѣдѣній для хронологической канвы по исторіи освободительнаго движенія") можно видѣть, какъ широко ставилась мной и эта задача.

Мнѣ казалось, поставленныя задачи такъ важны, что на мой призывъ кто-нибудь да откликнется. На это я имѣлъ право надѣяться и потому, что и въ первомъ изданіи „За сто лѣтъ", и въ заграничномъ „Быломъ" я доказывалъ возможность хорошо выполнить ихъ заграницей. Но скоро я увидѣлъ, что дождаться изъ Россіи отклика на эти мои призывы не такъ-то легко.

Но всѣ мои сложные и мучительные хлопоты о „Быломъ", „За сто лѣтъ" и о газетѣ, если легко могли быть извѣстны тѣмъ, кто имѣлъ со мной дѣло, то ихъ не могла также легко знать широкая публика. Ей была болѣе знакома шумная борьба съ провокаторами и о ней болѣе всего и говорили.

Привезенный мной изъ Россіи списокъ провокаторовъ сильно всѣхъ взволновалъ. Одни вѣрили мнѣ и помогали изобличать провокаторовъ. Другіе — наоборотъ, защищали обвиняемыхъ мною провокаторовъ и открыто готовились начать противъ меня самую безпощадную войну. Только удачное разоблаченіе Кенсинскаго, и его бѣгство нѣсколько сдержало пылъ моихъ обвинителей. Борьба противъ меня нѣкоторое время сдѣлалась по внѣшности болѣе сдержанной и первое время не выливалась ни въ какія рѣзкія формы.

Но вотъ въ началѣ іюня 1908 г. я выступилъ съ обвиненіемъ противъ шлиссельбуржца Стародворскаго. Это было, можетъ быть, первымъ дѣломъ, которое въ широкой публикѣ какъ заграницей, такъ и въ Россіи, явно сорганизовало вокругъ меня столько острой ненависти. То, что до тѣхъ поръ таилось у отдѣльныхъ лицъ противъ меня за то, что я началъ ворошить осиное гнѣздо провокаторовъ, все это выплыло наружу и противъ меня повелась настоящая кампанія.

Въ то же самое время на меня обрушилось давно подготовлявшееся нападеніе со стороны поляковъ за мои обвиненія противъ ихъ провокаторовъ. Многіе изъ обвиняемыхъ мною провокаторовъ нашли себѣ горячихъ защитниковъ.

Внѣшнимъ поводомъ для начала кампаніи поляковъ противъ меня было то, что польская соціалъ-демократическая партія, получившая отъ меня списокъ обвиняемыхъ провокаторовъ только для разслѣдованія, неожиданно опубликовала его въ своей газетѣ „Красное Знамя" съ прямымъ указаніемъ, что свѣдѣнія идутъ отъ меня. Статья „Краснаго Знамени" подняла цѣлую бурю въ польской печати и меня засыпали запросами и протестами — особенно по дѣлу Бжозовскаго.

Такимъ образомъ, къ лѣту 1908 г. дѣла Стародворскаго и поляковъ-провокаторовъ выбросили на улицу во всемъ его объемѣ вопросъ о борьбѣ съ провокаторами. Съ тѣхъ поръ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ безъ перерыва и русская, и европейская печать были полны статьями о русскихъ провокаторахъ въ связи съ моими разоблаченіями. Едва ли какой либо другой вопросъ изъ русской жизни привлекалъ въ то время такой же общій интересъ. Отъ разговоровъ о разоблаченіи провокаторовъ никуда нельзя было уйти. Все было полно ими!

Можно указать, какъ на общее правило: при разоблаченіяхъ даже самыхъ гнусныхъ и самыхъ опасныхъ провокаторовъ, по поводу которыхъ потомъ не могли даже объяснить, какъ можно было хотя минуту ихъ защищать, всѣ они находили себѣ горячихъ защитниковъ, кто ручался за нихъ головой и кто съ пѣной у рта обвинялъ меня въ

томъ, что я легкомысленно гублю честнѣйшихъ людей. Это дѣлало всѣ мои разоблаченія необыкновенно трудными и необыкновенно тяжелыми.

Но злоба, которая при этихъ разоблаченіяхъ развивалась противъ меня, никогда не приняла бы того остраго характера, если бы защитниковъ разоблачаемыхъ провокаторовъ тогда не воодушевляла бы бросавшаяся въ глаза, не всегда даже имъ понятная, злоба эсеровъ противъ меня. А у эсеровъ былъ особый поводъ вести противъ меня систесистематическую кампанію, чтобы дискредитировать и погубить меня.

Глава XXV.

Обвиненіе Азефа въ провокаторствѣ. — Образованіе комиссіи для разслѣдованія „слуховъ о провокаціи въ партіи эсеровъ". — Пріѣздъ заграницу Лопатина.

Весь 1908 г., кромѣ меня, только очень немногіе эсеры знали, что сущность поднятой мной борьбы съ провокаторами заключалась вовсе не въ тѣхъ именахъ, о которыхъ всѣ говорили и всѣ писали. Для меня и для эсеровъ борьба съ провокаторами и въ то время сводилась главнымъ образомъ къ имени, которое въ публикѣ было извѣстно только очень немногимъ: — къ имени Азефа. Вокругъ этого имени у насъ все время и велась, скрытая для публики, жестокая борьба.

Мы знали, какую роль въ революціонномъ движеніе игралъ Азефъ, и для насъ было ясно, что, когда его дѣло будетъ вскрыто, то оно поглотитъ всѣ другія дѣла о провокаціи и получитъ огромное обще-русское политическое значеніе.

Когда я пріѣхалъ въ Парижъ, въ новую свою эмиграцію, то первое слово, которое я выговорилъ, было:

Азефъ.

Съ этимъ словомъ я, не разставаясь, жилъ послѣдніе полгода въ Петербургѣ и въ Финляндіи. О немъ я думалъ и днемъ и ночью, изо дня въ день, цѣлыми мѣсяцами.

Въ Парижъ я пріѣхалъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что Азефъ — провокаторъ. Объ этомъ я сейчасъ же сказалъ моимъ ближайшимъ политическимъ товарищамъ и далъ знать въ партію эсеровъ. Оттуда сначала окольнымъ путемъ меня переспросили, правда ли, что я рѣшаюсь обвинять Азе-

фа. Я отвѣтилъ, что глубоко убѣжденъ, что Азефъ — провокаторъ. Въ ближайшіе послѣ моего пріѣзда дни меня встрѣтилъ видный эсеръ Миноръ и, какъ о чемъ-то совершенно невозможномъ, спросилъ меня — неужели я дѣйствительно серьезно обвиняю Азефа? Я ему отвѣтилъ: да!

Я старался ему изложить факты и свои соображенія, почему я обвиняю Азефа, какъ провокатора. Къ Минору я относился съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ старому своему товарищу, и потому въ своемъ разсказѣ я не пропустилъ ничего изъ того, что зналъ по этому дѣлу. Но я нисколько не изумился тому, что мои слова не поколебали въ Минорѣ вѣры въ Азефа. Онъ спросилъ меня, — хорошо ли я знаю роль Азефа въ революціонномъ движеніи, и подробно разсказалъ мнѣ объ участіи Азефа въ самыхъ громкихъ террористическихъ дѣлахъ. Въ его разсказѣ для меня было очень мало новаго. Все это я давно зналъ.

Я разстался съ Миноромъ съ тяжелымъ чувствомъ. Онъ мнѣ говорилъ о моей страшной отвѣтственности даже не столько лично передъ Азефомъ, сколько передъ партіей эсеровъ, которую я гублю своими обвиненіями. Съ своей стороны я указалъ ему, какую онъ и его партія берутъ на себя отвѣтственность передъ всѣмъ освободительнымъ движеніемъ, страстно защищая злостнаго провокатора.

Вскорѣ послѣ моего разговора съ Миноромъ ко мнѣ явились эсеры Натансонъ и Леоновичъ уже съ оффиціальнымъ требованіемъ отъ имени партіи объясненій. Они мнѣ объявили объ основаніи, по рѣшенію товарищей изъ Россіи, тайной слѣдственной комиссіи для разслѣдованія слуховъ о провокаціи въ партіи эсеровъ. Приблизительно тогда же я узналъ, что умиравшій въ Швейцаріи Гершуни, когда ему сказали о моихъ обвиненіяхъ, очень взволновался и заявилъ, что какъ только поправится, сейчасъ же поѣдетъ въ Россію вмѣстѣ съ Азефомъ и своей террористической борьбой они докажутъ нелѣпость слуховъ объ его провокаціи.

Слѣдствіе объ Азефѣ велось совершенно тайно. Въ него были посвящены только очень немногіе.

Въ это время я близко сошелся и съ самымъ горячимъ защитникомъ Азефа — Борисомъ Викторовичемъ Савинковымъ и между нами сразу установились самыя довѣрчивыя и дружескія отношенія.

Тогда же въ Парижѣ я встрѣтилъ группу эмигрантовъ, такъ называемыхъ, лѣвыхъ эсеровъ — Гнатовскаго, Юделевича, Агафонова и др. На самомъ дѣлѣ они были скорѣе правыми эсерами. Они вполнѣ были согласны со мной, что въ партіи существуетъ центральная провокація, а нѣкоторые, съ которыми я былъ откровеннѣе, соглашались и съ тѣмъ, что этотъ провокаторъ — именно Азефъ, — и они стали помогать мнѣ въ моихъ разслѣдованіяхъ.

Огромное значеніе для всей моей тогдашней дѣятельности имѣлъ пріѣздъ заграницу Лопатина лѣтомъ 1908 г. Съ нимъ я хорошо былъ знакомъ и раньше, но особенно близко я сошелся съ нимъ именно въ этотъ его пріѣздъ заграницу. Съ тѣхъ поръ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ моя эмигрантская дѣятельность изо дня въ день тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ нимъ.

Первый разъ Лопатина я встрѣтилъ еще лѣтомъ 1884 г. въ Москвѣ. Я былъ совсѣмъ молодымъ революціонеромъ, а онъ только что тайно пріѣхалъ изъ-заграницы и скрывался, какъ нелегальный. Полиція его отыскивала всюду днемъ съ огнемъ.

Тогдашняя моя встрѣча съ Лопатинымъ произвела на меня глубочайшее впечатлѣніе. Осенью 1884 г. его арестовали и онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы только въ концѣ 1905 г. — послѣ двадцати одного года тюремнаго заключенія въ Шлиссельбургской и Петропавловской крѣпостяхъ. Послѣ освобожденія ему не разрѣшили остаться въ Петербургѣ и прямо изъ тюрьмы выслали подъ надзоръ полиціи въ Вильно, гдѣ жилъ одинъ изъ его братьевъ. Я въ это время только что вернулся изъ своей эмиграціи и, хотя еще не совсѣмъ прочно легализировался въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе тайно поѣхалъ въ Вильно повидаться съ Лопатинымъ и провелъ у него сутки.

Лопатинъ жадно меня разспрашивалъ о томъ, что было за послѣдніе двадцать лѣтъ, какъ онъ выражался, „послѣ

его смерти", а мнѣ онъ разсказывалъ, какъ имъ жилось въ Шлиссельбургской крѣпости. Но я старался больше ему разсказывать, чѣмъ его разспрашивать. Лопатинъ засыпалъ меня вопросами о лицахъ и событіяхъ. Онъ необыкновенно умѣло разспрашивалъ о всемъ томъ, что ему было нужно знать. Во второмъ часу ночи мы легли спать въ одной и той же комнатѣ. Прежде чѣмъ потушить лампу, я показалъ ему нѣсколько заграничныхъ брошюръ. Онъ быстро, съ какой-то жадностью сталъ ихъ перелистывать. Я заранѣе зналъ, за что онъ больше всего ухватится. Онъ почти выхватилъ у меня изъ рукъ брошюру „Процессъ двадцати одного". По этому процессу онъ судился. Тамъ было разсказано объ его арестѣ и судѣ надъ нимъ. Я видѣлъ, что ему уже не до меня. Я легъ на свою кровать и, какъ мнѣ потомъ разсказывалъ Лопатинъ, моментально заснулъ. Часа черезъ два я проснулся и увидѣлъ Лопатина, съ какимъ онъ волненіемъ, очевидно, не въ первый разъ перечитывалъ брошюру о своемъ процессѣ.

Къ Лопатину я пріѣзжалъ приглашать его принять участіе въ „Быломъ". Онъ, конечно, встрѣтилъ это изданіе съ горячимъ сочувствіемъ, но скептически относился къ тому, чтобы при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ намъ удалось вести журналъ по намѣченной нами программѣ. Онъ мнѣ далъ чрезвычайно цѣнныя указанія для „Былого" и съ этихъ поръ я никогда не переставалъ во всемъ встрѣчать у него самую горячую поддержку до самаго послѣдняго нашего свиданія въ 1918 г., когда выйдя изъ тюрьмы большевиковъ, я въ послѣдній разъ прощался съ нимъ въ Петроградѣ на квартирѣ Амфитеатрова.

1908-14 г.г. мы или жили вмѣстѣ, или находились въ постоянной перепискѣ. Въ эти годы Лопатинъ былъ посвященъ во все, что было связано съ „Былымъ", „Общимъ Дѣломъ" и „Будущимъ" и съ моей борьбой съ провокаціей. Онъ проявлялъ необыкновенную энергію и настойчивость. Онъ толкался во всѣ двери, гдѣ только могъ, и убѣждалъ всѣхъ помогать мнѣ и въ литературныхъ моихъ предпріятіяхъ, и въ борьбѣ съ провокаторами. Все это онъ дѣлалъ неустанно, изо дня въ день, впродолженіе многихъ лѣтъ, несмот-

ря на свой обычный скептицизмъ и обычную для него нерѣшительность въ практическихъ дѣлахъ, когда ему самому приходилось брать инціативу.

Его письма ко мнѣ были полны самой придирчивой и ѣдкой критики по самымъ разнообразнымъ поводамъ.

Онъ постоянно нападалъ на меня за мое „неисцѣлимое кадетолюбіе" („кадетострастіе"), когда я будто бы не рѣшался ихъ „ударить даже цвѣткомъ", за мою недопустимую „мягкость" и „слабость" къ Азефамъ и Богровымъ, за мое довѣріе къ „раскаивающимся", за мой оптимизмъ и т. д. Но вся огромная переписка моя съ Лопатинымъ ясно показываетъ, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми моими изданіями, за каждой моей газетной кампаніей, за каждой моей связью съ этими самими „раскаивающимися", за разоблаченіями провокаторовъ, отъ кого онъ всегда старался меня предостеречь и т. д., и какое огромное значеніе онъ придавалъ тому, что дѣлалось вокругъ „Былого" и „Общаго Дѣла". Его замѣчанія всегда были глубоки и выливались въ удивительно удачныхъ выраженіяхъ, которыя блестяще формулировали его мысль и всегда брали быка за рога.

Къ счастью, у меня сохранилась, повидимому, вся переписка съ Лопатинымъ или, по крайней мѣрѣ, большая часть ея. Предо мной сейчасъ лежатъ нѣсколько сотъ четко написанныхъ, какъ будто мелкимъ бисеромъ, его писемъ и открытокъ. Они представляютъ огромный историческій интересъ. Для меня они важны и потому, что въ нихъ въ мельчайшихъ подробностяхъ отражаются тогдашнія наши съ нимъ отношенія.

Особенно сблизило меня съ Лопатинымъ въ 1908 г. его участіе въ судѣ надо мной по дѣлу Азефа.

Глава XXVI.

Переписка черезъ Бакая съ охранниками. — Письма Бакая къ Доброскоку и его отвѣты. — Поддѣльные документы изъ Охраннаго отдѣленія.

Съ самаго моего пріѣзда въ Парижъ я старался дѣлать все возможное въ моемъ положеніи для собиранія свѣдѣній противъ Азефа.

Я попросилъ Бакая подъ мою диктовку написать письма въ Россію къ нѣкоторымъ изъ бывшихъ его сослуживцевъ въ охранныхъ отдѣленіяхъ и въ Деп. Полиціи. Бакай писалъ имъ о томъ, что онъ теперь находится заграницей, съ моей помощью устроился, помогаетъ мнѣ въ борьбѣ съ провокаціей и убѣждалъ ихъ слѣдовать его примѣру: бросить служить у жандармовъ и пріѣхать заграницу, — и обѣщалъ, что я ихъ тутъ устрою. О жандармахъ и провокаторахъ онъ писалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, чтобы не было никакого сомнѣнія, къ чему онъ призываетъ своихъ корреспондентовъ. Письма эти были или цѣликомъ писаны мной, или просматривались мною. Я, конечно, хорошо зналъ, что большинство этихъ писемъ будетъ немедленно передано по начальству и, если мы оттуда будемъ получать отвѣты, то опять-таки ихъ будутъ писать намъ съ согласія начальства.

Одно изъ первыхъ писемъ Бакай написалъ Доброскоку, такъ называемому „Николаю-Золотыя-Очки“, прямо въ петербургское охранное отдѣленіе. Доброскокъ раньше былъ провокаторомъ среди меньшивиковъ, а въ то время завѣдывалъ сношеніями съ провокаторами среди эсеровъ-террористовъ.

Я зналъ, что письмо къ Доброскоку, прежде чѣмъ попасть къ нему, будетъ тайно прочитано его начальствомъ, Герасимовымъ, а Доброскокъ, зная это, прочитавши письмо, во избѣжаніе непріятностей, самъ покажетъ его Герасимову. Я могъ предпологать, что Доброскокъ-Герасимовъ или совсѣмъ не отвѣтятъ намъ, или, если будутъ вести переписку, то только съ своими спеціальными цѣлями. Я, конечно, заранѣе рѣшилъ не вѣрить ни одному слову въ ихъ письмахъ, но я надѣялся использовать эту переписку, какъ мнѣ это будетъ нужно, а главное, я хотѣлъ, чтобы въ охранномъ отдѣленіи черезъ Доброскоковъ знали, что я ихъ вызываю заграницу и гдѣ они могутъ меня найти. Эти мои обращенія къ охранникамъ впослѣдствіи дали мнѣ цѣнные результаты. Кое-кто изъ служившихъ въ охранкѣ обращались ко мнѣ и присылали мнѣ документы.

Мои связи съ Бакаемъ и съ другими выходцами изъ того міра для борьбы съ провокаціей уже и въ то время дали блестящіе результаты, и мнѣ казалось, что меня въ дальнѣйшемъ поддержатъ не только революціонеры, но и кадеты.

На письма Бакая первымъ отвѣтилъ намъ Доброскокъ и затѣмъ онъ сталъ часто писать. Онъ обѣщалъ прислать документы, пріѣхать въ Парижъ и раскрыть тайны охранныхъ отдѣленій. Предо мной теперь лежитъ цѣлый рядъ его писемъ. Для меня, конечно, было яснѣе яснаго, что эти письма писаны имъ съ одной цѣлью — ввести меня въ заблужденіе и были посланы съ вѣдома Герасимова.

Въ 1914 г. для 15-го № „Былого“ я приготовилъ, было, статью подъ заглавіемъ „Переписка Вл. Бурцева съ ген. Герасимовымъ“, но эта книжка не вышла въ свѣтъ вслѣдствіе моего отъѣзда въ Россію. Въ предисловіи я говорилъ, что писемъ Герасимову я никогда не писалъ и Герасимовъ никогда не писалъ мнѣ, но тѣмъ не менѣе переписка между нами существовала. Я диктовалъ письма Бакаю для Доброскока, а Герасимовъ диктовалъ Доброскоку для Бакая но по существу я писалъ не Доброскоку, а Герасимову, и Герасимовъ писалъ не Бакаю, а мнѣ.

Вотъ въ хронологическомъ порядкѣ отрывки изъ нѣко-

торыхъ писемъ Доброскока къ Бакаю. Въ такомъ же духѣ были писаны письма и другихъ охранниковъ къ намъ. Всѣ они были, очевидно, совмѣстнымъ творчествомъ ихъ авторовъ съ ихъ начальствомъ.

„Письмо Ваше съ приложеніемъ получилъ. Очень Вамъ благодаренъ, хорошо, что получилъ до отъѣзда въ Читу, куда меня командировали съ отрядомъ филеровъ; пробуду тамъ нѣсколько дней. Писемъ мнѣ не пишите до моего возвращенія. Я вамъ сейчасъ напишу и пришлю кое-что очень интересное и дамъ новый адресъ. Вотъ было бы несчастіе, если бы это Ваше письмо было получено въ мое отсутствіе, тогда навѣрное пришлось бы бѣжать къ Вамъ. Спѣшу сообщить Вамъ на интересующій Васъ вопросъ. Д. не провокаторъ. Это ложь. Фамиліи Вышинскій, Азовъ и Гринбергъ мнѣ даже неизвѣстны*). Въ разговорахъ объ этихъ лицахъ я пришелъ къ убѣжденію, что они мало извѣстны ведущимъ розыскъ. Я думаю, что это тоже гнусная инсинуація. Имѣйте въ виду, что Герасимовъ, какъ я знаю, всегда распускалъ слухи не только въ отдѣленіи, но даже въ Деп. Полиціи о лицахъ, которыя въ дѣйствительности у него никогда не могли служить. И онъ ихъ самъ даже мало знаетъ. Онъ говоритъ, что это — его тактика, агентурнымъ явнымъ путемъ устраивать въ партіи дезорганизацію. Я помню, что въ прошломъ году онъ называлъ своимъ сотрудникомъ Виктора Чернова и не приказалъ ставить за нимъ наблюденія. Конечно, это ерунда, я этому не вѣрилъ и не вѣрю и если въ партію дойдутъ такіе слухи, то на Вашей обязанности лежитъ святая обязанность предосте-

*) Черезъ Бакая я писалъ Доброскоку, что заграницей носятся какіе-то неопредѣленные слухи о сношеніяхъ с охраннымъ отдѣленіемъ четырехъ лицъ: Д., Вышинскаго, Азефа и Гринберг и просилъ навести справки объ этихъ именахъ. О Д. незадолго передъ этимъ въ какихъ-то общественныхъ организаціяхъ велись разслѣдованія по поводу его знакомства съ кѣмъ-то изъ охранниковъ. Точно не помню, въ чемъ заключалось это дѣло — въ свое время оно много заставило о себѣ говорить. (Д., кажется, былъ оправданъ въ подозрѣніяхъ). „Вышинскій“ и „Гринбергъ“ — имена выдуманныя, первыя попавшіяся мнѣ подъ руку, когда я диктовалъ Бакаю письмо. Имя Азефа я нарочно поставилъ между другими именами. Доброскокъ не могъ не знать Азефа, или какъ революціонера, или какъ провокатора, и изъ того, что онъ сталъ отрицать, что ему извѣстно имя Азефа, для меня было доказательствомъ, что ему и Герасимову нужно его затушевать и свалить обвиненіе въ провокаціи на кого-нибудь другого.

речь партію отъ дезорганизаціи. Вполнѣ допускаю, что слухи о выше упомянутыхъ лицахъ — это продѣлка негодяя Герасимова, и такимъ слухамъ нельзя вѣрить. У насъ въ Питерѣ среди нашихъ какое-то замѣшательство, и, знаете, Герасимовъ что-то злой: рветъ и мечетъ, говоритъ, что провокація вся пропала. Собирается уходить, и догадываюсь, и его душевное состояніе приписываю провалу Л."

„Не отвѣчалъ Вамъ, такъ какъ все зондировалъ почву, можно ли ѣхать заграницу или нѣтъ. Но, оказывается, совершенно невозможно. Пріѣзжайте въ Финляндію, а оттуда — наѣздомъ въ Питеръ, и будемъ видѣться. Я Вамъ гарантирую безопасность путешествія. Очень и очень мнѣ нужно видѣться. Вы, можетъ быть, догадываетесь сами зачѣмъ, такъ какъ знаете изъ газетъ, что у насъ творится въ Питерѣ. Это надо прекратить."

„Ваше письмо тронуло меня до глубины души. Въ немъ я увидѣлъ лучъ свѣта и онъ зажегъ во мнѣ страстное желаніе выбраться изъ той тьмы культа и невѣжества, въ которую я попалъ благодаря тѣмъ жестокимъ ударамъ судьбы, которые Вы пережили сами. Надежда выбраться опять на свѣтъ Божій, возвратиться въ кругъ родныхъ для меня товарищей, пожать ихъ честныя руки, стать вмѣстѣ съ ними за освобожденіе народа и, если потребуется, отдать свою жизнь за святое дѣло, — это тотъ идеалъ, который для меня былъ уже похороненъ. Вы мой спаситель и я горячо Васъ привѣтствую, что Вы возвращаете меня къ жизни настоящаго человѣка! Но научите же меня, что мнѣ дѣлать? Уволиться въ отставку и ѣхать къ Вамъ и товарищамъ, отдать себя въ ихъ распоряженіе, или же остаться здѣсь на время и приносить по возможности пользу?

„Да, мой дорогой, меня эта мысль уже полгода мучитъ, и я не зналъ, дорогой, къ кому мнѣ нужно было идти и къ кому обратиться за содѣйствіемъ. Не скрою свою душу, находясь внѣшне въ непріятельскомъ станѣ, я много оказывалъ и оказываю облегченія не знающимъ меня, но близкимъ по плоти и крови товарищамъ. Какое было бы для меня счастье повидаться съ Вами! Но, оставаясь здѣсь на

службѣ, ѣхать заграницу или въ Финляндію я не могу. Это вызоветъ подозрѣніе, подъ каковымъ я теперь нахожусь, и, конечно, прослѣдятъ. Если бы Вы пріѣхали въ Финляндію и на нѣсколько часовъ могли бы пріѣхать въ Питеръ, тогда я бы душу свою отдалъ.

„Но разъ нельзя — пишите мнѣ! наша переписка будетъ тайна. Я Вамъ вѣрю, какъ своему дорогому товарищу, спасающему меня. Въ отставку же выйти я могу сейчасъ и пріѣхать тогда на свиданіе съ Вами. Пишите мнѣ свои соображенія по этому вопросу."

„Меня удивляетъ, что центръ не можетъ дознать виновника провала Сѣверной летучки и цѣлый рядъ другихъ, а вѣдь это очень просто.

„Когда заболѣлъ Карлъ*), то у него найдены были улики по отношенію „Максима." Судебныя власти требовали его ареста, но мой патронъ сказалъ имъ, что Максимъ его близкій человѣкъ и только по настоятельному требованію согласился (чтобы не открыть карты суду) обыскать его въ Теріокахъ, но предупредивъ его и обыскъ произведенъ въ его отсутствіе. — Максимъ — это партійная кличка. Его фамилія — Л е о н о в и ч ъ**). Это я знаю навѣрное. Это проговорился самъ Герасимовъ, который его тщательно оберегаетъ, говоря, что, пока онъ у насъ, никто не страшенъ, а теперь куда-то его спряталъ. У насъ его теперь нѣтъ. Могу доказать документально. Я пишу это въ тѣхъ видахъ, что пролитая кровь требуетъ мщенія. Больше писать не буду, если Вы не можете пріѣхать. Въ такихъ дѣлахъ серьезныхъ посредничество неумѣстно, и прошу писать мнѣ прямо, какъ писали, и не довѣрять адресованныя мнѣ письма третьимъ лицамъ."

„Посылаю Вамъ документъ, который я вырвалъ изъ дѣ-

---

*) Т.-е. былъ арестованъ Траубергъ, членъ Сѣверной эсеровской летучки.

**) О Леоновичѣ мнѣ пришлось упомянуть эсерамъ по ихъ просьбѣ, а какъ они использовали это сообщеніе, мной разсказано въ другомъ мѣстѣ моихъ воспоминаній.

ла, хранящагося у Герасимова въ ящикѣ письменнаго стола, случайно оказавшагося незапертымъ.

„Напрасно Вы сообщили о Л. товарищамъ, не получивъ отъ меня этого документа. Вы пишите о тайнѣ. Сообщите — я весь Вашъ. Бѣжать еще не время. Если не можете прiѣхать, буду присылать цѣнныя вещи. Какъ бы мнѣ хотѣлось поговорить и войти въ родную семью, но разумъ требуетъ остаться здѣсь, гдѣ я больше принесу нашему дѣлу пользы."

Вотъ этотъ документъ, оргиналъ котораго у меня и теперь сохраняется.

МИНИСТЕРСТВО
Внутреннихъ Дѣлъ

Департаментъ
Полицiи

По Особому Отдѣлу

1 Декабря 1907 г
№ 13565

Лично.

Совершенно секретно.

Начальнику С. Петербургскаго Охраннаго Отдѣленiя.

По докладу представленiя Вашего отъ 27-го Ноября 1907 года за № 30334, Г. Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Сенатору Тайному Совѣтнику Макарову, Его Превосходительство призналъ возможнымъ, въ виду оказанныхъ услугъ по арестованiю въ предѣлахъ Финляндiи, нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго боевого летучаго отряда, назначить Вашему сотруднику Василiю Леоновичу, денежную награду въ суммѣ 1500 рублей.

Объ отпускѣ означенной суммы въ распоряженiе Вашего Превосходительства вмѣстѣ съ симъ Департаментомъ Полицiи сдѣлано соотвѣтствующее распоряженiе.

За Директора: С. Виссарiоновъ

За Завѣдывающаго Особымъ Отдѣломъ: Пѣшковъ (?)

„Не дѣлайте распространенія большого этой бумажки, чтобы еще не узналъ Герасимовъ. Съ нескрываемой радостью сообщаю о другомъ провокаторѣ центра, кажется, какъ говоритъ Герасимовъ, агентъ Ц.К.П.С.Р. Z.*). Онъ въ 1906 г., кажется, былъ арестованъ на собраніи комитета. Герасимовъ съ нимъ долго бесѣдовалъ наединѣ и, очевидно, убѣдилъ, потому что его выпустили подъ залогъ, а затѣмъ по суду оправдали и онъ уѣхалъ заграницу. Мои данныя, приведшія къ такому умозаключенію, слѣдующія. Во время проживанія Z. въ Финляндіи, въ Петербургѣ Герасимовъ съ пѣной у рта не позволялъ вести наблюденія за нимъ, бережно охраняя его (обычная тактика всѣхъ этихъ негодяевъ!). Въ первыхъ числахъ мая Z. былъ подчиненъ наблюденію. Заботливость Герасимова по отношенію Z. поразительна. Онъ циркулярно далъ въ нѣкоторыя отдѣленія телеграммы, куда — не знаю, отъ меня скрыли. Писали ее вмѣстѣ съ Комиссаровымъ. Чтобы наблюдаемый Z. не былъ арестованъ, наблюденіе чтобы велось питерскими филерами, которые и уѣхали.

„Я полагаю, что для насъ съ Вами, побывшихъ на службѣ въ „такихъ почтенныхъ учрежденіяхъ", — смыслъ и значеніе всего этого достаточно понятенъ.

„Какъ тяжело, дорогой, находиться въ этой атмосферѣ. Просимое Вами все по возможности доставлять буду. Не торопитесь. Пока пишу о центрѣ, а дальше будетъ все, такъ надо, если знаете почему."

„На дняхъ послалъ Вамъ письмо, получили ли Вы? Посылаю пока двѣ карточки Карла и Распутиной*), членовъ Сѣверной летучки, остальные буду доставать и высылать по возможности. Относительно Васъ былъ только лишь циркуляръ, что скрылись и о розыскѣ и больше ничего, пока молчатъ. Вы спрашиваете о количествѣ агентуры. Конеч-

---

*) Зетъ — это одинъ изъ извѣстныхъ с.-р. дѣятелей. Его, какъ Леоновича, Герасимову надо было скомпрометировать. Но о немъ я не упоминалъ никому, даже с.-р., и его имя, поэтому, никогда не упоминалось ни въ какихъ разслѣдованіяхъ.

**) Эти карточки были помѣщеные въ „Быломъ."

но, я всѣхъ не знаю, но я знаю, что Центральн. Агент. Инт.ллигент. силы у Герасимова и Комиссарова. — Всѣ усилія приму по возможности узнать, кто они, если не точно, то хотя по догадкамъ постараюсь ихъ выудить, а что же касается рабочей Агент., то она у меня, но она очень слаба. Я ихъ въ такомъ направленіи веду, что они скоро всѣ разбѣгутся обратно. О нихъ сообщу Вамъ при личномъ свиданіи. — Да это кажется и неинтересно. Относительно моей поѣздки заграницу скажу опять, что это пока невозможно, провалъ безусловный и не дастъ намъ достигнуть намѣченной цѣли обезоружить прохвостовъ. При личномъ свиданіи я все Вамъ объясню. Надо не забывать, что служба моя въ этомъ хорошемъ учрежденіи принесотъ еще пользу очень большую. На дняхъ при пересмотрѣ дѣла ареста на Фурштадской № 20 у Халютиной Военно-Орг. бюро П. С. Рев., не подлежитъ сомнѣнію, это дѣло Леоновича — безусловно.

Когда Доброскокъ и Герасимовъ поняли, что ловушки намъ они устроить не смогутъ, то они прекратили переписку съ нами. По поводу этой переписки Доброскокъ и другіе наши такіе же корреспонденты имѣли большія непріятности и имъ приходилось оправдываться передъ своимъ начальствомъ. Вскорѣ послѣ прекращенія нашей переписки тотъ же самый Доброскокъ для своей реабилитаціи (въ началѣ 1909 г.) опубликовалъ въ газетахъ слѣдующее письмо.

„Прочитавъ въ газетахъ рѣчь члена Государственной Думы Покровскаго, лидера думской с.-д. фракціи, въ которой онъ назвалъ меня провокаторомъ, я настоящимъ моимъ заявленіемъ поставляю въ извѣстность нашихъ пресловутыхъ соціалъ-демократовъ, что я съ дѣтства воспитанъ въ православной вѣрѣ, въ любви и безпредѣльной преданности престолу и отечеству, почему и не могъ быть соціалъ-демократомъ.

„Если же я номинально назывался с.-д., то для того, чтобы проникнуть въ эту преступную шайку для освѣдом-

лѣнія правительства о преступной ея дѣятельности. Званіе соціалъ-демократа въ моихъ глазахъ преступно и позорно, и я таковымъ никогда не былъ.

Примите и проч.

И. В. Доброскокъ."

Мои тогдашнія обращенія черезъ Бакая къ охранникамъ и моя борьба съ ними въ литературѣ имѣли свои результаты. Одни изъ охранниковъ, какъ Герасимовъ, были удалены, другіе, какъ Доброскокъ, понявши, что имъ придется современемъ серьезно отвѣчать за ихъ занятія, сами уходили въ сторону. Доброскокъ съ разрѣшенія царя перемѣнилъ фамилію на Добровольскаго и поступилъ на службу полиціймейстеромъ въ Петрозаводскъ.

Среди охранниковъ мой призывъ сообщать мнѣ свѣдѣнія, былъ очень хорошо извѣстенъ и нѣкоторые изъ нихъ откликнулись. Кромѣ того, этотъ призывъ былъ для меня полезенъ и тѣмъ, что поселялъ среди охранниковъ недовѣріе другъ къ другу. На это мнѣ впослѣдствіи жаловались наиболѣе крупные представители охранки.

Глава XXVII.

Бакай объ Азефѣ. — Встрѣча Бакая съ Ратаевымъ. — Свиданіе Бакая съ Донцовымъ въ Германіи. — Поѣздка Азефа въ Варшаву въ 1904 г. — Ложное обвиненіе охранниками Леоновича.

Ко мнѣ въ редакцію „Былого“ въ Парижѣ ежедневно приходилъ Бакай. Я его часами подробно распрашивалъ о дѣятельности охранныхъ отдѣленій и въ его разсказахъ я старался уловить все, что такъ или иначе могло быть полезнымъ для разоблаченія Азефа. О своихъ обвиненіяхъ Азефа я по различнымъ соображеніямъ долго не говорилъ Бакаю и даже до поры до времени при немъ не произносилъ имени Азефа.

Но однажды я просилъ Бакая разсказать мнѣ то, что въ охранкѣ извѣстно о Черновѣ, Натансонѣ и другихъ видныхъ эсерахъ; среди нихъ я упомянулъ имя Азефа.

Бакай обстоятельно мнѣ отвѣтилъ о Черновѣ, Натансонѣ, но когда я упомянулъ объ Азефѣ, онъ сказалъ:

— Азефа я не знаю!

Я ему сказалъ, что онъ — эсеръ.

— Нѣтъ, я такого имени не слышалъ! — отвѣтилъ онъ мнѣ.

Меня это поразило и я замолчалъ. На слѣдующій день я снова какъ бы случайно вернулся къ Азефу и сказалъ Бакаю:

— Какъ это вы не знаете Азефа? Онъ очень видный эсеръ. Его, несомнѣнно, полиція разыскиваетъ!

Бакай какъ-то недовѣрчиво выслушалъ меня и еще разъ повторилъ:

— Нѣтъ, такой фамиліи я не слышалъ! У насъ о немъ никогда не было разговора! Его у насъ не разыскивали!

Еще черезъ день, подумавши, я рѣшилъ еще прямѣе сказать Бакаю объ Азефѣ.

— Какъ же вы, — сказалъ я Бакаю, — не знаете объ Азефѣ? Онъ не только видный эсеръ, но онъ — глава „Боевой Организаціи"!

— Странно! — сказалъ, задумавшись, Бакай. — Но, можетъ, вы, В. Л., смѣетесь надо мной? или, можетъ быть, конспирируете? Мнѣ не знать главу „Боевой Организаціи" — это значитъ все равно, что не знать фамиліи директора Департамента Полиціи!

Бакай, очевидно, думалъ, что я выпытываю его и для чего-нибудь говорю ему о какомъ-то несуществующемъ Азефѣ.

Тогда я рѣшился до конца быть откровеннымъ съ Бакаемъ:

— Нѣтъ. Азефъ, именно с.-р. Это онъ — глава „Боевой Организаціи". Это тотъ, кого я уже цѣлый годъ обвиняю въ томъ, что онъ — главный агентъ-провокаторъ среди соціалистовъ-революціонеровъ.

Тогда Бакай сразу оживился и сказалъ мнѣ:

— Да вы давно бы мнѣ это сказали! Если Азефъ видный с.-р., да еще глава „Боевой Организаціи", дѣйствующей много лѣтъ подрядъ, близкій человѣкъ для Чернова, Гершуни и Натансона, и у насъ о немъ не разговариваютъ и его не разыскиваютъ, — это, значитъ, онъ — нашъ сотрудникъ!

Бакай даже, когда говорилъ со мной о Деп. Полиціи, охранникахъ и т. д., никогда не могъ отдѣлаться отъ словъ: „мы", „у насъ", „наши сотрудники" и т. д.

Я подробно разсказалъ Бакаю все главное, что зналъ объ Азефѣ. Онъ внимательно выслушалъ меня и въ концѣ нашего разговора категорически заявилъ, что теперь для него Азефъ — провокаторъ и что въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Выслушавши Бакая, я въ свою очередь согласился съ нимъ, что онъ правъ. Если бы Деп. Полиціи, дѣйствительно, разыскивалъ Азефа, то онъ, Бакай, не могъ бы не знать

его имени. Если же Азефа не разыскивали, значитъ, имъ не надо было его разыскивать, такъ какъ онъ былъ ихъ агентъ.

Затѣмъ мы съ Бакаемъ установили, что всѣ имѣвшіяся до сихъ поръ у насъ свѣдѣнія о существованіи какого-то крупнаго провокатора среди с.-р. — Раскина — могутъ относиться именно къ Азефу.

Съ этого дня въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ мы съ Бакаемъ обсуждали все касающееся Азефа и старались подыскать все новыя и новыя, хотя бы косвенныя, улики для его изобличенія.

Въ Парижѣ, въ отставкѣ, жилъ извѣстный охранникъ Ратаевъ, бывшій завѣдующій заграничной агентурой, кто не могъ не знать всей правды объ Азефѣ.

Я послалъ Бакая къ Ратаеву, кого онъ зналъ по службѣ въ Деп. Полиціи, чтобы, если Ратаевъ его приметъ, постараться какъ-нибудь свести разговоръ къ Азефу. Мы долго обдумывали съ Бакаемъ, что и какъ ему говорить съ Ратаевымъ.

Ратаевъ принялъ Бакая. Въ разговорѣ съ нимъ Бакай, смѣясь, какъ бы между прочимъ, какъ это и было у насъ условлено, сказалъ Ратаеву:

— А какой вамъ ударъ готовитъ Бурцевъ! Онъ хочетъ разоблачить вашего главнаго эсеровскаго агента Азефа!

— Какого Азефа? — нѣсколько смущенно спросилъ Ратаевъ. — Никакого Азефа я не знаю!

Потомъ по какому-то поводу Бакай упомянулъ о тяжеломъ положеніи жены Азефа, въ виду обвиненія ея мужа.

— Такъ неужели Бурцевъ и жену Азефа обвиняетъ въ провокаціи? — спросилъ Бакая Ратаевъ.

Бакай сказалъ Ратаеву, что я обвиняю только Азефа, а не его жену. Ратаевъ еще разъ смущенно повторилъ:

— Нѣтъ, никакого Азефа я не знаю!

Когда Бакай вернулся отъ Ратаева, я просилъ его въ мельчайшихъ подробностяхъ припомнить мнѣ весь свой разговоръ съ нимъ. Мы долго комментировали каждое слово Ратаева. Для обоихъ насъ было внѣ сомнѣнія, что Ратаевъ не могъ не знать Азефа или какъ своего агента, или

какъ революціонера, и что если онъ отзывался незнаніемъ Азефа, то лишь для того, чтобы спасти его. Если бы я ошибался въ своихъ обвиненіяхъ Азефа, Ратаевъ, конечно, воспользовался бы случаемъ и съ своей стороны что-нибудь черезъ Бакая подсказалъ мнѣ, что еще болѣе могло бы убѣдить меня въ томъ, что Азефъ — агентъ.

Въ отвѣтъ на свои письма въ Россію Бакай получилъ, между прочимъ, письма еще отъ одного изъ своихъ знакомыхъ, Донцова, служившаго тогда въ виленскомъ охранномъ отдѣленіи.

Изъ его писемъ такъ же, какъ и изъ писемъ Доброскока, ясно было, что онъ пишетъ Бакаю подъ диктовку своего начальства. Донцовъ не соглашался пріѣхать въ Парижъ, а предложилъ, чтобы я пріѣхалъ повидаться съ нимъ въ Берлинъ. Я понялъ, что это ловушка, но отвѣтилъ, что согласенъ и пріѣду туда вмѣстѣ съ Бакаемъ. Къ назначенному времени въ Германію выѣхалъ одинъ Бакай съ моими инструкціями. Около отеля, въ которомъ было у него назначено свиданіе съ Донцовымъ, Бакай сразу замѣтилъ слѣжку. Ловушка была, очевидно, устроена совмѣстно русской и нѣмецкой полиціями въ виду возможнаго моего пріѣзда и пріѣзда Бакая.

Бакай не показалъ вида Донцову, что онъ понялъ, что ему устроена ловушка, и сталъ бесѣдовать съ нимъ.

На прямой вопросъ объ Азефѣ, Донцовъ отозвался незнаніемъ даже этой фамиліи и затѣмъ, очевидно, по сдѣланнымъ ему указаніямъ, сталъ разсказывать о провокаторахъ явно ложныя вещи, чтобы навести меня на ложный слѣдъ.

Когда Донцовъ кончилъ свой разсказъ, Бакай прямо ему сказалъ, что все, что онъ говорилъ, — неправда, что онъ подосланъ къ намъ охранниками, что даже изъ его словъ видно, что Азефъ — провокаторъ. Затѣмъ Бакай отъ моего имени заявилъ Донцову, что я въ любое время готовъ встрѣтиться съ нимъ въ Парижѣ и устрою его, если онъ скажетъ правду объ охранкѣ. Донцовъ продолжалъ увѣрять, но уже только для виду, что его начальство не знаетъ объ его поѣздкѣ, а кончилъ тѣмъ, что сказалъ, и на этотъ разъ совершенно искренно, что если бы ему было

хорошо заплачено, то онъ сложилъ бы въ чемоданы всѣ документы своего охраннаго отдѣленія . . . и пріѣхалъ бы ко мнѣ въ Парижъ.

— Но, — добавилъ онъ, — Бурцеву революціонеры не вѣрятъ (дѣло шло о разоблаченіяхъ провокаторовъ) и у него денегъ нѣтъ! Мы это знаемъ.

Чтобы Донцовъ пріѣхалъ въ Парижъ со всѣми документами своего охраннаго отдѣленія, ему нужно было заплатить тысячъ двадцать пять. Совершенно такія же заявленія я впослѣдствіи не разъ слышалъ и отъ многихъ другихъ очень свѣдующихъ охранниковъ.

Послѣ разговора съ Донцовымъ, Бакай неожиданно для него скрылся изъ отеля, сѣлъ въ поѣздъ и вернулся въ въ Парижъ.

Когда Бакай въ Германіи велъ переговоры съ Донцовымъ, я былъ въ Швейцаріи, и еще тамъ отъ него получилъ такую открытку (28. 8. 08.): „Сегодня выѣзжаю домой. Могу только сказать: да!! во всѣхъ отношеніяхъ штучка!"

Въ Парижѣ я съ Бакаемъ подробно обсудилъ все, что ему говорилъ Донцовъ. Нѣкоторыя, даже мелкія, замѣчанія такого примитивнаго дипломата, какъ Донцовъ, ясно говорили мнѣ, что охранники хотѣли скрыть и въ чемъ хотѣли меня обмануть.

Разговоръ Бакая съ Донцовымъ для меня былъ новымъ подтвержденіемъ того, что Азефъ — агентъ Деп. Полиціи.

Еще въ Петроградѣ, въ 1906 г., Бакай сообщилъ мнѣ, со словъ виднаго охранника Мѣдникова, что въ 1904 г. въ Варшаву пріѣзжалъ эсеровскій провокаторъ Раскинъ и ему нужно было повидаться съ инженеромъ Д. Раскинъ зашелъ къ нему, но тотъ почему-то не пожелалъ съ нимъ имѣть дѣла. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Петрограда, въ мартѣ-апрѣлѣ 1907 г., когда я только что начиналъ разоблаченіе Азефа, я написалъ въ Варшаву этому инженеру и просилъ его пріѣхать ко мнѣ въ „Былое" поговорить объ одномъ литературномъ дѣлѣ. Д. пріѣзжалъ ко мнѣ, но изъ излишней конспираціи не назвалъ своего имени и говорилъ

о себѣ въ третьемъ лицѣ, что онъ пріѣхалъ отъ Д. узнать, въ чемъ дѣло. Постороннему лицу я не считалъ возможнымъ даже намекнуть, зачѣмъ мнѣ нужно видѣть этого инженера. Затѣмъ мнѣ скоро пришлось скрыться изъ Петербурга и я не могъ болѣе вызвать къ себѣ Д. Всѣ попытки изъ заграницы черезъ третьихъ лицъ выяснить у него вопросъ о провокаторѣ ни къ чему не приводили. Я его смогъ вызвать къ себѣ на свиданіе въ Швейцарію только лѣтомъ 1908 г.

Мы съ Д. встрѣтились въ Лозаннѣ и я ему поставилъ вопросъ, не былъ ли, приблизительно въ такое-то время, у него пріѣхавшій изъ заграницы въ Варшаву какой-нибудь эсеръ. Д. сначала увѣренно сталъ мнѣ говорить, что этого и не могло быть, такъ какъ въ это время онъ съ революціонерами никакихъ отношеній не поддерживалъ! Я былъ очень озадаченъ его словами, — и могъ подумать, что въ свѣдѣніяхъ Бакая, полученныхъ имъ со словъ третьихъ лицъ, была какая-то ошибка.

Затѣмъ Д. неожиданно мнѣ сказалъ:

— Но приблизительно въ это время ко мнѣ не на квартиру, а въ мою контору заходилъ какой-то эсеръ, но онъ мнѣ показался до такой степени подозрительнымъ, что я его принялъ за шпіона и прогналъ.

Объ этомъ господинѣ онъ могъ сказать только-то, что его прислалъ Рубакинъ. Въ это время въ Лозаннѣ какъ разъ находился Рубакинъ. Мы вызвали Рубакина и спросили, какого эсера онъ тогда-то посылалъ въ Варшаву къ Д. Не придавая никакого особеннаго значенія своему отвѣту, Рубакинъ сказалъ:

— Азефа!

Я сопоставилъ разсказъ Бакая съ свѣдѣніями Рубакина и Д. и для меня было совершенно ясно, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь шла именно объ Азефѣ.

Мои собесѣдники только тогда поняли, почему это рубакинское слово „Азефъ“ такъ меня взволновало, когда я имъ объяснилъ, въ чемъ я обвиняю Азефа, — и почему для меня было важно установить, что въ Варшавѣ у Д. былъ именно Азефъ.

Въ то же самое время я установилъ, что на Азефа, какъ агента Деп. Полиціи, были прямыя указанія еще въ Россіи въ 1903, 1905 и 1907 г.г.

Всѣ собранныя мною свѣдѣнія, касающія Азефа (переписка съ Доброскокомъ, о свиданіи Бакая съ Донцовымъ, о пріѣздѣ Азефа въ Варшаву, разговоръ съ Ратаевымъ, объ обстоятельствахъ обыска у Бакая въ Сибири, объ указаніяхъ охранниковъ на Азефа въ 1903, 1905 и 1907 гг. и т. д.) я лѣтомъ 1908 г. подробно излагалъ въ комиссіи, назначенной для разслѣдованія слуховъ о провокаціи въ партіи эсеровъ. Въ ней учавствовали — неизбѣжный Натансонъ, Зензиновъ и др. Меня выслушивали, все записывали, находили всему объясненія, благопріятныя для Азефа, и во всемъ прежде всего видѣли интриги противъ него Деп. Полиціи. Вѣра въ Азефа ни у кого изъ членовъ слѣдственной комиссіи поколеблена не·была.

Но для меня и до сихъ поръ непонятны нѣкоторые эпизоды въ разслѣдованіи эсерами дѣла Азефа.

Въ комиссіи я, напр., подробно передалъ свои разговоры съ Траубергомъ и Лебединцевымъ объ Азефѣ, о томъ, что они еще въ 1907 г. допускали вѣроятность моего обвиненія Азефа. Траубергъ даже сообщилъ мнѣ о совершенно неизвѣстномъ мнѣ тогда саратовскомъ письмѣ, въ которомъ Азефъ обвинялся въ провокаціи, и обѣщалъ разслѣдовать этотъ эпизодъ.

Какъ мнѣ говорили эсеры въ комиссіи, а потомъ и на судѣ, адвокаты, черезъ которыхъ они имѣли сношенія съ Траубергомъ и съ Лебединцевымъ во время ихъ суда, сообщали обоимъ имъ, каждому въ отдѣльности, о томъ, что на волѣ начато разслѣдованіе о центральной провокаціи у эсеровъ. Траубергъ и Лебединцевъ, оба выданные, несомнѣнно, Азефомъ, по словамъ этихъ адвокатовъ, вѣрили въ существованіе центральной провокаціи, высказывали свои подозрѣнія на различныхъ лицъ, но ни одинъ изъ нихъ не высказалъ подозрѣній на Азефа. Трудно сказать, объясняется ли это тѣмъ, что адвокаты, сами слѣпо вѣровавшіе въ Азефа, передавали по порученію партіи Траубергу и Лебединцеву слухи о провокаціи въ такой обстановкѣ, что тѣ

передъ смертью (оба они вскорѣ были повѣшены) не рѣшились повѣрить своихъ подозрѣній на Азефа, или дѣло объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что сообщенія этихъ адвокатовъ до насъ дошли въ пристрастной передачѣ слѣпыхъ и заинтересованныхъ людей?

Траубергъ и Лебединцевъ въ разговорѣ со мной не только допускали, что я правъ, обвиняя Азефа въ провокаціи, но въ концѣ концовъ — особенно Траубергъ — соглашались со мной, что Азефъ — провокаторъ. Я не могу представить себѣ, чтобъ обстановка ихъ ареста не укрѣпила бы ихъ въ обвиненіи Азефа.

На это молчаніе Трауберга и Лебединцева насчетъ Азефа съ особеннымъ подчеркиваніемъ указывали эсеры на моемъ судѣ, когда возражали мнѣ. Они ссылались на мнѣніе обоихъ ихъ, какъ на мнѣніе людей, кто лучше чѣмъ кто-нибудь могъ догадываться, кѣмъ они выданы, — и если они даже въ тюрьмѣ послѣ моего предупрежденія всетаки не заподозривали Азефа, то, значитъ, они ни на одну минуту не допускали противъ него такого обвиненія.

Въ связи съ комиссіей по разслѣдованію моего обвиненія Азефа отмѣчу одинъ эпизодъ, связанный съ именемъ эсера Леоновича.

Леоновичъ не состоялъ членомъ этой комиссіи, но былъ однимъ изъ ея иниціаторовъ. Именно съ нимъ и приходилъ ко мнѣ Натансонъ объявить объ ея образованіи. Въ партіи эсеровъ Леоновичъ игралъ вообще видную роль.

Знакомя постепенно комиссію со всѣми накопившимися у меня свѣдѣніями и соображеніями относительно Азефа, я сообщилъ ей и о томъ, что получилъ отъ Доброскока, несомнѣнно, поддѣльный документъ, обвиняющій виднаго эсера въ провокаціи и устно во всѣхъ подробностяхъ познакомилъ комиссію съ его содержаніемъ. Я только не называлъ имени эсера, о комъ шла рѣчь. Я доказывалъ, что цѣль этого документа одна: спасти Азефа отъ моего обвиненія и набросить сомнѣніе на людей невиновныхъ. Для меня вся переписка съ Доброскокомъ и въ частности этотъ

имъ присланный документъ были новыми яркими доказательствами того, что Азефъ — провокаторъ.

Въ комиссіи очень заинтересовались документомъ и просили, чтобы я его имъ показалъ и назвалъ упоминаемое въ немъ имя. Но я отказался это сдѣлать.

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ пришелъ Савинковъ, если не ошибаюсь, тоже постоянно учавствовавшій въ комиссіи. Онъ сказалъ мнѣ, что вполнѣ согласенъ со мной, что въ партіи эсеровъ, несомнѣнно, есть центральная провокація, но, конечно, этимъ провокаторомъ не можетъ быть Азефъ, а что надо искать какое-нибудь другое лицо. Онъ спросилъ меня, не подозрѣваю ли я кого-нибудь, кромѣ Азефа, среди эсеровъ въ провокаціи и почему я не допускаю возможности, что лицо, указанное въ документѣ Доброскока, дѣйствительно провокаторъ.

Я ему отвѣтилъ, что среди извѣстныхъ мнѣ центральныхъ дѣятелей эсеровъ я не вижу никого, кого бы я могъ заподозрить въ провокаціи, а указанію въ доброскокскомъ документѣ не придаю значенія, потому что онъ, несомнѣнно — подложный и присланъ, чтобы навести меня на ложный слѣдъ. При слѣдующей нашей встрѣчѣ Савинковъ снова сталъ просить, чтобы я его познакомилъ съ этимъ документомъ. Я долго отказывалъ ему въ этомъ, но въ концѣ концовъ, взявши слово не разглашать упоминаемую фамилію, показалъ его. Савинковъ, къ моему изумленію, познакомившись съ документомъ, сталъ настойчиво просить у меня разрѣшенія показать документъ комиссіи. Въ комиссіи тоже продолжали о томъ же просить меня. Послѣ даннаго мнѣ слова, что этимъ документомъ не воспользуются для обвиненія упоминаемого лица, я его передалъ въ комиссію. Со мной, повидимому, согласились, что документъ — подложный, но мы разошлись въ его толкованіи. Я утверждалъ, что имъ хотятъ спасти Азефа отъ моего обвиненія, а мнѣ указывали, что тутъ кроется тончайшая политика охранниковъ. Выгораживая Азефа, они этимъ самымъ хотятъ укрѣпить меня въ моемъ его обвиненіи!

Къ Леоновичу отношеніе у эсеровъ вначалѣ не перемѣнилось. Онъ продолжалъ принимать участіе въ дѣлахъ,

былъ на съѣздѣ въ Лондонѣ, но со временемъ у нѣкоторыхъ эсеровъ къ нему я сталъ замѣчать какое-то осторожное отношеніе, — но не болѣе.

Послѣ разоблаченія Азефа эсеры начали разслѣдовать, не участвовалъ ли кто-нибудь изъ ихъ товарищей вмѣстѣ съ Азефомъ въ сношеніяхъ съ Деп. Полиціи или, по крайней мѣрѣ, не зналъ ли кто-нибудь объ этомъ? Эти разслѣдованія начались едва ли не съ Леоновича. Противъ него возбудили формальное разслѣдованіе и вокругъ его имени подняли шумъ. Вопреки нашему договору, эсеры воспользовались въ дѣлѣ Леоновича документомъ Доброскока. Когда по этому дѣлу допрашивали меня, то я, разумѣется, прежде всего выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ того, что въ этомъ дѣлѣ ссылались на завѣдомо подложный документъ. Обвиненія противъ Леоновича, какъ и слѣдовало ожидать, были чистой выдумкой Доброскока и сдѣланы были по указанію Герасимова.

Глава XXVIII.

Конференція эсеровъ въ Лондонѣ. — Участіе въ ней Азефа. — Привлеченіе меня эсерами къ суду. — Мои встрѣчи съ Лопухинымъ въ Петербургѣ и заграницей.

Въ августѣ 1908 г. въ Лондонѣ собралась тайная эсеровская конференція или съѣздъ. Тамъ должны были поднять вопросы о борьбѣ съ провокаціей, о политическомъ террорѣ и т. д.

Совершенно неожиданно изъ Лондона, со съѣзда, когда онъ еще не кончился, въ Парижъ пріѣхалъ бывшій шлиссельбуржецъ М. Фроленко, жившій у меня въ „Быломъ", и по секрету сообщилъ мнѣ, что на съѣздѣ находится глава „Боевой Организаціи" — Азефъ.

Фроленко не подозрѣвалъ, какое ошеломляющее извѣстіе онъ принесъ мнѣ. Я сейчасъ же отправился на почту и послалъ въ Лондонъ письмо-экспрессъ одному изъ участниковъ съѣзда А. Теплову. Я ему писалъ, что я самымъ категорическимъ образомъ обвиняю члена съѣзда Азефа въ томъ, что онъ провокаторъ. Я добавилъ въ письмѣ, что по поводу Азефа идетъ партійное разслѣдованіе и хотя, по просьбѣ эсеровъ, постановлено мое обвиненіе держать въ тайнѣ, но тѣмъ не менѣе я считаю своимъ долгомъ объ этомъ сообщить ему, разъ эсеры сочли возможнымъ на партійный конспиративный съѣздъ пригласить Азефа, пока дѣло его не кончено, и не предупредили съѣздъ объ имѣющихся противъ него тяжкихъ обвиненіяхъ.

Оказалось, что Тепловъ, какъ и большинство другихъ участниковъ съѣзда, даже не слышалъ, что Азефъ обвиняется въ провокаціи. Для него Азефъ былъ революціонеръ, стоящій выше всякихъ подозрѣній, видный членъ партіи

эсеровъ, глава „Боевой Организаціи“. Съ моимъ письмомъ онъ отправился къ организаторамъ съѣзда и потребовалъ объясненій. Эсеры прежде всего обрушились на меня, и мои обвиненія Азефа называли безумствомъ и клеветой, нетребующей даже опроверженія. Они убѣдили Теплова не поднимать на съѣздѣ этого вопроса и сообщили ему, что они немедленно привлекаютъ меня къ суду за клевету.

Для широкой публики и послѣ эсеровскаго съѣзда мое обвиненіе Азефа въ провокаціи продолжало оставаться тайной. Многіе только знали, что я обвиняю въ провокаціи какого-то виднаго члена партіи эсеровъ, — и думали, что я обвиняю Чернова.

На одномъ изъ многочисленныхъ колоніальныхъ собраній въ Парижѣ, гдѣ Черновъ давалъ отчетъ о лондонскомъ конгрессѣ, онъ съ негодованіемъ говорилъ о распространяемой клеветѣ противъ наиболѣе виднаго члена ихъ партіи и о томъ, что до послѣдняго времени она была неуловима, но теперь удалось поймать „ужа за хвостъ“ и клеветникъ скоро будетъ разоблаченъ и пригвожденъ къ позорному столбу. Не всѣ знали, кого обвиняютъ въ провокаціи, но всѣ знали, что въ клеветѣ Черновъ обвиняетъ меня. Своими нападками на меня Черновъ сорвалъ тогда у своей аудиторіи много бурныхъ апплодисментовъ.

Когда въ Лондонѣ заканчивалась эсеровская конференція, для моего разслѣдованія объ Азефѣ произошло очень важное событіе.

Еще въ самомъ началѣ моей борьбы съ провокаціей я въ Петроградѣ въ 1906-07 г.г. нѣсколько разъ видѣлся съ А. А. Лопухинымъ, быв. директоромъ Деп. Полиціи. Онъ бывалъ у насъ въ редакціи „Былого“. Я и тогда не разъ старался свести разговоръ съ нимъ на борьбу съ провокаціей, но я никогда не ставилъ ему этихъ вопросовъ прямо. Лопухинъ, охотно разговаривавшій со мной на разныя темы, видимо, уклонялся отъ разсказовъ о провокаторахъ.

Въ самомъ началѣ 1908 г., когда я скрывался въ Финляндіи, я послалъ въ Петроградъ къ Лопухину Соф. Викт. Савинкову сказать ему, что я на дняхъ вынужденъ уѣхать заграницу и хотѣлъ бы съ нимъ переговорить. Лопухинъ

пріѣхалъ ко мнѣ въ Теріоки въ гостинницу, гдѣ я подъ чужимъ именемъ занялъ комнату спеціально для свиданія съ нимъ. Но онъ очень торопился и могъ остаться у меня всего нѣсколько минутъ, только отъ поѣзда до поѣзда: у него была, кажется, больна жена и ему надо было поскорѣе вернутсься въ Петроградъ. На этотъ разъ я ему поставилъ вопросъ о провокаторахъ прямѣе, чѣмъ это дѣлалъ раньше. Но онъ уклонился отъ опредѣленныхъ отвѣтовъ и только сообщилъ мнѣ, что въ Деп. Полиціи обо мнѣ свѣдѣнія получались черезъ Бейтнера. Я сказалъ ему, что это мнѣ давно извѣстно. Лопухинъ пообѣщалъ подробнѣе о провокаціи поговорить со мной на свободѣ заграницей, гдѣ онъ долженъ былъ скоро быть, и ушелъ. Я въ такой обстановкѣ не смогъ ему тогда же прямо поставить мучившій меня вопросъ объ Азефѣ, а Лопухинъ самъ ничего о немъ сказать, очевидно, не хотѣлъ. Я просилъ его дать о себѣ знать, когда онъ будетъ заграницей.

Лопухинъ заграницу пріѣхалъ только лѣтомъ 1908 г. и поселился въ нѣмецкомъ курортѣ близъ Кельна. Посланное имъ письмо пришло ко мнѣ чуть ли не черезъ мѣсяцъ, благодаря тому, что парижская улица Люненъ, гдѣ я жилъ, — новая и была плохо извѣстна на почтѣ. Въ началѣ сентября 1908 г. неожиданно для себя черезъ одного нашего общаго знакомаго Б. я узналъ, что Лопухинъ черезъ два дня ѣдетъ въ Петербургъ черезъ Кельнъ. Къ этому дню утромъ я пріѣхалъ въ Кельнъ и сталъ осматривать поѣзда, приходившіе съ курорта, гдѣ жилъ Лопухинъ. Съ однимъ изъ такихъ поѣздовъ Лопухинъ дѣйствительно пріѣхалъ и сейчасъ же пересѣлъ въ поѣздъ, который шелъ въ Берлинъ. Я сѣлъ въ тотъ же поѣздъ, но подошелъ къ Лопухину только тогда, когда поѣздъ тронулся.

Я былъ вполнѣ убѣжденъ, что Лопухинъ въ это время не имѣлъ ничего общаго съ правительствомъ и, слѣдовательно, я могъ съ нимъ говорить, какъ обыкновенно говорятъ со всѣми независимыми людьми, на самыя щекотливыя политическія темы, не опасаясь того, что частная бесѣда станетъ достояніемъ кого не слѣдуетъ.

Лопухинъ прекрасно понималъ, зачѣмъ я его хотѣлъ

видѣть и о чемъ я хотѣлъ его разспросить. Этого онъ не могъ не понять еще изъ разговора со мной въ Теріокахъ. Онъ легко могъ уклониться отъ встрѣчи со мной заграницей, однако, онъ этого не сдѣлалъ, — и я надѣялся, что въ частной бесѣдѣ онъ дастъ нужныя мнѣ указанія на счетъ Азефа.

Но я, конечно, понималъ, что Лопухину нелегко было дѣлать разоблаченія объ Азефѣ. Если бы было легко, то онъ и безъ меня самъ давно бы это сдѣлалъ. Еще въ 1906 г., если не ошибаюсь, Іос. Гессенъ спросилъ его, какимъ образомъ Деп. Полиціи узналъ о присутствіи Милюкова на тайномъ съѣздѣ русскихъ политическихъ организацій въ Парижѣ въ 1904 г. Вмѣсто того, чтобы сказать, что на этомъ съѣздѣ Милюковъ засѣдалъ вмѣстѣ съ Азефомъ и объ этомъ Азефъ прислалъ въ Деп. Полиціи собственноручный подробный докладъ, Лопухинъ сталъ довольно сложно объяснять полученныя свѣдѣнія перехваченными письмами, слёжкой и т. д. Потому ли не разоблачалъ тогда Лопухинъ Азефа открыто (или хотя бы частнымъ образомъ), что это неудобно было ему по его положенію, чтобъ его не обвинили въ разглашеніи государственныхъ тайнъ, или изъ обычной осторожности — это трудно сказать. Но, очевидно, тоже по одной изъ этихъ причинъ онъ въ Теріокахъ не выговорилъ мнѣ слова „Азефъ“ или не сдѣлалъ тогда мнѣ самому возможнымъ выговорить это слово. Поэтому же въ нашемъ разговорѣ между Кельномъ и Берлиномъ на мой вопросъ, гдѣ Ландензенъ, Лопухинъ неопредѣленно сказалъ, что онъ гдѣ-то живетъ въ Германіи. Если бы я отъ него тогда узналъ, что Ландензенъ и Гартингъ одно и то же лицо, то вернувшись въ Парижъ, я немедленно, еще въ 1908 г., арестовалъ бы Ландензена и тогда же, а не въ 1909 г., началъ бы противъ него дѣло. Поэтому же Лопухинъ мнѣ тогда не сказалъ ничего о Жученко, и я о ней узналъ чуть не черезъ годъ послѣ свиданія съ Лопухинымъ. А между тѣмъ у Лопухина въ то время были совершенно точныя свѣдѣнія о многихъ провокаторахъ, которыхъ я разыскивалъ съ такимъ трудомъ, — въ томъ числѣ онъ хорошо зналъ и объ Жученко.

Если бы изъ Берлина я пріѣхалъ въ Парижъ съ лопухинскими указаніями, что Гартингъ — Ландезенъ, и тогда же разоблачилъ бы его, то и всѣ, даже эсеры, сразу повѣрили бы тому, что сказалъ мнѣ Лопухинъ объ Азефѣ. Тогда Лопухину не нужно было бы видѣться съ эсерами въ Лондонѣ, моя бесѣда съ нимъ осталась бы между нами и ему самому не пришлось бы побывать въ Сибири. Многое было бы иначе!

Полагая, что и въ данномъ случаѣ Лопухинъ самъ не пойдетъ ко мнѣ навстрѣчу въ разоблаченіи Азефа, я прежде чѣмъ спросить его объ Азефѣ прямо, постепенно и обстоятельно знакомилъ его со всей обстановкой, въ которой разыгралось тогда азефское дѣло.

Начиная свой разсказъ, я не сомнѣвался, что Лопухинъ о роли Азефа среди эсеровъ зналъ очень мало и я ему могъ сообщить объ этомъ много новаго и важнаго, что могло бы его побудить легче подтвердить мое обвиненіе Азефа.

Кромѣ того, своимъ подробнымъ разсказомъ объ Азефѣ я хотѣлъ показать Лопухину, что онъ мнѣ не дѣлаетъ ровно никакихъ разоблаченій. Это, казалось мнѣ, тоже могло ему помочь легче рѣшиться подтвердить мои свѣдѣнія объ Азефѣ. Если бы ему когда-нибудь пришлось бы отвѣчать за разговоръ со мной, то онъ съ полнымъ основаніемъ могъ бы сказать, что онъ никакихъ разоблаченій не дѣлалъ, что я и безъ него все зналъ и что онъ не могъ отрицать того, что я ему говорилъ въ частномъ разговорѣ.

Глава XXIX.

Мой разговоръ съ Лопухинымъ „между Кельномъ и Берлиномъ".

Свой разговоръ съ Лопухинымъ объ Азефѣ я старался такъ построить, чтобы независимо отъ того, какъ бы онъ ни отнесся къ моимъ вопросамъ, я все-таки получилъ бы тотъ отвѣтъ, который мнѣ былъ нуженъ.

Я прежде всего сообщилъ Лопухину о возобновленіи заграницей моего изданія „Былого", о своихъ работахъ по исторіи общественныхъ движеній, о томъ, что я расчитываю скоро легально вернуться въ Россію и начать тамъ изданіе новаго историческаго журнала. Я познакомилъ его съ характеристикой личности всѣхъ тѣхъ эмигрантовъ, которые играли главную роль въ азефской исторіи и привелъ имена, на которыя мнѣ въ продолженіи нашего дальнѣйшаго разговора пришлось ссылаться.

Мы вели, по всей видимости, обыкновенный литературно-политическій разговоръ вродѣ тѣхъ, которые въ Петербургѣ, напр., ведутся ежедневно между литераторами, какимъ былъ я, и общественнымъ дѣятелями, какимъ былъ Лопухинъ. Сколько подобныхъ разговоровъ мнѣ пришлось вести и раньше, какъ съ самымъ Лопухинымъ, такъ и съ многими другими! Безъ сомнѣнія, и самому Лопухину наша тогдашняя бесѣда вначалѣ казалась обыденной, мало чѣмъ отличающейся отъ прежнихъ бесѣдъ. Хотя онъ, конечно, не могъ не видѣть, къ чему я клоню свой разговоръ, но самъ онъ не шелъ ко мнѣ навстрѣчу.

Когда я почувствовалъ, что я уже достаточно познакомилъ его со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, которымъ мнѣ придется оперировать въ разсказѣ о самомъ Азефѣ, я сказалъ

Лопухину, что страшные провалы, бывшіе за послѣдніе годы въ эсеровской партіи, объясняются, по моему, тѣмъ, что во главѣ ея „Боевой Организаціи“ стоитъ агентъ-провокаторъ.

Лопухинъ какъ будто не обратилъ вниманія на эти мои слова и ничего не отвѣтилъ. Но я почувствовалъ, что онъ насторожился, ушелъ въ себя, точно сталъ ждать какихъ-нибудь нескромныхъ вопросовъ съ моей стороны.

— Позвольте мнѣ, Алексѣй Александровичъ, — обратился я къ Лопухину, — разсказать вамъ все, что я знаю объ этомъ агентѣ-провокаторѣ, о его дѣятельности, какъ среди революціонеровъ, такъ и среди охранниковъ. Я приведу всѣ доказательства его двойной роли. Я назову его охранныя клички, его клички въ революціонной средѣ и его настоящую фамилію. Я о немъ знаю все. Я долго и упорно работалъ надъ его разоблаченіемъ и могу съ увѣренностью сказать: я съ нимъ уже покончилъ. Онъ окончательно разоблаченъ мною! Мнѣ остается только сломить упорство его товарищей, но это дѣло короткаго времени.

— Пожалуйста, Владиміръ Львовичъ! Я васъ слушаю, — отвѣтилъ мнѣ Лопухинъ.

Что могъ сдѣлать въ данный моментъ Лопухинъ? Ему оставалось, какъ выразился на судѣ его защитникъ г. Пассоверъ, прервать со мной разговоръ и попросить меня удалиться изъ его купе, или же воспользоваться правомъ, принадлежащимъ даже русскому человѣку, слушать заграницей то, что ему говоритъ его собесѣдникъ.

Лопухинъ выбралъ второе, — и это было его единственнымъ преступленіемъ. Все, что дальше было сдѣлано Лопухинымъ, все неизбѣжно вытекало помимо его воли изъ того факта, что я, уже разоблачивъ Азефа, сталъ ему говорить о роли этого предателя, а онъ слушалъ меня.

Онъ могъ даже не произнести имени Азефа, — я все равно изъ его молчанія понялъ бы, что онъ знаетъ Азефа, какъ агента полиціи, а когда я вернулся бы въ Парижъ, я вѣрно истолковалъ бы молчаніе Лопухина, какъ свидѣтельство противъ Азефа.

Болѣе того, если бы Лопухинъ, понявши, что я свою, вначалѣ, повидимому, простую, обывательскую бесѣду, свожу къ щекотливому вопросу объ Азефѣ, захотѣлъ бы, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, прервать разговоръ со мной, я бы не отпустилъ его ни въ коемъ случаѣ, не добившись вольнаго или невольнаго признанія насчетъ Азефа.

Я былъ убѣжденъ, что Лопухинъ знаетъ правду объ Азефѣ и, увидѣвши его въ Кельнѣ, я былъ увѣренъ, что прежде, чѣмъ мы пріѣдемъ въ Берлинъ, я для дальнѣйшей своей борьбы съ Азефомъ буду имѣть „новый фактъ“ — заявленіе Лопухина. И, дѣйствительно, въ концѣ концовъ Лопухинъ выговорилъ и не могъ не выговорить слово „Азефъ“.

Все, что было далѣе: мое сообщеніе объ этомъ разговорѣ съ Лопухинымъ на судѣ въ Парижѣ, посѣщеніе Лопухина Азефомъ, встрѣчи эсеровъ съ Лопухинымъ въ Петербургѣ и Лондонѣ, его письмо къ Столыпину, а, слѣдовательно, его арестъ, судъ, ссылка, — все это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что между Кельномъ и Берлиномъ Лопухинъ произнесъ слово „Азефъ“.

Въ своемъ разговорѣ съ Лопухинымъ я, ни разу не называя ему Азефа по имени, въ продолженіи четырехъ часовъ въ мельчайшихъ подробностяхъ разсказывалъ ему о тѣхъ путяхъ, которыми дошелъ до обвиненія Азефа въ провокаціи и всѣхъ тѣхъ мучительныхъ, сложныхъ перепетіяхъ, которыя мнѣ пришлось переживать во время борьбы съ этимъ провокаторомъ. Я привелъ ему всѣ доказательства моихъ обвиненій, разсказалъ о своихъ спорахъ съ защитниками Азефа, познакомилъ со своими аргументами, точно и во всѣхъ деталяхъ съ хронолигическими данными возстановилъ дѣятельность Азефа, какъ охранника, назвалъ его департаментскіе псевдонимы, указалъ квартиры, гдѣ онъ имѣлъ свиданія.

Чѣмъ дольше я говорилъ, тѣмъ мнѣ становилось яснѣе и яснѣе, что Лопухинъ подавленъ и изумленъ моими свѣдѣніями. По тому, какъ онъ слушалъ, я видѣлъ, что онъ понялъ, о комъ идетъ рѣчь, и что для него эта фигура очень хорошо знакома. И его молчаніе было для меня равносильнымъ признанію.

Послѣ каждаго новаго доказательства, я обращался къ Лопухину и говорилъ:

Если позволите, я вамъ назову настоящую фамилію этого агента. Вы скажете только одно: да или нѣтъ?

На такой вопросъ Лопухинъ всякій разъ мнѣ отвѣчалъ молчаніемъ. Но я видѣлъ, что онъ вовсе не хочетъ избѣжать разговора со мной. Это ему тогда было бы сдѣлать не трудно.

Тогда, послѣ небольшой паузы, я снова обращался къ нему съ вопросомъ:

— Позвольте мнѣ разсказать вамъ еще одну подробность изъ дѣятельности этого агента.

— Пожалуйста, пожалуйста! — предупредительно отвѣчалъ онъ.

Интересъ къ разсказу у Лопухина видимо возрасталъ. Я видѣлъ, что онъ былъ потрясенъ совершенно неожиданнымъ для него разсказомъ объ Азефѣ, какъ о главномъ организаторѣ убійства Плеве.

Съ крайнимъ изумленіемъ, какъ о чемъ-то совершенно недопустимомъ, онъ спросилъ меня:

— И вы увѣрены, что этотъ агентъ зналъ о приготовленіи къ убійству Плеве?

— Не только зналъ, — отвѣтилъ я, — но онъ былъ главнымъ организаторомъ этого убійства. Ничто въ этомъ дѣлѣ не было сдѣлано безъ его вѣдома и согласія. Онъ три раза пріѣзжалъ для этого дѣла въ Петербургъ и осматривалъ позиціи, занятыя революціонерами. Это онъ непосредственно руководилъ Сазоновымъ.

Тутъ я подчеркнулъ, что о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ знаю со словъ Савинкова, личность и роль котораго были хорошо извѣстны Лопухину. Начиная свой разговоръ съ Лопухинымъ, я зналъ, что ссылка на Савинкова мнѣ будетъ нужна, и поэтому я въ началѣ нашей бесѣды много останавливался на личности Савинкова и на моихъ отношеніяхъ съ нимъ.

Далѣе, я сообщилъ Лопухину объ участіи того же агента въ дѣлѣ убійства вел. князя Сергѣя. Затѣмъ, оговорившись, что я не имѣю права также подробно, какъ объ

этихъ дѣлахъ, разсказать еще объ одномъ дѣлѣ, я, подчеркивая свои слова, сообщилъ ему, что еще совсѣмъ недавно, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, агентъ, о которомъ я говорилъ, лично организовалъ покушеніе на Николая II, которое, если и не удалось, то только помимо его воли . . .

Лопухинъ былъ крайне взволнованъ. Тономъ человѣка, который слышитъ невѣроятныя вещи и долженъ вѣрить имъ, онъ сталъ задавать мнѣ вопросы. Я зналъ, что Лопухинъ, достаточно знакомый съ моей личностью, не могъ сомнѣваться ни въ моихъ словахъ, ни въ словахъ Савинкова и другихъ товарищей, на которыхъ я ссылался. Тѣмъ не менѣе онъ, видимо, съ трудомъ усваивалъ то, о чемъ я говорилъ.

Встрѣтившись со мной въ Кельнѣ, онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что подъ Берлиномъ онъ услышитъ что либо подобное по невѣроятности тому, что я ему разсказалъ. Ему, бывшему директору Деп. Полиціи, я сообщилъ, что бывшій его подчиненный, его агентъ, былъ въ то же время главой „Боевой Организаціи" эсеровъ и фактически организаторомъ убійствъ Плеве, Сергѣя и покушенія на Николая II!

— Вы, будучи директоромъ Деп. Полиціи, не могли не знать этого провокатора, — въ департаментѣ полиціи онъ былъ извѣстенъ, какъ Раскинъ, Виноградовъ, — были у него и другія клички, — сказалъ я. — Какъ видите, я его теперь окончательно разоблачилъ и я еще разъ хочу попросить васъ, Алексѣй Александровичъ, позвольте мнѣ сказать вамъ, кто скрывается подъ псевдонимомъ Раскина?

— Никакого Раскина я не знаю, а инженера Евно Азефа я видѣлъ нѣсколько разъ! — сказалъ Лопухинъ.

Конечно, для меня менѣе, чѣмъ для кого либо эта фамилія была новостью. Больше года она буквально ежеминутно была у меня въ головѣ. Но то, что я ее услышалъ изъ устъ Лопухина меня поразило, какъ громовой ударъ.

Послѣ шестичасоваго разговора съ Лопухинымъ, — причемъ говорилъ, собственно, одинъ я, — я настолько усталъ, что не могъ слушать со вниманіемъ того, что дальше гово-

рилъ Лопухинъ. Я мысленно уже перенесся въ Парижъ, въ ту среду, гдѣ велась ожесточенная борьба за и противъ Азефа, и тамъ уже продолжалъ борьбу противъ предателя съ новыми аргументами „отъ Лопухина".

Поѣздъ, между тѣмъ, уже приближался къ Берлину.

Я крѣпко пожалъ на прощанье руку Лопухину. Снова его я встрѣтилъ только . . . черезъ десять лѣтъ — въ Петроградѣ!

Впечатлѣнія отъ разговора между Кельномъ и Берлиномъ глубоко волновали меня. Но самъ Лопухинъ не придавалъ, видимо, особеннаго значенія тому, что онъ мнѣ сказалъ. Да и какое особенное значеніе могъ онъ придавать этому разговору?

Ну, могъ ли онъ считать, что раскрываетъ какую-то правительственную тайну, что срываетъ маску съ невѣдомаго революціонерамъ провокатора, когда прежде чѣмъ онъ произнесъ имя Азефа, онъ выслушалъ подробнѣйшій разсказъ о его дѣятельности, разсказъ, къ которому трудно было бы что либо добавить. Мало того, онъ самъ услышалъ много такого, чего не только не зналъ, но никогда и предположить не могъ.

Могъ ли онъ думать, что въ Петербургѣ его будетъ ждать арестъ, а потомъ и ссылка его, — бывшаго директора Департамента Полиціи?!

Пріѣхавши въ Парижъ, я, конечно, рѣшилъ никому не сообщать о своемъ свиданіи съ Лопухинымъ, — исключеніе сдѣлалъ только для Савинкова. Прямо съ вокзала я направился къ нему и подробно разсказалъ ему о своемъ свиданіи съ Лопухинымъ. Но я не только взялъ съ него слово сохранить эту тайну, но предварительно убѣдился и въ томъ, что онъ понялъ важность для меня этой тайны и — дѣйствительно выполнитъ данное слово и никому ни при какихъ условіяхъ не скажетъ о моемъ свиданіи съ Лопухинымъ. Савинковъ понялъ, какъ это для меня важно, и сдержалъ данное слово.

Когда Савинковъ выслушалъ весь мой разсказъ о свиданіи съ Лопухинымъ, онъ сказалъ:

— Лопухинъ лжетъ! Онъ подосланъ къ вамъ! Ему надо скопрометировать васъ и выслужиться! Азефъ выше всѣхъ обвиненій Лопухина!

Глава XXX.

Мое заявленіе въ Ц. К. эсеровъ объ Азефѣ. — Судъ надо мной по обвиненію въ клеветѣ на Азефа. — Письмо Азефа къ Савинкову.

Я видѣлъ, что въ дѣлѣ обвиненія Азефа стою предъ глухой стѣной и что одними конспиративными переговорами съ эсерами я не разрѣшу азефскаго вопроса. Я тогда рѣшился скорѣе настоять на судѣ и предъ безпристрастными и незагипнотизированными судьями обосновать свои обвиненія противъ Азефа.

Эсеры медлили съ назначеніемъ суда надо мной. Но я болѣе ждать не хотѣлъ.

Я составилъ заявленіе, обращенное къ партіи эсеровъ и въ немъ прямо обвинялъ Азефа, какъ провокатора. Но прежде, чѣмъ опубликовать это заявленіе, я его корректуру передалъ представителямъ эсеровъ, и заявилъ, что, если немедленно не будетъ назначено суда, я его опубликую.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого моего заявленія.

„Уже болѣе года, какъ въ разговорахъ съ нѣкоторыми дѣятелями П.С.Р. я указывалъ, какъ на главную причину арестовъ, происходившихъ во все время существованія Партіи, на присутствіе въ Центральномъ Комитетѣ инженера Азефа, котораго я обвиняю въ самомъ злостномъ провокаторствѣ, небываломъ въ лѣтописяхъ русскаго освободительнаго движенія.

Болѣе полугода уже, какъ существуетъ комиссія, образованная Центральнымъ Комитетомъ для разслѣдованія причинъ петербургскихъ проваловъ конца того и начала этого года. Въ этой комиссіи я все время категорически

заявлялъ, что, по моему глубокому убѣжденію, причина всѣхъ бывшихъ проваловъ — провокація, и при этомъ я все время указывалъ на Азефа, какъ на провокатора.

Повторяю, послѣднія петербургскія событія не позволяютъ мнѣ болѣе ограничиваться безплодными попытками убѣдить васъ и вашу комиссію въ ужасающей роли Азефа, и я переношу этотъ вопросъ въ литературу и обращаюсь къ суду общественнаго мнѣнія.“

„Я давно уже просилъ Центральный Комитетъ вызвать меня на третейскій судъ по дѣлу Азефа. Сколько мнѣ извѣстно, рѣшеніе вызвать меня на судъ со стороны Центральнаго Комитета состоялось болѣе мѣсяца, но оно мнѣ не объявлено до сихъ поръ. Разумѣется, на третейскій судъ я явлюсь по первому требованію, но событія происходятъ въ настоящее время въ Россіи ужасающія и кровавыя, и я не могу ограничиться ожиданіемъ разбора дѣла въ третейскомъ судѣ, который можетъ затянуться надолго, — и гласно, за своею подписью, беру на себя страшную отвѣтственность обвиненія въ провокаторствѣ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей П.С.Р.“

„Передъ нами задача стоитъ не только въ томъ, чтобы изобличить и обезвредить на будущее время Азефа, но и добиться полной отвѣтственности Рачковскихъ и Герасимовыхъ за ихъ чисто уголовныя преступленія.“

На корректурномъ листкѣ моего заявленія, адресованнаго въ „Центральный Комитетъ партіи с.-р.“, я рукой сдѣлалъ слѣдующія три примѣчанія для эсеровъ:

„1) Прошу переслать это заявленіе въ Ц.К. для того, чтобы послѣ средижировать его вмѣстѣ;

2) Ц.К. можетъ отъ себя добавить въ этомъ же листкѣ все, что ему угодно;

3) Разумѣется, это заявленіе не должно быть извѣстно Азефу и тѣмъ, кто ему можетъ о немъ передать.“

Эсеры, какъ было потомъ сказано въ докладѣ Судебно-Слѣдственной Комиссіи, не могли не понять, что опубликованіе этого заявленія произвело бы потрясающее дѣйствіе не только въ партіи, но и во всемъ русскомъ общест-

вѣ. Но эсеры оффиціально не хотѣли принять моего послѣдняго условія и отъ имени партіи мнѣ было сказано:

— Азефъ и Партія — одно и тоже. У насъ отъ Азефа нѣтъ секретовъ, и потому мы вамъ возвращаемъ эту прокламацію. Дѣйствуйте, какъ хотите.“

Но въ то же самое время мнѣ было заявлено, что Ц.К. немедленно созываетъ судъ, и я, не опубликовывая заявленія, отложилъ его для передачи суду.

Судьями эсеры предложили выбрать Г. А. Лопатина, В. Н. Фигнеръ и П. А. Крапоткина. Когда они сообщили мнѣ этотъ списокъ, я сейчасъ же, безъ возраженій, согласился на него. Но судъ долженъ былъ состояться собственно не надъ Азефомъ по обвиненію въ томъ, что онъ провокаторъ, а надо мною за то, что я клевещу на Азефа и называю его провокаторомъ.

По словамъ одного изъ судей, задачи суда были таковы:

— „. . . Предположено было заняться тѣмъ, чтобы выяснить, клеветникъ Бурцевъ или нѣтъ? И мало того, не только клеветникъ, но человѣкъ, который легкомысленнымъ образомъ распространяетъ клеветнически-злостные слухи относительно одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей Партіи, одного изъ столповъ ея. И вся наша задача состояла въ томъ, чтобы опредѣлить, дѣйствительно-ли это было такъ или нѣтъ.“

Самъ Азефъ заранѣе отказался явиться на судъ. Но онъ все время прекрасно зналъ, въ какомъ положеніи находится дѣло и со стороны старался руководить тѣми, кто на судѣ были его защитниками, и онъ имъ подсказывалъ аргументы для своей защиты.

Наканунѣ суда Азефъ прислалъ цѣлое посланіе къ Савинкову. Послѣ суда это письмо я цѣликомъ напечаталъ въ 9-10 №№ „Былого“. Вотъ изъ него нѣсколько отрывковъ.

„Но если бы еще и можно было похерить судъ надъ Бурцевымъ, то я скорѣе былъ бы противъ этого, чѣмъ за, но, конечно, не имѣлъ бы ничего, если бы вы тамъ такъ рѣшили это дѣло. Нѣкоторыя неудобства суда имѣются. Я многое, указанное въ твоемъ письмѣ, раздѣляю, но не все.

Мнѣ кажется, дорогой мой, ты слишкомъ преувеличиваешь то впечатлѣніе, которое можетъ получиться отъ того, что выложитъ Бурцевъ.“

„Х. пишетъ, что Бурцевъ припасъ какой-то ультрасенсаціонный „матеріалъ“, который пока держитъ въ тайнѣ, разсчитывая поразить судъ, — но то, что я знаю, дѣйствительно, не выдерживаетъ никакой критики и всякій нормальный умъ долженъ крикнуть: — „Купайся самъ въ грязи, но не пачкай другихъ!“. Я думаю, что все, что онъ держитъ въ тайнѣ, не лучшаго достоинства. Кромѣ лжи и поддѣлки ничего быть не можетъ. Потому, мнѣ кажется, судъ, можетъ быть, и сумѣетъ положить конецъ этой грязной клеветѣ. По крайней мѣрѣ, если Бурцевъ и будетъ кричать, — то онъ останется единственнымъ маніакомъ. Я надѣюсь, что авторитетъ извѣстныхъ лицъ будетъ для остальныхъ извѣстнымъ образомъ удерживающимъ моментомъ. Если суда не будетъ — разговоры не уменьшатся, а увеличатся, а почва для нихъ имѣется: вѣдь біографіи моей многіе не знаютъ“ . . .

„Конечно, мы унизились — идя на судъ съ Бурцевымъ. Это недостойно насъ, какъ организаціи. Но все приняло такіе размѣры, что приходится и унизиться. Мнѣ кажется, что молчать нельзя, — ты забываешь размѣры огласки. Но если вы тамъ найдете возможнымъ наплевать, то готовъ плюнуть и я вмѣстѣ съ вами, если это уже не поздно. Я увѣренъ, что товарищи пойдутъ до конца въ защитѣ чести товарища, а потому я готовъ и отступиться отъ своего мнѣнія и отказаться отъ суда.“

„Мнѣ хотѣлось только не присутствовать во время этой процедуры. Я чувствую, что это меня совсѣмъ разобьетъ. Старайся, насколько возможно, меня избавить отъ этого“.

Глава XXXI.

Судъ. — Обвиненіе Чернова и мой отвѣтъ. — Разсказъ о свиданіи съ Лопухинымъ. — Обвиненія Азефа по указаніямъ охранниковъ. — Отношеніе не-партійной публики къ Азефу.

Первое засѣданіе суда состоялось на квартирѣ Рубановича. Обвинителями противъ меня выступили Черновъ, Натансонъ и Савинковъ.

Отъ имени своихъ товарищей Черновъ прежде всего поставилъ мнѣ вопросъ, даю ли я слово, въ случаѣ, если судъ признаетъ меня виновнымъ, прекратить кампанію противъ Азефа?

На его вопросъ я отвѣтилъ, что, если даже судъ признаетъ, что мои обвиненія Азефа неосновательны, а я буду все-таки убѣжденъ, что Азефъ — провокаторъ, то я и тогда не прекращу своей борьбы съ нимъ. Черновъ и Натансонъ — они все время дѣйствовали солидарно, когда приходилось выступать противъ меня — рѣзко запротестовали противъ этихъ моихъ словъ и говорили, что я срываю судъ, что при этихъ условіяхъ судъ не имѣетъ смысла и т. д.

Послѣ горячихъ споровъ я сдѣлалъ такого рода заявленіе, удовлетворившее моихъ обвинителей: если судъ признаетъ мои обвиненія недоказанными, а я останусь при своемъ убѣжденіи, что Азефъ — провокаторъ, то я при каждомъ моемъ выступленіи противъ него буду обязанъ упоминать, что судъ высказался противъ меня, и въ то же самое время я предоставляю эсерамъ право на мою дальнѣйшую агитацію противъ Азефа реагировать противъ меня всѣми способами — вплоть до убійства меня.

Приступили къ разбору дѣла.

Первымъ говорилъ Черновъ. Онъ говорилъ часа четыре.

Прежде всего онъ изложилъ біографію Азефа. Онъ говорилъ о немъ, какъ объ одномъ изъ создателей партіи эсеровъ и главныхъ ея дѣятелей, и какъ объ организаторѣ цѣлаго ряда политическихъ убійствъ — Плеве, великаго князя Сергѣя — и какъ участника покушенія на царя. Затѣмъ разсказалъ, сколько было попытокъ со стороны Деп. Полиціи бросить тѣнь на Азефа и по пунктамъ опровергалъ серьезность всѣхъ моихъ обвиненій.

Кончая свою обвинительную рѣчь, Черновъ отъ имени партіи обратился къ суду съ просьбой категорически обвинить меня въ клеветѣ.

Послѣ Чернова говорилъ я.

Я подробно разсказалъ о моей борьбѣ съ провокаціей, объ источникахъ моихъ свѣдѣній, о Бакаѣ, о свиданіи его съ Ратаевымъ, объ его перепискѣ съ Доброскокомъ, о встрѣчѣ съ Донцовымъ, о моемъ свиданіи съ Д. въ Швейцаріи и т. д. Затѣмъ сталъ критиковать доводы Чернова.

Кончивши это, я сказалъ суду, что у меня есть еще кое-что по дѣлу Азефа, но что это я могу сообщить только въ томъ случаѣ, если представители эсеровъ не воспользуются никогда моимъ разсказомъ иначе, какъ съ согласія суда. Суду же я предоставлялъ право дѣлать изъ моего сообщенія все, что ему угодно, но только я просилъ предварительно сообщать мнѣ о томъ, что онъ считаетъ нужнымъ съ нимъ сдѣлать. Это мое условіе было принято и судъ такимъ образомъ взялъ на себѣ отвѣтственность за то, что тайна эсерами будетъ сохранена.

Тогда я сталъ подробно разсказывать о моей встрѣчѣ съ Лопухинымъ. Я никогда въ моей жизни не говорилъ передъ такими внимательными слушателями, какъ въ этотъ разъ. Я видѣлъ, что мои слушатели были поражены разсказомъ и ждали всего, что угодно, но только не этого. Меня не прерывали. Я чувствовалъ, какъ глубоко всѣ взволнованы и какъ всѣ боятся своимъ волненіемъ нарушить тишину.

Когда я повторилъ слова Лопухина „никакого Раскина я не знаю, а инженера Евно Азефа я видѣлъ нѣсколько разъ!“ — всѣ вразъ заговорили и встали со своихъ мѣстъ.

Взволнованный Лопатинъ, со слезами на глазахъ, подошелъ ко мнѣ, положилъ руки мнѣ на плечи и сказалъ:

— Львовичъ! Дайте честное слово революціонера, что вы слышали эти слова отъ Лопухина . . .

Я хотѣлъ ему отвѣтить, но онъ отвернулся отъ меня, какъ-то безнадежно махнулъ рукой и сказалъ:

— Да что тутъ говорить! . . Дѣло ясно!

Я возобновилъ свой разсказъ. Въ одномъ мѣстѣ Савинковъ прервалъ меня и сказалъ:

— Владиміръ Львовичъ, вѣдь вамъ Лопухинъ говорилъ еще вотъ что . . .

Тутъ, какъ ужаленные, вскочили Черновъ и Натансонъ. Они буквально набросились на Савинкова:

— Какъ, вы знали о свиданіи съ Лопухинымъ и не сказали намъ?

Савинковъ имъ объяснилъ, что я ему все разсказалъ въ день моего пріѣзда въ Парижъ послѣ свиданія съ Лопухинымъ, но что я взялъ съ него честное слово молчать и онъ, поэтому, не могъ нарушить своего слова. Я продолжалъ свой разсказъ.

Но всѣмъ казалось, что, очевидно, ничего новаго я имъ уже больше не скажу. Никто и не могъ и не хотѣлъ соблюдать той тишины, которая передъ тѣмъ только что тутъ стояла. Всѣмъ хотѣлось скорѣе разойтись. Всѣ чувствовали себя утомленными отъ всего, что они слышали. Я посмотрѣлъ на старика Крапоткина. Онъ, какъ судья, ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ не выказалъ мнѣ сочувствія, но я чувствовалъ, что онъ весь на моей сторонѣ.

Среди моихъ обвинителей было сильное смущеніе. Какъ-то неестественно вышло восклицаніе у Натансона:

— Вашъ разсказъ подсказалъ Лопухину имя Азефа! Лопухинъ — бывшій директоръ Деп. Полиціи. Онъ воспользовался вашимъ разсказомъ и подтвердилъ старую клевету на Азефа. . .

Судъ засѣдалъ почти весь октябрь мѣсяцъ. Засѣданія происходили почти ежедневно, и иногда даже не одинъ разъ въ день. Судьи допрашивали и меня, и другихъ свидѣтелей по всѣмъ самымъ интимнымъ вопросамъ. Никто не от-

казывался отвѣчать ни на какіе вопросы. Всѣ чувствовали, что рѣшается не личный мой вопросъ и даже не вопросъ объ Азефѣ, — а что-то гораздо болѣе важное.

Эсеры въ самыхъ радужныхъ краскахъ продолжали рисовать роль Азефа, какъ революціонера, и ни на одну минуту не допускали мысли, что я правъ.

Кромѣ Чернова, о дѣятельности Азефа, какъ террориста, много говорилъ Савинковъ. То, что на судѣ онъ говорилъ объ Азефѣ, онъ сформулировалъ сейчасъ же послѣ суда, когда маска съ предателя была сорвана, но именно такимъ языкомъ онъ о немъ говорилъ и на судѣ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ заявленія Савинкова.

„Азефъ состоитъ членомъ партіи съ самаго ея основанія; онъ зналъ о покушеніи на харьковскаго губернатора князя Оболенскаго (1902 г.) и принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ убійству уфимскаго губернатора Богдановича (1903 г.). Онъ руководилъ съ осени 1903 г. „Боевой Организаціей“ и въ разной степени участвовалъ въ послѣдующихъ террористическихъ актахъ: въ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, въ убійствѣ великаго князя Сергѣя Александровича, въ покушеніи на великаго князя Владиміра Александровича, въ покушеніи на петербургскаго ген.-губ. ген. Трепова, въ покушеніи на кіевскаго ген.-губ. Клейгельса, въ покушеніи на нижегородскаго губерн. ген. барона Унтерберга, въ покушеніи на моск. ген.-губ. адмирала Дубасова, въ покушеніи на мин. вн. дѣлъ Дурново, въ покушеніи на офицеровъ Семеновскаго полка ген. Мина и полк. Римана, въ покушеніи на завѣдующаго политическимъ розыскомъ Рачковскаго, въ убійствѣ Георгія Гапона, въ покушеніи на командира Черноморскаго флота адмир. Чухнина, въ покушеніи на премьеръ-министра Столыпина и въ трехъ покушеніяхъ на царя. Кромѣ того, онъ заранѣе зналъ объ убійствѣ Татарова, объ убійствѣ ген. Сахарова въ Саратовѣ, объ убійствѣ петербургскаго градоначальника ген. фонъ-деръ-Лауница, объ убійствѣ главн. военнаго прокурора ген. Павлова, о покушеніи на вел. князя Ни-

колая Николаевича, о покушеніи на московскаго ген.-губ. Гершельмана и т. д.

„Онъ былъ членомъ Центральнаго Комитета и принималъ участіе во многихъ крупныхъ революціонныхъ предпріятіяхъ и въ обсужденіи всѣхъ безъ исключенія плановъ, въ томъ числѣ плановъ московскаго, свеаборгскаго и кронштадтскаго возстаній.

„Въ виду такихъ фактовъ біографіи Азефа, Центральный Комитетъ считалъ себя вправѣ не придавать существеннаго значенія указаннымъ слухамъ (между прочимъ, моимъ обвиненіямъ, — Вл. Бурц.) и цитированнымъ письмамъ (указавшимъ на Азефа, какъ на провокатора, — Вл. Бурц.): онъ склоненъ былъ усматривать въ нихъ интригу полиціи. Полиціи было выгодно, конечно, набросить тѣнь на одного изъ вождей революціи и тѣмъ лишить его возможности продолжать свою дѣятельность. Такого мнѣнія держалось большинство товарищей. Меньшинство, не вѣря въ полицейскую интригу, тѣмъ не менѣе далеки были отъ заподазриванія Азефа въ провокаціи. Къ послѣднимъ принадлежалъ и я.

„Я былъ связанъ съ Азефомъ дружбой. Долговременная совмѣстная террористическая работа сблизила насъ.

„Я зналъ Азефа за человѣка большой воли, сильнаго практическаго ума и крупнаго организаторскаго таланта. Я видѣлъ его на работѣ. Я видѣлъ его неуклонную послѣдовательность въ революціонномъ дѣйствіи, его спокойное мужество террориста, наконецъ, его глубокую нѣжность къ семьѣ. Въ моихъ глазахъ онъ былъ даровитымъ и опытнымъ революціонеромъ и твердымъ, рѣшительнымъ человѣкомъ. Это мнѣніе въ общихъ чертахъ раздѣлялось всѣми товарищами, работавшими съ нимъ . . .

„Быть можетъ, не всѣ одинаково любили его, но всѣ относились къ нему съ одинаковымъ уваженіемъ. Было невѣроятно, что всѣ эти товарищи могли ошибаться! . . .“

Съ особымъ подчеркиваніемъ сообщили эсеры на судѣ объ участіи Азефа въ покушеніи на цареубійство въ 1908 г. Вмѣстѣ съ Савинковымъ, Карповичемъ и др. Азефъ органи-

зовывалъ покушеніе на царя на пароходѣ „Рюрикъ". Если бы Азефъ и хотѣлъ потомъ предотвратить это покушеніе, онъ уже не могъ бы это сдѣлать, — говорили эсеры.

На судѣ было констатировано, что и раньше не разъ Азефа обвиняли въ провокаціи, но на это эсеры не обращали должнаго вниманія.

Такъ еще въ 1903 г. въ Петербургѣ молодой революціонеръ Крестьяниновъ отъ одного знакомаго рабочаго, оказавшагося потомъ сыщикомъ, получилъ опредѣленное указаніе, что Азефъ — провокаторъ. Съ помощью Рубакиной онъ поднялъ вопросъ объ Азефѣ. Эсеры и члены редакціи „Русскаго Богатства", между прочимъ Пѣшехоновъ, разбирали дѣло и пришли къ заключенію, что обвиненія Азефа ни на чемъ не основаны и являются только происками охранки. Азефъ плакалъ, оскорбленный гнуснымъ обвиненіемъ въ провокаціи. Его утѣшали и обвинителей заставили отказаться отъ ихъ обвиненія.

Въ 1905 г. Меньщиковъ черезъ Прибылева передалъ эсерамъ анонимную записку о томъ, что въ ихъ партіи есть два шпіона: Азефъ и Татаровъ. Татарова эсеры изобличили и убили, но рѣшили, что (на этомъ особенно настаивалъ Черновъ на моемъ судѣ) Деп. Полиціи сознательно выдалъ эсерамъ Татарова, чрезвычайно важнаго провокатора, только для того, чтобы „бросить тѣнь" на Азефа.

Въ 1905 г. такія же прямыя указанія на Азефа, какъ на провокатора, были получены отъ одного охранника въ Саратовѣ, въ связи съ пріѣздомъ туда Брешковской, и въ 1906 г. — въ Одессѣ черезъ Тютчева. До эсеровъ тогда же дошли слухи и о томъ, что однажды, это было уже въ 1906 г., Азефъ былъ охранниками арестованъ, но послѣ какихъ-то переговоровъ выпущенъ.

Всѣ эти факты въ свое время были извѣстны эсерамъ лучше, чѣмъ намъ, но они отъ нихъ отмахивались и не обращали на нихъ никакого вниманія. О нихъ Черновъ на судѣ много говорилъ и видѣлъ въ нихъ лишь попытки Деп. Полиціи скомпромитировать Азефа. Онъ изумлялся, какъ это для насъ не ясны эти тонкія интриги охранниковъ.

На судѣ я приводилъ нѣсколько примѣровъ того, какъ на многихъ, лично незнавшихъ Азефа, онъ часто оставлялъ впечатлѣніе преступника и шпіона.

Назначаются свиданія въ Петербургѣ съ представителемъ эсеровъ, пріѣхавшимъ изъ заграницы. Встрѣчаются тамъ съ незнакомымъ Азефомъ и сразу наотрѣзъ отказываются съ нимъ говорить. Въ тревогѣ идутъ къ тѣмъ, кто далъ адресъ для свиданія, и говорятъ: къ кому вы насъ послали? Вѣдь, это — несомнѣнный шпіонъ!

„Когда Азефъ, говоритъ въ своей книгѣ Цилліакусъ, явился по порученію эсеровъ въ Финляндію, гдѣ онъ устроилъ грандіознѣйшую провокацію, то онъ произвелъ отвратительное, отталкивающее впечатлѣніе: „круглый, шарообразный черепъ, выдающіяся скулы, плоскій носъ, невообразимо грубыя губы, которыхъ не могли прикрыть скудно взрощенные усы, мясистыя щеки, все расширающееся отъ нижней части лба лицо, вообще чисто калмыцкій типъ, — все это не располагало въ пользу таинственнаго незнакомца Ивана Николаевича. Лица, снабжавшія Азефа рекомендательнымъ письмомъ, очевидно, имѣли въ виду возможность неблагопріятнаго личнаго впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ писалось: „Не цѣни собаку по ея шерсти“ и тутъ же Азефъ рекомендовался, какъ выдающійся членъ партіи.“

На судѣ Черновъ и самъ не отрицалъ, что Азефъ производилъ на незнакомыхъ съ нимъ лицъ иногда тяжелое впечатлѣніе. Но, говорилъ онъ, „надо только хорошенько всмотрѣться въ его открытое лицо и въ его чистыхъ, чисто дѣтскихъ, глазахъ нельзя не увидѣть безконечную доброту“, а хорошо узнавши его, какъ его зналъ самъ Черновъ, „нельзя было не полюбить этого, дѣйствительно, добраго человѣка и нѣжнаго семьянина“. Когда Черновъ говорилъ намъ все это, онъ какъ-то особенно самоувѣренно рисовался своимъ тонкимъ пониманіемъ психологіи.

На судѣ указывали на темныя стороны жизни Азефа, но его защитники или отрицали эти факты, или придавали имъ особое значеніе и объясняли, что все это Азефъ дѣлалъ изъ-за конспираціи.

Впослѣдствіи выяснилось, что въ жизни Азефа не только всегда было много темнаго, что должно было его компромитировать и какъ революціонера, и какъ человѣка, но что это темное видѣли и его товарищи эсеры. Но гипнозъ партійности, на который всегда были способны Черновы и Натансоны, заставлялъ ихъ на все это закрывать глаза, и они рисовали Азефа, какимъ онъ нуженъ былъ для ихъ партійныхъ цѣлей.

Глава XXXII.

Допросъ Бакая объ его побѣгѣ изъ Сибири. — Заключительная рѣчь Савинкова на судѣ и мой ему отвѣтъ.

На судъ для допроса приглашали Бакая и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтелей. Судьи по собственной инициативѣ, а еще чаще по просьбѣ эсеровъ, входили въ мельчайшія подробности моей борьбы съ провокаціей. Старались въ этой области не оставить ничего невыясненнымъ. Защищая Азефа, эсеры хотѣли разоблачить интриги Деп. Полиціи, направленныя на то, чтобы скомпремитировать Азефа.

Они особенно подробно разспрашивали меня о моемъ отношеніи къ Бакаю, объ его побѣгѣ изъ Сибири, устроенномъ мной, о средствахъ, которыя я тратилъ на Бакая и т. д.

На судѣ, какъ и до суда, какъ только началось дѣло Азефа, — скажу, впрочемъ, что тоже было и до дѣла Азефа, — я чувствовалъ къ себѣ особенно злобное отношеніе со стороны Чернова и Натансона. Натансонъ и тутъ оставался тѣмъ же Натансономъ, съ какимъ мнѣ пришлось столкнуться еще въ Сибири въ 1888 г. Въ отношеніи къ себѣ въ дѣлѣ Азефа я не могу ни въ чемъ упрекнуть только самаго горячаго защитника Азефа — Савинкова.

Черновъ и Натансонъ и не скрывали желанія утопить меня, спасая Азефа. Я былъ въ положеніи обвиняемаго и мнѣ приходилось мириться съ этимъ инквизиціоннымъ отношеніемъ ко мнѣ и отвѣчать на всѣ вопросы, даже когда они дѣлались съ злобными чувствами и даже когда этихъ чувствъ не скрывали.

Съ какой жестокостью отнеслись къ Бакаю эсеры, когда они его допрашивали! Я не былъ бы изумленъ, если

бы Бакай на одномъ изъ допросовъ счелъ возможнымъ не продолжать давать показанія, а ушелъ бы съ засѣданія суда, куда онъ приходилъ добровольно по моей просьбѣ.

Подошли къ вопросу о томъ, какъ онъ бѣжалъ изъ Сибири. Для эсеровъ было несомнѣнно, что побѣгъ Бакая былъ подстроенъ Деп. Полиціи для того, чтобы онъ черезъ меня могъ скомпрометировать Азефа. Объ этомъ они говорили прямо.

Натансонъ и Черновъ спросили Бакая, кто ему устраивалъ побѣгъ?

Бакай отвѣтилъ, что я еще въ Петроградѣ предупредилъ его, что пришлю въ Сибирь кого-нибудь его освобождать и что, дѣйствительно, я прислалъ къ нему довѣренное лицо.

— Кто къ вамъ пріѣзжалъ?

Бакай отвѣтилъ:

— В. Л. здѣсь. Если онъ мнѣ разрѣшитъ назвать это лицо, я назову.

Эсеры, а потомъ и судьи стали настаивать на томъ, чтобы я разрѣшилъ Бакаю назвать это лицо.

У Чернова и Натансона я увидѣлъ злобные огоньки въ глазахъ и какую-то надежду, что вотъ-вотъ для защиты Азефа они узнаютъ что-то нужное для нихъ. Меня взорвало такое отношеніе ко мнѣ и я съ трудомъ скрылъ въ себѣ это чувство, но рѣшилъ поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы они вполнѣ выявили свое злобное отношеніе ко мнѣ.

Я категорически заявилъ, что посылалъ вполнѣ своего человѣка, и, полагаю, что называть его не имѣетъ никакого смысла и что его имя ровно ничего не можетъ намъ выяснить, такъ какъ всѣ рѣшенія принималъ я, а это лицо было только посредникомъ.

Мой настойчивый тонъ и нежеланіе сообщить имя посланнаго мною лица въ высшей степени заинтересовали и Чернова и Натансона. Имъ казалось, что вотъ-вотъ тутъ-то и зарыта собака. И чѣмъ я больше упорствовалъ въ нежеланіи назвать это лицо, тѣмъ больше они на этомъ настаивали. Наконецъ, они стали говорить со мной языкомъ ультиматума, и заявили, что это для нихъ очень важно. Они напом-

нили, что въ началѣ нашего суда мы рѣшили ничего не скрывать и что я самъ до сихъ поръ отвѣчалъ на всѣ вопросы, касающіеся даже лично меня.

Мой споръ съ Натансономъ и Черновымъ продолжался долго и со стороны, конечно, нельзя было не видѣть, что хотя обѣ стороны и стараются выражать свои чувства въ спокойной формѣ, но сильно волновались и между ними происходитъ настоящая дуэль.

Черновъ и Натансонъ обратились къ судьямъ съ просьбой во что бы то ни стало потребовать отъ меня, чтобы я назвалъ это лицо. Я замѣтилъ, съ какой тревогой все время къ нашему спору относился любившій меня Лопатинъ. Онъ, очевидно, допускалъ, что названіе фамиліи этого лица почему-нибудь неудобно для меня. Съ такой же тревогой и съ такой же любовью смотрѣлъ на меня Крапоткинъ. Фигнеръ, по обыкновенію, была на сторонѣ эсеровъ и рѣшительно настаивала на томъ, что я долженъ назвать это имя. Судьи единогласно обратились ко мнѣ съ заявленіемъ, что они просятъ меня назвать это имя, и что они не могутъ въ этомъ отказать эсерамъ.

Тогда я сказалъ судьямъ:

— Если и вы считаете нужнымъ настаивать, я назову это имя, но очень васъ прошу: не настаивайте! Поймите, что это имя не нужно для дѣла. Оно вамъ ничего не объяснитъ.

И судьи, а еще больше Черновъ и Натансонъ, стали еще съ большей силой настаивать. Наконецъ, судьи и мои обвинители единогласно заявили мнѣ, что я долженъ назвать это имя.

— Хорошо! — отвѣтилъ я. — Я разрѣшаю Бакаю назвать имя лица, которое я посылалъ къ нему. Онъ знаетъ это имя и вы всѣ знаете. Но позвольте мнѣ еще разъ просить васъ не настаивать. Это безполезное осложненіе дѣла!

Я понималъ, конечно, что послѣ этихъ моихъ словъ эсеры особенно будутъ продолжать настаивать на своемъ. Во мнѣ начинала клокотать злоба противъ этихъ, дѣйствительно, злыхъ людей — Чернова и Натансона, даже не скрывавшихъ своей злобы, — и я нарочно еще нѣкоторое вре-

мя, что называется, ломался. Но, въ концѣ концовъ, обращаясь къ тутъ же сидѣвшему и слушавшему всю эту нашу перепалку Бакаю, я сказалъ ему:

— Ну, чтожъ! Судъ настаиваетъ, чтобы было названо имя лица, которое я къ вамъ посылалъ, Вы знаете его. Я вамъ разрѣшаю назвать его.

Воцарилась тишина. Я посмотрѣлъ на Чернова и Натансона. Они ждали, что вотъ-вотъ на ихъ улицѣ будетъ праздникъ. Я видѣлъ съ какой тревогой ждали этого имени Лопатинъ и Крапоткинъ. Всѣ впились глазами въ Бакая.

Онъ нѣкоторое время молчалъ. Потомъ сказалъ:

— Ко мнѣ въ Тюмень освобождать меня В. Л. присылалъ Софью Викторовну Савинкову.

Тутъ я увидѣлъ воочію что-то вродѣ заключительной нѣмой сцены изъ „Ревизора".

Едва сдерживая свою торжествующую злобу, я совершенно спокойно сказалъ, обращаясь, главнымъ образомъ къ эсерамъ:

— Да, я подтверждаю, что я посылалъ въ Тюмень къ Бакаю Софью Викторовну Савинкову, которую вы всѣ знаете. Я надѣюсь, что говорить о ней, какъ объ агентѣ Деп. Полиціи, посланномъ освобождать Бакая, никто изъ васъ не будетъ.

Общее молчаніе. Не забуду я выраженія Лопатина. Онъ тоже едва былъ въ силахъ скрыть свою радость и свое волненіе.

Какъ предсѣдатель, онъ спокойно отвѣтилъ мнѣ:

— Ну, разумѣется, о Сонѣ — ее всѣ присутствовавшіе хорошо знали лично — никакого сомнѣнія ни у кого быть не можетъ!

Черновъ и Натансонъ сидѣли болѣе, чѣмъ разочарованные.

Мы перешли къ другимъ дѣламъ.

Года черезъ два я былъ въ Неаполѣ и написалъ Лопатину на Капри. Лопатинъ, отъ имени Горькаго, телеграммой пригласилъ меня пріѣхать на Капри. Одинъ вечеръ мы провели всѣ вмѣстѣ у Горькаго за общимъ разговоромъ. Болѣе всѣхъ разсказывалъ Лопатинъ. Разсказывалъ по

обыкновенію красочно и увлекательно. Слушателей особенно занялъ его разсказъ именно о томъ, какъ эсеры хотѣли меня на судѣ поймать по поводу устройства побѣга Бакаю.

По поводу этого эпизода на судѣ Лопатинъ однажды мнѣ сказалъ:

— Когда Черновъ и Натансонъ стали настаивать, чтобы было произнесено имя лица, посланнаго освобождать Бакая, мнѣ показалось, что у нихъ есть какія-то особыя свѣдѣнія на этотъ счетъ и они расчитываютъ васъ утопить. Я никакъ не могъ понять, почему вы такъ долго упорствовали и все желали оттянуть упоминаніе этого имени. Но потомъ, когда Бакай сказалъ слово „Савинкова", я понялъ, какъ вы съехидничали, когда васъ разозлили!

Во время допроса Бакай приводилъ разныя соображенія, почему Азефъ, по его мнѣнію, долженъ быть провокаторомъ. Для этого онъ сообщалъ разные факты, цитировалъ слова охранниковъ, разсказывалъ о техникѣ сыскного дѣла и т. д. Но онъ видѣлъ, что и судьи, и обвинители, всѣ, кромѣ меня, не только не вѣрили ему и не были съ нимъ согласны, а просто таки не понимали его. Онъ всячески старался помочь имъ понять то, о чемъ онъ разсказывалъ, и вотъ однажды сказалъ имъ:

— Нѣтъ, вы этого не понимаете! Вотъ В. Л., онъ разсуждаетъ, какъ настоящій охранникъ!

Мы всѣ переглянулись, каждый готовъ былъ приснуть со смѣху. Если бы хоть одинъ изъ насъ не сдержался, то, несомнѣнно, несмотря на весь трагизмъ нашихъ разговоровъ, разразился бы неудержимый общій смѣхъ.

Признаюсь, для меня это было одной изъ большихъ наградъ послѣ долгаго и мучительнаго изученія провокаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь шла о вопросахъ, касающихся дѣятельности охранныхъ отдѣленій. Люди брались рѣшать вопросы величайшей общественной и партійной важности, вопросы совѣсти и чести, жизни и смерти людей и общественной безопасности, — и въ этомъ дѣлѣ они обнаруживали самое грубѣйшее непониманіе того, о чемъ говорили, — и они не только не понимали, но говорили съ необычайной самоувѣренностью и боролись, часто самыми отврати-

тельными пріемами, съ тѣми, кто имъ возражалъ. Доказавши свое полное непониманіе въ одномъ случаѣ, — они сейчасъ же въ другомъ повторяли то же самое съ той же самоувѣренностью.

Черновъ и Натансонъ на судѣ настаивали, что охранники подослали ко мнѣ Бакая и Лопухина, ведутъ вокругъ меня сложнѣйшую интригу, Ратаевъ въ Парижѣ, Доброскокъ въ Петербургѣ, Донцовъ въ Берлинѣ и т. д. одновременно участвуютъ въ огромнѣйшемъ заговорѣ противъ Азефа! Но эти мои обвинители не могли не признать, что въ уже сдѣланныхъ до того времени мною разоблаченіяхъ было много цѣннаго и что мной благодаря Бакаямъ изъ рядовъ революціонеровъ, вырваны были десятки очень важныхъ провокаторовъ. Тѣмъ не менѣе тономъ, недопускающимъ возраженій, они говорили, что Деп. Полиціи далъ мнѣ возможность разоблачить десятки провокаторовъ только для того, чтобы черезъ Бакая я бросилъ тѣнь на Азефа!

Я доказывалъ эсерамъ, что ни Бакай, ни Лопухинъ не подосланы ко мнѣ, что въ Петербургѣ, въ Саратовѣ, въ Одессѣ не могли одинаково по общему плану заниматься компромитированіемъ Азефа, что Ратаевы, Доброскоки, Донцовы не способны на такую сложную игру, какую имъ эсеры приписываютъ, что Деп. Полиціи не можетъ дѣлать такихъ глупостей, какъ выдавать своихъ агентовъ и давать ихъ убивать лишь для того, чтобы сдѣлать какую-нибудь попытку скомпромитировать Азефа. Указывалъ я имъ и на то, что если Деп. Полиціи дѣйствительно придаетъ такое значеніе Азефу, то онъ, конечно, могъ бы просто его арестовать, потому что Азефъ часто бывалъ нелегально въ Петербургѣ, посѣщалъ театры, бывалъ на вокзалахъ, видѣлся съ революціонерами и т. д. Я приводилъ случай, какъ въ 1906 г. я самъ встрѣтилъ въ Петербургѣ Азефа въ томъ видѣ, въ какомъ его всѣ и всегда могли видѣть, и какъ легко я узналъ его издали на улицѣ.

Конечно, для того, чтобы разсуждать такъ, какъ я, не надо было быть „настоящимъ охранникомъ“, а только надо было не разсуждать, какъ люди, желавшіе во что бы то ни стало все подгонять подъ предвзятыя партійныя задачи.

Въ дѣлѣ защиты Азефа Черновъ и Натансонъ разсуждали о провокаціи именно такъ, потому что интересамъ своей партіи они привыкли слѣпо подчинять все — интересы родины, принципы, правду, логику..

Въ политикѣ они такими, впрочемъ, всегда были и это они особенно ясно доказали нѣсколько лѣтъ спустя, когда для Россіи начиналась, было, новая, свободная жизнь и когда они ради интересовъ своей партіи все погубили.

На послѣднемъ засѣданіи суда — въ концѣ октября 1908 г. — сильную и красивую рѣчь противъ меня сказалъ Савинковъ:

— Я обращаюсь къ вамъ, В. Л., какъ къ историку русскаго освободительнаго движенія, и прошу васъ послѣ всего, что вамъ мы разсказали здѣсь о дѣятельности Азефа, сказать намъ совершенно откровенно, есть ли въ исторіи русскаго освободительнаго движенія, гдѣ были Гершуни, Желябовы, Сазоновы, и въ освободительномъ движеніи другихъ странъ болѣе блестящее имя, чѣмъ имя Азефа?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ я. — Я не знаю въ русскомъ революціонномъ движеніи ни одного болѣе блестящаго имени, какъ Азефа. Его имя и его дѣятельность болѣе блестящи, чѣмъ имена и дѣятельность Желябова, Сазонова, Гершуни, но только . . . подъ однимъ условіемъ, если онъ — честный революціонеръ. Но я убѣжденъ, что онъ — провокаторъ, агентъ полиціи и величайшій негодяй!

— Вотъ, товарищи, какое положеніе! — добавилъ я, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ. — Мы съ вами горячо сколько недѣль подрядъ разсуждаемъ о томъ, первый ли человѣкъ въ революціонномъ движеніи Азефъ или это первый негодяй, и не можемъ убѣдить другъ друга, кто изъ насъ правъ! Что касается меня, то я попрежнему твердо убѣжденъ, что правъ я: Азефъ — провокаторъ!

Глава XXXIII.

Поѣздка Аргунова въ Петербургъ. — Письмо Лопухина Столыпину объ Азефѣ. — Эсеры убѣдились, что Азефъ — провокаторъ. — Бѣгство Азефа. — Совмѣстное заявленіе эсеровъ и мое объ окончаніи дѣла Азефа. — Натансонъ приходилъ „мириться". — Мои письма къ Лопатину и Крапоткину и ихъ отвѣты.

Эсеры просили судъ сдѣлать перерывъ въ занятіяхъ на нѣкоторое время для дальнѣйшаго разслѣдованія дѣла.

Затѣмъ они просили у суда разрѣшенія послать спеціальнаго человѣка, члена Ц. К. Аргунова, въ Петербургъ, собрать тамъ матеріалы, обличающіе Лопухина въ двойной игрѣ. Безъ разрѣшенія суда этого они сами сдѣлать не могли. Судъ согласился и, какъ это у насъ было условлено, сообщилъ мнѣ объ этомъ. Я видѣлъ, что слово „Лопухинъ", помимо моей воли, будетъ выброшено на улицу, но помѣшать этому не могъ. . .

Скоро изъ Петербурга Аргуновъ прислалъ поразившее эсеровъ извѣстіе. Они устраняли всякую мысль о какой либо двойной игрѣ Лопухина. Затѣмъ въ Парижъ вернулся и самъ Аргуновъ со свѣдѣніями, уличающими Азефа.

Когда Аргуновъ былъ еще въ Петербургѣ, Лопухинъ написалъ извѣстное свое письмо къ Столыпину, гдѣ прямо называлъ Азефа агентомъ Деп. Полиціи. Изъ своего письма Лопухинъ не дѣлалъ секрета. Одновременно съ тѣмъ, какъ его получилъ Столыпинъ, оно очутилось и въ рукахъ революціонеровъ, а затѣмъ было напечатано заграницей. Письмо Лопухина имѣло огромное политическое и общественное значеніе. Правительство Столыпина это поняло и скоро жестоко расправилось съ Лопухинымъ.

Когда я въ Парижѣ узналъ о письмѣ Лопухина къ Столыпину, я написалъ въ Петербургъ въ Публичную Библіотеку Браудо и просилъ его лично передать прилагаемое письмо „общему нашему знакомому, о комъ мы съ нимъ бесѣдовали въ Парижѣ послѣдній разъ". Этимъ путемъ черезъ Браудо я и раньше разъ или два писалъ Лопухину.

Я горячо благодарилъ Лопухина за нашу бесѣду межву Кельномъ и Берлиномъ и просилъ его извинить меня, что мнѣ пришлось упомянуть его имя на судѣ надо мной. Я высказалъ пожеланіе еще разъ встрѣтиться заграницей и поговорить de omnibus rebus. Конечно, съ Лопухинымъ, какъ и съ Витте, я хотѣлъ говорить не о разоблаченіи Азефа, во всякомъ случаѣ не только объ этомъ, а объ „Общемъ Дѣлѣ", „Будущемъ", „Быломъ", о борьбѣ съ реакціей и т. д. Моя тогдашняя борьба съ Азефами вовсе не сводилась къ вылавливанію и къ разоблаченіямъ того или другого провокатора, а имѣла въ виду широкую политическую борьбу съ русской реакціей. Объ этомъ я открыто твердилъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ. Обращаясь къ представителямъ русской государственности всѣхъ оттѣнковъ, я никогда не переставалъ говорить имъ о томъ, что нужно поговорить de omnibus rebus, чтобъ избѣжать надвигавшейся катастрофы.

Это мое письмо Лопухинъ сохранилъ и при арестѣ самъ отдалъ обыскивающимъ его. Впослѣдствіи оно читалось на его судѣ и цѣликомъ было опубликовано въ русской печати.

Послѣ того, какъ былъ объявленъ перерывъ въ засѣданіяхъ суда, я для того, чтобы хоть немножко освѣжиться отъ кошмара, въ которомъ мнѣ приходилось жить послѣдніе мѣсяцы, поѣхалъ въ Италію къ Амфитеатрову въ Кави ди Леванто. У него я встрѣтилъ раньше меня уѣхавшаго Лопатина, а также Григорія Петрова и Шаляпина. Еще до моего пріѣзда, Лопатинъ успѣлъ познакомить Амфитеатрова съ дѣломъ Азефа и вполнѣ его убѣдилъ въ томъ, что я правъ.

Послѣ долгихъ, мучительныхъ мѣсяцевъ борьбы изъ-за Азефа, я, наконецъ, впервые встрѣтилъ людей, кто пони-

малъ меня и кто былъ на моей сторонѣ. Въ Кави я отдохнулъ душой. Но Амфитеатровъ, сколько мнѣ помнится, такъ же, какъ мои единомышленники въ Парижѣ, безнадежно смотрѣлъ на дѣло. Всѣ они плохо вѣрили въ возможность разоблаченія Азефа въ сколько-нибудь близкое время. Я былъ оптимистичнѣе ихъ, но чувствовалъ, что въ то время у меня уже едва хватало силъ держаться на ногахъ, и временами мнѣ казалось, что лично я нахожусь наканунѣ катастрофы. Я заготовилъ завѣщаніе, гдѣ обращался съ указаніями къ тѣмъ, кто послѣ меня рѣшился бы продолжать дѣло разоблаченія Азефа.

Въ декабрѣ 1908 г. въ Лондонъ по своимъ дѣламъ пріѣхалъ Лопухинъ. Черновъ, Савинковъ, Аргуновъ отправились на свиданіе къ нему. Оттуда всѣ они вернулись вполнѣ убѣжденными, что Азефъ — провокаторъ.

Савинковъ пригласилъ меня къ себѣ. Когда мы остались вдвоемъ, онъ закрылъ за собою дверь и сказалъ мнѣ:

— Вы правы во всемъ! Азефъ — агентъ полиціи. Мы знаемъ, что вы переживали послѣдніе мѣсяца. Но въ настоящее время каждый изъ насъ готовъ пережить въ десятки разъ больше, чѣмъ переживали вы, чтобы только не переживать того, что намъ приходится переживать . . .

Эти слова Савинкова для меня были почти совершенно неожиданными. Я говорю „почти“, потому что наканунѣ этого дня изъ словъ Фигнеръ, когда она приходила въ редакцію „Былого“, я могъ догадаться, что у эсеровъ уже происходитъ какой-то переломъ по отношенію къ Азефу. Тѣмъ не менѣе, я, какъ громомъ былъ пораженъ словами Савинкова. Я не могъ говорить и только горячо обнялъ его, съ кѣмъ послѣдніе мѣсяца я такъ страстно боролся изъ-за Азефа.

Отъ имени эсеровъ Савинковъ просилъ меня еще нѣсколько дней сохранять тайну, и я даже ближайшимъ своимъ друзьямъ не сказалъ ничего, что услышалъ отъ Савинкова.

Я было попросилъ Савинкова „отдать“ мнѣ Азефа. Онъ меня безъ дальнѣйшихъ комментарій понялъ, но сказалъ:

— „Нѣтъ, мы его никому не отдадимъ: онъ принадлежитъ намъ“.

Я тоже понялъ Савинкова, но не ожидалъ, что эсеры Азефа „упустятъ“ или, какъ однажды выразился Лопатинъ, „отпустятъ“.

Но вотъ на другой день ко мнѣ пришелъ видный эсеръ, еще ничего не знавшій о полномъ измѣненіи во взглядахъ своихъ шефовъ на дѣло Азефа. Въ это были посвящены только нѣсколько членовъ Ц. К. с.-р. и нѣкоторые члены „Боевой Организаціи“. Часть боевиковъ, напр., Белла, продолжали безусловно защищать Азефа и заявили Натансону, Чернову и Савинкову, что если они пальцемъ тронутъ Азефа, то они ихъ всѣхъ перестрѣляютъ.

Этотъ пришедшій ко мнѣ эсеръ принесъ мнѣ гектографированную прокламацію („Къ читателямъ „Былого“ и „Революціонной Мысли“), развѣшенную въ парижскихъ столовкахъ и распространенную по городу. Въ прокламаціи сообщалось, что въ редакціи „Былого“ у Бурцева, „какъ постоянный сотрудникъ“, работаетъ Бакай. Его называли предателемъ и предостерегали противъ него.

Ударъ, конечно, былъ направленъ не противъ Бакая, а противъ меня. Передавая прокламацію, эсеръ дружески просилъ меня быть осторожнымъ. На дняхъ, по его словамъ, расправятся съ Бакаемъ, но и мнѣ придется отвѣчать за довѣріе къ нему. Онъ говорилъ о своей любви ко мнѣ, о моихъ революціонныхъ заслугахъ, и добавилъ:

— Вы сами виноваты! Вы превратились въ орудіе Деп. Полиціи и разрушаете нашу партію. Мы будемъ бороться съ вами до конца!

Говорилъ онъ крайне нагло. Вѣруя въ Азефа, онъ, повидимому, и пришелъ-то ко мнѣ только для того, чтобы наговорить мнѣ дерзостей. Такъ тогда всѣ эсеры были увѣрены, что скоро раздѣлаются со мной. Карповичъ писалъ изъ Россіи, что онъ ѣдетъ меня убивать изъ-за Азефа, и не одинъ Карповичъ говорилъ обо мнѣ такимъ языкомъ. Я очень жалѣлъ, что тогда же не могъ сказать пришедшему ко мнѣ прокурору, въ какомъ положеніи находится дѣло

Азефа. Но Бакая я предупредилъ, что нѣсколько дней онъ долженъ быть особенно осторожнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего разговора съ Савинковымъ, онъ, Черновъ и Н. отправились къ Азефу и заявили ему, что они его обвиняютъ въ томъ, что онъ — агентъ Деп. Полиціи. Азефъ возмущался и протестовалъ. Окончаніе переговоровъ было отложено до слѣдующаго дня.

Ночью Азефъ бѣжалъ. На слѣдующій день одинъ изъ эсеровъ пришелъ ко мнѣ часа въ три и сказалъ:

— Азефъ для объясненій долженъ былъ придти сегодня въ двѣнадцать часовъ — и не пришелъ!

— И не придетъ! — сказалъ я, — если вы его оставили на свободѣ.

Черезъ два дня эсеры (7. янв. 1909 г.), такъ таки не дождавшись Азефа, особой прокламаціей объявили его провокаторомъ.

Азефъ скрылся. Эсеры вынесли ему смертный приговоръ. Они нѣсколько лѣтъ подрядъ старались найти его и привести въ исполненіе надъ нимъ этотъ приговоръ. Но Азефа больше никто никогда не могъ встрѣтить. Только въ 1912 г. при исключительныхъ условіяхъ мнѣ удалось встрѣтиться съ нимъ въ Германіи.

Послѣ бѣгства Азефа негодованіе противъ эсеровъ было огромное. Имъ приходилось объясняться ежедневно и съ отдѣльными лицами и на собраніяхъ. Ихъ обвиняли въ томъ, что они сознательно укрывали Азефа. Всѣ ждали, что я выступлю противъ эсеровъ и припомню имъ борьбу со мной изъ-за Азефа. Многіе отъ меня этого требовали.

Мое положеніе послѣ разоблаченія Азефа было таково, что я могъ, конечно, выступить съ обвиненіями не только противъ Чернова и Натансона, но и противъ всей партіи эсеровъ. Моихъ выступленій ожидали и сами эсеры. Но я этого не хотѣлъ дѣлать и прежде всего открыто заявилъ, что я не вѣрю тому, чтобы кто-нибудь изъ эсеровъ зналъ объ истинной роли Азефа.

Черезъ нѣсколько дней послѣ разоблаченія Азефа эсеры пришли въ редакцію „Былого“ „мириться“. Заявили, что они ошибались, но ошибались добросовѣстно и счита-

ютъ себя во многомъ виновными предо мной. Но если я считаю ихъ добросовѣстно ошибавшимися, то въ интересахъ общей борьбы они предложили мнѣ составить заявленіе, которое положило бы предѣлъ брошеннымъ тогда противъ нихъ обвиненіямъ. Общественное мнѣніе категорически обвиняло эсеровъ въ томъ, что, кромѣ Азефа, вмѣстѣ съ нимъ въ охранкѣ служили и другіе видные эсеры, какъ Черновъ, Натансонъ, что во время моего суда они сознательно прикрывали Азефа, — словомъ, что многіе изъ нихъ такъ же виновны, какъ и онъ самъ.

Отъ имени эсеровъ, пришедшихъ ко мнѣ, больше всего говорилъ Савинковъ. О немъ послѣ всей нашей борьбы изъ-за Азефа у меня сохранилось воспоминаніе, какъ о честномъ противникѣ. Хотя я зналъ, что не всѣ эсеры такъ и впредь будутъ относиться ко мнѣ, какъ относился Савинковъ, но все-таки полагалъ, что есть же мѣра всему и что послѣ дѣла Азефа и Натансоны, и Черновы не будутъ больше относиться къ моимъ разоблаченіямъ провокаторовъ и ко всей моей дѣятельности по-натансоновски и по-черновски.

Я согласился подписать съ эсерами заявленіе о прекращеніи нашей тяжбы по дѣлу Азефа и, сколько помнится, въ заранѣе заготовленный ими текстъ я не внесъ никакихъ измѣненій. Эсеры не скрывали тогда своего изумленія по поводу того, съ какой легкостью я вразъ перечеркнулъ свою бывшую долгую, необычайно тяжелую борьбу съ ними послѣ того, какъ я такъ блестяще ее выигралъ, и что не только не хотѣлъ разжигать разгорѣвшихся противъ нихъ страстей и мстить имъ за все то, что они сдѣлали по отношенію ко мнѣ, но своимъ заявленіемъ дѣлалъ труднымъ для другихъ обвинять ихъ въ сознательномъ укрывательствѣ Азефа, какъ провокатора.

Этотъ мой договоръ съ эсерами вызвалъ бурю негодованія противъ меня со стороны тѣхъ, кто до сихъ поръ тайно поддерживалъ меня, но кто по большей части прятались подъ псевдонимами и даже отказывались отъ роли обвинителей Азефа. Они считали это какъ бы измѣной съ моей стороны и непремѣнно хотѣли, чтобы я, пользуясь

создавшимся необыкновенно благопріятнымъ для меня положеніемъ послѣ разоблаченія Азефа, повелъ систематическую борьбу съ эсерами.

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ въ редакцію, нѣсколько неувѣренно, не зная, какъ я его приму, пришелъ Натансонъ. Но онъ сразу увидѣлъ, что я вовсе не хочу воспользоваться положеніемъ, созданнымъ для меня разоблаченіемъ Азефа, и не имѣю въ виду припоминать ему прошлое.

Я привѣтливо его встрѣтилъ. Взволнованнымъ голосомъ Натансонъ сказалъ мнѣ:

— Ну, В. Л., забудемте все, что было!

И онъ потянулся ко мнѣ съ объятіями . . .

Ему, повидимому, въ эту минуту казалось, что онъ заглаживаетъ все, что до тѣхъ поръ онъ дѣлалъ по отношенію ко мнѣ, а я думалъ о другомъ:

— Но неужели и впредь по отношенію ко мнѣ онъ будетъ дѣлать то же самое, что дѣлалъ и до сихъ поръ?

Чтобы объяснить мое тогдашнее отношеніе къ эсерамъ, скажу нѣсколько словъ.

Во время реакціи я поддерживалъ всѣ революціонныя и оппозиціонныя теченія — въ томъ числѣ и эсеровъ.

Но я и тогда зналъ, что въ программѣ и дѣятельности эсеровъ было много такого, что самымъ ужаснымъ образомъ могло отразиться на жизни всей страны въ роковые моменты ея исторіи. На это я постоянно указывалъ самимъ эсерамъ, — и на идейную борьбу съ ними въ своихъ изданіяхъ я тогда звалъ всѣхъ. Но сочувствующіе мнѣ, даже кадеты, всегда относились безучастно къ этимъ моимъ призывамъ. Въ тѣхъ же, кто тогда меня толкалъ на борьбу съ эсерами изъ-за Азефа, я видѣлъ желаніе бороться съ ними не столько, какъ съ партіей, изъ-за идей, сколько съ отдѣльными личностями изъ-за ихъ ошибокъ. Такая борьба не была моей борьбой, и толкавшіе меня на нее никогда не были мнѣ по пути.

Разоблаченіе Азефа я велъ все время такъ, чтобы впослѣдствіи мнѣ не пришлось брать ни одного слова назадъ.

Я хотѣлъ его такъ же честно кончить, какъ я его честно велъ.

Несмотря на большой предыдущій горькій опытъ, у меня все-таки была нѣкоторая надежда, что дѣло Азефа впредь заставитъ эсеровъ справедливѣе отнестись къ моей борьбѣ съ провокаторами и они перестанутъ говорить о моей близорукости и поймутъ, сколько они нанесли зла тогдашней моей борьбѣ съ провокацией.

Но я такъ-таки ни тогда, ни послѣ, никогда не дождался даже элементарнѣйшей справедливости не только со стороны Чернова и Натансона, но и со стороны партіи эсеровъ, какъ таковой. Наоборотъ, со стороны партіи очень скоро снова стали противъ меня повторяться старыя обвиненія. Эсеры и тогда оставались моими врагами, какими были и въ дѣлѣ Азефа, — и въ борьбѣ со мной попрежнему во главѣ всѣхъ ихъ всегда шелъ Натансонъ.

Послѣ окончанія дѣла Азефа я написалъ письма моимъ судьямъ — Лопатину и Крапоткину и горячо ихъ благодарилъ.

„Благодарности" Вашей, — писалъ мнѣ (9. 1. 09.) Лопатинъ въ отвѣтъ на мое письмо, — не отклоняю изъ ложной скромности, конечно, понимая подъ этимъ простое признаніе моей усердной, моральной помощи въ этомъ дѣлѣ. Такую же благодарность я ощущалъ все время и ощущаю къ кн. Петру (кн. Кропоткинъ). Безъ его моральной поддержки мнѣ — бывшему народовольцу, наслѣдственному эсеру, товарищу В. Н. (Фигнеръ) и пріятелю всѣхъ присутствующихъ, очень расположенному къ нимъ и цѣнящему ихъ расположеніе ко мнѣ — было бы очень плохо. Да и было!"

На мое письмо къ Крапоткину, гдѣ я благодарилъ его за его участіе въ дѣлѣ Азефа, онъ писалъ (14. 1. 1909) мнѣ:

„Не меня, а васъ надо обнять, да еще какъ! Я вѣдь понимаю, что вы пережили. Много нужно вѣры, и силы, и вашего глубокаго отношенія къ дѣлу."

Черезъ нѣсколько дней отъ Крапоткина было еще пись-

мо (17. 1. 1909) въ отвѣтъ на мое новое письмо, гдѣ я ему сообщалъ, что готовлю брошюру объ Азефѣ.

„Жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій, писалъ Крапоткинъ, и очень радъ былъ бы, если бы, не дожидаясь выхода въ свѣтъ, вы прислали бы мнѣ корректуры предполагаемой вами брошюры.

Помните, родной мой, — вы не сердитесь за этотъ совѣтъ — помните, что въ вашей брошюрѣ вамъ надо быть очень сдержаннымъ по отношенію къ с.-рамъ, чтобы не взвалить на нихъ слишкомъ много. Вина ихъ очень велика, но ошибаться свойственно людямъ — особенно, людямъ дѣйствія.

Поберегите ихъ партію, чтобы не было паники.

А паника очень возможна, разъ онъ скрылся и можетъ все, все выдать!...“

Нѣсколько позднѣе по поводу заявленія, подписаннаго мною съ эсерами объ окончаніи дѣла Азефа, Лопатинъ писалъ мнѣ (5. 2. 1909):

„Въ виду мировой сдѣлки 30 января с. г., третейскій судъ сталъ ненужнымъ, дѣятельность его упразднена и самое существованіе прекратилось, такъ что ему не приходится дѣлать никакихъ поставновленій или высказывать какихъ либо мнѣній. Но, конечно, еслибы дѣло было поведено инымъ путемъ и дошло до заключительнаго постановленія суда, то ему пришлось бы признать, что онъ не только не усматриваетъ въ Вашей дѣятельности по дѣлу Азефа легкомысленнаго распространенія ничѣмъ не обоснованныхъ и вредныхъ для с.-р. партіи слуховъ, но — напротивъ того — считаетъ, что всѣ друзья освободительнаго движенія въ Россіи обязаны Вамъ признательностью за то, что Ваша настойчивость такъ много посодѣйствовала обнаруженію и уничтоженію страшной провокаціи.“

Далѣе, въ томъ же письмѣ Лопатинъ говоритъ нѣсколько слѣдующихъ строкъ и о Бакаѣ, на котораго эсеры нападали не только до, но и послѣ разоблаченія Азефа.

„Что касается до Бакая — этого отправного пункта всѣхъ Вашихъ разслѣдованій по этому дѣлу — то, говоря лишь за себя — на что я только и имѣю право, я дол-

женъ сказать, что показанія его производили на меня все время впечатлѣніе полной правдивости и не только субъективной, но и объективной истинности, т. е. мнѣ все время казалось, что Бакай не только убѣжденъ въ томъ, что дѣло происходило именно такъ, какъ онъ разсказываетъ, но что оно и дѣйствительно происходило именно такимъ образомъ. Добавлю къ этому, что показанія одного важнаго, свѣдущаго и достовѣрнаго лица (Лопатинъ имѣлъ ввиду, кажется, Лопухина) подтвердили позже почти всѣ показанія Бакая, иногда даже въ самыхъ ничтожныхъ и незамѣченныхъ сначала мелочахъ.“

Глава XXXIV.

Суденбо-Слѣдственная Комиссія по дѣлу Азефа. — Полемика „Революціонной Россіи". — Самоубійство Беллы.

Для изученія дѣла Азефа эсерами была назначена слѣдственная комиссія. Въ нее вошли Бахъ, Ивановъ, Лункевичъ и Блекловъ. Эта комиссія допрашивала многихъ участниковъ дѣла Азефа. Допрашивала она и меня. Докладъ ихъ комиссіи былъ впослѣдствіи напечатанъ. Въ ея отчетѣ есть такія строки:

„Оцѣнивая роль В. Л. Бурцева въ дѣлѣ разоблаченія Азефа, Судебно-Слѣдственная Комиссія, являющаяся въ данномъ случаѣ представительницей Партіи, считаетъ своимъ долгомъ заявить, что В. Л. Бурцевъ своими безкорыстными и мужественными усиліями, направленными къ выясненію истины, оказалъ незабвенную услугу Партіи С.-Р., а съ нею и всему русскому освободительному движенію."

Это говорила Судебно-Слѣдственная Комиссія эсеровъ, а ихъ партія продолжала вести борьбу со мной и послѣ разоблаченія Азефа, какъ объ этомъ я разскажу дальше — напр., по поводу Азефа они страстно хотѣли со мной сосчитаться еще и въ 1912 г. послѣ моего свиданія съ нимъ во Франкфуртѣ.

На одномъ собраніи въ Парижѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ разоблаченія Азефа Черновъ все еще упрекалъ меня за то, что у меня не было достаточныхъ доказательствъ противъ Азефа!

Въ „Революціонной Россіи" противъ меня продолжали вести полемику въ болѣе прикрытой формѣ, но ея страстность была прежняя.

„В. Л. Бурцеву партія въ дѣлѣ Азефа, писали эсеры въ „Революціонной Россіи“, многимъ обязана и должна быть крайне признательна. Упорствомъ въ своихъ показаніяхъ противъ Азефа и настойчивостью въ изысканіи уликъ противъ него онъ далъ такой толчекъ всему дѣлу, что передъ этимъ меркнетъ, устраняется, становится слишкомъ мелкимъ вопросъ о ненормальности установленныхъ имъ при этомъ отношеній къ Ц. К. партіи. И можно только пожалѣть, что послѣ такой услуги въ дѣлѣ разоблаченія Азефа онъ вступаетъ на такой радикально ложный путь въ направленіи своей идейно-политической агитаціи по поводу этого дѣла.“

Вотъ о чемъ сожалѣли эсеры.

Я никогда не допускалъ мысли, какъ это дѣлали очень многіе (почти всѣ), что среди эсеровъ кто-нибудь зналъ о двойной роли Азефа, и своими выступленіями въ печати я парализовалъ уже сформулированныя общественнымъ мнѣніемъ такія обвиненія противъ Чернова, Натансона и нѣкоторыхъ другихъ членовъ Ц. К. с. р. Но я утверждалъ, что если самъ Деп. Полиціи активно не поддерживалъ Азефа въ террористическихъ актахъ и даже не зналъ его роли въ нихъ, то нѣкоторые изъ руководителей политическаго розыска, какъ Рачковскій, Ратаевъ, Герасимовъ, знали, что Азефъ получаетъ свѣдѣнія объ эсерахъ не благодаря только своимъ личнымъ связямъ съ отдѣльными эсерами, а потому, что онъ, ближайшій человѣкъ къ Гершуни и Савинкову, былъ активнѣйшимъ членомъ партіи и членомъ Боевой Организаціи, и понимали, что онъ поэтому не могъ не участвовать въ нѣкоторыхъ террористическихъ актахъ. Это все они знали и мирились съ этимъ, потому что дорожили получаемыми черезъ него свѣдѣніями о революціонерахъ.

Эсеры, конечно, понимали, что я правъ, но тѣмъ не менѣе возражали мнѣ, спасая престижъ своей организаціи.

Еще въ началѣ 1905 г. Лопухинъ, когда уходилъ изъ Деп. Полиціи, понялъ, что Азефъ свои свѣдѣнія объ эсерахъ получалъ не потому, что лично былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Гершуни, а потому, что онъ самъ былъ вид-

нымъ членомъ партіи, которая въ это время вела активную террористическую борьбу. Лопухинъ тогда же убѣдился и въ томъ, что непосредственный руководитель Азефа, Ратаевъ, систематически и сознательно скрывалъ даже отъ своего высшаго начальства истинную роль Азефа, и онъ предупредилъ своихъ преемниковъ о томъ, что представляетъ собою Азефъ и настаивалъ на необходимости его арестовать. Послѣ Лопухина роль Азефа для Деп. Полиціи выяснилась еще болѣе. О ней доносили и другіе эсеровскіе провокаторы, какъ Татаровъ и Жученко. Это особенно ясно долженъ былъ понять, и не могъ не понять, Герасимовъ во время суда надо мной по дѣлу Азефа, когда и послѣ моихъ разоблаченій онъ все-таки старался спасти Азефа. Азефъ для него, и тогда нуженъ былъ, несмотря на то, что онъ былъ уличенъ въ участіи въ политическихъ актахъ и ни для кого болѣе не было сомнѣнія, что онъ — глава Боевой Организаціи.

Эсерамъ, наоборотъ, хотѣлось доказать, что о роли Азефа, какъ активнаго террориста, ничего не знали даже Рачковскій и Герасимовъ. Въ моемъ обвиненіи Герасимова и Рачковскаго они видѣли умаленіе значенія и компромитированіе террористической дѣятельности ихъ партіи.

Въ этомъ смыслѣ Ц. К. эсеровъ по дѣлу Азефа выпустилъ прокламацію. Она съ разныхъ сторонъ вызвала рѣзкіе протесты. По ея поводу одинъ изъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей писалъ мнѣ:

„Я полуоффиціально увѣдомилъ Ц. К. черезъ Ф. о томъ, почему его прокламація кажется искаженіемъ истины и безспорно вызываетъ соблазнительные толкованія дѣятельности Азефа, помогая полиціи и отдѣльнымъ лицамъ вродѣ Рачковскаго въ нелегкомъ дѣлѣ самоочищенія отъ подозрѣній въ сотрудничествѣ съ Азефомъ.

Въ бесѣдѣ съ Ф. выяснилось, что абзацъ, говорящій о невѣдѣніи Деп. Полиціи, имѣетъ ввиду сіе учрежденіе, какъ таковое, а не отдѣльныхъ служащихъ. Я указалъ на чудовищность редакціи, вызвавшей и вызывающей и по сейчасъ превратное пониманіе мысли Ц. К. (у тѣхъ, кто самъ умѣетъ думать) и превратное представленіе объ Азефѣ (у

тѣхъ, кто думаетъ, какъ прикажутъ свыше). Я предложилъ принять мѣры къ тому, чтобы — а) прокламація въ теперешнемъ видѣ больше не распространялась и б) чтобы выпущено было разъясненіе къ абзатцу, вызвавшему недоразумѣніе."

Но, конечно, тогдашній споръ эсеровъ со мной по поводу Азефа былъ только одной изъ причинъ, почему они вели противъ меня кампанію. Она объяснялась, главнымъ образомъ, другими причинами. Полемика съ эсерами у меня велась давно. Еще съ самаго возникновенія ихъ партіи я отрицательно относился къ нимъ по многимъ существеннымъ вопросамъ ихъ программы и тактики.

Эсеры, какъ соціалисты-революціонеры, стояли всегда за революцію и за революціонную борьбу и всегда противъ эволюціи, — а я за революцію и за революціонную борьбу или эволюцію стоялъ въ зависимости отъ обстоятельствъ. Я никогда не былъ во что бы то ни стало соціалистомъ-революціонеромъ и всегда готовъ былъ во имя соціализма быть противъ революціи за эволюцію, когда она дѣлалась возможной.

Разоблаченіе Азефа не могло не произвести потрясающаго впечатлѣнія на эсеровъ.

Скажу нѣсколько словъ объ одной изъ жертвъ Азефа.

Мѣсяца за два три до разоблаченія Азефа, Савинковъ просилъ меня устроить „дуэль" по поводу Азефа, — чтобъ я ему разсказалъ все объ Азефѣ, что знаю, а онъ мнѣ. Савинковъ предложилъ спорить до конца. Мы нѣсколько разъ сбирались и спорили. Однажды во время этихъ нашихъ споровъ присутствовала членъ „Боевой Организаціи" Белла-Лапина, безгранично вѣрившая Азефу. Но на этихъ нашихъ собесѣдованіяхъ мы, однако, другъ друга не убѣдили и каждый остался при своемъ взглядѣ на Азефа.

Нѣсколько времени спустя, ко мнѣ на квартиру пришла Белла — одна. Я съ ней хорошо и давно былъ знакомъ и мы всегда встрѣчались съ ней дружно. Въ Петербургѣ она состояла секретаремъ нашего журнала „Былое". Это была одна изъ преданныхъ эсерокъ, искренняя, фанатичка. Ко мнѣ Белла пришла, очевидно, для того, чтобы

еще разъ попытаться убѣдить меня въ нелѣпости моихъ обвиненій Азефа и, кончая разговоръ, сказала:

— В. Л., мы вамъ разсказали самыя конспиративныя свѣдѣнія объ Азефѣ. Теперь вы знаете все. Дальнѣйшее обвиненіе Азефа съ вашей стороны только одно упрямство. Неужели вы не понимаете, что вы дѣлаете? Вы знаете, что вамъ останется дѣлать, когда вы убѣдитесь, что Азефъ честный человѣкъ?

— Знаю Мнѣ тогда останется одно: пустить себѣ пулю въ лобъ . . . И я сдѣлаю это!

— Да, у васъ не будетъ другого выхода! Вы должны будете это сдѣлать!

— Ну, — сказалъ я ей, — а если я правъ? А если Азефъ дѣйствительно провокаторъ? А если вы все время работаете съ провокаторомъ? А если глава вашей „Боевой Организаціи" и дѣйствительно провокаторъ? . . .

— Ну, тогда, — Белла захохотала, — тогда намъ всѣмъ надо будетъ перестрѣляться!

Она нервно, волнуясь, встала и направилась къ выходу. Въ ея глазахъ я видѣлъ ненависть ко мнѣ и то, что между нами все кончено . . . Я ее сталъ провожать къ дверямъ и протянулъ ей руку. Она демонстративно вышла изъ моей квартиры, не простившись со мной . . .

Я съ любовью посмотрѣлъ изъ окна на эту быстро удалявшуюся отъ нашего дома честную, упрямую фанатичку... Въ эту минуту мнѣ было очень тяжело за нее . . .

Только послѣ бѣгства Азефа, Белла убѣдилась въ томъ, что онъ — провокаторъ.

Однажды я пришелъ на одно колоніальное парижское собраніе. Издали увидѣлъ, какъ около стѣнки, скромно, задумавшись, стояла Белла. Я проходилъ мимо нея. Она увидѣла меня впервые послѣ разоблаченія Азефа и, навѣрное, вспомнила, какъ мы съ ней въ послѣдній разъ разстались. Она сильно заволновалась, будто съежилась и не знала куда дѣвать свои глаза. Я прошелъ мимо нея, не показавши вида, что замѣтилъ ея смущеніе. Выходя изъ собранія, я какъ ни въ чемъ не бывало поздоровался съ ней и сказалъ ей нѣсколько словъ привѣтствія. Этимъ мнѣ хотѣлось дать

ей понять, что я не имѣю теперь въ виду съ нею сводить какихъ-нибудь старыхъ нашихъ азефскихъ счетовъ. Затѣмъ я ее не разъ видѣлъ, когда она была болѣе спокойной. Конечно, я никогда съ ней не поднималъ разговоровъ объ Азефѣ.

Въ комиссіи, назначенной для изученія дѣла Азефа, многіе изъ тѣхъ, кто раньше защищалъ его, должны были давать объясненія. Давала показанія и Белла.

На нее пало подозрѣніе, что она знала истинную роль Азефа и въ революціонныхъ цѣляхъ помогала ему. По ея поводу въ комиссіи допрашивали и меня. Я, конечно, ни одной минуты не допускалъ возможности, что она знала объ истинной роли Азефа.

Однажды Белла пришла ко мнѣ въ редакцію „Былого“. Она, видимо, была взволнована. Спросила адресъ нашего общаго знакомаго въ Россіи, которому ей надо было написать, и мы дружески поговорили съ ней объ обыденныхъ вещахъ.

На слѣдующій день мнѣ сообщили, что Белла застрѣлилась.

Впослѣдствіи я узналъ, что обвиненія ей были предъявлены въ очень рѣзкой формѣ. Молва, вѣрнѣе, злая воля клеветниковъ, какъ-то связала ея смерть съ моими обвиненіями, и я тогда же настоялъ на томъ, чтобы эсеры оффиціально опровергли эту клевету (см. „Будущее“ № 38).

Глава XXXV.

Послѣ разоблаченія Азефа заграницей и въ Россіи. — Арестъ Лопухина. — Снова борьба противъ меня изъ-за разоблаченій провокаторовъ,

Въ Россіи разоблаченіе Азефа произвело потрясающее впечатлѣніе. Русская печать, несмотря на цензуру, смогла ярко выявить общественное настроеніе и съ сочувствіемъ говорила о разоблаченіи Азефа, какъ о дѣлѣ огромной общественной и государственной важности. Съ живѣйшимъ интересомъ о немъ заговорили въ Гос. Думѣ. Вскорѣ затѣмъ съ ея кафедры правительству былъ сдѣланъ запросъ о дѣлѣ Азефа. Говорили Маклаковъ, Пергаментъ, Покровскій и др. Имъ отвѣчалъ Столыпинъ.

Какъ будто для того, чтобы показать, какое огромное значеніе придаетъ оно разоблаченію Азефа, правительство при исключительно сенсаціонной обстановкѣ арестовало въ Петербургѣ быв. директора Деп. Полиціи Лопухина. Можно было подумать, что отечество было въ опасности и правительство ждало уличнаго боя.

Арестъ Лопухина былъ событіемъ огромной общественной важности и имѣлъ большія послѣдствія. Цѣлыя страницы въ русскихъ газетахъ, начиная съ „Новаго Времени", были посвящены его дѣлу.

Европейская пресса глубоко заинтересовалась дѣломъ Азефа, а въ связи съ нимъ и общимъ положеніемъ революціонной борьбы съ реакціей въ Россіи. Меня охотно печатали въ большой европейской прессѣ.

Для правительства дѣло Азефа было настоящимъ ударомъ, ударомъ не по оглоблѣ, а по коню. Этимъ разобла-

ченіемъ особенно были поражены въ стѣнахъ Деп. Полиціи. Тамъ, говорятъ, нѣкоторое время всѣ бросили свои занятія. Ходили отъ стола къ столу и обсуждали событіе.

Лично для меня окончаніе дѣла Азефа явилось поворотнымъ пунктомъ во всей моей тогдашней жизни.

Къ этому времени обстоятельства сложились такъ, что всѣ мои политическіе планы, всѣ мои политическія связи, всѣ мои личныя дѣла — были не то, что просто связаны, но были всецѣло поглощены дѣломъ Азефа и цѣликомъ зависѣли отъ него. Это хорошо знали только я и еще очень немногіе изъ моихъ друзей и моихъ враговъ, а широкая публика объ этомъ не имѣла понятія.

Когда въ январѣ 1908 г. я пріѣхалъ въ Парижъ, въ свою новую эмиграцію, у меня, какъ и въ 1889 г., на первомъ планѣ были широкіе литературные планы. Но оттого, что я тогда же началъ дѣло Азефа, положеніе мое скоро сдѣлалось необычайно тяжелымъ.

Обвиненіе Азефа создавали мнѣ препятствія за препятствіями. Мнѣ старались вредить на каждомъ шагу. Широкая публика не могла разобраться, въ чемъ дѣло и почему меня преслѣдуютъ, но тѣмъ не менѣе отходила отъ меня въ сторону. Я не могъ продолжать начатыхъ своихъ даже литературныхъ дѣлъ и попалъ въ тяжелое матеріальное положеніе, изъ котораго временно не видѣлъ никакого выхода.

Благодаря этой борьбѣ со мной изъ-за Азефа и отчасти изъ-за Стародворскаго, на меня надвигалась катастрофа. Если до сентября 1908 г. дѣло Азефа было для меня тяжело, то тогда оно все-таки не было тѣмъ, чѣмъ стало послѣ сентября, когда оно для меня дѣлало невозможнымъ не только вести общественную работу, но просто существовать.

И вотъ въ концѣ 1908 г. неожиданно совершилось разоблаченіе Азефа . . .

Люди сколько-нибудь чуткіе и добросовѣстные признавали, что въ дѣлѣ Азефа я оказался правымъ не только въ конечномъ результатѣ, но былъ правъ во всѣхъ деталяхъ моего разслѣдованія, что Бакай вовсе не былъ подосланъ ко мнѣ и что Деп. Полиціи вообще не такъ ужъ ле-

гко было меня обмануть, какъ о томъ увѣренно говорили мои противники, что я умѣю разслѣдывать дѣла о провокаціи и что все то, что Натансонъ и Черновъ распространяли про меня, было — сплошная клевета.

Были и такіе изъ моихъ противниковъ, кому было невыгодно это громко признать, — и они предпочитали молчать!

Но были и такіе, кто, признавая, что я оказался правъ въ дѣлѣ Азефа, говорили: это такъ, но что касается дѣла Стародворскаго (другіе называли имена Бжозовскаго, потомъ Батушанскаго и др.), въ этомъ дѣлѣ Бурцевъ неправъ, его обманываютъ агенты Деп. Полиціи, онъ совершаетъ величайшее преступленіе, губитъ революціонное движеніе и т. д., — и на этомъ основаніи снова начинали противъ меня свою старую борьбу, какую они вели изъ-за Азефа.

Конечно, послѣ разоблаченія Азефа мои обвинители по дѣлу Стародворскаго сильно сбавили тонъ сравнительно съ тѣмъ, что они еще недавно говорили обо мнѣ, но они все-таки систематически продолжали вредить мнѣ такъ же, какъ это дѣлали Натансонъ и Черновъ въ дѣлѣ Азефа.

Такимъ образомъ, съ разоблаченіемъ Азефа исчезло многое, что разрушало мои дѣла, и открывалась широкая дорога для дальнѣйшей моей работы.

Я началъ встрѣчать нѣсколько большую поддержку, чѣмъ раньше. Я смогъ часто выступать въ европейской прессѣ и выпустилъ новую книгу „Былого". Русскія газеты охотно помѣщали мои интервью и статьи о моихъ разоблаченіяхъ.

Сочувствія, привѣтовъ, горячихъ газетныхъ статей, корреспонденцій было безъ конца. Едва ли когда-нибудь какое-нибудь другое эмигрантское русское дѣло имѣло такую шумную извѣстность въ Россіи, какъ то, которое мнѣ приходилось тогда вести. За моей дѣятельностью по легальнымъ изданіямъ имѣли возможность слѣдить по всей Россіи.

Я сталъ ждать, что изъ Россіи пріѣдутъ представители не только революціонныхъ, но и умѣренныхъ и радикальныхъ партій, представители Думы и печати для пере-

говоровъ объ общемъ дѣлѣ и дадутъ намъ возможность широко развить литературную пропаганду заграницей и борьбу съ провокаціей, о чемъ тогда съ такимъ сочувствіемъ говорили въ Россіи, — или, пользуясь моимъ опытомъ, сами будутъ работать въ этомъ направленіи.

Но на дѣлѣ, и слѣдующіе года — были очень тяжелыми годами въ моей жизни — опять таки потому, что я продолжалъ идти не проторенными партійными дорогами, а шелъ своей дорогой и былъ противъ всякихъ компромисовъ — и направо и налѣво.

Глава XXXVI.

Дѣло Стародворскаго послѣ разоблаченія Азефа. — Первыя указанія на сношенія Стародворскаго съ Департаментомъ Полиціи. — Тайное полученіе документовъ изъ Департамента Полиціи. — Прошеніе Стародворскаго изъ Шлиссельбургской крѣпости о помилованіи. — Его переговоры съ чинами Деп. Полиціи въ Петропавловской крѣпости.

Разоблаченіе Азефа меня спасло отъ нѣсколькихъ новыхъ тяжелыхъ ударовъ. Я ихъ ждалъ. Ихъ ждали и мои друзья съ болью въ сердцѣ за меня, и мои враги съ надеждой „сосчитаться" со мной. Мнѣ было трудно даже что-нибудь сдѣлать, чтобы предотвратить эти удары. Я былъ убѣжденъ, что если Азефъ не будетъ разоблаченъ или даже только его дѣло затянется, то мнѣ не удастся отвратить надвигающихся на меня несчастій.

Пока происходилъ судъ по дѣлу Азефа, въ широкой публикѣ только догадывались, что партія эсеровъ ведетъ противъ меня какое-то серьезное дѣло. Болѣе же посвященные, если не знали опредѣленно имени того, на кого я „клевещу", то во всякомъ случаѣ были вполнѣ убѣждены, что противъ меня ведется такое серьезное дѣло, которое должно меня раздавить. Это особенно хорошо знали защитники Стародворскаго и Бжозовскаго и на это они сильно разсчитывали.

Когда 7 января 1909 г. Ц. К. эсеровъ объявилъ Азефа провокаторомъ, произошла вразъ какая-то катастрофа во взаимныхъ отношеніяхъ между мной, эсерами и публикой.

Вчера я сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, эсеры были моими прокурорами и гремѣли противъ меня. Вокругъ се-

бя они собрали друзей Стародворскаго и обвиняемыхъ поляковъ и очень многихъ другихъ, кто по разнымъ обстоятельствамъ злобствовалъ противъ меня.

Сегодня на квартирѣ эсеровъ члены ихъ же партіи, развалившись въ креслахъ, требовали объясненій объ Азефѣ. Они обвиняли своихъ вожаковъ, заподозривали ихъ, грозили имъ. Эсерамъ, а больше всего Чернову, приходилось публично давать отчетъ и стараться убѣдить публику, хотя бы только въ томъ, что они добросовѣстно заблуждались насчетъ Азефа.

Совершенно въ иную сторону измѣнились мои дѣла. Ко мнѣ совсѣмъ иначе стали относиться по всѣмъ дѣламъ, по поводу которыхъ еще недавно вели противъ меня кампанію. Это измѣненіе сказалось и въ дѣлѣ Стародворскаго.

Засѣданія третейскаго суда между Стародворскимъ и мной происходили съ конца 1908 г. параллельно съ засѣданіями суда по дѣлу Азефа. Объ обвиненіи меня по дѣлу Стародворскаго знали всѣ. Въ русской печати уже появилась рѣзкая статья Стародворскаго противъ меня и я также рѣзко отвѣчалъ ему. Въ публикѣ многіе были убѣждены, что я клевещу на этого шлиссельбуржца по наущенію подосланнаго ко мнѣ Деп. Полиціи Бакая. Я не былъ еще обвиненъ, третейскій судъ только начинался, но ко мнѣ относились уже какъ къ осужденному, и я чувствовалъ себя какъ бы зачумленнымъ, отъ котораго старались отойти.

Послѣ разоблаченія Азефа защитники Стародворскаго и Бжозовскаго уже не держали себя такъ самоувѣренно и уже больше не говорили, что Бакай подосланъ ко мнѣ Департаментомъ Полиціи. Но, впрочемъ, по существу они, однако, не перемѣнили ко мнѣ своего отношенія и больше только внѣшне стали иначе относиться ко мнѣ. Защитники Стародворскаго еще шесть мѣсяцевъ вели противъ меня систематическую кампанію и кончили такимъ приговоромъ, отъ котораго впослѣдствіи всѣмъ имъ пришлось отказываться.

Изъ того, какъ велось и послѣ разоблаченія Азефа дѣло Стародворскаго, можно видѣть, какъ бы мнѣ пришлось за него расплачиваться, если бы оно кончилось до разобла-

ченія Азефа. Имъ хорошо бы противъ меня воспользовались и въ дѣлѣ Азефа, и въ дѣлѣ Бжозовскаго.

Но, къ счастью, обоимъ этимъ дѣламъ предшествовало разоблаченіе Азефа.

При разбирательствѣ дѣла Бжозовскаго въ Краковѣ уже не было и рѣчи, что Бакай ко мнѣ подосланъ и я творю волю Департамента Полиціи, а дѣло Стародворскаго, если не формально, то по существу кончилось для него осужденіемъ.

Дѣло Стародворскаго въ моей жизни заняло огромное мѣсто — и въ тѣ годы, когда оно только что начиналось, и впослѣдствіи. Послѣ дѣла Азефа оно было едва ли ни самымъ отвѣтственнымъ моимъ дѣломъ въ области разоблаченія провокаторовъ. Временно оно цѣликомъ захватило всего меня. Это — цѣлая полоса въ моей жизни.

Въ концѣ 1906 г. — я тогда жилъ въ Петербургѣ и принималъ участіе въ редактированіи „Былого" — до меня случайно дошло свѣдѣніе, повидимому, совершенно невѣроятное. Но получилъ я это свѣдѣніе въ такихъ условіяхъ, что не могъ не обратить на него вниманія.

Мнѣ сказали, что въ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ находится кто-то изъ . . . старыхъ революціонеровъ, шлиссельбуржцевъ!

Я досталъ полный списокъ шлиссельбуржцевъ. Сталъ его читать и перечитывать и вдумываться въ каждое имя. Лопатинъ, Морозовъ, Фигнеръ . . . На нихъ, конечно, я не останавливался ни одной минуты. Было четыре-пять именъ шлиссельбуржцевъ, о которыхъ я не имѣлъ такихъ же обстоятельныхъ свѣдѣній, какъ о другихъ, но то, что я зналъ и о нихъ, устраняло всякое сомнѣніе относительно нихъ. Неизвѣстныхъ для меня именъ среди шлиссельбуржцевъ не было.

Но, признаюсь, когда еще въ первый разъ я прочиталъ списокъ шлиссельбуржцевъ, въ немъ одно, хорошо мнѣ извѣстное, имя какъ-то сразу остановило на себѣ мое вниманіе, и потомъ всякій разъ, когда я возвращался къ нему, у меня сердце всегда екало, но я сейчасъ же отгонялъ свои сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе я снова и снова невольно воз-

вращался къ нему. Я боролся съ собой и старался заглушить въ себѣ страшныя подозрѣнія. Но ни на одномъ другомъ имени я какъ-то даже и не останавливался. Я все невольно про себя твердилъ: Стародворскій, Стародворскій, Стародворскій . . .

Мнѣ сказали, что если дать тысячъ десять рублей, то назовутъ имя этого шлиссельбуржца и дадутъ о немъ подробныя свѣдѣнія. Называли источникъ, гдѣ можно получить эти свѣдѣнія, а именно — у И. Ф. Мануйлова-Манасевича.

Но я тогда не рѣшался даже начать какія-либо разслѣдованія о дошедшихъ до меня свѣдѣніяхъ, и до поры до времени только сохранялъ ихъ про себя. Догадка моя казалась слишкомъ невѣроятной и было тяжело думать, что это вѣрно. Я даже не считалъ себя вправѣ подѣлиться съ кѣмъ либо полученными указаніями.

Въ это время я имѣлъ сношенія съ однимъ чиновникомъ Департамента Полиціи, имѣвшимъ отношеніе къ его архиву. За очень скромное вознагражденіе, черезъ общаго нашего знакомаго N., онъ доставлялъ мнѣ изъ этого архива цѣлые томы секретныхъ документовъ — по 800 стр. in folio. Я пересмотрѣлъ такимъ образомъ до двадцати большихъ томовъ, не считая мелкихъ. Я ихъ просматривалъ и возвращалъ обратно, заказывалъ новые и т. д. Все это дѣлалось впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ при огромномъ рискѣ и для этого чиновника, и для меня.

Когда до меня дошло свѣдѣніе, что съ охранниками связанъ какой-то шлиссельбуржецъ, я попросилъ чиновника принести мнѣ изъ Департамента Полиціи за нѣкоторые годы дѣла о шлиссельбуржцахъ, гдѣ я надѣялся найти нужную мнѣ разгадку того, что меня мучило.

Вскорѣ въ одномъ изъ такихъ томовъ нашлось заявленіе Стародворскаго на имя Директора Департамента Полиціи и его прошеніе на Высочайшее имя о помилованіи.

Полученный томъ съ этими документами, какъ я обыкновенно дѣлалъ, я сейчасъ же передалъ для переписки моимъ добрымъ знакомымъ супругамъ К. Самъ К., извѣстный юристъ и любитель исторіи, занимавшій видное мѣсто въ судебномъ мірѣ, много разъ помогалъ мнѣ разбираться въ

матеріалахъ Департамента Полиціи, а жена его переписывала для меня особо секретные документы. Все это дѣлалось ими вполнѣ безвозмездно и безкорыстно съ огромнымъ рискомъ для себя. Я цѣлые года при царскомъ режимѣ продолжалъ пользоваться ихъ услугами. Воображаю, какой бы шумъ тогда былъ бы поднятъ, если бы охранникамъ удалось какъ-нибудь узнать, на чьей квартирѣ я хранилъ и переписывалъ документы, тайно добытые мной при такихъ исключительныхъ условіяхъ изъ Департамента Полиціи!

Передавая документы г-жѣ К., я не могъ предупредить ее о прошеніяхъ Стародворскаго, но она сама безъ меня нашла ихъ. Они ее такъ поразили, что она по телефону спѣшно вызвала меня къ себѣ. Я, не разспрашивая ее, понялъ, зачѣмъ ей надо было видѣть меня.

Потомъ въ шлиссельбургскихъ документахъ нашлось не одно прошеніе Стародворскаго о помилованіи, а три. На нихъ я обратилъ особенное вниманіе потому, что имя Стародворскаго было именно тѣмъ именемъ среди шлиссельбуржцевъ, на которомъ я невольно послѣднее время останавливался съ тѣхъ поръ, какъ до меня дошли темные слухи о сношеніяхъ какого-то шлиссельбуржца съ Департаментомъ Полиціи.

Надо было такъ хорошо знать біографію Стародворскаго, какъ я ее зналъ, чтобы одновременно и быть пораженнымъ этими его прошеніями, и въ то же самое время сразу допустить, что они были имъ написаны и что на этотъ счетъ не могло быть сомнѣній.

Въ декабрѣ 1883 г. Стародворскій участвовалъ въ убійствѣ извѣстнаго жандармскаго полковника Судейкина и весной 1884 г. онъ былъ арестованъ. Въ 1887 г. его приговорили къ смертной казни, а послѣ помилованія заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и просидѣлъ до 1905 г., т.-е., включая и годы предварительнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, всего болѣе 20 лѣтъ.

Но общая амнистія 1905 г. застала Стародворскаго не въ Шлиссельбургской крѣпости, а въ Петропавловской, куда онъ, какъ это выяснилось послѣ, былъ ранѣе привезенъ по сдѣланному тайно отъ товарищей имъ самимъ вызову для

переговоровъ съ правительствомъ. Сидя въ Петропавловской крѣпости, Стародворскій видѣлся и велъ переговоры съ представителями Департамента Полиціи, — между прочимъ, съ Рачковскимъ.

Изъ этихъ своихъ переговоровъ въ Петропавловской крѣпости Стародворскій сдѣлалъ тайну не только отъ своихъ товарищей по тюрьмѣ, но и отъ всѣхъ насъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, когда былъ уже на волѣ. Онъ совершенно не сознавалъ, какую опасность представляютъ для него тайныя сношенія съ Департаментомъ Полиціи, и не понималъ того, что Рачковскій въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ руководствуется только одними узкими, самыми низкими, полицейскими цѣлями. Льстя и обманывая Стародворскаго, Рачковскій имѣлъ въ виду только заагентурить на свою службу еще одного лишняго тайнаго сотрудника съ такимъ политическимъ прошлымъ, какъ у Стародворскаго. Стародворскій не понималъ и того, что тогдашнее правительство по своимъ взглядамъ на общественные вопросы было не выше Рачковскаго. Оно и не могло идти навстрѣчу Стародворскому, когда онъ просилъ его освободить во время войны и послать солдатомъ сражаться на войну. Для правительства это означало создать апофеозъ для человѣка съ такимъ революціоннымъ прошлымъ, какъ Стародворскій, а оно и во время войны въ общественныхъ вопросахъ руководствовалось не общегосударственными, патріотическими цѣлями, а только исключительно полицейскими.

О переговорахъ Стародворскаго носились только какіе-то туманные слухи. Вообще же думали, — такъ дѣло объяснялъ и самъ Стародворскій, — что изъ Шлиссельбургской крѣпости перевезли его въ Петропавловскую крѣпость помимо его ходатайства, быть можетъ, потому, что правительство, узнавши черезъ тюремное начальство объ его патріотическомъ настроеніи во время тогдашней войны, само хотѣло, если и не освободить его за это изъ тюрьмы и отправить на фронтъ — война въ это время кончалась, — то оказать ему кое-какія льготы.

Когда Стародворскій въ концѣ октября 1905 г., одновременно со всѣми другими шлиссельбуржцами, былъ осво-

божденъ изъ Петропавловской крѣпости, онъ въ нашихъ глазахъ былъ окруженъ ореоломъ не только своего двадцатилѣтняго сидѣнія въ шлиссельбургской каторжной тюрьмѣ, но и воспоминаніемъ объ участіи въ убійствѣ одного изъ самыхъ ненавистныхъ людей своего времени — Судейкина.

Надъ именемъ Стародворскаго не тяготѣло никакихъ сомнѣній. Моя первая статья, напечатанная въ Россіи послѣ возвращенія изъ-заграницы, была посвящена Стародворскому, и о немъ я говорилъ съ глубокимъ сочувствіемъ.

Высокаго роста, физически совершенно сохранившійся, здоровый, сильный, живой — Стародворскій производилъ очень глубокое впечатлѣніе. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ не былъ крайнимъ, его политика была реальна и патріотична. Люди моихъ политическихъ взглядовъ не могли не относиться къ нему съ сочувствіемъ, — и я ему заказалъ воспоминанія для „Былого" объ убійствѣ Судейкина.

Но вскорѣ Стародворскій какъ-то отошелъ отъ всѣхъ насъ. Между нами сразу появился какой-то холодокъ, и мы почувствовали отчужденность отъ него. Стали передавать изъ устъ въ уста разсказы объ его различныхъ довольно „практичныхъ" дѣлахъ. Были между ними и такіе разсказы, которымъ не хотѣлось вѣрить. Хотѣлось ихъ замалчивать и не придавать имъ никакого значенія, какъ будто ничего подобнаго не было. Тѣмъ не менѣе отъ всего этого что-то оставалось на душѣ. Что-то въ томъ же родѣ стали разсказывать объ его поѣздкахъ по заграницѣ — объ излишней, проявленной тамъ, его практичности, поразившей даже иностранцевъ . . .

Найденныя въ бумагахъ Департамента Полиціи три прошенія Стародворскаго о помилованіи для меня были не только результатомъ одной временной слабости человѣка, просидѣвшаго долго въ тяжелыхъ условіяхъ въ тюрьмѣ, но они говорили и объ его систематическомъ обманѣ товарищей впродолженіе многихъ лѣтъ и о томъ, что онъ и теперь говоритъ всѣмъ неправду.

Только послѣ этихъ находокъ въ бумагахъ Департамента Полиціи я и счелъ себя вправѣ начать разслѣдованіе о

Стародворскомъ въ связи съ полученными свѣдѣніями о томъ, что кто-то изъ шлиссельбуржцевъ находится въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи.

Тогда черезъ третьихъ лицъ я постарался переспросить Мануйлова-Манасевича, съ которымъ я не былъ тогда знакомъ, о томъ, кого онъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ о шлиссельбуржцѣ, завязавшемъ сношенія съ охранкой. Онъ отвѣтилъ, что дѣло идетъ о Стародворскомъ. Это указаніе дано было Мануйловымъ-Манасевичемъ нейтральному человѣку, когда онъ самъ этому разговору не придавалъ никакого особеннаго значенія и не могъ даже предполагать, что его слова будутъ переданы мнѣ, и онъ не зналъ, что собственно мной же ему и былъ поставленъ этотъ вопросъ. Кстати, ни о какомъ требованіи десяти тысячъ за это сообщеніе, какъ о томъ говорили, не было рѣчи ни съ его стороны, ни со стороны другихъ лицъ.

Обстановка, при которой на этотъ разъ было получено это свѣдѣніе, меня почти окончательно убѣдила, что рѣчь шла именно о Стародворскомъ.

Глава XXXVII.

Начало разслѣдованій по дѣлу Стародворскаго. — Морозовъ въ исторіи обвиненія Стародворскаго. — Морозовъ, Новорусскій и Лопатинъ противъ Стародворскаго.

Первое время съ прошеніями Стародворскаго я все-таки не рѣшался познакомить даже его товарищей шлиссельбуржцевъ и только продолжалъ собирать о немъ дополнительныя свѣдѣнія. Но обстоятельства заставили меня начать дѣло скорѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Посредникъ, передававшій мнѣ отъ чиновника Департамента Полиціи документы, иногда изъ любопытства самъ просматривалъ ихъ у себя дома. При одной изъ этихъ передачъ онъ самостоятельно, раньше меня, нашелъ одно изъ прошеній Стародворскаго и оно очень заинтересовало его. Передавая мнѣ принесенный томъ, онъ указалъ мнѣ на него. Впослѣдствіи во время своихъ показаній на судѣ съ Стародворскимъ онъ заявилъ, что прошеніе Стародворскаго такъ меня поразило, что я сразу сильно заволновался и отъ душившихъ меня слезъ съ трудомъ говорилъ. Но я ему тогда сказалъ, что документы не имѣютъ большого значенія. Говорилъ я это для того, чтобы онъ не поспѣшилъ сообщить о найденномъ документѣ своимъ знакомымъ журналистамъ. Но несмотря на мою просьбу молчать о прошеніи Стародворскаго, посредникъ сообщилъ о немъ, если не журналистамъ, то „по начальству“ — какому-то эсеру, а эсеръ съ этой новостью обратился къ Николаю Александровичу Морозову.

По поводу того, что тогда происходило между Стародворскимъ, Морозовымъ, Михаиломъ Васильевичемъ Новорусскимъ и мной, имѣются любопытныя современныя записи въ со-

хранившихся у меня письмахъ Морозова и Новорусскаго, присланныхъ мнѣ для представленія на судъ.

Вотъ что тогда писалъ изъ Петербурга Морозовъ:

„Еще въ первую зиму моей жизни въ ПБ. въ 1905 г. за обѣдомъ у одной свѣтской дамы, къ хозяевамъ прибѣжала одна пожилая знакомая, вращающаяся въ аристократическомъ кругу (даже съ великими князьями) и, увидѣвъ меня, воскликнула: Н. А.! неужели это правда? Кто-то изъ вашихъ товарищей по Шл. состоитъ на службѣ градоначальника? Вчера за обѣдомъ градоначальникъ прямо сказалъ это. Мы, докончила она, такъ и онѣмѣли отъ изумленія.

Я страшно возмутился, услышавъ это, началъ горячо доказывать всѣмъ, что градоначальникъ говоритъ это со злости на оваціи, которыя намъ дѣлаютъ, но она увѣряла, что онъ говорилъ искренне. Этотъ случай меня страшно возмутилъ, такъ какъ я никакъ не могъ допустить, чтобъ кто-нибудь, честно выстрадавши много лѣтъ за свободу, могъ измѣнить ей въ моментъ торжества. Относительно же прежнихъ попытокъ я зналъ только про случай Оржиха. Содержавшійся въ Шлиссельбургской крѣпости Б. Оржихъ въ 1890-хъ годахъ тайно отъ товарищей подалъ прошеніе о помилованіи и тогда же былъ выпущенъ на поселеніе. Впослѣдствіи жилъ на Сахалинѣ. Умеръ въ Южной Америке. Да попытку Стародворскаго выскочить въ солдаты незадолго до нашего выпуска изъ Шлиссельбурга.

Затѣмъ черезъ годъ, кажется, въ февралѣ 1907 г., на литературномъ вечерѣ ко мнѣ подошелъ одинъ эсеръ, нелегальный, безъ фамиліи, котораго я уже два-три раза встрѣчалъ у знакомыхъ, и сказалъ: Какъ это ужасно! Вся эта исторія со Стародворскимъ! Эти его прошенія! — Какія? — Развѣ вы не знаете? — Знаю о его прошеніи тотчасъ послѣ суда надъ нимъ и о прошеніи въ солдаты незадолго до выхода. — Нѣтъ! воскликнулъ онъ. — Его прошенія въ 1890 и 1892 г. г. съ предложеніемъ услугъ правительству! — Въ первый разъ слышу! — Развѣ Бурцевъ Вамъ ничего не говорилъ? — Нѣтъ! — Но онъ о нихъ знаетъ не менѣе двухъ недѣль! Отъ васъ онъ не долженъ бы скрывать!

Черезъ нѣсколько дней я увидѣлъ Бурцева въ редакціи „Былого“ и спросилъ. Онъ сильно заволновался, забѣгалъ по комнатѣ, сказалъ, что это уже началась болтовня, что онъ хотѣлъ насъ пощадить и сохранить документы въ тайнѣ отъ насъ и публики. — Но разъ вамъ уже сказали, прибавилъ онъ, я не имѣю права скрывать! — (Конечно, я не имѣлъ въ виду скрыть найденные документы отъ шлиссельбуржцевъ, а хотѣлъ только предварительно собрать о документахъ дополнительныя свѣдѣнія. Б у р ц.). И онъ мнѣ показалъ копіи съ напечатанныхъ имъ въ это лѣто документовъ подъ № 2 и 3. Я былъ совершенно ошеломленъ, но, разспросивъ Бурцева о подробностяхъ, долженъ былъ придти къ заключенію, что о подлогѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Никто не рѣшился бы поддѣлывать подписи Лерхе и Федорова на этихъ бумагахъ, да и нѣкоторыхъ подробностей нельзя было даже и поддѣлать (напримѣръ, полузабытой нами попытки Стародворскаго отстраниться отъ насъ въ 1892 г. или его разговоръ съ Саловой или Лопатинымъ еще во время его суда). И меня охватилъ ужасъ при мысли, что съ такими документами департаментъ въ сущности держитъ несчастнаго въ рукахъ, и можетъ требовать отъ него многаго подъ угрозой ихъ опубликовать. — Необходимо, сказалъ я Бурцеву, прежде всего сказать объ этомъ Стародворскому. Онъ, очевидно, писалъ все это съ цѣлью надуть и насъ и полицію, что на него похоже, но ему тогда не повѣрили, и не выпустили. — Но я не могу назвать себя, отвѣтилъ Бурцевъ, чтобъ не пошла болтовня, что я получаю цѣнныя бумаги изъ департамента. — Тогда пусть Новорусскій пойдетъ къ нему и скажетъ, что узналъ отъ меня, — сказалъ я. Новорусскій такъ и сдѣлалъ на другой же день. Не прошло и вечера, какъ получаю письмо отъ Стародворскаго съ вопросомъ, какіе документы находятся у меня, и чтобы я отвѣтилъ ему письменно немедленно. Не желая вредить Бурцеву, я написалъ, что мнѣ извѣстно, что въ тайномъ шлиссельбургскомъ архивѣ хранятся два его скверныя прошенія съ предложеніемъ услугъ, и что я считаю это дѣломъ его дипломатіи, за которую я не разъ упрекалъ его и въ Шлиссельбургѣ, говоря, что самая лучшая дипломатія есть ис-

кренность, такъ какъ нѣтъ ничего тайнаго, что не стало бы явнымъ. Но ради его жены, считающей его за героя, я не буду ничего говорить объ этомъ въ публикѣ. Только наши дороги пойдутъ теперь врозь, между нами нѣтъ болѣе общихъ дѣлъ, но для того, чтобъ не давать постороннимъ повода къ разспросамъ, я буду встрѣчаться съ нимъ, здороваться и прощаться. Какъ разъ передъ этимъ его жена и родные звали меня и К. въ гости, и мы обѣщали. Зная, что Стародворскій на дняхъ уѣзжаетъ, мы отложили визитъ до его отъѣзда. Но на второй же день послѣ моего письма къ нему у меня былъ сдѣланъ тщательный обыскъ. Письма мои и К. были запечатаны и отправлены въ охранку. Это задержало визитъ, и когда мы пришли къ Семеновымъ, Стародворскій уже возвратился, и мы съ нимъ встрѣтились. Обоимъ было неловко и, посидѣвъ немного, я съ К. собрались уходить. Когда я шелъ въ дальній конецъ корридора за своей шапкой, Стародворскій догналъ меня и шепнулъ: а того, что вы называете дипломатіей, никогда не было. Я ничего не отвѣтилъ, такъ какъ зналъ уже изъ его упомянутого письма, что онъ все отрицаетъ.

Съ этого времени, сказалъ я, у меня утратилось товарищеское довѣріе къ Стародворскому и потому, когда въ мартѣ (1908 г.) въ Парижѣ я услышалъ отъ Бурцева, что среди шпіоновъ говорятъ, будто среди эсеровъ у нихъ на службѣ находится такая „шишка“ (я имѣлъ въ виду, конечно, Азефа, но его фамиліи я не говорилъ и Морозову. Бурц.), что провалъ ея произвелъ бы страшный скандалъ, я сказалъ Бурцеву: почему же вы думаете, что эти слова относятся къ тому, кого вы подозрѣваете, а не къ Стародворскому, который, благодаря своимъ тайнымъ прошеніямъ, у нихъ давно въ рукахъ? Этимъ и окончилось дѣло, такъ какъ тогда я и не зналъ ничего болѣе.

Только черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія въ Петербургъ, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ на лѣто въ деревню, одно лицо, а затѣмъ и другое сказали мнѣ, что по свѣдѣніямъ изъ высшихъ административныхъ сферъ, „Стародворскій и теперь путается съ какимъ-то Герасимовымъ“ (начальникомъ, кажется, охраннаго отдѣленія или чертъ его знаетъ

какого, я теперь забылъ). Я сказалъ объ этихъ ужасныхъ слухахъ своему другу Новорусскому, сказалъ женѣ своей, а больше, кажется, не успѣлъ никому, и уѣхалъ въ деревню, изъ которой возвратился только теперь. Пока я былъ въ Москвѣ, мнѣ сообщили, что Новорусскій попалъ въ прескверное положеніе, такъ какъ Стародворскій его хочетъ засадить въ тюрьму за распространеніе дурныхъ слуховъ, и требуютъ меня скорѣе въ Петербургъ для его спасенья и выясненія дѣла. Я сейчасъ же пошелъ съ моей знакомой дамой Л. къ той дамѣ, которая еще въ первую зиму послѣ моего освобожденія сказала за обѣдомъ о словахъ градоначальника, но она уже знала изъ газетъ о судѣ между Стародворскимъ и Бурцевымъ и сказала только: „да, припоминаю, что-то было, но я теперь уже не помню ясно", и сейчасъ же перемѣнила разговоръ.

Тогда отъ меня стали требовать, чтобъ я назвалъ того, кто сказалъ „путается съ Герасимовымъ", но я наотрѣзъ отказался."

Когда Морозовъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ, какія прошенія Стародворскаго имѣются у меня, я разсказалъ ему обо всемъ, что зналъ о дѣлѣ Стародворскаго, и выслушалъ его соображенія.

Сколько мнѣ помнится, Морозову я тогда же прямо сказалъ, что говорить Стародворскому о томъ, что у меня имѣется текстъ его прошеній, — нельзя, такъ какъ онъ сообщитъ объ этомъ въ Департаментъ Полиціи и тамъ легко догадаются, о какихъ прошеніяхъ идетъ рѣчь и какимъ образомъ я могъ ихъ получить.

Въ тотъ же день мы вызвали Новорусскаго и говорили втроемъ. Вскорѣ я видѣлся съ Лопатинымъ и его тоже посвятилъ въ это дѣло.

Меня очень поразило то, что всѣ эти трое шлиссельбуржцевъ, хорошо знавшіе Стародворскаго и обстановку, въ которой могли писаться эти его прошенія, не только сразу согласились со мной, что онъ, дѣйствительно, писалъ эти прошенія о помилованіи, но и въ томъ, что и въ данное время онъ состоитъ въ какихъ-то отношеніяхъ съ охранкой.

Глава XXXVIII.

Предъявленіе мной обвиненія Стародворскому и сдѣланное ему предостереженіе. — Стародворскій снова начинаетъ заниматься политикой.

Я зналъ, что Стародворскій въ это время былъ уже членомъ партіи народныхъ соціалистовъ и даже, кажется, членомъ ея Ц. К. Въ нѣкоторыхъ общественныхъ группахъ онъ пользовался абсолютнымъ довѣріемъ и огромнымъ уваженіемъ, какъ старый революціонеръ и шлиссельбуржецъ. Его роль, поэтому, могла оказаться въ высшей степени опасной для всего революціоннаго движенія. Поэтому, несмотря на весь огромный рискъ и лично для себя (я жилъ тогда въ Петербургѣ и былъ, слѣдовательно, въ полной власти охранниковъ), и для дѣла, которое велъ, я въ концѣ концовъ рѣшился вызвать Стародворскаго на объясненіе и предостеречь его. Я только не считалъ возможнымъ показать ему текстъ его прошеній, что давало бы нить для выясненія моихъ связей съ Департаментомъ Полиціи, и рѣшилъ сказать ему, что эти свѣдѣнія, не оставляющія никакихъ сомнѣній, я получилъ отъ одного прокурора, и даже попытаться дать ему понять, что текста этихъ прошеній у меня нѣтъ.

По какому-то поводу я вызвалъ къ себѣ Стародворскаго въ редакцію „Былого". Когда мы остались съ нимъ въ моемъ кабинетѣ съ глазу на глазъ, я рѣшился предъявить ему обвиненіе.

Стародворскому, повидимому, было далеко не по себѣ. Онъ, конечно, догадывался, что я знаю объ его разговорѣ съ Морозовымъ и о чемъ я вызвалъ его поговорить, но онъ,

повидимому, надѣялся, что я буду говорить обще, какъ Морозовъ, по поводу дошедшихъ до насъ слуховъ и что въ своемъ разговорѣ съ нимъ, въ Петербургѣ, я буду очень уклончивъ въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ. Онъ не подозрѣвалъ, что въ моихъ рукахъ имѣется текстъ его прошеній о помилованіи.

Мы не сразу подошли къ вопросу объ его прошеніяхъ. Сначала я долго ему говорилъ, съ какимъ восторгомъ я встрѣтилъ его освобожденіе изъ крѣпости, какое огромное значеніе имѣло убійство Судейкина для общественнаго движенія, что его взгляды на революцію, на народъ, на общество для меня очень близки, что его воспоминанія представляютъ огромнѣйшій общественный интересъ, что онъ еще будетъ играть большую роль и т. д.

Все то, что я говорилъ, видимо, глубоко трогало Стародворскаго. Говорилъ я отъ души и говорилъ то, что думалъ. Стародворскій мнѣ поддакивалъ и самъ началъ рисовать въ радужныхъ краскахъ свое будущее.

Затѣмъ я совершенно неожиданно сказалъ ему:

— Какъ было бы хорошо, еслибы вы, Николай Петровичъ, на нѣсколько лѣтъ уѣхали бы, напримѣръ, въ Америку, оттуда бы намъ писали, вошли бы въ американскую жизнь и потомъ съ знаніемъ этой новой жизни вы пріѣхали бы въ Россію, какъ нужный культурный дѣятель съ новыми словами.

Эти мои слова его поразили. Они слишкомъ не гармонировали съ тѣмъ, что я ему только что говорилъ, и онъ меня спросилъ:

— Зачѣмъ мнѣ уѣзжать? Я могу работать въ Россіи!

— Нѣтъ, Николай Петровичъ! Вамъ не нужно оставаться въ Россіи, — сталъ я отчеканивать свои слова. — Вамъ нужно уйти отъ общественной жизни. Надо, чтобы васъ на нѣкоторое время забыли!

— Почему? — спросилъ онъ.

— Н. П., — отвѣтилъ я ему, — я положительно знаю, что въ 1890 и 1892 г.г. вы изъ Шлиссельбургской крѣпости подавали прошенія о помилованіи.

— Это неправда! это ложь! — сталъ онъ почти кричать.

— Это — правда, Н. П.! Мнѣ это говорилъ самый компетентный человѣкъ. Онъ мнѣ это доказалъ! Послѣднія слова я произнесъ сильно подчеркивая ихъ, и нѣсколько разъ ихъ повторилъ. Но, какъ ни хотѣлось мнѣ это въ тотъ моментъ, я не рѣшился, однако, сказать Стародворскому, что я самъ видѣлъ эти его документы и что копіи ихъ у меня имѣются.

Стародворскій продолжалъ горячиться, протестовалъ, грозилъ.

Тогда я ему добавилъ: у меня есть еще свѣдѣнія, что выйдя изъ Шлиссельбургской крѣпости, вы встрѣчались и продолжаете встрѣчаться съ чинами Департамента Полиціи.

Передо мной стоялъ не то совершенно растерявшійся, не то до бѣлаго каленія взбѣшенный человѣкъ, со злобными и испуганными глазами. Онъ мнѣ показался еще большаго роста, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ задыхался, слова его были отрывисты. Онъ рвалъ и металъ. Такой же, по всей вѣроятности, былъ Стародворскій въ тотъ моментъ, когда ломомъ убивалъ Судейкина.

— Н. П., не будемъ спорить! Я не хочу настаивать на томъ, что я сказалъ. То, что я вамъ говорю, я сообщилъ только двумъ своимъ ближайшимъ друзьямъ, но ни я, ни они никогда никому не скажемъ того, что я вамъ говорилъ сейчасъ. Ваше имя, ваше участіе въ убійствѣ Судейкина, ваше двадцатилѣтнее пребываніе въ Шлиссельбургѣ намъ безконечно дороги и ради всего этого я васъ прошу: не занимайтесь революціонной дѣятельностью! Если вы не сможете уѣхать въ Америку, то хоть уйдите въ Россіи въ культурную дѣятельность! У васъ богатыя силы, вы много тамъ сдѣлаете.

Стародворскій продолжалъ горячо протестовать.

— Если вы не порвете сношеній съ революціоннымъ міромъ, я сочту своей обязанностью напечатать то, о чемъ я только что вамъ говорилъ.

— Никакихъ вашихъ угрозъ я не боюсь! — сказалъ Стародворскій. — Никакихъ условій я не принимаю! Но я

вообще усталъ, я давно рѣшилъ уйти отъ общественной дѣятельности.

Я подошелъ къ Стародворскому, крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Все, чѣмъ только въ этомъ случаѣ смогу быть вамъ полезнымъ, я сдѣлаю!

Стародворскій, видимо, былъ подавленъ, смущенъ, но до конца энергично протестовалъ противъ обвиненій.

Въ то время я имѣлъ въ виду добиться отъ Стародворскаго только одного — чтобы онъ ушелъ отъ политики въ культурную работу или занялся бы своими личными дѣлами, если ужъ не могъ уѣхать заграницу. Болѣе рѣзко выступить противъ Стародворскаго и начать открыто обвинять его въ сношеніяхъ съ охранниками я въ то время не хотѣлъ, — но не потому, что я не былъ увѣренъ въ его сношеніяхъ съ охранниками, — лично, для себя, я былъ въ этомъ вполнѣ убѣжденъ: иначе я не позволилъ бы себѣ говорить о шлиссельбуржцѣ такимъ языкомъ, какимъ я говорилъ тогда о Стародворскомъ, — и не потому, что въ то время я жилъ въ Петербургѣ и открыто начинать такое дѣло противъ Стародворскаго — значило бы рисковать и своей свободой, и существованіемъ журнала „Былое", и даже, наконецъ, не потому, что въ это время я уже подготавливалъ на широкихъ началахъ общую борьбу съ провокаціей, у меня уже вырисовывалось дѣло Азефа, были сношенія съ Бакаемъ, и дѣло Стародворскаго являлось лишь частью всей намѣчавшейся борьбы съ охранниками.

Я не обвинялъ Стародворскаго прямо въ сношеніяхъ съ охранниками въ началѣ даже и тогда, когда уже находился въ Парижѣ, внѣ досягаемости Департамента Полиціи, прежде всего потому, что я хотѣлъ ликвидировать его дѣло возможно болѣе незамѣтно. Для меня было очень тяжело связывать обвиненіе въ провокаціи съ именемъ шлиссельбуржца. Я надѣялся, что въ концѣ концовъ отъ Стародворскаго, который, конечно, не долженъ былъ имѣть ничего общаго съ Департаментомъ Полиціи, можно было добиться, чтобы онъ совершенно ушелъ въ сторону отъ охранниковъ. Мой первый разговоръ съ Стародворскимъ позволялъ мнѣ

думать, что онъ хорошо понялъ опасность того пути, на которомъ онъ стоялъ.

Въ Петербургѣ я пробылъ еще мѣсяцъ-полтора. Мнѣ казалось, что Стародворскій какъ будто дѣйствительно рветъ свои связи съ революціонерами. Вскорѣ мнѣ пришлось эмигрировать; заграницей и въ Финляндіи меня захватила борьба по разоблаченію цѣлаго ряда провокаторовъ — и дѣло Азефа болѣе всего. На нѣсколько мѣсяцевъ Стародворскій почти совсѣмъ исчезъ съ поля моего зрѣнія.

Весной 1908 г. пріѣхавшій изъ Петербурга въ Парижъ Морозовъ сообщилъ мнѣ, что тамъ Стародворскій снова пытается принимать участіе въ революціонныхъ организаціяхъ и еще въ началѣ 1907 г., оказывается, дѣлалъ попытку проникнуть на тайный съѣздъ эсеровъ въ Таммерфорсѣ въ Финляндіи.

Въ Петербургѣ Стародворскому его товарищи, которыхъ я вполнѣ посвятилъ въ дѣло, дали понять, что знаютъ о моемъ разговорѣ съ нимъ, и что онъ не долженъ принимать участія въ революціонныхъ дѣлахъ. Морозовъ частнымъ образомъ сообщилъ кое-кому о моихъ подозрѣніяхъ на счетъ Стародворскаго. Отъ Морозова потребовали объясненій. Онъ не счелъ возможнымъ сказать все, что онъ отъ меня зналъ, — и только сослался на меня.

Очень многіе, между прочимъ, среди извѣстныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей, рѣшительно приняли сторону Стародворскаго противъ меня и Морозова. Я сталъ получать письма отъ близкихъ для меня людей, гдѣ они съ негодованіемъ говорили о моей, въ данномъ случаѣ, очевидной ошибкѣ. Всѣмъ казалось чудовищной несообразностью обвинять шлиссельбуржца въ сношеніяхъ съ охранкой!

Другіе, однако, полагали, что безъ основаній я такихъ обвиненій предъявлять не сталъ бы вообще, а въ особенности шлиссельбуржцу.

Глава XXXIX.

Опубликованіе отдѣльнымъ листкомъ четырехъ прошеній Стародворскаго о помилованіи. — Комментаріи къ нимъ Лопатина. — Мое предисловіе къ листку.

Я увидѣлъ, что Стародворскій нарушилъ то, что было между нами условлено. Было слишкомъ ясно, какую опасность представляетъ Стародворскій для всего общественнаго движенія, — и тогда я рѣшился сдѣлать открытый вызовъ Стародворскому, хотя прекрасно понималъ и всю отвѣтственность этого моего шага, и всю трудность моего положенія при обвиненіи.

У меня не было никакихъ документовъ, съ которыми можно было бы доказывать обвиненіе, если бы Стародворскій сталъ отрицать свою вину и обратился бы съ обвиненіемъ меня въ клеветѣ въ обыкновенный коронный судъ или въ третейскій.

У меня были только копіи документовъ Стародворскаго, но не было подлинниковъ. Когда у меня бывали въ рукахъ томы, принесенные изъ Департамента Полиціи, я не рѣшался вырывать подлинные документы, чтобы не возбудить подозрѣнія при возвращеніи этихъ томовъ. Получать эти документы и возвращать ихъ при тогдашнихъ полицейскихъ условіяхъ, когда за мной велась усиленная слѣжка, мнѣ приходилось всегда съ огромнымъ рискомъ. Малѣйшая моя оплошность или оплошность кого-нибудь изъ тѣхъ, съ кѣмъ я работалъ, могли навести на слѣдъ охранниковъ и погубить все дѣло, а потомъ легко помочь расшифровать всѣ мои связи съ Департаментомъ Полиціи.

Поэтому мнѣ приходилось съ крайней осмотрительностью привлекать къ разслѣдованію дѣла каждое новое лицо. Кромѣ того, документы я получалъ на короткое время. Мнѣ надо было просмотрѣть ихъ, отмѣтить, что представляетъ интересъ, отнести на квартиру К. для переписки и возможно скорѣе возвратить документы въ Департаментъ Полиціи. Эти сложныя конспиративныя сношенія впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я могъ благополучно вести въ Петербургѣ подъ носомъ у охранниковъ и они потомъ все время оставались тайной для охранниковъ только потому, что въ это дѣло я не вмѣшивалъ ни одного лишняго человѣка.

Прошенія Стародворскаго о помилованіи были въ моихъ рукахъ еще съ начала 1907 г. Нѣкоторые шлиссельбуржцы, какъ Новорусскій, Морозовъ, потомъ Лопатинъ, тогда же настаивали на томъ, что ихъ надо опубликовать. Я долго воздерживался отъ этого. Но послѣ свѣдѣній, полученныхъ изъ Петербурга, что Стародворскій снова пытается принять участіе въ революціонномъ движеніи, я съ его прошеніями познакомилъ, кромѣ шлиссельбуржцевъ, еще нѣкоторыхъ своихъ друзей и хотѣлъ выслушать ихъ мнѣніе. Большинство стояло за то, что документы нужно опубликовать, весной 1908 г. я ихъ рѣшилъ напечатать въ „Быломъ“. Корректурные листы этихъ документовъ съ моимъ введеніемъ я разослалъ близкимъ для меня лицамъ. Въ введеніи я говорилъ о Стародворскимъ, что онъ имѣетъ „привычку кувыркаться передъ голубымъ мундиромъ“. Крапоткинъ просилъ меня не дѣлать такихъ намековъ. Выслушавши замѣчанія на счетъ текста моего введенія тѣхъ, мнѣніемъ которыхъ я дорожилъ, я значительно смягчилъ первоначальный текстъ моего предисловія и выбросилъ изъ него намекъ на кувырканіе Стародворскаго передъ голубымъ мундиромъ. Полностью подлинный текстъ я, однако, передалъ суду. Но чтобы не задерживать выпуска книжки „Былого“ и не придавать особенно большое значеніе этимъ документамъ до суда, я ихъ напечаталъ отдѣльнымъ листкомъ (восемь страницъ мелкаго шрифта) и широко его не распространялъ. Никогда впослѣдствіи этихъ документовъ я не перепечатывалъ и теперь этотъ листокъ сталъ большой библіографической

рѣдкостью. Въ моемъ дѣлѣ съ Стародворскимъ этотъ мой листокъ съ его примѣчаніями сыгралъ центральную роль и споры велись главнымъ образомъ вокругъ него.

Здѣсь я приведу нѣсколько выдержекъ изъ прошеній Стародворскаго о помилованіи, чтобы подлинными цитатами изъ нихъ напомнить одну изъ самыхъ трагическихъ страницъ не только изъ исторіи русскихъ политическихъ тюремъ, но и изъ исторіи всего русскаго освободительнаго движенія. Мои читатели должны меня понять, почему тогда я забилъ тревогу по ихъ поводу, когда узналъ, что ихъ авторъ въ 1907 г. пробирался на тайный съѣздъ эсеровъ въ Таммерфорсѣ, говорилъ о террористической борьбѣ, объ устройствѣ побѣговъ изъ Сибири и прошелъ въ Ц. К. народныхъ соціалистовъ.

Первое прошеніе на имя Директора Департамента Полиціи Стародворскимъ было подано 19 октября 1889 г., послѣ двухъ лѣтъ сидѣнія въ Шлиссельбургской крѣпости. Въ это время заключенные въ крѣпости, и Стародворскій между ними, объявили голодовку и добивались измѣненій тюремнаго режима. Стародворскій, тайно отъ своихъ товарищей, послалъ директору Департамента Полиціи обширное заявленіе, гдѣ описывая тяжелое положеніе голодающихъ, просилъ о немедленномъ измѣненіи тюремнаго режима.

Стародворскій писалъ:

„Я убѣждаю Васъ во имя справедливости, присущей каждому человѣку, во имя человѣколюбія, справедливо приписываемаго русскому народу, наконецъ, во имя чести царствующаго Государя, не увеличивать сознательно этой печальной лѣтописи жертвъ, и еще разъ пересмотрѣть этотъ самый существенный для всѣхъ заключенныхъ вопросъ (рѣчь шла о тюремной библіотекѣ. Бурц.).

Можетъ быть, кому-нибудь покажется страннымъ, что я забочусь о чести Государя, но я надѣюсь, что Вы не заподозрите моей искренности: Вы присутствовали на судѣ, когда разбиралось мое дѣло, Вы слышали мою защитительную рѣчь, и Вы знаете, что я уважаю Верховную Власть, что я — монархистъ по убѣжденіямъ."

Стародворскій кончаетъ свое прошеніе увѣреніемъ, что послѣ девятидневной голодовки совершитъ самоубійство.

У меня сохранился приговоръ суда по дѣлу Стародворскаго и экземпляръ изданнаго мной листка, на поляхъ которыхъ имѣются очень любопытныя примѣчанія Лопатина.

На первомъ прошеніи Стародворскаго противъ его разсказа о покушеніи на самоубійство рукой Лопатина написано: „Комедія“.

Вотъ текстъ второго прошенія Стародворскаго о помилованіи:

„Ваше Превосходительство!

Я рѣшился подать на Высочайшее Имя прошеніе о помилованіи, но прежде, чѣмъ сдѣлать это, я считаю своимъ долгомъ обратиться къ Вамъ за совѣтомъ и покровительствомъ. Вамъ извѣстны мои намѣренія и искренность моихъ чувствъ, и я убѣдительно прошу Ваше Превосходительство не оставить меня своею помощью. Я всецѣло вручаю свою дальнѣйшую судьбу въ Ваши руки, но, какъ бы она ни была рѣшена, въ настоящее время я покорнѣйше прошу Васъ сдѣлать распоряженіе, чтобы для меня ремонтировали какую-нибудь изъ удобныхъ камеръ (№ 8-й) въ старой тюрьмѣ, при настоящемъ моемъ настроеніи мнѣ крайне тяжело оставаться среди своихъ товарищей по заключенію.“

Въ препроводительной бумагѣ отъ 31-го августа 1891 г. въ Департаментъ Полиціи подполковникъ Федоровъ писалъ:

„Врученный мнѣ сего числа арестантомъ № 29-й закрытый пакетъ на имя Вашего Пр-ва при семъ препровождая, честь имѣю доложить, что арестантъ этотъ, съ нѣкотораго времени находящійся въ мрачномъ настроеніи духа, усиленно проситъ меня о переводѣ его въ зданіе старой тюрьмы и что просьбу эту о переводѣ, въ виду совершеннаго въ 1890 году арестантомъ № 29 покушенія на самоубійство, я удовлетворить съ своей стороны призналъ невозможнымъ; какъ по этой причинѣ, такъ и потому что въ старой тюрьмѣ удобныхъ камеръ для помѣщенія арестантовъ вовсе не имѣется.“

При этихъ двухъ документахъ въ особомъ конвертѣ была приложена слѣдующая небольшая записка:

„Въ прошломъ февралѣ была приготовлена мною для Васъ записочка о покушеніяхъ на жизнь Государя, которыя систематически производились съ 1881 г. по 1884 г. включительно. Изъ семи, бывшихъ въ этотъ промежутокъ времени покушеній, нѣкоторыя крайне важны и могутъ быть повторены при тѣхъ же самыхъ условіяхъ (напримѣръ, бывшее въ 1881 году во Дворцѣ).“

Противъ этой записочки особенно возставалъ и Стародворскій, и судъ. Они находили ее совершенно абсурдной.

Эта записочка, по мнѣнію суда, должна была обратить особое вниманіе своимъ несообразнымъ содержаніемъ, которое дѣлало мало вѣроятнымъ отнесеніе ея къ Стародворскому.

Для меня происхожденіе этой записочки было и тогда вполнѣ понятно. Я былъ убѣжденъ, что она принадлежитъ именно Стародворскому и была, быть можетъ, одной изъ многихъ другихъ записочекъ, написанныхъ имъ для подполковника Федорова, чтобы убѣдить въ необходимости ходатайствовать объ его освобожденіи. Стародворскій, очень вѣроятно, вообще не разъ велъ съ нимъ разговоры въ духѣ этой записочки.

Покушеніе на цареубійство въ 1881 г. (въ Аничковскомъ дворцѣ), составлявшее въ то время большую тайну для всѣхъ, Стародворскій могъ узнать въ Шлиссельбургской крѣпости со словъ шлиссельбуржцевъ Юрачева и Морозова, съ кѣмъ онъ въ то время вмѣстѣ гулялъ, кто изъ числа очень немногихъ знали объ этомъ. Эти соображенія были мнѣ сообщены Морозовымъ и Лопатинымъ. Но на нихъ я особенно настаивать на судѣ не могъ. Для этого мнѣ нужно было бы ссылаться на Морозова и Лопатина, а я не хотѣлъ на судѣ называть ни одного лишняго имени, въ особенности тѣхъ, кто жилъ въ то время въ Россіи, или, какъ Лопатинъ, могъ скоро возвратиться туда. Но не дѣлая никакихъ ссылокъ, я все-таки сказалъ суду, что эти свѣдѣнія именно и могли быть извѣстны Стародворскому, и что

онъ могъ ихъ узнать отъ кого-нибудь изъ сидѣвшихъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

Противъ этого мѣста приговора суда, гдѣ говорится объ абсурдности записочки, Лопатинъ замѣчаетъ: „А для чего «поддѣльщикъ» сработалъ такую несообразность?“

Третья записка была написана Стародворскимъ 29 мая 1892 года на имя коменданта Шлиссельбургской крѣпости. Вотъ отрывокъ изъ нея:

„Уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ во всемъ моемъ умственномъ складѣ произошелъ полный переворотъ: я убѣдился, что погубилъ свою жизнь, слѣдуя ложному пути, что я совершилъ преступленія, думая, что я исполняю свой долгъ.

Это убѣжденіе сложилось у меня вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ дѣятелями революціонной партіи и ея цѣлями. До своего ареста прочныхъ политическихъ убѣжденій у меня еще не было, да и не могло быть по моей молодости. Исторію моей недолгой жизни можно передать въ двухъ словахъ: я былъ молодъ (20 лѣтъ), горячо любилъ свою родину, но не имѣлъ ни политической опытности, ни знанія жизни, увлекся революціоннымъ движеніемъ — и погибъ. Но уже на судѣ я началъ убѣждаться, что имѣю очень мало общаго съ людьми, съ которыми очутился на одной скамьѣ подсудимыхъ. Такъ, напр., когда я въ своей защитительной рѣчи высказалъ свое глубокое убѣжденіе, что монархія есть единственно возможная и необходимая для Россіи форма правленія, то Салова и Лопатинъ сдѣлали мнѣ замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что я, признавши себя членомъ Партіи Народной Воли, не имѣлъ права въ то же время признавать себя и монархистомъ.

Въ Шлиссельбургѣ я окончательно убѣдился, что я коренньмъ образомъ расхожусь съ дѣйствительными членами соціально-революціонной партіи по всѣмъ основнымъ вопросамъ, какъ политической, такъ и экономической программы. Въ силу этого, обдумавши свое положеніе, я рѣшилъ обратиться къ правительству съ просьбой о помилованіи.

Для смягченія своей виновности я не стану ссылаться на обстоятельства, толкнувшія меня на революціонную дорогу, ни на тотъ фактъ, что въ продолженіи моей кратковременной революціонной дѣятельности я не достигъ еще гражданскаго совершеннолѣтія, такъ какъ даже въ день моего ареста (18-го марта 1884 г.) мнѣ не было полныхъ 21-го года, — свою надежду я возлагаю единственно на всѣмъ извѣстное милосердіе Государя, къ которому я и прибѣгаю.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, г. Комендантъ, сообщить высшему начальству о моемъ чистосердечномъ раскаяніи и, если оно найдетъ возможнымъ, повергнуть къ стопамъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора вмѣстѣ съ моею глубочайшею преданностью Его Священной Особѣ мое искреннее желаніе своею дальнѣйшею жизнью загладить свое прошлое и заслужить Его всепокрывающее собою прощеніе.“

На этомъ прошеніи Randomродворскаго рукой дѣлопроизводителя Департамента Полиціи Лерхе было написано:

„Г. Товарищъ министра изволилъ приказать оставить прошеніе арестанта № 29 безъ послѣдствій и безъ отвѣта.

6-го іюня 1892 г.“

По поводу третьяго документа судъ въ своемъ приговорѣ высказалъ мнѣніе, что, если Стародворскій, дѣйствительно, дважды обращался къ властямъ съ просьбой о помилованіи, то является страннымъ, что эти просьбы не имѣли никакихъ послѣдствій въ то время, какъ, насколько извѣстно, судъ въ соотвѣтствующіе годы царства Александра III подобныя просьбы важныхъ политическихъ заключенныхъ удовлетворялъ.

По этому поводу на поляхъ приговора Лопатинъ написалъ:

„1. Сначала было рано, 2. а потомъ его разговоры съ товарищами о побѣгѣ мѣшали вѣрить его искренности.“

22 мая 1905 г. Стародворскій пишетъ на имя министра внуреннихъ дѣлъ четвертое свое покаянное прошеніе:

„Его Высокопревосходительству
Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Ваше Высокопревосходительство!

Съ того времени, какъ я узналъ о войнѣ съ Японіей, у меня явилось намѣреніе обратиться къ Вамъ съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ поступить въ манчжурскую армію. Но я надѣялся, что, по случаю рожденія Наслѣдника Престола, будутъ сокращены сроки и содержащимся въ Шлиссельбургской тюрьмѣ. Этимъ случаемъ я и хотѣлъ воспользоваться, чтобы подать свою просьбу. Желаніе воспользоваться общимъ примѣненіемъ манифеста обусловливалось у меня причинами моральнаго ха-

рактера, какъ слѣдствіе долголѣтняго совмѣстнаго пребыванія въ тюрьмѣ съ другими товарищами по заключенію.

Но въ настоящее время я убѣдился, что ожидать сокращенія сроковъ по вышеуказанному поводу нѣтъ болѣе основанія, всѣ же остальныя соображенія перевѣшиваются у меня желаніемъ вмѣстѣ съ другими русскими людьми оказать и съ своей стороны содѣйствіе правительству въ той тяжелой задачѣ, которую ему приходится выполнять въ защитѣ интересовъ нашей родины. Какъ бы ни была незначительна польза, которую я могу принести, но для государства будетъ уже та выгода, что не придется безплодно тратить средства на мое содержаніе въ тюрьмѣ.

Посему я рѣшился обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбой исходатайствовать для меня у Государя разрѣшеніе поступить въ манчжурскую армію рядовымъ или добровольцемъ, какъ будетъ умѣстнымъ.

Для меня это будетъ особая милость, за которую я на дѣлѣ постараюсь доказать свою благодарность Государю; тѣмъ болѣе, что я вполнѣ ясно представляю себѣ ту громадную важность для всего будущаго Россіи того или иного исхода происходящей войны.

Я ничѣмъ, кромѣ своего слова, не могу увѣрить Ваше Высокопревосходительство въ томъ, что не злоупотреблю Вашимъ довѣріемъ въ случаѣ, если Вы найдете возможнымъ уважить мою просьбу. Но самый фактъ обращенія съ моей стороны съ подобной просьбой уже налагаетъ на меня нравственное обязательство не принимать въ будущемъ никакого участія въ противозаконной дѣятельности."

Но этого заявленія Стародворскій не подавалъ. Его въ оригиналѣ нашли въ камерѣ послѣ его отъѣзда въ Петроградъ и Лопатинъ привезъ мнѣ въ Парижъ. Было ли въ то время Стародворскимъ подано другое аналогичное заявленіе на имя петербургскаго митрополита, какъ объ этомъ я писалъ со словъ Лопатина, трудно теперь сказать, но Стародворскій это категорически отрицалъ.

Документы Стародворскаго, изданные мной отдѣльнымъ листкомъ, какъ оттискъ изъ журнала „Былого", я сопроводилъ предисловіемъ, которое въ свое время вызвало сильные протесты Стародворскаго и суда.

Въ этомъ своемъ предисловіи я писалъ слѣдующее:

„Мы печатаемъ документы о Стародворскомъ потому

только, что въ подлинности ихъ у насъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Всѣ они сняты нами съ оригиналовъ, писанныхъ его рукой. Стародворскій знаетъ, что они въ нашихъ рукахъ уже болѣе года. Мы могли ожидать, что онъ уйдетъ съ политическаго горизонта, постарается, чтобы его всѣ забыли, хотя бы для того, чтобы его старымъ товарищамъ по долголѣтнему заключенію и его новымъ друзьямъ по недоразумѣнію не пришлось перестрадать ужаса, который долженъ овладѣть ими при чтеніи этихъ документовъ. Ради нихъ, а не ради самого Стародворскаго, мы не печатали этихъ ужасающихъ по своему значенію документовъ человѣческой души. Но за послѣднее время мы многое слышали о Стародворскомъ: онъ занимается политикой, даетъ свое имя для политическихъ органовъ, все еще считаетъ для себя позволительнымъ фигурировать въ качествѣ шлиссельбуржца и, какъ таковой, печатаетъ свои портреты на поглядѣніе и восхищеніе всѣхъ грамотныхъ людей, и съ какимъ-то непонятнымъ цинизмомъ снабжаетъ собственные портреты автографомъ: „взявшись за гужъ, — не говори, что не дюжъ!", т. е. убивши жандармскаго подполковника Судейкина, не валяйся въ ногахъ у Дурново и не кричи: „Ваше Высокопревосходительство! Подайте руку помощи!"

Стародворскій сдѣлалъ бы лучше, если бы самъ издалъ свои прошенія, которыя въ настоящее время вынуждены опубликовать мы, и добавилъ бы къ нимъ многое недоговоренное и пропущенное.

Вотъ къ этого рода своимъ воспоминаніямъ онъ могъ бы приложить свой портретъ и снабдить его автографомъ: „не берись за гужъ, когда не дюжъ!"

По поводу моего листка вскорѣ изъ Россіи мнѣ написалъ Морозовъ слѣдующее:

. . . „Если у Васъ, писалъ онъ, нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтелей о современныхъ сношеніяхъ Стародворскаго съ администраціей, берегитесь поднимать это обвиненіе! Въ Вашемъ предисловіи, которое мнѣ не особенно нравится, высказано только порицаніе Стародворскому за его шлиссельбургскія дѣла, и нѣтъ ничего опредѣленнаго о со-

временныхъ, этимъ и надо ограничиться (если нѣтъ вѣскихъ доказательствъ пригодныхъ для суда). Примѣчаніе къ 4 документу мнѣ кажется неправильнымъ: какъ-будто бы Дондукова-Корсакова уговорила Стародворскаго не подавать этой бумаги, а просить митрополита."

Глава XL.

Пріѣздъ Стародворскаго заграницу. — Его открытое ко мнѣ письмо въ газетахъ. — Мой ему отвѣтъ. — Третейскій судъ между Стародворскимъ и мной. — Борьба Стародворскаго въ Петербургѣ съ Морозовымъ и Новорусскимъ. — Письма шлиссельбуржцевъ въ защиту Стародворскаго. — Свидѣтели на судѣ.

Послѣ опубликованія мной документовъ Стародворскаго онъ выступилъ въ русскихъ газетахъ съ открытымъ ко мнѣ письмомъ.

Стародворскій писалъ, что онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я, получивши изъ Деп. Полиціи „якобы имъ писанные документы", немедленно же не предъявилъ ему копій съ означенныхъ документовъ, засвидѣтельствовавъ точность этихъ копій своей подписью и подписью лицъ, въ присутствіи которыхъ эти „якобы подлинные" документы я копировалъ, что, не дожидаясь третейскаго суда, я напечаталъ листокъ съ прошеніями о помилованіи, за который я подлежу „безспорной отвѣтственности по законамъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ" и что своимъ злонамѣреннымъ образомъ дѣйствій я, распространяя слухи и подозрѣнія объ его службѣ въ охранномъ отдѣленіи, причинилъ ему моральный ущербъ и нанесъ оскорбленіе, глубины котораго я не въ состояніи понять. Стародворскій не отрицалъ, что первый и четвертый документы писаны имъ „при исключительныхъ условіяхъ", но имъ лично никому не подавались, были лишь только проектами и не заключали въ себѣ ничего „лично его" „компромитирующаго". Онъ требовалъ, чтобы напечатанные и переданные мною отдѣльные экземпляры моего листка были немедленно вытребованы отъ тѣхъ, кому я ихъ посылалъ,

и уничтожены. Въ заключенiе онъ соглашался, несмотря на весь вредъ, который я ему причинилъ, извинить меня, если будетъ доказано, что я былъ введенъ въ заблужденiе, а не поступалъ злонамѣренно.

Газета, напечатавшая это письмо, съ своей стороны добавила: „Для всѣхъ, кто знаетъ В. Л. Бурцева, „злонамѣренность“ исключается съ самаго начала.“

Стародворскiй вначалѣ имѣлъ въ виду обратиться съ жалобой на меня во французскiй судъ, гдѣ онъ расчитывалъ легко добиться моего осужденiя. Но эмигранты, къ кому онъ обратился, объяснили ему, что для него это будетъ очень невыгодно. Да такой судъ, конечно, не улыбался и Департаменту Полицiи. Тамъ не могли не понимать, что, и осужденный въ европейскомъ судѣ, я выиграю въ общественномъ мнѣнiи заграницей и благодаря этому суду смогу широко поднять въ европейской прессѣ вопросъ о провокацiи.

Выступая въ печати со статьями объ Азефѣ, Жученко, Путятѣ, Стародворскомъ, я всегда имѣлъ въ виду не только лично ихъ и даже не столько ихъ, сколько политику и практику охранныхъ отдѣленiй и Департамента Полицiи. Только съ этой точки зрѣнiя и можетъ быть понятно многое въ моихъ литературныхъ выступленiяхъ того времени по дѣлу Стародворскаго.

Отвѣчая Стародворскому, какъ вообще и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, я изъ Парижа велъ полемику не только съ Стародворскимъ, а черезъ его голову, по поводу его дѣла, съ Департаментомъ Полицiи или, вѣрнѣе, съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и вообще съ русскимъ правительствомъ, отъ имени котораго и по указанiю которыхъ дѣйствовали всѣ Стародворскiе.

На письмо Стародворскаго я сейчасъ же напечаталъ въ русскихъ газетахъ свой ему отвѣтъ.

„Опубликовалъ (я) прошенiя г. Стародворскаго, писалъ я, потому, конечно, что смогъ провѣрить ихъ подлинность, и сдѣлалъ это послѣ того, какъ десятки выдающихся общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ многiе изъ шлиссельбуржцевъ, познакомились съ этими документами и согласи-

лись съ необходимостью ихъ опубликованія въ данное время.

Иные, можетъ быть, признаютъ подлинность документовъ г. Стародворскаго, но не найдутъ въ нихъ и его поведеніи послѣ освобожденія ничего вызывающаго возмущеніе, или, по крайней мѣрѣ, признаютъ за лучшее систему замалчиванія, — съ логикой этого рода людей мы ничего общаго не имѣемъ."

Въ „Кіевскихъ Вѣстяхъ" (въ концѣ сентября 1908 г.) появилась бесѣда съ какимъ-то шлиссельбуржцемъ и этотъ шлиссельбуржецъ заявилъ, что ему предоставляются несообразными и неправоподобными тѣ два документа, которые Стародворскій назвалъ въ своемъ письмѣ къ г. Бурцеву подложными и, они, по мнѣнію этого шлиссельбуржца, не только не вяжутся, но прямо противорѣчатъ дѣйствительнымъ фактамъ и въ томъ числѣ самому существенному — двадцатилѣтнему заключенію Стародворскаго въ Шлиссельбургской крѣпости. Въ остальныхъ двухъ документахъ этотъ шлиссельбуржецъ не увидѣлъ ничего, кромѣ „политики" Стародворскаго по отношенію къ властямъ, которая напоминаетъ извѣстное письмо Лассаля, прошеніе Тургенева въ связи съ его статьей о Гоголѣ, показанія Писарева и т. д.

По поводу такого добродушнаго отношенія къ „политикѣ" Стародворскаго въ другомъ органѣ говорилось: „Газета касается вопроса крайне щекотливаго, въ области котораго многіе примкнутъ къ рѣзкому и опредѣленному мнѣнію В. Л. Бурцева."

Въ своемъ письмѣ въ газеты и на судѣ Стародворскій упрекалъ меня еще и въ томъ, что я опубликовалъ его прошенія, не предупредивши его и до третейскаго суда. На это я ему отвѣтилъ слѣдующее:

„О документахъ, касающихся г. Стародворскаго, я лично ему говорилъ болѣе 1½ года тому назадъ, — тогда же ему о томъ же говорили нѣкоторые изъ его бывшихъ товарищей — шлиссельбуржцевъ. Я слышалъ стороной о рѣшеніи Стародворскаго вызвать меня на третейскій судъ еще въ Финляндіи лѣтомъ 1907 г., слышалъ въ Парижѣ о томъ

же въ апрѣлѣ этого года, — но никакого вызова отъ г. Стародворскаго не получилъ."

Весной 1908 г. Стародворскій былъ въ Парижѣ и мнѣ Фигнеръ въ частной бесѣдѣ передала, что Стародворскій рѣшилъ вызвать меня на третейскій судъ. Я, конечно, тогда же заявилъ, что вызовъ приму. Но со времени этого случайнаго моего разговора съ Фигнеръ прошло много времени и никакого вызова отъ Стародворскаго я не получилъ. Тогда я рѣшилъ его прошенія напечатать. Формальнаго обвиненія въ сношеніяхъ съ охранниками я не предъявлялъ Стародворскому и поэтому только и могъ состояться нашъ третейскій судъ. Иначе я ему предложилъ бы разбирать дѣло въ какой-нибудь спеціальной комиссіи или обратиться въ обыкновенный французскій судъ.

Послѣ опубликованія его прошеній о помилованіи Стародворскій поторопился съ вызовомъ меня на третейскій судъ и своимъ представителемъ прислалъ ко мнѣ Носаря. Я сейчасъ же принялъ вызовъ и черезъ нѣсколько дней сообщилъ Носарю имена своихъ представителей. Въ судьи сначала былъ приглашенъ Крапоткинъ, но его кандидатура скоро была оставлена. Въ это время эсеры возбудили противъ меня дѣло по поводу Азефа, и они хотѣли во что бы то ни стало, чтобы въ этомъ дѣлѣ, которому они придавали особо важное значеніе, одинъ изъ судей непремѣнно былъ бы Крапоткинъ.

Третейскій судъ состоялся подъ предсѣдательствомъ эсдека Л. Мартова (Цедербаума), при участіи Георгія Степановича Носаря (Хрусталева) и француза, адвоката, хорошо знакомаго съ русскими дѣлами, Эжена Пти, со стороны Стародворскаго, а съ моей стороны — А. Гнатовскаго и Мазуренко.

Вызвавши заграницей меня на третейскій судъ, Стародворскій одновременно въ Петербургѣ напалъ на своихъ бывшихъ товарищей по Шлиссельбургской крѣпости Морозова и Новорусскаго. Онъ зналъ, что они одинаково со мной смотрѣли на него и что съ ними я дѣлился всѣми своими свѣдѣніями о немъ съ тѣхъ поръ, какъ у меня зародились сомнѣнія на его счетъ.

Стародворскій обоихъ ихъ обвинялъ въ томъ, что они дали мнѣ разрѣшеніе напечатать документы о немъ и съ моихъ словъ распространяли въ Петербургѣ обвиненія противъ него. Спеціально Морозова Стародворскій обвинялъ еще и въ томъ, что про него онъ говорилъ, что онъ „путается съ Герасимовымъ".

Шлиссельбуржцы Лукашевичъ, Шебалинъ и С. Ивановъ, какъ объ этомъ мнѣ писалъ Морозовъ въ письмѣ отъ 24 ноября, пригласили его и Новорусскаго къ Якубовичу и въ присутствіи Стародворскаго требовали назвать лицо, отъ котораго онъ слышалъ о сношеніяхъ Стародворскаго съ Герасимовымъ.

„Стародворскій, сообщалъ мнѣ въ томъ же письмѣ Морозовъ, уже и ранѣе грозилъ привлечь Новорусскаго къ мировому и совѣтовался уже „съ юристомъ", который ему сказалъ, что за распространеніе въ публикѣ печатно или устно или за содѣйствіе въ печатаньи слуховъ, позорящихъ репутацію человѣка, независимо отъ того, справедливы они или нѣтъ, виновный подвергается заключенію на нѣсколько недѣль за диффамацію, если слухи вѣрны, и за клевету, если они ложны."

Въ своихъ письмахъ ко мнѣ изъ Россіи Морозовъ и Новорусскій поддерживали меня въ моихъ обвиненіяхъ Стародворскаго.

„Вы, писалъ мнѣ Морозовъ (9. II. 1908 г.), дѣйствовали во всемъ, какъ повелѣвалъ Вамъ долгъ, а, слѣдовательно, и тревожиться душевно Вамъ нѣтъ никакой причины. Повѣрьте, что нѣтъ ничего тайнаго, что рано или поздно не сдѣлалось бы явнымъ."

„Въ рѣшеніи суда для меня нѣтъ сомнѣнія, а все, что Вы сообщаете о Вашей постановкѣ дѣла, убѣждаетъ, что Вы стали на совершенно твердую почву и совершенно правы, не идя навстрѣчу усиленнымъ попыткамъ Стародворскаго запутать дѣло, отвлекая вниманіе суда на постороннія для дѣла мелочи. Если что-нибудь ужасно (для меня) въ этомъ дѣлѣ, такъ это то обстоятельство, что отвергать, при современной огласкѣ, существованіе напечатанныхъ Вами документовъ, это — отдавать себя въ полную

власть тѣхъ, въ чьихъ рукахъ они находятся, и которые при первой попыткѣ уклониться всегда могутъ поставить альтернативу опубликовать ихъ въ подлинникахъ или дѣйствовать совмѣстно, да и какъ можно бы было сдѣлать подобный шагъ, не обезпечивъ заранѣе у себя тыла? Меня охватываетъ ужасъ при мысли, что съ такими документами Департаментъ въ сущности держитъ несчастнаго въ рукахъ, и можетъ требовать отъ него многаго подъ угрозой ихъ опубликовать.“

Тогда же Морозовъ прислалъ мнѣ записку „Для заявленія на судѣ между Бурцевымъ и Стародворскимъ“. Въ этомъ заявленіи онъ говорилъ, что никакого разрѣшенія опубликовать документы я отъ него и отъ Новорусскаго не требовалъ, а если бы потребовалъ, то, конечно, ему дали бы.“

Въ Петербургѣ послѣ объясненій, бывшихъ между шлиссельбуржцами по дѣлу Стародворскаго, въ газетахъ за подписью Лукашевича, С. Иванова, Шебалина, Ашенбреннера и Попова появилось ихъ коллективное письмо. Въ немъ они заявляли, что обвиненіе Стародворскаго въ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ лишено всякаго основанія. Нападали они собственно на Новорусскаго и Морозова, но, конечно, они имѣли въ виду главнымъ образомъ меня, потому что всѣ обвиненія противъ Стародворскаго исходили отъ меня и я выступилъ открытымъ его обвинителемъ. Такъ это понимала тогда и публика.

Дѣло Стародворскаго и дѣло Азефа въ глазахъ многихъ одно пополняло другое. Въ томъ и другомъ дѣлѣ противъ меня выдвигались одни и тѣ же обвиненія: меня обвиняли въ легкомъ отношеніи къ политическимъ репутаціямъ и доброму имени другихъ лицъ, въ легкомысліи, непониманіи людей, въ близорукости, въ томъ, что я былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Департамента Полиціи и т. д.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій суда защитники Стародворскаго спросили меня: — не ведется ли въ данное время противъ меня какого-нибудь другого дѣла о клеветѣ. Для меня было ясно, для чего задается такой вопросъ и какой выводъ изъ него дѣлаютъ судьи для себя. На этотъ во-

просъ я имъ отвѣтилъ, что меня, дѣйствительно, обвиняютъ въ томъ, что я называю провокаторомъ эсера, пользующагося общимъ довѣріемъ своихъ товарищей, оказавшаго, по ихъ словамъ, партіи огромныя услуги, но я этого эсера обвиняю потому, что, вопреки мнѣнію эсеровской партіи, считаю его негодяемъ и предателемъ.

Я понялъ, что въ дѣлѣ Стародворскаго судьи разсчитываютъ использовать противъ меня дѣло Азефа и на этомъ строютъ свои разсчеты. Въ свою очередь эсеры дѣло Стародворскаго хотѣли использовать для оправданія Азефа. На дѣлѣ Стародворскаго строили свои разсчеты и. . . петербургскіе охранники! Они тоже съ помощью Стародворскаго желали скомпромитировать меня и спасти Азефа.

Судъ по дѣлу Стародворскаго тянулся пять-шесть мѣсяцевъ. Онъ занялъ безконечное количество засѣданій. Судьи допрашивали меня, допрашивали Стародворскаго, допрашивали свидѣтелей, разбирали документы.

Стародворскій обвинялъ меня въ клеветѣ, легкомысленномъ отношеніи къ его доброму имени, клялся и божился, что никогда не писалъ приписываемыхъ мною прошеній и, конечно, возмущался самымъ намекомъ на возможность обвиненія его въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи. Онъ много говорилъ о своихъ заслугахъ въ революціонномъ движеніи и о своемъ свыше двадцатилѣтнемъ заключеніи въ тюрьмѣ. Рѣшительно отрицалъ возможность существованія двухъ документовъ, копіи которыхъ я опубликовалъ. Онъ напиралъ на то, что я не только не представилъ подлинниковъ, но даже судьямъ не могу разсказать, при какихъ обстоятельствахъ и отъ кого я ихъ получилъ. Эти клеветническіе, сфабрикованные документы, по его словамъ, я могъ получить только изъ мутнаго полицейскаго источника.

На судѣ свидѣтелями были: Фигнеръ, Натансонъ, Лопатинъ, а въ Россіи по этому дѣлу допрашивали: Анненскаго, Якубовича, Морозова, Новорусскаго, Венгерова, Богучарскаго, супруговъ К. и др. Въ числѣ свидѣтелей въ Парижѣ, по моему указанію, допрашивался бывшій посредникъ между мной и чиновникомъ Департамента Полиціи, доставлявшій документы, жившій въ то время уже заграницей,

какъ эмигрантъ. Но, конечно, отъ этого свидѣтеля я потребовалъ, чтобы онъ не раскрылъ личности того лица, кто намъ доставлялъ документы. На нѣкоторыхъ засѣданіяхъ, на которыхъ не могъ присутствовать Стародворскій, въ качествѣ его довѣреннаго лица присутствовалъ его родственникъ Е. П. Семеновъ.

Глава XLI.

Допросы свидѣтелей. — Моя записка для суда по дѣлу Стародворскаго. — Я напомнилъ суду его вопросъ о дѣлѣ Азефа. — Мое последнее слово Стародворскому на судѣ. — Борьба въ обществѣ со мной по дѣлу Стародворскаго.

При разборѣ дѣла главное вниманіе судъ, конечно, все время обращалъ на опубликованные мной покаянныя прошенія Стародворскаго. Судьи допрашивали меня, кто мнѣ передалъ эти документы и при какихъ обстоятельствахъ, кто именно ихъ видѣлъ и переписывалъ и т. д. Но если въ настоящее время мнѣ было бы легко разсказать суду, какой именно чиновникъ приносилъ мнѣ изъ Департамента Полиціи документы, то въ то время я вынужденъ былъ объ этомъ молчать. Самое большее, и то послѣ большихъ колебаній, сознавая съ какимъ огромнымъ рискомъ я это дѣлалъ, на что я тогда согласился, это было то, что я рѣшился лично мнѣ извѣстнымъ петербургскимъ литераторамъ Венгерову, Анненскому и Якубовичу сообщить имя К. и ея мужа, жившихъ тогда въ Россіи, у кого на квартирѣ снимались для меня копіи съ шлиссельбургскихъ документовъ и кто, кромѣ меня, изучалъ ихъ. По порученію суда, Анненскій и Венгеровъ допрашивали К. Выслушавши и провѣривши показанія К., они прислали въ Парижъ суду свое заключеніе. „Кромѣ меня, по словамъ ихъ доклада, документы видѣли два компетентныхъ лица (К. и ея мужъ), люди вполнѣ добросовѣстные, и что они, какъ и я, глубоко убѣждены въ подлинности документовъ“. Но подлинныхъ документовъ все-таки не было, и самому суду не

было сообщено, откуда и черезъ кого они были получены. Это давало судьямъ поводъ все время и послѣ заявленія петербургской комиссіи продолжать говорить о недостаточности основаній довѣрять копіямъ, мной доставленнымъ.

Защищаясь, Стародворскій однажды сказалъ судьямъ:

— Вѣдь для того, чтобы вѣрить Бурцеву, надо допустить, что послѣ тогдашней моей голодовки я былъ въ такомъ ненормальномъ положеніи, что могъ писать эти прошенія, самъ не сознавая того, что я дѣлаю, а теперь о нихъ забылъ!

Судя по настроенію суда, я прекрасно сознавалъ, въ какое тяжелое положеніе могу попасть, если въ дѣлѣ Стародворскаго не докажу, что я правъ. Но тѣмъ не менѣе я рѣшилъ не вмѣшивать въ дѣло свидѣтелей, жившихъ въ Россіи, и не раскрывать тайны, какимъ путемъ мной были получены документы, какъ бы этого не требовали судьи и какъ бы это ни было необходимо для моей защиты.

Съ какой-то непонятной для эмигрантовъ безпечностью судьи стремились въ возможно большихъ подробностяхъ возстановить всю мою борьбу съ охранниками и часто настаивали на отвѣтахъ на самые недопустимые съ конспиративной точки зрѣнія вопросы. Они съ озлобленіемъ говорили о томъ, что я не называю фамилію чиновника, кто мнѣ доставлялъ документы. Мои указанія на необходимость конспираціи въ моей работѣ принимались за пустыя отговорки человѣка, желающаго какъ-нибудь затушевать недостатокъ аргументовъ въ защитѣ, и это расцѣнивали, какъ факты, говорящіе противъ меня. Я не скрывалъ и отъ суда того, что, по моему мнѣнію, весь судъ и всѣ разслѣдованія дѣла Стародворскаго проходили какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ: — охранники внимательнѣйшимъ образомъ слѣдили за нимъ и знали все, что въ немъ происходитъ. Стародворскій не только присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, но онъ велъ очень откровенные переговоры съ своими судьями и свидѣтелями, кто вѣрилъ ему и кто помогалъ ему оправдаться. О дѣлахъ суда онъ зналъ гораздо болѣе меня.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій суда по дѣлу Стародворскаго судьи потребовали отъ меня объясненій, кто

изъ шлиссельбуржцевъ соглашались на необходимости опубликовать документы Стародворскаго и со словъ кого изъ нихъ я написалъ примѣчанія къ четвертому прошенію. Хотя судьи знали, о комъ изъ шлиссельбуржцевъ идетъ рѣчь и кто мнѣ далъ свѣдѣнія для извѣстнаго примѣчанія, но я отказался указать на какія-нибудь имена. Я зналъ, что нѣкоторымъ изъ принимавшихъ участіе въ судѣ, особенно въ началѣ его — до разоблаченія Азефа, очень хотѣлось, какъ обвиняемыми, вмѣстѣ со мной, привлечь къ дѣлу и Лопатина, Морозова, Новорусскаго и др. Я никоимъ образомъ не хотѣлъ этого допустить. Поэтому всю отвѣтственность за изданіе листка я взялъ исключительно на себя и этого держался во все время разбора дѣла Стародворскаго. На томъ же засѣданіи суда рѣчь шла о какомъ-то (теперь не помню) рѣзкомъ письмѣ Лопатина о Стародворскомъ, по поводу котораго мнѣ скоро написалъ Лопатинъ.

По поводу того, что о дѣлѣ Стародворскаго я сообщилъ Лопатину, онъ въ одномъ изъ своихъ ко мнѣ писемъ (26. 11. 1908.) написалъ:

„Вездѣ и всегда суды не признаютъ частныхъ разговоровъ, частной переписки и пр. и принуждаютъ свидѣтелей выкладывать устно и письменно все, что имъ извѣстно. Но это длинная тема. Во всякомъ случаѣ возвращаю Вамъ Ваше письмо съ моей припиской, быть можетъ, нѣсколько ядовитой, но вполнѣ справедливой. Можете поступить съ этими документами какъ знаете.

Можете представить его (письмо) въ судъ или нѣтъ. Это Ваше дѣло, а мнѣ это совершенно безразлично.

Не могу не высказать по этому поводу одного сомнѣнія.

Обыкновенно допросы по дѣламъ этого рода не производятся въ присутствіи обвиняемаго; а равно и письменные документы предъявляются только судьямъ, которыми избираются люди, пользующіеся безусловнымъ довѣріемъ обѣихъ сторонъ. Дѣлается это потому, что еслибы подозрѣнія противъ обвиняемаго подтвердились и онъ оказался дѣйствительно шпіономъ, то многіе изъ сви-

дѣтелей и авторовъ письменныхъ документовъ могли бы пострадать отъ руки правительства.

Даже признаваемые самимъ Стародворскимъ документы № 1. и № 4., а равно и ходившіе о немъ слухи (изъ трехъ источниковъ), повидимому, приглашали и въ данномъ случаѣ къ такому осторожному образу дѣйствій. Но парижскій судъ, какъ кажется, смотритъ на это иначе. Онъ не то вручилъ Стародворскому на прочтеніе мое письмо, не то — что еще хуже — разсказалъ его ему своими словами. Въ результатѣ — ругательное и угрожающее письмо Стародворскаго ко мнѣ. Бѣда, конечно, небольшая — я не изъ робкихъ, — но и удовольствіе невелико. Sapienti sat."

Все, что въ этомъ письмѣ писалъ мнѣ Лопатинъ, я передалъ суду, но оффиціально передалъ отъ своего имени, а не отъ имени Лопатина, опять-таки, чтобы не вмѣшивать его въ это дѣло, какъ обвиняющей и нападающей стороной. Онъ, какъ и Морозовъ и Новорусскій, все время были въ дѣлѣ только, какъ свидѣтели.

Всѣ мои главныя свидѣтели находились въ Россіи, тамъ были всѣ мои связи по „Былому", тамъ были мои связи съ охранниками. Я имѣлъ полное основаніе ждать полнаго разгрома всего, что связано было со мной въ Россіи, если бы я пошелъ навстрѣчу суду и далъ бы ему возможность подробно разбираться въ моихъ русскихъ связяхъ. Меня не совсѣмъ понимали даже Морозовъ и Новорусскій и даже Лопатинъ. Они присылали мнѣ подробныя письма о дѣлѣ Стародворскаго для передачи суду. Морозовъ тогда же прислалъ записку подъ заглавіемъ: „Для заявленія на судѣ между Бурцевымъ и Стародворскимъ". Я имъ всѣмъ отвѣчалъ, что категорически отказываюсь передавать суду присылаемыя ими письма и записки и самихъ ихъ просилъ этого не дѣлать, чтобы не расширять дѣла, и предупреждалъ ихъ, что иначе оно можетъ кончиться катастрофой въ Петербургѣ.

На судѣ о своихъ дѣлахъ я говорилъ только въ такихъ рамкахъ, въ какихъ могъ бы говорить въ присутствіи явныхъ информаторовъ Департамента Полиціи. Я былъ убѣжденъ, что ничего изъ того, о чемъ будетъ говориться

на судѣ, не останется неизвѣстнымъ въ Департаментѣ Полиціи. Поэтому я взялъ на себя все обвиненіе и не вмѣшивалъ въ дѣло никого другого.

Все это, видимо, сильно раздражало судъ и онъ не скрывалъ ко мнѣ враждебнаго настроенія. Это явно сказалось въ его приговорѣ.

Судъ на меня все время производилъ вообще очень тяжелое впечатлѣніе.

Съ одной стороны, я ясно видѣлъ, какъ судьи жестоко ошибаются и какъ они не понимаютъ дѣла, которымъ занимались, а между тѣмъ это были видные политическіе, общественные и революціонные дѣятели. Они съ необычайнымъ упрямствомъ защищали абсурды и никакъ не могли понять, какъ ихъ обманываетъ Стародворскій.

Съ другой стороны, я видѣлъ, что Стародворскій продолжаетъ играть комедію и, для своей защиты, попытается обмануть и судъ и общественное мнѣніе. Для меня не было сомнѣнія, что за спиной Стародворскаго находятся и дѣятельно работаютъ опытные охранники, которые имъ руководятъ.

Кончалось дѣло Стародворскаго тогда, когда Азефъ былъ мной уже разоблаченъ. На одномъ изъ заключительныхъ собраній суда я, обращаясь къ судьямъ сказалъ:

— Въ началѣ засѣданій вы спрашивали меня, не возбуждено ли противъ меня какого-нибудь другого дѣла, аналогичнаго дѣлу Стародворскаго. Тогда то дѣло было строго конспиративно. Оно только разбиралось. Тогда я не имѣлъ права вамъ сказать, о комъ шла рѣчь. Теперь я могу вамъ это сказать.

Мои судьи поняли, о чемъ я хочу говорить.

— Знаемъ! знаемъ! — закричали они всѣ вмѣстѣ.

— Я знаю, — отвѣтилъ я, — что теперь вы знаете объ этомъ дѣлѣ, но все-таки позвольте мнѣ по его поводу сказать вамъ нѣсколько словъ.

Ц. К. партіи эсеровъ тогда обвинялъ меня въ клеветѣ противъ главы „Боевой Организаціи“, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ всей партіи, Азефа, котораго я называлъ предателемъ и агентомъ полиціи. Въ настоящее время всѣ,

и партія эсеровъ въ частности, признали, что я правъ. Азефъ теперь уличенъ, какъ предатель и агентъ полиціи. Товарищи, защищавшіе его, глубоко ошибались, защищая его и обвиняя меня. Они не понимали людей, они не понимали революціоннаго дѣла, они — политически близорукіе, слѣпые люди, а я — я вѣрно оцѣнивалъ людей, и не былъ политическимъ слѣпцомъ. Я умѣлъ разбираться въ обвиненіяхъ. Всѣ мои доказательства оказались вѣрными. Я не былъ никакимъ орудіемъ въ рукахъ Департамента Полиціи и не укрывалъ агентовъ полиціи, какъ это дѣлали эсеры. Я честно обвинялъ Азефа. Я также честно обвиняю Стародворскаго.

Все то, что я говорилъ по поводу дѣла Азефа, я, конечно, относилъ и къ дѣлу Стародворскаго. Судьи это тогда же поняли. Не могъ этого не понять и Стародворскій. Онъ зналъ, что я правъ, а онъ — агентъ Департамента Полиціи.

Судьи не могли не признать, что я былъ правъ въ цѣломъ рядѣ другихъ обвиненій, аналогичныхъ съ обвиненіемъ Стародворскаго, и никто изъ нихъ не могъ привести ни одного случая, гдѣ бы я ошибочно кого-нибудь обвинялъ. Но тѣмъ не менѣе они продолжали говорить, что въ дѣлѣ Стародворскаго я ошибаюсь. Впослѣдствіи они всѣ должны были признать, что и въ этомъ дѣлѣ я былъ правъ, а они позорно ошибались.

Незадолго до окончанія суда я передалъ судьямъ записку, гдѣ формулировалъ свое отношеніе къ дѣлу Стародворскаго.

Приведу здѣсь изъ нея нѣсколько строкъ.

„Почти годъ тому назадъ мной были опубликованы четыре документа, принадлежащіе г. Стародворскому. Опубликовалъ я ихъ исключительно потому, что всѣ ихъ считалъ и считаю до сихъ поръ за документы, писанные г. Стародворскимъ.

О подложности 1 и 4-го документа не можетъ быть рѣчи, такъ какъ они не оспариваются и г. Стародворскимъ.

Что касается документовъ № 2 и 3, то несмотря на

протесты г. Стародворскаго, я ихъ также не считаю подложными. Я ихъ видѣлъ лично самъ, при обстановкѣ, не допускающей мысли о поддѣлкѣ, и мой взглядъ на эти документы раздѣлялся въ то время тремя лицами, принадлежащими къ нашей средѣ и заинтересованными лишь въ одной правдѣ. За это говорила мнѣ серьезность и ультра-секретность путей, которыми я добылъ свои документы, и то, что эти два документа получены мною одновременно среди сотенъ и тысячъ другихъ документовъ, въ подложности которыхъ невозможно и сомнѣваться, и то, что во все время моихъ аналогичныхъ пріобрѣтеній документовъ я ни разу подложныхъ не получалъ.

При опубликованіи документовъ я выслушалъ мнѣнія многихъ революціонныхъ и общественныхъ дѣятелей, многихъ шлиссельбуржцевъ, но ничьего согласія не требовалъ и сдѣлалъ все такъ, какъ подсказывала мнѣ совѣсть и мое пониманіе служенія революціонной борьбѣ. Я считалъ обязательнымъ въ наше страшное время со всей энергіей бороться противъ всего, что я считаю отступленіемъ въ революціонной борьбѣ, и думалъ и продолжаю думать, что какой бы шлиссельбуржецъ ни былъ, но кто взялъ въ руки перо, чтобы написать что-нибудь вродѣ перваго или четвертаго документа Стародворскаго или второго и третьяго документа, напередъ долженъ знать, что всякій революціонный судъ безусловно оправдаетъ опубликованіе такихъ „секретныхъ“ документовъ и осудитъ ихъ авторовъ.“

На послѣднемъ засѣданіи суда, обращаясь къ Стародворскому, я сказалъ ему:

— Припомните, Н. П., мою просьбу въ Петербургѣ. Я тогда просилъ васъ уйти отъ общественной дѣятельности и обѣщалъ въ такомъ случаѣ не поднимать вашего дѣла. Вы дали мнѣ слово и нарушили его, и вотъ почему я счелъ теперь нужнымъ выступить противъ васъ. Но я и теперь готовъ простить вамъ и вашу слабость въ тюрьмѣ и все то, что вы дѣлали послѣ тюрьмы, но я не могу вамъ простить, что вы здѣсь на третейскомъ судѣ, предъ судьями, сознательно говорили неправду. Вы знаете прекрасно, что вы писали эти заявленія. Этой неправды на судѣ я вамъ про-

стить не могу и заявляю вамъ, что это позволяетъ мнѣ очень дурно думать о васъ и въ настоящее время.

На судѣ я избѣгалъ какихъ бы то ни было разговоровъ съ Стародворскимъ, кромѣ оффиціальныхъ — во время допроса.

Мое положеніе во время засѣданій суда было вообще тяжелое. Хозяева той квартиры, гдѣ происходилъ нашъ судъ, были всецѣло на сторонѣ Стародворскаго и, какъ большинство судей, они своимъ теплымъ отношеніемъ къ нему старались загладить тяжесть моихъ обвиненій. Въ ихъ глазахъ, какъ „клеветникъ" и легкомысленный обвинитель, я былъ человѣкомъ едва терпимымъ въ ихъ квартирѣ, и терпимъ временно — пока шелъ судъ. И это было послѣ того, какъ раньше, на этой самой квартирѣ я не разъ бывалъ и меня тамъ всегда встрѣчали очень радушно.

Для того, чтобы показать, какъ во время дѣла Стародворскаго относились ко мнѣ очень многіе, приведу одинъ, два примѣра.

Когда началось дѣло Стародворскаго, одинъ изъ русскихъ адвокатовъ, сочувствовавшій изданію „Былого", поѣхалъ въ Швейцарію и тамъ разсчитывалъ собрать для его изданія нужныя средства. Изъ Монтрё (въ октябрѣ 1908 г.) онъ писалъ мнѣ:

„Хотѣлъ собрать въ Монтрё денегъ, но вмѣсто денегъ набралъ цѣлый коробъ нелестныхъ и даже просто ругательныхъ отзывовъ о Васъ и редакціи „Былого". Исторія съ Стародворскимъ перебудоражила всѣхъ. Всѣ о ней говорятъ, но многіе, если вѣрить словамъ доктора Ч., возмущены ею, какъ легкомысленнѣйшей сплетней. Говорятъ, что Вы не сохранили секрета, что Вы говорили утвердительно о теперешнемъ положеніи Стародворскаго въ то время, какъ все это было еще слухами, требовавшими только провѣрки. Исторія эта многихъ заставляетъ сомнѣваться въ цѣлесообразности поддерживать редакцію, якобы шагающую черезъ трупы почтенныхъ согражданъ."

Въ то же самое время другой мой корреспондентъ тоже изъ Швейцаріи сообщилъ мнѣ по поводу писемъ, опублико-

ванныхъ нѣкоторыми шлиссельбуржцами въ Петербургѣ въ защиту Стародворскаго: „благодаря письму Лукашевича и другихъ шлиссельбуржцевъ, здѣсь даже Валаамовы ослицы заговорили противъ Васъ.“

Третій корреспондентъ, имѣвшій возможность познакомиться съ тѣмъ, какъ велось дѣло на нашемъ третейскомъ судѣ, писалъ мнѣ: „На меня удручающе подѣйствовалъ этотъ процессъ. А что если судъ не признаетъ 2 и 3 документы? Неужели судьи больше повѣрили человѣку, признавшему 1 и 4 документы, чѣмъ Вамъ и Н. А. Морозову?“

То, что говорили авторамъ приведенныхъ писемъ въ Швейцаріи, въ то время говорили очень многіе и заграницей, и въ Россіи. Они не сознавали, какъ были обмануты, и спасая кого, вредили такимъ изданіямъ, какъ „Былое“, и помогали охранникамъ дѣлать ихъ дѣло. Когда впослѣдствіи они и увидѣли, что были не правы, вредное дѣло уже было сдѣлано, и сами они легко забывали сыгранную ими вредную и позорную роль.

Глава XLII.

Рѣшеніе третейскаго суда. — Отдѣльное мнѣніе Носаря. — Мой протестъ противъ приговора. — Мои письма Мартову и Носарю.

Въ іюнѣ 1909 г. третейскій судъ между Стародворскимъ и мною, наконецъ, послѣ чуть не годового разбирательства, былъ конченъ и намъ было объявлено его рѣшеніе.

Въ приговорѣ по моему адресу было высказано много упрековъ и много порицаній.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ приговора:

„По поводу требованія суда дать ему возможность вступить въ непосредственныя сношенія съ лицами, доставившими ему документы, Бурцевъ категорически говорилъ, что передъ всякимъ судомъ такого же или иного типа онъ будетъ вынужденъ къ той же сдержанности."

„По мотивамъ профессіональной конспираціи, Бурцевъ не согласился передать суду или какой либо партіи способы произвести самостоятельную попытку добыть подлинные документы."

„По мнѣнію суда, источники, изъ которыхъ получались документы, и обстановка ихъ полученія не давали достаточной гарантіи ихъ достовѣрности."

„Бурцевымъ не доказана подлинность документовъ второго и третьяго и того, что совокупность условій полученія этихъ документовъ исключаетъ возможность подлога".

„Судъ находитъ, что форма и характеръ опубликованія документовъ должны быть признаны заслуживающими осужденія."

„Судъ признаетъ, что, опубликовавъ при данныхъ условіяхъ документы, Бурцевъ поступилъ неправильно и

опрометчиво, но его отвѣтственность уменьшается рядомъ смягчающихъ обстоятельствъ и искренностью убѣжденія его въ необходимости этого акта.“

Еще рѣшительнѣе противъ меня выступилъ Носарь въ своемъ особомъ мнѣніи.

„Человѣкъ, писалъ Носарь, изъявившій готовность засвидѣтельствовать фактами и свидѣтелями правоту своихъ дѣйствій и утвержденій предъ лицомъ третейскаго суда, не можетъ ссылками на профессіонально-конспиративные мотивы, къ тому же никѣмъ не провѣренные, отказываться отъ сообщенія суду тѣхъ или другихъ свѣдѣній, особенно въ дѣлахъ, гдѣ поставлена ставка на честь и доброе имя другого человѣка.“

„Бурцевъ произнесъ надъ Стародворскимъ приговоръ и предостерегаетъ общество на его счетъ, что является призывомъ къ бойкоту Стародворскаго и это было началомъ его политической смерти.“

„Стародворскаго выставили къ позорному столбу на основаніи непровѣренныхъ слуховъ по недоказанному обвиненію и при отсутствіи обвинителей.“

„Бурцевъ не проявилъ въ данномъ случаѣ необходимой элементарной предосторожности по отношенію къ чести Стародворскаго и хотя въ данномъ случаѣ, какъ и во всей своей политической дѣятельности, Бурцевъ дѣйствовалъ въ общественныхъ интересахъ и безкорыстно, но и эта цѣль не можетъ смягчить въ моихъ глазахъ тяжести его ошибки.“

Отъ разсмотрѣнія слуховъ о связи Стародворскаго съ охраннымъ отдѣленіемъ судъ отказался и полагалъ, что оно должно подлежать компетентности спеціальнаго суда по требованію заинтересованной стороны.

Рѣшеніемъ третейскаго суда Стародворскій, такимъ образомъ, собственно обвиненъ не былъ, но и не были признаны ложными мои обвиненія. Судъ только высказался „противъ формы и характера опубликованія документовъ“. Стародворскій имѣлъ право утверждать, что 2-е и 3-е прошенія имъ не были написаны, а я имѣлъ право утверждать, что

такія прошенія я видѣлъ, но не по моей винѣ я не могъ ихъ представить на судъ.

Но общее впечатлѣніе отъ рѣшенія суда, однако, было, несомнѣнно, въ пользу Стародворскаго. Предсѣдатель суда Мартовъ, все время смотрѣвшій на дѣло глазами Стародворскаго, „съ облегченнымъ сердцемъ подписалъ приговоръ", какъ онъ потомъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Общественное мнѣніе поняло, что приговоръ суда прикрываетъ Стародворскаго, но оно было явно не на сторонѣ суда.

Какъ я ни привыкъ къ борьбѣ, которую вели противъ меня всякій разъ, когда я выступалъ съ обвиненіями, но этотъ приговоръ меня глубоко возмутилъ.

Начиная дѣло, я сознательно, и добровольно рѣшился отдать его въ руки, главнымъ образомъ, своихъ противниковъ. Даже однимъ изъ своихъ представителей, послѣ отъѣзда изъ Парижа Мазуренко, бывшаго моимъ представителемъ вначалѣ, я назначилъ изъ рядовъ своихъ опредѣленныхъ противниковъ эсдековъ (Шварцъ-Марата). Мнѣ казалось, дѣло ясно и никакія политическія соображенія не должны были затемнить для судей сущности дѣла. Я могъ ожидать, что, щадя не столько Стародворскаго, сколько имя его, какъ шлиссельбуржца, судъ постарается найти самыя мягкія выраженія для своего рѣшенія, но все-таки категорически скажетъ, что Стародворскій виновенъ, хотя бы въ томъ, что написалъ первое и четвертое прошеніе, и на основаніи этого потребуетъ отъ него, чтобы онъ устранился отъ политической дѣятельности. Затѣмъ, мнѣ казалось, что судъ видѣлъ, какихъ мученій мнѣ стоило это дѣло и съ какимъ рискомъ для себя я его велъ, а потому съ должнымъ вниманіемъ отнесется и лично ко мнѣ.

Но, оказалось, что судьи, среди которыхъ были юристы, государственные дѣятели, партійные вожаки, обнаружили полное непониманіе дѣла и необычайную близорукость. Ихъ совершенно ничему не научили недавнія ошибки эсеровъ въ дѣлѣ Азефа. Теперь, пятнадцать лѣтъ спустя, когда все сдѣлалось достояніемъ исторіи, я могу сказать то, что было ясно многимъ и тогда, что судьи въ угоду нѣкото-

рымъ политическимъ кружкамъ, третейскій судъ между мной и Стародворскимъ превратили въ расправу со мной, какъ съ ихъ политическимъ противникомъ.

Такъ судъ отнесся къ моимъ обвиненіямъ и лично ко мнѣ, когда за полгода передъ тѣмъ кончилось дѣло Азефа и многія другія аналогичныя дѣла, когда я правильно установилъ самыя сложныя и запутанныя обвиненія, вопреки общему мнѣнію, и когда для всѣхъ была ясна не только моя искренность, но и моя осторожность въ обвиненіяхъ! Только послѣ вынесенія приговора по дѣлу Стародворскаго мнѣ стало вполнѣ понятно, какъ бы оно кончилось, если бы раньше не былъ разоблаченъ Азефъ, и что означалъ въ началѣ суда вопросъ, заданный мнѣ однимъ изъ членовъ суда, нѣтъ ли надо мной другого обвиненія аналогичнаго характера?

Но вотъ что особенно возмутило меня въ постановленіи суда, а еще больше въ заявленіи Носаря.

Оффиціально я обвинялъ Стародворскаго только въ томъ, что онъ тайно отъ товарищей, шлиссельбуржцевъ, подавалъ позорныя прошенія о помилованіи. Но всѣмъ понятно было — и я не возражалъ противъ этого, — что я обвиняю его въ сношеніяхъ съ охранниками. Я только не считалъ нужнымъ на этомъ базировать своего обвиненія. Для меня достаточно было сдѣлать Стародворскаго политически безвреднымъ. Поэтому-то я принялъ вызовъ Стародворскаго на третейскій судъ, чего я никогда бы не сдѣлалъ, если бы обвинялъ его въ провокаціи.

Мое обвиненіе Стародворскаго въ его связи съ Департаментомъ Полиціи придавало особый характеръ всему суду. Судьи это понимали, но на это не хотѣли обращать вниманія.

Я все время открыто говорилъ суду, что по конспиративнымъ причинамъ не могу давать нѣкоторыхъ разъясненій въ дѣлѣ, потому что опасаюсь, что, „по оплошности кого-нибудь изъ присутствующихъ на судѣ", свѣдѣнія попадутъ въ Департаментъ Полиціи. Всѣ понимали, что я опасался, что эти свѣдѣнія туда попадутъ прежде всего непосредственно черезъ Стародворскаго, въ присутствіи котора-

го и шло все разбирательство дѣла. Внѣ засѣданія суда я всѣмъ говорилъ объ этомъ еще откровеннѣе.

Когда на судѣ меня спрашивали, отъ кого и черезъ кого я получилъ документы противъ Стародворскаго, кто видѣлъ эти документы, то я рѣшительно отказался объяснить это суду и въ закрытомъ засѣданіи. Нѣкоторые судьи показывали видъ, что они не могутъ понять, почему я отказываюсь это сдѣлать и на этомъ моемъ отказѣ строили необходимость оправданія Стародворскаго. Отраженіе этого ихъ недовольства противъ меня можно видѣть даже въ текстѣ ихъ приговора.

Но тѣмъ не менѣе, напр., при допросѣ лица, передавшаго мнѣ документы отъ чиновника Департамента Полиціи, бывшаго тогда въ Парижѣ, судьи, а, слѣдовательно, и Стародворскій (а слѣдовательно, не только Стародворскій) поняли, что документы мнѣ передавались не какимъ-то прокуроромъ, лично не связаннымъ съ Департаментомъ Полиціи, какъ объ этомъ, по понятнымъ причинамъ, я говорилъ въ началѣ суда, а однимъ изъ служащихъ Департамента Полиціи.

Кромѣ того, по ходу дѣла, мнѣ пришлось затѣмъ согласиться сообщить петербургскимъ литераторамъ Анненскому и Венгерову для допроса фамилію лица, переписывавшаго для меня документы Стародворскаго.

Но, несмотря на всѣ мои усилія не допускать на судѣ излишнихъ разслѣдованій моихъ конспиративныхъ связей въ присутствіи Стародворскаго, судъ во время допросовъ и, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ со стороны, постепенно, хотя и въ общихъ чертахъ, выяснялъ общій характеръ моихъ конспиративныхъ сношеній съ охранниками въ Петербургѣ.

То, что сообщалось оффиціально на судѣ, повидимому, не могло дать охранникамъ прямыхъ указаній, кто тотъ чиновникъ, который мнѣ давалъ документы, у кого въ Петербургѣ переписывались эти документы и кто былъ связанъ тамъ съ моими дѣлами. Но меня и эти полунамеки, сдѣланные на судѣ, сильно безпокоили. Я зналъ, какъ часто маленькія указанія, при благопріятныхъ условіяхъ, поз-

воляютъ охранникамъ расшифровывать интересующія ихъ вопросы.

Когда, напр., на судѣ помимо меня установили, что документы мнѣ даны чиновникомъ Департамента Полиціи, который имѣлъ доступъ къ архиву — такихъ чиновниковъ было очень немного, и кто былъ связанъ съ моимъ посредникомъ, фамилія котораго была извѣстна нашему суду, я полагалъ, что расшифровать имя этого чиновника становилось дѣломъ не особенно труднымъ. Не было бы затѣмъ трудно установить и то, что допросы въ Петербургѣ были поручены Анненскому и Венгерову (это опять-таки не было тайной для многихъ въ Петербургѣ), и то, у кого они бывали для допроса. Отъ пріѣзжавшихъ заграницу изъ литературно-политическаго міра я еще тогда получалъ въ открыткахъ упоминанія фамиліи и Анненскаго, и К., какъ лицъ, причастныхъ къ допросамъ по дѣлу Стародворскаго.

Такимъ образомъ, Департаментъ Полиціи могъ, повидимому, легко распутать весь клубокъ моихъ петербургскихъ связей, — и я сильно опасался, что свѣдѣнія, установленныя на нашемъ судѣ, въ концѣ концовъ докатятся до Департамента Полиціи и разразятся въ Петербургѣ катастрофой.

Когда же я получилъ приговоръ суда, то я, къ моему величайшему изумленію, увидѣлъ, что всѣ эти свѣдѣнія — хотя и безъ указанія именъ — о чиновникѣ Департамента Полиціи, доставлявшемъ мнѣ документы, о посредникѣ, о переписчицѣ, о „компетентномъ" третьемъ лицѣ при осмотрѣ документовъ, — которыя должны были остаться тайной суда, не только стали извѣстны Стародворскому, но они попали въ приговоръ, и были разосланы для напечатанія въ газеты.

Я, конечно, зналъ, что въ Россіи приговоръ прочтутъ не только въ Департаментѣ Полиціи, но онъ очутится въ рукахъ петербургскихъ читателей, среди которыхъ вращались и дѣйствовали съ одной стороны супруги К., Анненскій, Венгеровъ, Якубовичъ, Богучарскій, а съ другой — чиновникъ Департамента Полиціи, доставлявшій свѣдѣнія, и охранники съ кѣмъ я поддерживалъ тайно связи, и об-

щественная молва въ Петербургѣ расшифруютъ всѣ мои связи и Департаменту Полиціи останется только слушать, какъ въ обществѣ будутъ комментировать парижскій приговоръ.

Съ замираніемъ сердца сталъ я ждать роковыхъ извѣстій изъ Петербурга: будутъ арестованы чиновникъ Департамента Полиціи, приносившій мнѣ документы, и другія лица въ связи съ нимъ, затѣмъ будутъ арестованы К. и ея мужъ, литераторы, связанные съ нашимъ дѣломъ, все это отразится на моихъ товарищахъ, издававшихъ „Былое", изъ редакціи котораго я велъ всѣ сношенія съ Департаментомъ Полиціи и т. д. и т. д. Въ ожиданіи такихъ извѣстій изъ Петербурга, я пережилъ тяжелые дни и мѣсяцы.

Къ счастью, однако, за все время ни одного ареста, связаннаго съ полученіемъ мною документовъ изъ Департамента Полиціи, не было. О чиновникѣ, доставлявшемъ мнѣ документы, охранники догадались, кажется, вдолгѣ послѣ этого, когда всѣ мои сношенія съ Департаментомъ Полиціи были уже ликвидированы. Этотъ чиновникъ никогда не былъ арестованъ, а самъ покинулъ Департаментъ Полиціи.

Мнѣ и до сихъ поръ непонятно, какъ Департаментъ Полиціи не могъ выяснить моихъ петербургскихъ связей, съ помощью которыхъ я добывалъ документы изъ его архивовъ. Я объясняю это только тѣмъ, что послѣ дѣла Азефа и Гартинга, а также и дѣла Лопухина, Департаментъ Полиціи не рѣшался на новые громкіе скандалы. Ему было невыгодно гласно, — чего не могло не случиться, если бы произошли аресты, — констатировать, что я имѣлъ возможность добираться до его тайныхъ архивовъ и т. д. Въ Департаментѣ Полиціи не могли не понимать, что при той прекрасной, европейской и русской прессѣ, какая тогда была у меня, я могъ хорошо воспользоваться этимъ дѣломъ для своей агитаціи.

Какъ только я получилъ текстъ приговора, я (7. 7. 1909 г.) отправилъ Мартову протестующее письмо.

„Сейчасъ, писалъ я ему, получилъ приговоръ суда по моему дѣлу съ Стародворскимъ и отдѣльное мнѣніе г. Хрусталева.

Считаю долгомъ заявить, что въ моихъ глазахъ этотъ послѣдній документъ представляетъ собою ничто иное, какъ докладъ въ Департаментъ Полиціи."

Я просилъ Мартова, какъ предсѣдателя суда, сдѣлать мое заявленіе извѣстнымъ всѣмъ его членамъ.

Мартовъ отвѣтилъ мнѣ, что письмо мое „заключаетъ въ себѣ намѣренное оскорбленіе по адресу одного изъ членовъ третейскаго суда, нанесенное ему за дѣйствія, которыя онъ совершилъ въ качествѣ судьи" и потому онъ не считаетъ возможнымъ присоединить мое письмо къ документамъ третейскаго суда, но тѣмъ не менѣе мое письмо онъ передастъ Носарю. Носарь отвѣтилъ мнѣ очень рѣзкимъ письмомъ. Его у меня нѣтъ сейчасъ, и я о немъ могу судить только по сохранившемуся моему отвѣту Носарю.

„Всѣ Ваши разсужденія, отвѣчалъ я, о томъ, что мое письмо къ Вамъ вызвано недовольствомъ моимъ на сущность рѣшенія, вынесеннаго Вами на разборѣ дѣла моего съ Стародворскимъ, конечно, до такой степени ни на чемъ не основаны и нелѣпы, что я на этомъ даже не останавливаюсь.

Каждый отвѣчаетъ за свои мнѣнія и рѣшенія, — судъ Вашъ отвѣтственъ за свои рѣшенія такъ же, какъ я за свои дѣйствія.

Моя фраза о докладѣ въ Департаментъ Полиціи означаетъ то, что Ваше отдѣльное мнѣніе по своему значенію равносильно докладу въ Департаментъ Полиціи и въ то же время, благодаря подробному изложенію и доведенію до свѣдѣнія широкой публики (а слѣдовательно, и той, что на Фонтанкѣ) всѣхъ конспиративныхъ свѣдѣній, которыя я, не подозрѣвая того, какое Вы сдѣлаете изъ нихъ употребленіе, сообщилъ подъ условіемъ тайны во время суда, послужатъ руководящей нитью для арестовъ и для изученія дѣла чинами Департамента Полиціи."

Глава XLIII.

Послѣ рѣшенія третейскаго суда. — Опубликованіе приговора въ „Мірѣ". — Новыя свѣдѣнія о Стародворскомъ. — Предложеніе Носаря возобновить дѣло Стародворскаго. — Мой отказъ.

Но несмотря на все доброжелательное отношеніе суда къ Стародворскому, онъ послѣ вынесенія приговора въ политическомъ отношеніи былъ убитымъ человѣкомъ и ему не было никуда больше ходу.

Судьи и всѣ вообще сторонники Стародворскаго скоро поняли, что торжествовать по поводу приговора имъ особенно не приходится. Въ подавляющемъ большинствѣ общественное мнѣніе было опредѣленно противъ Стародворскаго. Газеты въ Россіи привели просто выдержки изъ приговора, какъ информацію, но въ то же самое время многіе изъ нихъ высказался опредѣленно лично противъ Стародворскаго. Только одинъ журналъ „Міръ" цѣликомъ напечаталъ приговоръ суда съ явно злобнымъ и наглымъ предисловіемъ Семенова, близкаго для Стародворскаго человѣка, гдѣ онъ говорилъ о „преступномъ и ничѣмъ неоправдываемомъ легкомысліи", съ какимъ я обвинялъ Стародворскаго.

„Дорогой В. Л., писалъ мнѣ тогда Морозовъ по поводу опубликованія приговора въ журналѣ „Міръ": „Сейчасъ, возвратившись изъ деревни, былъ въ редакціи „Міра", гдѣ меня просили дать статью о кометѣ. Я отвѣтилъ, что стѣсняюсь тамъ долѣе сотрудничать, въ виду явно враждебнаго для тебя предисловія Семенова къ приговору третейскаго суда между тобой и Стародворскимъ. Редакторъ Л. Л. Богушевскій увѣрилъ меня, что это предисловіе, да и вообще сами документы попали туда исключительно по недосмотру,

такъ какъ Семеновъ пользовался у нихъ полнымъ довѣріемъ". „Этотъ господинъ" (въ подлинникѣ стоитъ другое выраженіе) сумѣлъ пустить простодушному человѣку, геологу по профессіи, такую пыль въ глаза, что у него только теперь они начали проясняться".

Редакція „Міра" предложила мнѣ напечатать возраженіе на предисловіе Семенова. Мнѣ изъ Петербурга прислали текстъ этого возраженія, вполнѣ меня удовлетворяющій, который редакція соглашалась напечатать. Но я не хотѣлъ возвращаться къ дѣлу Стародворскаго, уже обезвреженнаго, чтобы не поддерживать вокругъ него ненужнаго шума и этимъ не помочь охранникамъ какъ-нибудь распутать мои петербургскія связи.

Въ 1910-17 г.г. въ борьбѣ со мной много разъ возвращались къ дѣлу Стародворскаго, чтобы ссылкой на приговоръ по этому дѣлу уличать меня въ клеветѣ и легкомъ отношеніи къ чужому имени, въ непониманіи людей, въ томъ, что охранники пользуются мной, какъ своимъ орудіемъ и т. д. Мои прокуроры не понимали, что по дѣлу Стародворскаго такъ же удобно на меня за все это нападать, какъ и по дѣлу Азефа и по очень многимъ другимъ дѣламъ. Особенно усердно эту кампанію противъ меня вели съ одной стороны Семеновъ, а съ другой, такъ хорошо извѣстный теперь большевикъ, проф. Рейснеръ.

Въ 1912 г. я получилъ новыя очень важныя свѣдѣнія, которыя мнѣ расшифровали многое въ дѣлѣ Стародворскаго. Но опять-таки по тѣмъ же причинамъ, какъ и раньше, я и въ этотъ разъ не воспользовался этими свѣдѣніями, хотя мои товарищи настаивали тогда на ихъ опубликованіи. Не опубликовываю ихъ пока въ настоящее время.

Вскорѣ послѣ полученія этихъ свѣдѣній и совершенно независимо отъ нихъ, я еще до войны получилъ отъ одного изъ самыхъ крайнихъ своихъ обвинителей, бывшаго судьей на судѣ Стародворскаго, Носаря заявленіе, гдѣ онъ призналъ ошибочность рѣшенія суда и предлагалъ мнѣ тогда возбудить вопросъ о пересмотрѣ дѣла.

Вотъ цѣликомъ эта сохранившаяся у меня записка Носаря, собственноручно имъ написанная.

„Въ приговорѣ по извѣстному дѣлу Стародворскаго третейскій судъ единогласно призналъ: 1) что Бурцевымъ не доказана подлинность документовъ №№ II и III и большинствомъ трехъ голосовъ противъ одного при одномъ воздержавшемся; 2) что Бурцевъ не доказалъ, что вся совокупность условій полученія этихъ документовъ исключаетъ возможность ихъ подлога; 3) что одинъ изъ документовъ, именно 4-й имѣлъ не то значеніе, которое ему приписалъ Бурцевъ; 4) что форма и характеръ опубликованія документовъ, избранные Бурцевымъ, и снабженіе ихъ рѣзкимъ комментаріемъ, независимо отъ объективной цѣнности самыхъ документовъ, должны быть признаны заслуживающими осужденія и 5) что разслѣдованіе слуховъ о сношеніяхъ Стародворскаго съ политической полиціей должно подлежать компетенціи спеціальнаго суда по требованію заинтересованной стороны.

Мотированный приговоръ по дѣлу Стародворскаго въ цѣломъ принятъ единогласно всѣмъ составомъ суда.

Изъ объясненій В. Л. Бурцева, данныхъ суду и занесенныхъ въ протоколъ судебнаго разбирательства, явствуетъ, что слухи о сношеніяхъ Стародворскаго съ политической полиціей и опасенія, какъ бы они не оказались реальнымъ фактомъ, послужили рѣшающимъ мотивомъ при опубликованіи документовъ, приписываемыхъ Стародворскому. Такая публикація должна была предостеречь общество на счетъ политической честности Стародворскаго, фиксировать общественное вниманіе на циркулирующихъ слухахъ и обезвредить политически Стародворскаго, если бы эти слухи оказались вѣрными.

Въ первоначальномъ проектѣ предисловія къ документамъ В. Л. Бурцевъ хотѣлъ даже спеціально подчеркнуть этотъ моментъ, но впослѣдствіи отказался отъ своего намѣренія.

Съ другой стороны третейскій судъ установилъ, что въ революціонной средѣ или въ отдѣльныхъ кругахъ этой среды, несомнѣнно, создалось настроеніе въ пользу предпринятаго В. Л. Бурцевымъ шага и, что самъ В. Л. Бурцевъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ искренняго убѣжденія въ не-

обходимости опубликованія документовъ въ общественныхъ интересахъ.

Таковы существенныя черты судебнаго приговора по дѣлу Стародворскаго.

Въ теченіе истекшихъ пяти лѣтъ со дня произнесенія приговора заинтересованная сторона въ лицѣ Стародворскаго не предприняла рѣшительно никакихъ мѣръ къ разъясненію и изслѣдованію вопроса о сношеніяхъ Стародворскаго съ политической полиціей, какъ это было возложено судомъ въ пунктѣ 3-мъ заключительной части приговора на Стародворскаго.

Уклоненія Стародворскаго отъ разслѣдованія слуховъ и фактовъ, компрометирующихъ его политическую честь, и рядъ побочныхъ обстоятельствъ, ставшихъ мнѣ извѣстными въ послѣдніе четыре года, ставятъ вопросъ о пересмотрѣ дѣла Стародворскаго во всей его полнотѣ, т.-е. какъ въ части, касающейся подлинности документовъ, оспариваемыхъ Стародворскимъ, такъ и вопроса о циркулировавшихъ слухахъ о сношеніяхъ Стародворскаго съ политической полиціей. Оба эти вопроса, по моему, должны быть изслѣдованы одновременно и однимъ и тѣмъ же составомъ суда, такъ какъ при доказанности подлинности документовъ №№ II и III моральная физіономія Стародворскаго выяснится въ такой степени, что отдѣльные эпизоды жизни Стародворскаго (свиданія съ Треповымъ, безпрепятственный и быстрый отъѣздъ заграницу, нахожденія на съѣздѣ партіи эсъ-эровъ, денежное положеніе и т. д.) примутъ совершенно иное освѣщеніе. Съ другой стороны, изслѣдованіе вопроса о такъ называемыхъ сношеніяхъ Стародворскаго съ полиціей и хотя бы частичное подтвержденіе ихъ лишаетъ Стародворскаго права на довѣріе, которое оказали ему судьи, въ особенности его собственные представители, повѣрившіе его клятвенному завѣренію, что онъ никогда не писалъ документовъ №№ 1-ый и 3-ій.

Въ моемъ дневникѣ, который будетъ пріобщенъ въ относящейся части къ матеріаламъ по дѣлу Стародворскаго, детально воспроизведены мои встрѣчи и разговоры со Стародворскимъ и всѣ перепитіи этого процесса. Равнымъ об-

разомъ я доставлю письмо Стародворскаго ко мнѣ, письмо, которое явилось отправной точкой моихъ сомнѣній въ правильности позиціи, занятой мной въ дѣлѣ Стародворскаго, и привело къ заключенію, что въ этомъ дѣлѣ судомъ допущена ошибка. Въ этомъ письмѣ нѣтъ обычныхъ отрицаній со стороны Стародворскаго. Напротивъ, я вынесъ убѣжденіе, что авторъ его post factum, т.-е. послѣ вынесенія приговора, хочетъ дать мнѣ понять, что дѣло кончено и что къ нему возвращаться нечего, даже если бы обвинители его были правы.

Признавая допущенную судомъ ошибку по дѣлу Стародворскаго, я безъ всякихъ оговорокъ и смягченій признаю свою собственную ошибку, совершенную мною въ этомъ процессѣ, и долженъ не безъ горечи осудить рѣзкій характеръ моего отдѣльнаго мнѣнія по этому дѣлу.

Я думалъ, что въ этого рода дѣлахъ возможно сочетать всѣ гарантіи процессуальнаго права, какъ-то: равноправность сторонъ, гласность публичной провѣрки документовъ и т. д. Но одно дѣло Азефа и осужденіе Лопухина мнѣ показали, что отказъ Бурцева указать всѣхъ свидѣтелей суду и обвиняемому, а равно посредниковъ между Бурцевымъ и Департаментомъ Полиціи, былъ не только основательнымъ, но и абсолютно неизбѣжнымъ. Интересы начатой Бурцевымъ борьбы съ провокаціей, какъ основой всей политической системы Россіи, обязываютъ Бурцева къ крайней сдержанности и умолчанію. Цѣлый рядъ другихъ аналогичныхъ дѣлъ показалъ мнѣ, что въ такого рода дѣлахъ невозможно располагать безспорными матеріальными данными. Приходится оперировать съ косвенными уликами и дѣлать изъ нихъ отвѣтственныя допущенія. Раньше я не допускалъ, что отдѣльное лицо можетъ за свой страхъ и за своей отвѣтственностью производить подобные опыты. Я думалъ, что это долгъ и обязанности какого-нибудь коллектива. Эта точка зрѣнія приведена въ приговорѣ суда. Но теперь я убѣжденъ, что если бы въ революціонной средѣ составился такой коллективъ, то мы не имѣли бы до сихъ поръ ни одного раскрытаго провокатора. Этимъ я не осуждаю принципъ коллективной работы. Не принципъ здѣсь

повиненъ, виновна среда. Но съ другой стороны я не даю carte blanche всякому за свой страхъ политически обезглавливать революціонную среду подозрѣніями въ провокаціи. По счастливой случайности въ революціонной средѣ оказался компетентный и отвѣтственный человѣкъ въ лицѣ Бурцева, онъ много сдѣлалъ въ этомъ направленіи и обязанность всѣхъ всячески ему содѣйствовать въ этой области. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно быть разрушеніе легенды о шпіономаніи Бурцева, легенды, жертвой которой сталъ отчасти и третейскій судъ по дѣлу Стародворскаго. Съ другой стороны должны быть разъ и навсегда опровергнуты клеветническіе или тенденціозные слухи о невѣрныхъ, будто бы, обвиненіяхъ Бурцевымъ цѣлаго ряда лицъ въ провокаціи.

Пересмотръ дѣла Стародворскаго былъ бы въ этомъ отношеніи не только полезнымъ, но онъ бы показалъ, какимъ образомъ съ одной стороны добровольные защитники Азефа (я имѣю въ виду Бунакова, Натансона и др.) и съ другой — Герасимовы и другіе охранщики преслѣдовали одну и ту же цѣль.

Бунаковъ заявлялъ не разъ — оправданіе Стародворскаго намъ важно по другому очень большому дѣлу.

В. Л. Бурцевъ на основаніи разговора съ Азефомъ заявляетъ, что оправданіемъ Стародворскаго Герасимовъ разсчитывалъ гарантировать оправданіе Азефа. Переданные мнѣ В. Л. Бурцевымъ детали по этому поводу я опускаю, оставляя право за собой вернуться къ нимъ впослѣдствіи. Равнымъ образомъ я опустилъ чрезвычайно важный моментъ — визитъ ко мнѣ Семенова, хотѣвшаго выступить въ защиту Еваленко*). Мой дневникъ содержитъ полное воспроизведеніе этого свиданія.“

---

*) Въ то время я обвинялъ одного русскаго издателя въ Америкѣ, Еваленко, въ томъ, что онъ состоялъ въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи. Еваленко жалобу подалъ на меня въ американскій судъ, и предстоялъ уже разборъ этого дѣла. На судѣ Еваленко разсчитывалъ воспользоваться моимъ дѣломъ съ Стародворскимъ и указаніями Се-

Какъ ни было въ то время важно лично для меня поднять дѣло Стародворскаго на основанiи новыхъ свѣдѣнiй, полученныхъ изъ двухъ различныхъ источниковъ, но въ обоихъ случаяхъ я отказался отъ этого.

Стародворскiй въ это время рѣшительно ни для кого не былъ уже опаснымъ человѣкомъ, и я не хотѣлъ поднимать агитацiю вокругъ его дѣла, связаннаго съ воспоминанiями о Шлиссельбургѣ. Раньше я поднялъ дѣло Стародворскаго только потому, что въ то время онъ представлялъ огромную опасность для всего освободительнаго движенiя, — и поднялъ его только послѣ того, какъ мнѣ не удалось убѣдить Стародворскаго добровольно уйти въ сторону отъ революцiоннаго движенiя.

Лично съ Стародворскимъ послѣ суда въ 1909 г. я болѣе не встрѣчался до 1917 г.

менова, а также показанiями противъ меня проф. Рейснера. Но наканунѣ суда Еваленко взялъ назадъ свои обвиненiя противъ меня — и судъ не состоялся.

Послѣ революцiи 1917 г. мои обвиненiя Еваленко были совершенно установлены.

Глава XLIV.

Стародворскій — революціонный комиссаръ въ 1917 г. — Моя встрѣча съ нимъ. — Требованіе, чтобы онъ вышелъ изъ комиссаровъ. — Свѣдѣнія Доброскока и другихъ охранниковъ о Стародворскомъ. — Изъ біографіи Стародворскаго.

Въ началѣ марта 1917 г., черезъ нѣсколько дней послѣ революціи, въ Балабинской гостинницѣ, гдѣ я тогда жилъ, было собраніе районныхъ комиссаровъ. Комиссары прислали ко мнѣ въ номеръ своихъ представителей просить посѣтить ихъ собраніе.

Когда я вошелъ въ комнату, я увидѣлъ тамъ человѣкъ до тридцати комиссаровъ мѣстнаго нашего участка — эсеровъ, эсдековъ, безпартійныхъ. Всѣ стали меня привѣтствовать. Я обходилъ всѣхъ и благодарилъ каждаго въ отдѣльности. Когда я обошелъ уже большую часть присутствовавшихъ комиссаровъ, я совершенно неожиданно увидѣлъ передъ собою — Стародворскаго. Онъ, оказывается, тоже былъ однимъ изъ мѣстныхъ революціонныхъ комиссаровъ! Стародворскій, видимо, смутился, когда увидѣлъ меня. Но я ни на одну минуту не показалъ ни ему, ни другимъ комиссарамъ, что меня изумило присутствіе Стародворскаго на этомъ собраніи.

Какъ и всѣ другіе комиссары, Стародворскій тоже сказалъ мнѣ нѣсколько теплыхъ словъ. Затѣмъ, всѣ присутствовавшіе одновременно стали привѣтствовать — меня, какъ стараго эмигранта, и Стародворскаго — какъ шлиссельбуржца, — и на эту тему говорились рѣчи.

Когда я уходилъ, я подошелъ къ Стародворскому и сказалъ ему:

— Я живу въ этой же гостинницѣ, въ такомъ-то номерѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы сегодня же поговорить съ вами. Придите ко мнѣ!

И тѣ даже, кто слышалъ, что я сказалъ Стародворскому, конечно, не могли обратить на это никакого особеннаго вниманія.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ въ номеръ вошелъ Стародворскій.

— Николай Петровичъ! — сказалъ я ему прямо безъ всякихъ тѣхъ предисловій, съ которыми я началъ аналогичный разговоръ лѣтъ десять назадъ. Вы должны сегодня же подать въ отставку изъ комиссаровъ!

— Почему? — спросилъ онъ меня.

— Потому что тѣ четыре прошенія о помилованіи, въ которыхъ я обвинялъ васъ раньше, принадлежатъ вамъ. Затѣмъ, вы — служили въ охранномъ отдѣленіи! Вы изъ Департамента Полиціи получали деньги!

На этотъ разъ я рѣшилъ сказать Стародворскому безъ обиняковъ все, что о немъ зналъ, по возможности, конечно, въ мягкой формѣ.

— Это неправда! это клевета!

— Это правда, Н. П.! Но какъ въ первый разъ, такъ и теперь спорить объ этомъ съ вами я не буду. Ваше имя, какъ шлиссельбуржца, мнѣ дорого. Я не хочу, чтобы въ настоящее время около него былъ какой-нибудь скандалъ. Прошу васъ, сегодня же откажитесь отъ комиссарства!

— Повторяю, — это неправда! это клевета! это какая-то страшная ошибка! — уже не протестующимъ, а смущеннымъ, виновнымъ голосомъ говорилъ мнѣ Стародворскій. — Но вы видите, я боленъ, я съ такимъ трудомъ хожу! Мнѣ трудно заниматься общественными дѣлами. Я и самъ рѣшилъ подать въ отставку и уйти въ частную жизнь.

Я поблагодарилъ Стародворскаго, какъ будто онъ дѣлалъ этимъ мнѣ личное одолженіе, и еще разъ попросилъ его вѣрить, что его имя, какъ шлиссельбуржца, для меня дорого и что для него я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, если онъ уйдетъ въ частную жизнь.

Стародворскій, дѣйствительно, тогда же подалъ въ отставку.

Накануне этого моего объясненія съ Стародворскимъ произошелъ такой эпизодъ.

Я узналъ, что въ Ораніенбауме былъ арестованъ полиціймейстеръ, что его привезли въ Гос. Думу, а черезъ некоторое время оттуда освободили. Ему и его жене тамъ была выдана „охранная грамота". Судя по псевдониму, подъ которымъ онъ былъ арестованъ, я понялъ, что это никто иной, какъ знаменитый провокаторъ Доброскокъ — „Николай-Золотыя Очки", а его жена, не менее знаменитая провокаторша — Т. Цейтлинъ. Тогда я за своей подписью напечаталъ въ газетахъ статью „Где Доброскокъ и Цейтлинъ?" и разсказалъ ихъ біографіи.

Номеръ газеты вышелъ утромъ, а въ полдень мне въ Балабинскую гостинницу пришли сообщить, что на основаніи этой моей статьи снова нашли Доброскока и его жену Цейтлинъ, что ихъ арестовали и привезли какъ разъ въ нашъ участокъ. Я сейчасъ же пошелъ туда и просилъ обоихъ ихъ допросить при мне.

Я хорошо зналъ ихъ дела и самъ задавалъ имъ некоторые вопросы. Между прочимъ, я задалъ Доброскоку вопросъ, что онъ знаетъ о Стародворскомъ. Доброскокъ ответилъ мне: „ Стародворскій служилъ у насъ, былъ известенъ подъ кличкой „Старикъ", получалъ столько-то денегъ, съ нимъ онъ, Доброскокъ, имелъ свиданія на такой-то конспиративной квартире" и т. д. Я просилъ допрашивающихъ не записывать въ протоколъ этихъ показаній. Они, видимо, сначала даже не поняли этой моей просьбы и несколько разъ переспрашивали, почему не надо записывать сведеній о Стародворскомъ. Но въ конце концовъ они исполнили мою просьбу и сведенія о Стародворскомъ не были внесены въ протоколъ допроса Доброскока, а были записаны только фамиліи другихъ имъ указанныхъ провокаторовъ.

Затемъ я отправился въ Судебную Палату, тамъ говорилъ съ кемъ-то объ этомъ деле, и, между прочимъ, съ прокуроромъ П. Н. Переверзевымъ и просилъ „отдать мне" Стародворскаго, не арестовывать его и не поднимать о немъ никакого шуму. Я объяснилъ, почему такъ надо сделать. Меня поняли и со мной согласились.

Такимъ образомъ, тогда какъ въ 1917 г. арестовывали всѣхъ провокаторовъ и о каждомъ изъ нихъ появлялись въ газетахъ разоблаченія, я добился того, что Стародворскій не былъ арестованъ и въ газетахъ о немъ не было сказано ни одного слова.

Впослѣдствіи, при разборѣ бумагъ въ Департаментѣ Полиціи, были найдены расписки Стародворскаго на оффиціальныхъ бланкахъ охраннаго отдѣленія въ полученіи денегъ, подписанныя его рукой обычнымъ псевдонимомъ „Старикъ", о чемъ мнѣ говорилъ еще Доброскокъ на своемъ допросѣ . . . Одинъ изъ товарищей директора Департамента Полиціи, Виссаріоновъ, а также Герасимовъ, Заварзинъ и другіе разсказывали мнѣ о своихъ встрѣчахъ съ Стародворскимъ, — и я въ концѣ концовъ выяснилъ его сношенія съ охранниками на основаніи точныхъ документовъ и точныхъ свидѣтельскихъ показаній.

Четыре прошенія изъ Шлиссельбургской крѣпости, опубликованныя мной, Стародворскій дѣйствительно писалъ. На его первыя три прошенія царское правительство не считало даже нужнымъ ему отвѣтить. Только въ отвѣтъ на четвертое прошеніе, посланное лѣтомъ 1905 г., его вызвали въ Петербургъ и держали въ Петропавловской крѣпости. Тамъ онъ имѣлъ разговоръ съ представителями Департамента Полиціи. Повидимому, за патріотическое прошеніе Стародворскаго предполагали освободить раньше срока, въ поученіе другимъ, но дѣло затянулось и революція 1905 г. застала его еще въ тюрьмѣ.

По выходѣ изъ тюрьмы, Стародворскій посѣтилъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло въ Петропавловской крѣпости. Они оказали ему разнаго рода услуги при устройствѣ его дѣлъ, помогли уѣхать заграницу и предложили даже деньги. Стародворскій не отказался и отъ денегъ. Затѣмъ эти свои знакомства съ міромъ Департамента Полиціи онъ поддерживалъ и даже постепенно ихъ расширялъ, — такъ онъ познакомился съ начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія Герасимовымъ. На конспиративныхъ квартирахъ охраннаго отдѣленія видѣлся съ Герасимовымъ, Доброскокомъ, Заварзинымъ, Виссаріоно-

вымъ и др. Бывалъ и въ стѣнахъ Департамента Полиціи. Продолжалъ получать денежныя пособія отъ охранниковъ. Это его все болѣе и болѣе засасывало въ болото охранныхъ связей.

Нечего говорить, что объ этихъ своихъ связяхъ съ охранниками Стародворскій отъ всѣхъ насъ хранилъ полную тайну. Въ это время мы его, какъ шлиссельбуржца, приглашали посѣщать нашъ Шлиссельбургскій Комитетъ. Онъ ходилъ къ намъ въ редакцію „Былого". Посѣщалъ различныя редакціонныя собранія. Бывалъ на конспиративныхъ политическихъ собраніяхъ эсеровъ и энесовъ. Да гдѣ онъ только не бывалъ! Куда только его не приглашали! Когда Стародворскій былъ въ нашей средѣ, онъ, конечно, только намъ вторилъ и не о своихъ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи говорилъ съ нами.

Однажды, въ самомъ началѣ 1906 г., послѣ одного моего разговора съ Стародворскимъ, я предложилъ ему идти осмотрѣть тотъ домъ, гдѣ на квартирѣ Дегаева былъ убитъ Судейкинъ. Это было всего въ пяти минутахъ ходьбы отъ моей Балабинской гостинницы. Стародворскій не сразу узналъ бывшую квартиру Дегаева. Мы разспрашивали дворника, разныхъ жильцовъ и въ концѣ концовъ точно установили квартиру, гдѣ 25 лѣтъ тому назадъ Стародворскій убилъ Судейкина, чѣмъ онъ и теперь гордился.

Когда я распростился съ Стародворскимъ и шелъ къ себѣ домой, на Знаменской площади я встрѣтилъ Короленко. Онъ держалъ въ рукахъ только что вышедшій номеръ „Былого", въ которомъ былъ помѣщенъ разсказъ объ убійствѣ Судейкина и указана улица и номеръ дома, гдѣ было совершено это убійство. Я спросилъ Короленко, куда онъ идетъ?

— Да вотъ хочу посмотрѣть домъ, гдѣ былъ убитъ Судейкинъ.

— Можете представить, — отвѣтилъ ему я, — я сію минуту иду изъ этого дома. Я его осматривалъ вмѣстѣ съ Стародворскимъ.

Я снова вмѣстѣ съ Короленко вернулся въ этотъ домъ.

Короленко съ огромнымъ интересомъ разспрашивалъ меня о томъ, какія указанія дѣлалъ мнѣ Стародворскій.

Когда въ 1907-09 г.г. я поднялъ дѣло противъ Стародворскаго, онъ ходилъ къ охранникамъ и просилъ ихъ уничтожить его прошенія о помилованіи. Въ Парижъ онъ ѣздилъ съ благословенія охранниковъ, и во время разбора дѣла Азефа его задачей было какъ нибудь скомпрометировать меня.

Когда Морозовъ, Новорусскій и я стали его уличать въ сношеніяхъ съ охранниками, онъ рвалъ и металъ противъ насъ и шумно, съ дракой отрицалъ наши обвиненія и нападалъ на насъ за клевету . . .

Глава XLV.

Возможность ареста Стародворскаго и возобновленія его дѣла. — Я былъ противъ этого. — Въ печати требовали, чтобы я назвалъ имя скрываемаго провокатора. — Догадки, кто онъ. — Опасность возобновленія дѣла Стародворскаго миновала. — Правда о Стародворскомъ сообщена его судьямъ и защитникамъ. — Признаніе Мартова — Сознаніе Стародворскаго. — Мой ему волчій билетъ. — Смерть Стародворскаго и его торжественные похороны при большевикахъ.

Съ марта по май 1917 г. аресты и разоблаченія провокаторовъ дѣлались ежедневно по всей Россіи.

Я тоже выступалъ въ газетахъ съ большими статьями о предателяхъ и провокаторахъ: по поводу Малиновскаго, Доброскока и другихъ, кто въ то время могли быть для насъ опасны. Особенно много я писалъ въ то время о предательствѣ большевиковъ и поименно ихъ всѣхъ, начиная съ Ленина, называлъ нѣмецкими агентами.

Но я былъ рѣшительно противъ возобновленія дѣла Стародворскаго и все время опасался, чтобы кто-нибудь не началъ его дѣла помимо меня.

Ко мнѣ не разъ обращались съ вопросомъ, почему я не поднимаю теперь дѣла Стародворскаго, разъ открыты архивы Департамента Полиціи. Всѣ понимали, что иниціатива возбужденія дѣла Стародворскаго должна была принадлежать главнымъ образомъ мнѣ, — и ждали, что я это сдѣлаю.

Въ маѣ мѣсяцѣ мнѣ, однако, показалось, что дѣло Стародворскаго будетъ поднято помимо меня, — вотъ по какому поводу.

Въ концѣ марта 1917 г. въ Петроградѣ былъ арестованъ по обвиненію въ провокаціи какой-то сотрудникъ по-

тербургскихъ газетъ. Въ газетахъ по его поводу поднялся шумъ.

Въ это время у меня была единственная привилегія, полученная послѣ революціи, это — безпрепятственное посѣщеніе тюремъ. Я могъ обходить всѣ камеры, гдѣ сидѣли охранники и провокаторы, и много съ ними разговаривалъ. Меня глубоко возмущало издѣвательство надъ ними въ тюрьмахъ. Они содержались въ такихъ условіяхъ, въ какихъ и намъ рѣдко приходилось сидѣть при царскомъ режимѣ. Грязь, часто голодъ, скученность въ камерахъ и т. д. Я сталъ протестовать противъ такого тюремнаго режима, настаивалъ на преданіи суду тѣхъ изъ провокаторовъ, кто окажется виновнымъ въ обще-уголовныхъ дѣлахъ, и на освобожденіи остальныхъ.

Былъ я въ камерѣ и у этого литератора-провокатора, о которомъ только что я заговорилъ. Я увидѣлъ, какой это былъ жалкій, ничтожный человѣкъ.

На собраніи пяти шести литераторовъ, обсуждавшихъ по предложенію прокурора, дѣло этого провокатора, я настаивалъ на его освобожденіи и привелъ золотую фразу, слышанную мною въ англійской тюрьмѣ при иныхъ условіяхъ и не про провокаторовъ:

— Эта сволочь недостойна сидѣть въ тюрьмѣ!

Болѣе сильнаго довода въ защиту этого ничтожнаго провокатора у меня не было. Тогда же присутствовавшимъ литераторамъ я сказалъ:

— Не люблю тюремъ! Чѣмъ меньше тюремъ, тѣмъ лучше! Тюрьмы у насъ должны быть только для опасныхъ лицъ. Вотъ, я знаю одного бывшаго революціонера, который служилъ въ охранномъ отдѣленіи, получалъ деньги, но онъ сейчасъ тяжело боленъ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть опаснымъ. Если узнаютъ его имя, всѣмъ будетъ безконечно тяжело. Я не хочу опубликовать имени этого бывшаго революціонера потому, что не хочу, чтобы его арестовали и держали въ тюрьмѣ, и чтобы около его имени былъ какой-нибудь шумъ!

Эти слова были мной сказаны мимоходомъ и въ то время мало, повидимому, обратили на себя чье либо вниманіе

Я и самъ тогда имъ не придавалъ никакого особеннаго значенія.

Но мѣсяца черезъ два, когда извѣстный Д. Рубинштейнъ повелъ противъ меня кампанію, онъ купилъ одного изъ литераторовъ (кажется Самохвалова, который потомъ отличался въ Польшѣ въ 1920 г.), бывшаго на этомъ совѣщаніи, и въ „Рус. Волѣ" этотъ литераторъ совершенно неожиданно для меня напечаталъ открытое письмо ко мнѣ, написанное въ крайне напыщенномъ тонѣ. Авторъ письма заклиналъ меня перестать укрывать такого провокатора, при опубликованіи имени котораго „весь міръ содрогнется отъ ужаса".

Это открытое письмо ко мнѣ въ „Русской Волѣ" моментально повсюду вызвало такую невѣроятную сенсацію, что не было положительно ни одного уголка въ Россіи, гдѣ бы въ страстныхъ спорахъ не ломали голову, имя какого провокатора я скрываю, и не требовали меня къ отвѣту.

Въ день опубликованія письма я выѣхалъ въ Ставку. Дорогой, въ вагонѣ, гдѣ никто не зналъ меня, мнѣ приходилось слышать разнообразныя догадки о томъ, кого я имѣю въ виду въ этомъ своемъ обвиненіи. Въ Ставкѣ я пробылъ сутки. Видѣлся тамъ съ очень многими и всѣ прежде всего задавали мнѣ тотъ же самый вопросъ. Я пріѣхалъ въ Москву, ко мнѣ пришли интервьюеры отъ газетъ, и первый ихъ вопросъ былъ, чье имя я скрываю, отъ раскрытія котораго „ужаснется весь міръ". Въ московскихъ газетахъ и въ толпѣ говорили, что я имѣю въ виду Чернова, другіе же высказывали предположеніе, что я обвиняю Керенскаго. Назывались имена, которыхъ я не хочу здѣсь даже и приводить.

Съ такимъ же требованіемъ назвать **имя** укрываемаго мною провокатора въ открытомъ письмѣ обратился ко мнѣ въ московскихъ газетахъ и А. Соболь. Многія другія газеты и отдѣльныя лица требовали отъ меня того же.

Всѣ были изумлены, когда въ первомъ же интервью въ Москвѣ я прежде всего категорически заявилъ, что никогда не говорилъ, что при разоблаченіи этого имени „весь міръ содрогнется отъ ужаса", а говорилъ я только, что

всѣмъ будетъ безконечно больно, если будетъ разоблачено это имя, а потомъ, какъ раньше, такъ и тогда я сказалъ, что это лицо — больной человѣкъ, ни въ какомъ отношеніи не представляющій опасности, и что поэтому-то я и не считаю нужнымъ отдавать на травлю его имя. При этомъ я добавилъ, что всѣ нужныя указанія относительно него мною давно сообщены такимъ лицамъ, какъ Лопатинъ, и что я ихъ всѣхъ убѣдилъ въ томъ, что опубликованіе имени этого человѣка въ настоящее время не представляетъ никакого общественнаго интереса, и только поэтому оно и не было мной до сихъ поръ опубликовано.

Несмотря на всѣ эти мои заявленія въ газетахъ, догадки продолжались дѣлаться за догадками.

Лѣтомъ 1917 г. ко мнѣ какъ-то на мою квартиру въ Петроградѣ явился Черновъ вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами допросить меня о моемъ отношеніи къ извѣстному тогдашнему обвиненію его Милюковымъ, въ связи его съ пораженческимъ движеніемъ заграницей во время войны. Черновъ, между прочимъ, спросилъ меня, не его ли я имѣлъ въ виду въ недавнемъ своемъ обвиненіи литератора, какъ объ этомъ тогда нѣкоторые прямо утверждали. Конечно, я объяснилъ Чернову, что, какъ это видно изъ моихъ заявленій, дѣло идетъ о больномъ человѣкѣ, не играющемъ никакой политической роли, а эти признаки къ нему совсѣмъ не подходятъ.

Черновъ въ это время боленъ не былъ и игралъ такую показную роль въ русской жизни, что мнѣ очень хотѣлось ему сказать: „Къ сожалѣнію, это къ вамъ не подходитъ!“ Конечно, о Черновѣ я тогда ни въ коемъ случаѣ не промолчалъ бы!

Я прекрасно понимаю, какое волненіе во всей печати и въ обществѣ поднялъ бы я, если бы тогда, лѣтомъ 1917 г. или еще раньше — въ мартѣ того же года, сейчасъ же послѣ допроса Доброскока, вмѣсто того, чтобы съ огромными усиліями не допустить возбужденія дѣла Стародворскаго, я разсказалъ бы въ газетахъ все то, что пишу въ настоящей статьѣ. Я тогда смогъ бы получить блестящій ре-

ваншъ за всю борьбу, которую втеченіе десяти лѣтъ, въ 1908—1917 г.г., вели противъ меня и самъ Стародворскій и его сторонники.

Стародворскій, несомнѣно, былъ бы арестованъ и вокругъ ареста этого шлиссельбуржца тогда большой шумъ подняли бы какъ разъ тѣ, кто въ свое время до революціи не понималъ задачъ моей разоблачительной борьбы съ провокаторами, когда они были такъ опасны для всего освободительнаго движенія, и кто въ настоящее время не понимаетъ такой же моей разоблачительной борьбы съ большевиками.

Задачи борьбы съ провокаторами я всегда понималъ такъ, какъ того требовали русскіе общественные и государственные интересы, а не какъ того требовала месть и партійныя соображенія. Я надѣюсь, что въ настоящее время, спустя 15—20 лѣтъ послѣ того, какъ я началъ свою отвѣтственную борьбу съ провокаторами и провелъ десятки самыхъ громкихъ дѣлъ, я имѣю полное право сказать, что я все время правильно ставилъ задачи этой разоблачительной борьбы. Конечно, и не для литературной сенсаціи я въ тѣ годы занимался разоблаченіемъ провокаторовъ, какъ это иной разъ позволяли себѣ говорить обо мнѣ наиболѣе злобные мои клеветники.

Въ 1908-09 г.г. я велъ отвѣтственную, трудную и даже рискованную для моей жизни борьбу съ Стародворскимъ, когда онъ могъ быть такъ опасенъ своими связями съ Департаментомъ Полиціи и когда онъ пользовался общимъ довѣріемъ, уваженіемъ и извѣстностью, а потомъ, въ 1917 г., я его же спасалъ отъ ненужнаго шельмованія, когда онъ былъ боленъ, безсиленъ и ни для кого болѣе не опасенъ.

Только тогда, когда миновала опасность, что дѣло Стародворскаго будетъ поднято и его имя будетъ выброшено въ толпу для его шельмованія, я всю правду о немъ разсказалъ судьямъ по нашему дѣлу: Мартову, Носарю, Гнатовскому, Пти, такъ же, какъ и близкимъ къ нему лицамъ, какъ, напр., Эс. Ал. Серебрякову.

Теперь, когда Стародворскій умеръ, а Мартовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о нашемъ судѣ въ Парижѣ сказалъ: „mea culpa!", я считаю возможнымъ разсказать въ печати эту тяжелую исторію позорнѣйшаго паденія политическаго дѣятеля и позорнѣйшую его защиту слѣпыми людьми.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Мартовъ говоритъ, что въ молодости онъ увлекался народовольческимъ движеніемъ и предметомъ его культа главнымъ образомъ были два участника народовольческаго процесса 1887 г. — Лопатинъ и Стародворскій.

„Иронія судьбы, говоритъ Мартовъ, захотѣла, чтобы черезъ 21 годъ меня пригласили арбитромъ въ третейскій судъ, который долженъ былъ въ Парижѣ разбирать дѣло между этимъ самымъ Стародворскимъ и Бурцевымъ, обличавшимъ его въ подачѣ изъ Шлиссельбургской крѣпости покаяннаго письма съ оттѣнкомъ доноса . . . За недоказанностью обвиненія судъ призналъ фактъ предательства неустановленнымъ, а къ пріемамъ, какими Бурцевъ старался восполнить недостававшій у него документальный матеріалъ противъ Стародворскаго, отнесся неодобрительно. Съ облегченнымъ сердцемъ я писалъ этотъ приговоръ: мнѣ было бы больно собственными руками грязнить образъ, съ которымъ въ долгіе годы сроднились романтическія переживанія. Увы, черезъ 10 лѣтъ, сухая грязь архивовъ, развороченныхъ новой революціей, принесла неопровержимыя доказательства того, что мой — тогда уже покойный — „подсудимый" на дѣлѣ не только совершилъ то, въ чемъ обвинялъ его Бурцевъ, но и превратился уже послѣ Шлиссельбурга въ оплаченнаго агента Охранки." (Мартовъ. „Записки соц.-демократа".).

Спустя мѣсяца полтора послѣ газетнаго шума, о которомъ я только что говорилъ, ко мнѣ на квартиру пришелъ больной, на костыляхъ, Стародворскій. Онъ горячо меня благодарилъ за то, что я не назвалъ его имени въ печати. Онъ началъ разсказывать о себѣ. Я его прервалъ и сказалъ:

— Скажите, я былъ правъ, когда говорилъ, что всѣ четыре прошенія были писаны вами?

Онъ, нѣсколько потупившись, отвѣтилъ мнѣ:

— Ну, да, конечно, вы были правы!

— Больше мнѣ ничего не нужно! Я думаю, что вамъ трудно разсказывать о томъ, о чемъ вы начали говорить. Я только попрошу васъ возможно подробнѣе записать все это ваше дѣло для исторіи и сохранить эту рукопись. У меня къ вамъ по этому дѣлу нѣтъ больше никакихъ просьбъ и вопросовъ.

Я понимаю, что для исторіи, б. м., разоблаченія Стародворскаго имѣли бы значеніе, если бы я тогда заставилъ его отвѣтить на нѣкоторые вопросы. Многое могло бы для меня выясниться. Но я этого не сдѣлалъ, — во-первыхъ, потому что я и безъ Стародворскаго зналъ, что я былъ правъ во всемъ, въ чемъ его обвинялъ, а потомъ — я никогда палачемъ не былъ. Я не хотѣлъ имъ быть и тогда, когда ко мнѣ пришелъ умирающій Стародворскій.

Стародворскій понялъ, что мнѣ тяжело его выслушивать. Онъ еще разъ меня поблагодарилъ и затѣмъ сказалъ:

— У меня есть дѣти, есть жена. Она ничего не знаетъ. Я сталкиваюсь съ очень многими, какъ мнѣ объяснить имъ мое дѣло, когда они узнаютъ обо всемъ?

Тогда я ему далъ записочку такого рода (копіи я себѣ не оставилъ и цитирую по памяти): „Во время моихъ разслѣдованій и разспросовъ лицъ, служившихъ въ Департаментѣ Полиціи, и по документамъ, мнѣ пришлось установить, что Стародворскій за періодъ 1906—12 г.г. встрѣчался съ ними и пользовался ихъ услугами, но у меня нѣтъ никакихъ указаній, чтобы онъ когда-нибудь указывалъ имъ на какія-нибудь имена дѣйствующихъ революціонеровъ“.

Стародворскій, молча, въ большомъ волненіи, взялъ у меня эту бумагу и сталъ молча же прощаться. Онъ только крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Спасибо за все!

Больше Стародворскаго я не видѣлъ. Знаю, что въ печати объ его связяхъ съ Департаментомъ Полиціи никогда

не было ничего сказано. Говорятъ, когда онъ умеръ въ Одессѣ, большевики похоронили его съ рѣчами и съ цвѣтами, какъ революціонера-шлиссельбуржца.

Я не имѣю свѣдѣній о томъ, исполнилъ ли Стародворскій мою просьбу: — разсказалъ ли для исторіи печальныя страницы своей жизни и позаботился ли о томъ, чтобы этотъ разсказъ былъ бы сохраненъ, какъ я его о томъ просилъ. Знаю только, что мою записку, данную ему во время послѣдняго нашего свиданія, онъ кое-кому показывалъ и она у кого-то и теперь должна сохраняться. Эта моя записка — и Стародворскій и я, конечно, одинаково это понимали — была для него только полуволчьимъ, вѣрнѣе, волчьимъ билетомъ, но большаго дать Стародворскому я не могъ.

Къ сожалѣнію, я долженъ здѣсь сказать, что сообщенія Стародворскаго Департаменту Полиціи не могли обойтись, и не обошлись безъ того, чтобы въ нихъ не упоминались какія-нибудь имена, даже кромѣ моего. Въ связи съ судомъ надо мной Стародворскій обо мнѣ, конечно, не могъ не давать подробныхъ свѣдѣній въ Департаментъ Полиціи. Но въ различное время онъ давалъ свѣдѣнія и о другихъ лицахъ, напр., о Фигнеръ. Это все я зналъ и тогда, когда далъ ему этотъ волчій билетъ, но я его далъ Стародворскому для того, чтобы нѣсколько облегчить его тогдашнее тяжелое положеніе.

Для революціоннаго движенія сношенія Стародворскаго съ міромъ Департамента Полиціи, быть можетъ, фактически и не имѣли никакихъ особенно тяжелыхъ послѣдствій, потому что онъ былъ мной скомпрометированъ въ самомъ началѣ, когда только что вошелъ въ среду народныхъ соціалистовъ и еще не игралъ никакой серьезной роли въ общественномъ и революціонномъ движеніяхъ, а позднѣе, какъ скомпрометированный человѣкъ, онъ ни для кого болѣе не былъ опаснымъ. Товарищъ Директора Департамента Полиціи Виссаріоновъ, Доброскокъ, и другія лица говорили мнѣ, что со времени суда надъ Стародворскимъ его свѣдѣнія были для нихъ мало полезны и они скорѣе тяготились связью съ нимъ. Они неохотно даже принимали его

услуги, когда онъ съ различными предложеніями, по большей части литературнаго характера, самъ приходилъ къ нимъ въ Департаментъ Полиціи или на ихъ тайныя конспиративныя квартиры. Со временемъ систематическія связи Стародворскаго съ Департаментомъ Полиціи, (повидимому, послѣ 1912 г.) даже и совсѣмъ прекратились — именно за ихъ безполезностью для охранниковъ.

Въ разсказахъ объ освободительномъ движеніи имя Стародворскаго не будетъ забыто. Тамъ будетъ разсказана не только его ужасная трагедія, которую онъ пережилъ, благодаря своимъ ошибкамъ и болѣе чѣмъ ошибкамъ, но будетъ разсказано и объ его участіи въ убійствѣ Судейкина и кое о чемъ другомъ.

Третейскій судъ между Стародворскимъ и мной формально кончился лѣтомъ 1909 г. — мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ разоблаченія Азефа. Но для меня это дѣло сразу потеряло острый характеръ въ тотъ самый день, когда Азефъ былъ разоблаченъ.

Если бы нашъ третейскій судъ кончился до разоблаченія Азефа, то, вѣроятно, онъ кончился бы формальнымъ, самымъ рѣзкимъ осужденіемъ меня и Стародворскій былъ бы судомъ выставленъ, какъ жертва моей болѣзненной шпіономаніи. Такой исходъ этого дѣла, конечно, роковымъ образомъ отразился бы и на мнѣ лично, и на дѣлѣ Азефа, и на всѣхъ другихъ дѣлахъ, которыя я тогда велъ.

Послѣ же разоблаченія Азефа дѣло Стародворскаго продолжалось, независимо отъ другихъ дѣлъ, возбужденныхъ мной или противъ меня, и имъ никто не могъ больше пользоваться для борьбы со мной, какъ раньше разсчитывали.

Разоблаченіе Азефа освобождало меня отъ кошмара, въ которомъ я тогда жилъ. Мои воспоминанія за это время, поэтому, рѣзко раздѣляются на два періода:

до Азефа и после Азефа.

Все, что я дѣлалъ послѣ разоблаченія Азефа, я уже дѣлалъ при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ до его разоблаченія.

Предо мной открывались новыя, широкія перспективы борьбы за свободную Россію.

Указатель собственныхъ именъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Исправленія и дополненія.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На стр.	5,	строка	4 сверху	сталь	сталъ
„	8,	„	1 „	этомъ	это
„	11,	„	14 снизу	запекшую	запекшуюся
„	21,	„	16 „	Е. Ф. Крыжановскимъ	С. Е. Крыжановскимъ
„	30,	„	19 „	«Все для народа и все посредствомъ народа»	«Все для народа и посредствомъ народа»
„	30,	„	9 „	«Все для народа, но посредствомъ всѣхъ силъ націи, которыя за него могутъ бороться»	«Все для націи и всякое дѣло посредствомъ части націи, наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ».
„	37,	„	12 сверху	квартиная	квартирная
„	43,	„	4 „	Вильяномъ	Вальяномъ
„	58,	„	13 снизу	Стоковъ	Стоковъ
„	75,	„	6 сверху	съ которыхъ	въ которыхъ
„	82,	„	6 сверху	свей	своей
„	85,	„	9 снизу	идейномъ	идейнымъ
„	89,	„	12 „	Райнштейнъ	Рейнштейнъ
„	96,	„	1 „	русскомъ	русскимъ
„	104,	„	8 „	Ананьевымъ	(Ананьевымъ)
„	108,	„	14 и 24 сверху	джентльманъ	джентльменъ
„	113,	„	14 „	заставляло	заставляла
„	115,	„	5 снизу	я что	а что
„	117,	„	11 „	Гранковскаго	Гронковскаго
„	124,	„	4 „	Изъ Германіи	Изъ Германіи отъ Азефа
„	131,	„	12 „	обвинительную	обвинительную рѣчь
„	145,	„	4 „	Не увлекайся, приспособляйся,	Не увлекаясь, приспособляясь,
„	194,	„	3 сверху	Азефа	противъ Азефа
„	231,	„	17 „	условно.	условно".
„	260,	„	13 снизу	себѣ	себя
„	264,	„	18 сверху	Прибылева	с.-р. инженера Ростковскаго
„	271,	„	14 снизу	приснуть	прыснуть
„	281,	„	18 „	„Благодарности"	„Благодарности
„	288,	„	16 сверху	и дѣйствительно	дѣйствительно
„	289,	„	1 снизу	38	46
„	294,	„	4 сверху	прошеніе	прошенія
„	296,	„	5 „	въ Краковѣ уже	въ Краковѣ въ началѣ 1909 г. уже
„	297,	„	6 снизу	и его прошеніе	о намѣреніи подать прошеніе
„	302,	„	2 сверху	Морозовъ в исторіи обвиненія Стародворскаго	Морозовъ о своемъ обвиненіи Стародворскаго
„	313,	„	18 снизу	опубликоватъ, весной	опубликовать. Весной
„	316,	„	11 „	Юрачева	Ювачева
„	316,	„	14 „	Покушеніе	Про покушеніе
„	347,	„	15 „	васказался	высказались
„	350,	„	10 сверху	3-мъ	5-мъ

Радищевъ. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. (На языкѣ нашего времени). Подъ редакціей В. Л. Бурцева. Парижъ. 1921, фр. 18.00.

Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“. (Первое дѣйствіе.) Подъ редакціей съ приложеніями и вступительной статьей В. Л. Бурцева. Парижъ 1919 г., фр. 4.00.

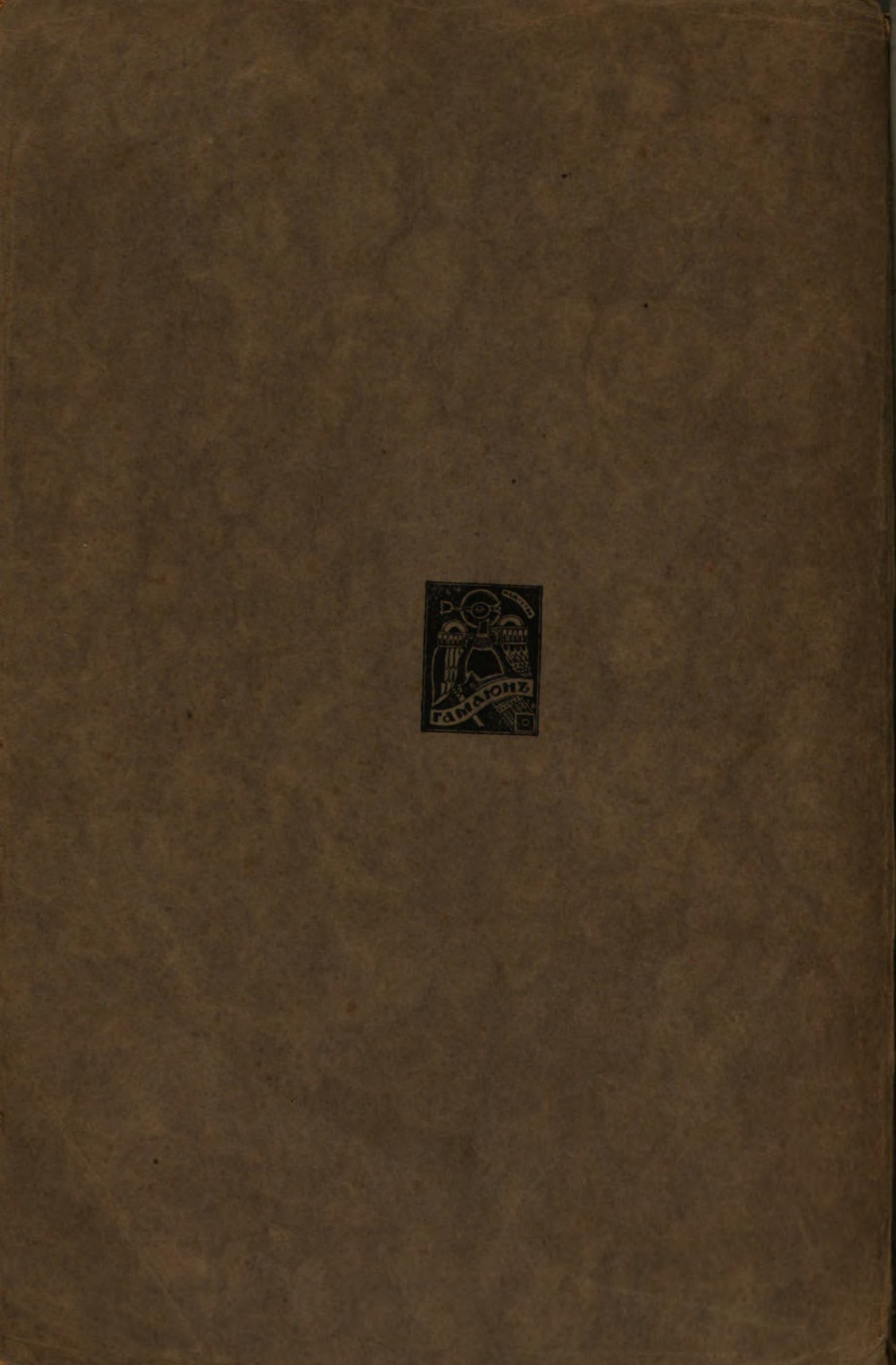
„Былое“. Сборники по исторіи освободительнаго движенія. Подъ редакціей В. Л. Бурцева. Парижъ. 1908—12 г. г.: №№ 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 по 5 фр. за номеръ.

Выписывать эти изданія можно по слѣдующимъ адресамъ:

1. **V. Bourtzeff, 24 Boulevard Poissonier (9 are) Paris.**
2. **L. Rodstein, Librairie Russe et Française, 17 rue Cujas. (5 are) Paris.**

а также и черезъ другіе книжные магазины.

Типографія Цанъ & Бэндель, Кирхгайнъ Н.-Л. (Германія).

ГАМАЮНЪ